

Олег ЗОИН

Дирижабль “Союз”

The Airship “Soyuz”

Роман

2012

ISBN-13: 978-1475220452

ISBN-10: 1475220456

Олег ЗОИН

Дирижабль “Союз”

Airship “Soyuz”

Роман

Семидесятые годы... Застой, запой, загул – как начало летальной гангрены Союза...

Книга первая

Часть 1-я. Полёт в никуда

1.

Расторопный “Як-40” с бортовым номером 88144 уверенно крутанулся на 16-й стоянке и, вырулив с включёнными фарами и мигалками на рулѐжную полосу московского аэропорта Быково,

одолеет её, переждал полминуты, пока мимо по ВПП пронесётся, по-стариковски отдуваясь после нелёгкого полёта и затормаживая, выдавший виды, какой-то грязный и зачуханный “Ан-24”.

Пробежав налево по ВПП до упора, “Яшка” ещё раз развернулся на 180° и занял стартовую позицию, горяча себя всё более мужественным рокотом двигателей. Мельчайше дрожа надёжным дюралевым телом, самолёт вдруг взвыл и взоржал тысячами нетерпеливых лошадиных сил, рвущихся из плена турбин в понятном нетерпении, и враз ринулся вперёд, убыстряя бег, покуда через считанные мгновения не вонзился в небо.

Семён Сербя не успел досчитать и до десяти, как лёгкий толчок под салоном дал знать, что шасси убрано под фюзеляж, после чего командир корабля плавно заложил первый вираж вправо. Ожерелье огней в левых иллюминаторах ушло под брюхо машины, в круглые зрачки окошек вползла абсолютная чернота ночи, а возникшие в правых иллюминаторах огни рассыпались сказочной алмазной россыпью.

Семён Станиславович устало обмяк в кресле и прикрыл глаза. Добрую сотню раз за десять лет работы на **ТопАЗе** взлетал он над Москвой или над **Топтунами**, но всегда короткий миг отрыва от ВПП воспринимал, как прощание с Землёй. Воспринимал, как космонавт, направляющийся в Неведомое. Не то, чтобы он боялся грозы, например, или не верил в экипаж. Нет. Он знал, что, взлетая, самолёт отдаётся на откуп случаю. А случай непредсказуем.

Однако, чутко подрёмывая в ожидании приземления в родном Тетёркине, можно и повспоминать всласть, а то бы когда ещё время нашлось на такое никчёмное занятие.

Вот, например, как его занесло на **ТопАЗ**.

В начале семидесятых окончательно разрушилась непрочная временка семейной жизни Семёна с Маней. Не судьба.

Сколько раз расходились-сходились, а, выходит, всё зря. Тогда ещё, после первого скандала под новый, 1963-й год, не надо было мириться. А он, дурак, поддался и к тому же усложнил жизнь тем, что согласился, чтобы Маня ещё раз родила. Так появилась прелестная Ксения. Но даже две дочки не укрепили союз бестолковых родителей. Сходились-расходились.

В итоге более десяти лет личной жизни коту под хвост. А Ната и Ксения? Им-то за что такая канитель?.. И, как человек решительный, Семён предпочёл начать жизнь с чистого листа...

Ехал он, конечно, не в Москву. Когда человек решает начать жизнь ещё раз, он её редко начинает в столице, это удел немногих счастливиц. Настроение его в те дни было таково, что любая окраина, любой медвежий угол были бы по сердцу. Поэтому, обдумывая свои жизненные планы, Семён наметил для начала два варианта. Одним из них был ТопАЗ, **Топский автомобильный завод**, о строительстве которого за Уралом, как и о КамАЗе на Каме, распинались газеты, а вторым – нефтяная целина тюменского Севера.

Кое-какие сведения о нефтяном Эльдorado у него имелись. Внимательно просмотрел он и карту Западной Сибири. Такие городки, как Сургут, Нижневартовск, Мегион, Саяногорск, Уренгой или Нефтеюганск крепко засели в голове. Звучные названия явственно пахли романтикой, свободой, возможностью начать следующий этап жизни по-новому.

О ТопАЗе Семён знал гораздо меньше, буквально в общих чертах, но, во-первых, ехал он, всё-таки, проработав два с половиной года на Запорожском автозаводе, и имел поэтому кое-какой опыт и некоторые знания структуры автомобильной

промышленности, что, считал он, на ТопАЗе могло пригодиться.

Во-вторых, Семён имел рекомендательное письмо одного своего приятеля, Саши Родзина, к Л. М. Эйнгорну, начальнику управления оборудования ТопАЗа, в котором Родзин жутко привлекательно расписывал своему бывшему сослуживцу Леониду Моисеевичу достоинства подателя сего письма. Естественно, полагал Семён, такое письмо могло стать поводом к первоначальному разговору насчёт работы, и это придавало ему храбрости. А то, что в старших классах своей родной 23-й школы он учился с Ритой Эйнгорн, могло пригодиться в разговоре с Л. М. Эйнгорном... И Семён решил оставить добычу нефти и газа в качестве варианта № 2, а начать с ТопАЗа.

Уезжая из Запорожья, билет Семён взял до ближайшей к ТопАЗу станции **Метельная**, наивно полагая вместе с А. Родзиным, что Сашин друг Л. М. Эйнгорн сидит со своим управлением в **Топких Колтунах**, что за **Медвежанью**, и в поте лица трудится над **расконсервацией** прибывающего из десятков загнивающих **капстран** оборудования. Однако, провожая Семёна, Саша обмолвился, что в Москве ТопАЗ имеет небольшое представительство – Московскую дирекцию, куда стоит зайти и уточнить, что и как. Адреса этой конторы он не знал. Сказал только – ищи где-то то ли в **Армянском переулке**, то ли за **Птичьим рынком**.

Когда в двенадцатом часу дня 20-го июня безработный Семён Серба вышел на привокзальную площадь Курского вокзала в Москве, то первым делом направился к киоску **Мосгорсправки**. Затем, сдав свой нетяжёлый чемодан в камеру хранения, свободный советский человек Серба поехал по добытому адресу в

Армянский переулок.

Москву он знал довольно хорошо со студенческих лет и, пообедав в пельменной на углу улицы Горького в проезде МХАТа, направился к метро **Проспект Маркса**. Эта станция на его памяти переименовывалась дважды: одно время она называлась **Охотный ряд**, а ещё раньше, до 1956 года, - "Им. Л. М. Кагановича".

Лазарь Моисеевич считался **созидателем** метро, хотя, если по правде, то Иосиф Виссарионович просто проявил немереное кавказское радушие и широту натуры, разрешив такое святотатство, – всем было известно и понятно, что Московское метро построено под руководством великого товарища Сталина, ибо и дураку ясно, что никакой ни Лазарь, ни Моисеевич, ни оба вместе не могли бы задумать и осуществить столь эпохальное дело...

Выйдя из павильона станции метро **Кировская** и отирая пот со лба, гость столицы, нетерпеливо расталкивая прохожих, шагнул было через проезжую часть, но, поспешно и постыдно крутонув задом перед наглым серым **Москвичом**, привычно **тормознул** у Главпочтамта. Взглянув на градусник, показывавший +32 в тени, купил **Эскимо**, а затем обратно перешёл улицу **Кирова**, бывшую **Мясницкую**, чтобы зайти в магазин **Чай**, ибо хладнокровно пройти мимо этой архитектурной **бонбоньерки** было не в его силах.

Всегда, бывая в Москве, он, если случалось оказываться поблизости, непременно на пару минут заходил в сей мавзолей купеческого чревоугодия и благопития. Постоял минутку у кофейного отдела близ кофейных мельниц, окунувшись в облако благородных тропических ароматов, вдыхая впрок волнующие запахи заморских снадобий.

Медленно перешёл в чайный отдел, чтобы постоять ещё и у прилавка, где продавали чай на развес. Там тоже было чего пообонять и чем насладиться всласть...

Вздохнув, Семён вышел на залитую беспощадным солнцем улицу, вновь перешёл её и побрёл в сторону Лубянки. Армянский должен был быть где-то неподалёку, с левой руки.

Соскучившись по Москве, Семён жадно глядел по сторонам, медленно поспешая. И часа в три дня достиг намеченной цели, случайно наткнувшись на искомый переулок. Пройдя во двор двухэтажного купеческого особняка, каким-то чудом сохранившего со стороны переулка следы былого архитектурного щегольства, он внезапно очутился у железной, крашеной суриком двери с простенькой фанерной табличкой над входом – *Дирекция строящегося Топского автомобильного завода (ТопАЗ)*.

На втором этаже (ему показалось, что четвертый, – такими затыжными оказались подъёмы по старинным, чугунного литья, ступеням) он разыскал-таки таинственную дирекцию. На двери маленькой каморки его ожидал сюрприз – табличка *Управление оборудования ТопАЗа*. *Л. М. Эйнгорн*. Ещё не веря своим глазам, Семён робко постучал.

Леонид Моисеевич, только утром прилетевший из Зауралья, принял его лично. Вспомнил Сашу Родзина и их с ним молодые годы на Горьковском автомобильном заводе. Повздыхал. Похвалил Сенькин порыв. Посетовал, что Магнитку строили отцы, а ТопАЗ, как и КамАЗ, – алиментщики. Полистал трудовую книжку. Установил, что Семён никогда в жизни никакого отношения к закупкам оборудования не имел и поэтому ему никак не годится. Вспомнил, что в Управление смежных производств (УСП) требуются разного рода снабженцы и позвонил куда-то на Таганку Рабиновичу.

- Дима, привет, - сказал он в трубку, - тут один **кадр** подъехал из Запорожья, с ЗАЗа. Его мой старинный приятель рекомендует...

Да я бы взял, но он в моих делах **не копенгаген**. Подъезжай, он, кажется, на ЗАЗе **резиной** занимался...

Оказалось, большая часть управлений и производств ТопАЗа уже перебралась с Армянского переулка в здание бывшей церкви где-то за Птичьим рынком близ Таганки. Так что пока ещё неизвестный Рабинович, выходит, располагался уже в том здании и, насколько Семён понял из разговора, обещал вскоре приехать. И действительно, минут через сорок в кабинет Эйнгорна, где Серба расселся и разомлел, рассматривая шикарные каталоги с оборудованием, без стука широко распахнув дверь, вошёл высокий смуглый человек с жирными курчавыми чёрными волосами с проседью, крупными миндалевидными глазами и орлиным взором. Правда, эту **орлиность** несколько смягчали огромные очки в карикатурной черепашьей оправе, как у Райкина.

- *Этот, что ли?* – Спросил он, кивнув в сторону претендента на должность и пожимая Л. И. Эйнгорну руку.

- *Он самый.* – Улыбнулся Эйнгорн, приглашая гостя присесть на единственный свободный, до крайности ободранный венский стул.

- *Кажись, это по вашей епархии...*

Рабинович критически оглядел Сербу с головы до ног. Они познакомились, и он углубился в чтение рекомендательного письма и трудкижки.

- *Поехали!* – Наконец подытожил Диамат Тевиевич, чьё отчество Семён затем разучивал месяца три.

Они погрузились в потрёпанный, когда-то зелёный служебный **Москвич**, за рулём которого сидел молчаливый то ли **ханты**, то

ли **манси**, невесть откуда взявшийся в Москве, и понеслись по чудесным улицам летней столицы, где уже несколько спала жара, поскольку день клонился к шести часам.

Вот и Птичий Рынок, вот ещё два правых поворота и тормознули у храма божьего, конечно, бывшего, но хорошо сохранившегося. Даже купола нагло пялили в небо некогда благочестиво-скромные сисястые формы, хотя и лишились в своё время вычурных крестов и медных листов кровли. Про колокола и всякую начинку в виде икон и прочей мракобесной утвари можно и не упоминать – опиум для народа партия большевиков изничтожила навечно!..

И, к счастью, Рабинович и Сербя ещё застали начальника отдела кадров Войтенко (у Сеньки сразу же шевельнулась мысль, не родня ли он запорожскому мэтру национальной украинской прозы Володымыру Войтенке, но побоялся спросить у солидного дядьки), который дал ему заполнить личный листок, автобиографию и ещё какие-то бумаги (к счастью, торопясь со службы и поглядывая на часы, Войтенко поленился потщательнее посмотреть документы претендента и беспечно не попросил предъявить военный билет, иначе Семёну ТопАЗа, несомненно, было бы не видать...).

Принят он был на должность начальника бюро формовых резино-технических деталей отдела резино-технических изделий (РТИ) с окладом 135 рублей без всяких премий и коэффициентов, но с обещанием сразу же дать ему отдел РТИ, как только в штатном расписании появится должность начальника отдела РТИ и если он будет хорошо себя вести, что, по правде говоря, ему в жизни удавалось редко.

Хотя тот же Войтенко при этом вручил новому первопроходцу Автопрома направление в общежитие, но предупредил, что появиться в нём следует только завтра из-за каких-то там ещё

посторонних обстоятельств, так что проблему предстоящего ночлега Семёну предстояло решить самостоятельно.

Из отдельных замечаний новых начальников Серба начал постигать, что в Топкие Колтуны ему пока ехать не придется, а с годик или даже несколько лет надо будет провести в Москве, так как, пока там, на берегу чистой таёжной реки Топи, будет строиться автогигант и город при нём, надо будет, сидя в Москве, вести подготовку производства тяжёлых автомобилей. Обстоятельство, весьма поднявшее Семёну настроение!

Пожелав новоиспечённому топазовцу завтра не проспать к началу первого рабочего дня, Рабинович и Войтенко заспешили домой...

... Наскоро перекусив в какой-то забегаловке около кинотеатра **Таганский** на одноименной площади, Семён перешел её и спустился в метро на кольцевую линию. Прошедший колготной день очень утомил его и, несмотря на то, что было ещё по московским понятиям довольно рано, не более 23-х часов, он поехал в сторону Курского вокзала. Добраться до Курского от Таганки – дело не более десяти минут.

Конечно, можно было созвониться с Галкой Хлопониной-Жаровой и напроситься на ночёвку, но он не стал спешить с визитом, потому что был неготов и к нелёгкому разговору, неизбежному при “разборе полётов”, и к сюсюканью с её приставучими детьми...

Купив в вокзальном киоске несколько экземпляров нераспроданной утром **Правды**, он подыскал в одном из залов свободную скамью и с удобством устроился, сняв туфли и подложив под голову жёлтый **кожимитовый** портфель. Заснул, как убитый, потому как сказалось напряжение последних недель...

... Утром, умывшись и побрившись, подобно тысячам других дорогих гостей Москвы, в вокзальном туалете, жадно проглотив буфетную холодную котлету, ещё позавчера надежно зацементированную в тесте, запив затем котлету стаканом безвредного для здоровья ячменного кофе, Семён поспешил на работу и к девяти часам уже подходил по чисто подметённому тротуару к бывшей церкви, пятиглавое красно-кирпичное тело которой, обласканное утренним солнцем, возносилось красиво и монументально над окружающими её вековыми липами в глубине аллеи. У входа в храм, где Семён побывал накануне вечером, толпился немногочисленный народ провинциального пошиба.

Семён напрямик двинулся к Д. Т. Рабиновичу, который стоял неподалёку, покуривая в обществе довольно разговорчивой блондинки, коей оказалась, как Сенька потом узнал, Вера Неваляева. Рабинович понял, что Семён мысленно просит его стать гидом, и повёл новичка на третий этаж в апартаменты **УСП** (Управления смежных производств), состоявшие из одной большой трапезной под тяжёлым сводчатым потолком, где сидело в невероятной тесноте более 20-ти человек, и небольшого алькова в конце трапезной – площадью эдак метров на десять, отделенного от основного народа фанерной стенкой с фанерной же дверью. В алькове сидели начальник УСП Антонов Никифор Витальевич и его замы – Д. Т. Рабинович, Костя Шершнёв и Ким Маратович Загогулин. Диамат Тевиевич, а может быть, Товиевич или Тевьевич (помните, **Тевье-Молочник** у Шолома-Алейхема?), – кто их разберёт, – ввёл Сербу в альков, плотно прикрыл дверь и представил Н. В. Антонову, которого, таким образом, поставил перед фактом, поскольку вчера Антонова почему-то не было и получалось, что Д. Т. принял Сербу на работу без согласования с ним.

- Ну ладно, принял так принял, - миролюбиво сказал

начальник управления, стирая с красного, как столовая свёкла, лица щедрый пот огромным клетчатым платком. Галстук был им очень фривольно ослаблен, верхняя пуговка рубашки расстегнута, пёстрые подтяжки впивались в архиерейско-пивной живот.

Рабинович вывел новичка в "залу" и подсел с ним к коллективу. Познакомил его с заместительницей начальника отдела РТИ, то есть с непосредственной руководительницей, Клавдией Михайловной Сашамур, не забыв сказать ей мимоходом, что новобранца вскоре переведут начальником отдела. Это, естественно, вызвало на длительный срок соответствующую дружескую реакцию со стороны Клавдии Михайловны. С милой молодящейся бабушкой, несмотря ни на что, Семёну доведётся проработать более шести лет, до самой её смерти в декабре 1978 года.

Неподалеку сидела, углубясь с утра в какие-то невероятно громоздкие расчёты, добрейшая Лидия Германовна Аистова, на долгие годы ставшая для него надёжной помощницей, энциклопедией всяческой цифровой информации по РТИ.

Прошло некоторое время и Семён, где самостоятельно, где с помощью Л. Г. Аистойой, "освоил" весь состав управления. Вон сидит Борис Иосифович Сигнал, про которого ходили настоящие легенды вроде того, что он всю тысячу наименований крепежа на автомобиль ТопАЗ знает наизусть, и что с ним насчёт этих железок советуется даже замминистра известный умник Е. А. Башинджагян.

Далее расположился Гриша Александровский, эрудит и **технар**, начальник технического отдела. А вон там, у окна, благодушествует Толя Куроедов, начальник отдела электрооборудования. Тут же, на виду у всех, расположились Костя Костенко-Красный, замначальника отдела пластмасс, далее

Инга Изотовна Афонина, замначальника отдела внешних сношений, за ней личный секретарь шефа Алла Подребрикова, ещё дальше Галка Бочонкина и ряд других, более или менее ярких личностей. Всем им придётся дать, по возможности, подробные характеристики в своём месте.

В общем, хороший, здорово спаянный коллектив, несомненно, способный за сравнительно короткий исторический срок провести подготовку производства автомобилей ТопАЗ по закреплённой за ним номенклатуре.

Итак, 21-го июня 1972-го года начался первый рабочий день Сербы на ТопАЗе. Сейчас уже не вспомнить подробно сумятицу первых дней. Но если итожить их шутя, (а серьёзный читатель понимает, что то, о чём придётся далее сказать в начатой фразе, – итог полуторагодовой согласованной работы десятков институтов, главков, министерств, Госснаба, Госплана и, конечно, Совмина, а также почти сотенного коллектива тогдашней дирекции ТопАЗа, а вначале, разумеется, Московской дирекции ТопАЗа, специалистов, пришедших в эту богоугодную трапезную ранее Семёна), то, имея в виду первые три дня, можно сказать так: 21-го июня Семён осмотрелся, 22-го – подготовил проект постановления Совмина СССР о ТопАЗе, 23-го – подписал и выпустил в свет это постановление под № 472.

И оно оказалось настолько удачным, что в последующие годы трудовых побед и свершений 90-тысячный коллектив ТопАЗа не реализовал и половины из намеченного тогда Сербой и его соратниками в этом постановлении...

Как Серба вскоре убедился, жизнь в Московской дирекции ТопАЗа была кипящим ключом. Бывший храм божий, превращенный безбожниками в улей для трудолюбивых

инженеров, должен был по замыслу руководителей Минавтопрома объединить в едином трудовом порыве сотню-другую специалистов со всех концов необъятной нашей страны. Но оказалось, что свезённые со всей безразмерной советской округи инженеры, имея за плечами разнокалиберный, несопрягаемый опыт и привыкнув на своих родных заводиках к тихой кабинетной работе, не смогли мгновенно оценить задачу и сплотиться в единый монолит.

Да и цели, внутренние причинные, движущие пружины их мотиваций очень не совпадали. Одни приехали за карьерой (фу, как по-капиталистически...), другие напролом лезли в заграникомандировки (внутренняя гнильца, замешанная на низкопоклонстве перед гнусным Западом...), третьи надеялись на быстрое решение квартирной проблемы (рвачи-шкурники...), ещё одни сбежали на ТопАЗ с любовницами (разложены, открыто похерившие нравственные идеалы светлого будущего...), некоторые делали большой бизнес на неразберихе первых лет (махеры-комбинаторы, обреченные в будущем на длительные сроки общественно полезных работ на **северах**...), даже попадались и такие, кто искренне думал, что строит коммунизм и тем сюрпризом осчастлививает всё прогрессивное человечество, – в общем, единства порыва ну никак не получалось.

Но, тем не менее, каждый старательно играл выбранную им самим роль, играл так же прямоугодно, как играют в разъездных драмтеатрах – что с ними, зрителями, станется, от некуда деться похлопают! Знаете, есть такие театры. Их названия часто вводят в заблуждение неискушенного. Например, Московский областной драмтеатр. Собственно, в Москве этот "театр" бывает от силы неделю в году и играет в каком-нибудь Доме офицеров Московского округа или Доме культуры слепоглухонемых. На провинции же его часто по незнанию принимают за московский,

столичный, то есть за **классный** театр. Они же рыщут из города в город, выступая в любом выделенном им сарае, и довольствуются жиденькими аплодисментиками школяров, коих по плану расширения кругозора в области отношений полов привели на "Валентина и Валентину" заботливые классные руководительницы...

Пятиглавый облупленный советский балаган в задрипанном сквере близ Таганки был полон высоконравственного гула. Но выступал в нём не Театр на Таганке, а его младший брат – самодеятельный коллектив автомобилестроителей, наскоро составленный из добровольцев-любителей. История поручила этому разношерстному люду сыграть задуманный "наверху" спектакль "Автоград на Топи".

Семён вступил в эту труппу, когда оркестр окончил играть увертюру и занавес, щедро отряхивая полувековую пыль славной истории Союза, резко пошёл вверх...

2.

... Недельки через две, в начале июля, Семёна снарядили в первую командировку в Топкие Колтуны на предмет осмотреться на месте. Прождав часа три на грузовом дворе аэропорта Быково, он, наконец, забрался в военно-зелёное алюминиевое чрево старенького "ИЛ-14", ходившего тогда по арендованному маршруту Москва – Топкие Колтуны. Буднично-благополучно взлетели. А ещё через три часа изнурительно-блевотного полета сели на грунтовую полосу местного аэропорта Тетёркино.

С невероятным трудом добрался Семён на попутном ГАЗ-53 до посёлка **Мостоотряд 18** на окраине райцентра Топкие Колтуны, в

просторечии новосёлов **Колтуны** или даже чаще почему-то - **Топтуны**, и разыскал там дом 3/11, блочную 3-х этажку, где жил зам. генерального директора ТопАЗа по оргвопросам Н. Н. Кислощев.

Рабинович, отправляя Семёна в путь, рекомендовал, на случай, если не будет мест в гостинице "Топь", обратиться к Николаю Никитичу, который непременно поможет. Вечерело, когда Сенька установил, что гостеприимной гостиницей в городе сибиряков, возводящих автомобильный гигант, и не пахнет. "Топь" была забита до отказа.

Дом, где обычно останавливалось руководство и где обитал таинственный Кислощев, 3/11 – располагался неподалеку от "Топа", стоит лишь перейти улицу Автомобилестроителей. Разыскать апартаменты Кислощева оказалось несложно, его здесь знала каждая собака.

На робкий звонок Семёна из двери шумно выгромачился дебелый упитанный восточный человек с густыми насупленными бровями. Хотя, как Серба узнал позже, большой начальник был крещёным татаринном, на что явственно указывало русское **фио**, но облик его показался гостю из Москвы несоответствующим фамилии.

Мрачно выслушав Сенькины пояснения, Николай Никитич, густо уснащая свою эмоциональную речь чисто русскими идиоматическими выражениями, дал понять, что заниматься на ночь глядя вопросом Сенькиного ночлега он считает неподобающим для руководителя своего ранга, и посоветовал не отвлекать его от дел поважнее. Дверь он захлопнул перед самым носом Сербы таким образом, что у того пропало всякое желание сунуться к нему ещё раз.

Уныло побрёл Серба ещё по одному адресу, а именно в общежитие к Володе Евграфову, который работал в одном из

отделов УСП уже в составе Топской дирекции ТопАЗа. Хотя они и увиделись впервые, прием Евграфов оказал гостю из Москвы более спокойный и достойный, чем Николай Никитич. Накормил ужином, раскупорив банку тушёной говядины и ещё какую-то банку овощных консервов. Нашлось и по сто граммов водочки. Да ко всему этому и поговорили по душам. Однако приютить Семёна на ночь он тоже не мог, комната была крайне переселена.

- Не расстраивайся! – Сказал Семёну Володька. – Есть идея! Наш Загогулин сейчас в Москве, квартира пустует, туда и пойдёшь ночевать. Ключ наверняка у соседей, постучи, объясни, в чем дело, и не может такого быть, чтобы не пустили...

Сказано – сделано! Через пару минут от дежурной по общаге Володя уже названивал в справочную по городу. Момент – и сослуживцы уже обладали адресом Загогулина, и Серба пошёл его разыскивать, с сожалением оставив гостеприимного Евграфова размышлять о смысле и преимуществах холостяцкой жизни.

Добрался до будущего проспекта Брежнева, а пока что улицы Командарма Уборевича, в ту пору жутко разрытой бульдозерами, перебрался через неё (благо, над котлованом возводимого проспекта горели десятки временных фонарей), спустился к гастроному (городишко полого спускался к речке Гусиной, притока Топи), обошел его с тыла и разыскал нужную пятиэтажку. И вот уже поздний гость обречённо позвонил в дверь, которая к его изумлению открылась. Семён до сих пор не знает, почему не позвонил соседям и не попросил ключ. Открыла ему молоденькая якуточка, очень плохо говорившая по-русски. Семён зашёл. Она подтвердила, что Загогулин живёт именно в этой квартире, но сейчас его нет, он на охоте и вернется через дня три. Семён объяснил ей, что он друг и сослуживец Загогулина, и что тот не

против, если Семён поживёт у него пару дней. Она радостно и согласно закивала.

Показала пришельцу две комнаты Загогулина и свою – **малосемейку**, то есть комнатку в этой трёхкомнатной квартире. Почему-то в Колтунах стеснялись называть такое уплотнённое расселение и проживание нескольких семей в одной квартире добротным советским словом "коммуналка"...

Вскоре пришел муж этой молодой черноглазой газели, тоже какой-то нерусский. Познакомились, жена мужу чего-то долго и быстро, но дружелюбно тарахтела, видимо, по-якутски, после чего он улыбнулся и сказал, что друг Загогулина – значит, его друг.

Оказалось, что молодая парочка действительно якуты и припёрлись на всеоюзную стройку ТопАЗа из Якутска.

Семён спросил, разве не было поближе какой-нибудь большой стройки, но они рассмеялись и ответили, что им хотелось перебраться в Европу, и вот они выбрали ТопАЗ... Правда, то, что Топкие Колтуны находятся в Зауралье, а это ещё Азия, их не смутило, по их понятиям всё, что западнее Красноярска, это уже Европа...

Он умылся, громко фыркая в ванной. Затем молодая хозяйка позвала мужчин в кухню и усадила за стол. Втроём поели пельменей и выпили по рюмке водки, которую хозяева называли почему-то по-своему – **арыгы**. Ну, подумал Семён, арыгы так арыгы! Усталость брала своё (да и было далеко за полночь), и он, наскоро помывшись в ванной, устроил постель в большой комнате на диване и заснул безмятежным сном.

Утром Серба разыскал вагончики УСП (здесь многие службы и целые заводские коллективы располагались покудова в вагончиках) и горячо поблагодарил Евграфова за дельный совет. Тот тоже обрадовался, что Серба разыскал Загогулина и

нормально отдохнул. Но, по первому разу, никого из работников **Топской** группы УСП не запомнил. Единственное знакомство – Володя Евграфов. К нему Семён и обращался по каждой мелочи.

На следующий день московский гость поехал автобусом посмотреть строительство Нового города. Лето выдалось дождливым, с утра прошёл ливень, дорога № 1 представляла собой печальное зрелище. Техника шла по шоссе сплошными потоками в оба конца, подминая под себя и кроша новую бетонку, покрытую основательным слоем липучей грязи. У въезда в "новый город" по направлению будущего проспекта 50-летия СССР расположились пресс-центр, столовая и масса вагончиков строителей. Семён вышел из автобуса прямо в вековую грязь и ошалело огляделся. Идти дальше не имело смысла – сплошное море размокшего глинистого грунта, в котором беспомощно барахтались панелевозы. Внушительная траншея будущей транспортной развязки напоминала карьер. Практически никакого города ещё не было. Стояли отдельные дома по Московскому "проспекту", где-то в районе будущего 29-го комплекса, и дома 4/06, 4/07, и, кажется, в какой-то стадии готовности дом 4/08. Дальше, в сторону ещё не построенного кинотеатра, его назовут "Ермак", хотя по проекту он должен был называться "Сатурн", виднелись одни лишь котлованы. Но несомненно, что из наполненных дождевой водой котлованов вскоре возникнет проспект Ермака. По крышам готовых домов бежала бодрая неоновая надпись: "ТопАЗу быть в 1974-м году!".

Так или иначе, но наступило Сенькино третье утро в Топких Колтунах. Он тепло попрощался с подселенцами Загогулина и в переполненном автобусе поехал в аэропорт Тетёркино, прислушиваясь, как клянут и Топтуны, и ТопАЗ те, кто уже вкусил

от автомобильного пирога и, разуверившись, бегут в более обильные и удобные для жизни места.

Для своих коллег-москвичек, сотрудниц УСП в Московской дирекции, Семён вёз по их заказу несколько палок отличного топтунского "сервелата", каковой к тому времени в Москве уже невозможно было достать. Местный мясокомбинат десятки лет делал и делает отличные колбасы по проверенным, надёжным рецептурам...

Когда же Семён начал в прокуренном церковном коридоре рассказывать, как провел время в Топтунах, кто-то обратил внимание на его повествование о прекрасных свойствах дивана общего любимца Загогулина. Поскольку самого К. М. Загогулина Семён в лицо знал плохо, то, естественно, не обратил внимания, что тот стоял рядом и внимательно слушал, тихо улыбаясь. Семён уверил коллег, что записал адрес Загогулина на тот случай, если кто днями полетит в Топтуны и будет в затруднении, где остановиться. Все согласно закивали, давась смехом...

На следующее утро к Семёну подбежал кто-то из сотрудников, кажется, Костя Костенко-Красный, и взволнованно сообщил, что его разыскивает топтунская милиция, что уже неоднократно звонили, якобы его обвиняют в ограблении квартиры в Топтунах. Семён рассмеялся, назвав это неумной шуткой. Но тут подошел человек, к которому Костя обратился, назвав его Кимом Маратовичем, и Сербя понял, что перед ним сам Загогулин. Он улыбался. Семён рассказал ему о глупой шутке, но Загогулин вдруг помрачнел. Спросил, по какому адресу Семён ночевал в его квартире. Сербя назвал и описал поиски дома.

- *Я так и знал!* - Ещё более помрачнел Ким Маратович. – *Я живу совсем в другом доме,* - и он назвал свой настоящий адрес в Топтунах.

Семён ответил в порядке защиты, что тот адрес ему дала справочная служба, на что коллега пояснил, что фамилия Загогулин в Топтунах то же, что Кузнецов в Москве – их не одна сотня наберётся...

Семён теперь понял всё и очень перепугался. А вдруг кто-то ограбил того, чужого Загогулина, а всё падёт на него?

Он очень переживал, пока не выяснилось, что эта история всё-таки добротный розыгрыш. Однако расстроился. Как же ему не бросилось в глаза то, что квартира оказалась против ожидания плотно заселённой, тем более что реплика соседки о том, что Загогулин на охоте, прямо указывала на несоответствие данных – топазовский Загогулин заведомо был в Москве...

До сих пор Семён с трепетом вспоминает этот случай и не может себе представить, какое у него было бы лицо, если бы его среди ночи стянул с дивана хозяин квартиры, возвратясь с охоты на день раньше...

... Долго ещё мужики из УСП подтрунивали надо ним, вспоминая этот удивительный случай, а больше всех посмеивался Ким Маратович. Но однажды он перестал улыбаться, а через некоторое время коллеги узнали, почему. На этот раз героем романа оказался он сам.

Подведем некоторые итоги обустройства Сербы в Москве.

Первые дни на ТопАзе оказались самыми тяжёлыми в плане выживания. Вот примеры записей в дневнике Семёна в июле.

01 июля 1972 года

Состояние кошелька:

Остаток денег на утро = 13 руб. 65 коп.

Приход = 3 руб. (сдал стеклопосуду).

Расход за день = 1 руб. 10 коп.
Остаток на вечер = 15 руб. 55 коп.

02 июля 1972 года

Состояние кошелька:

Остаток на утро = 15-55
Расход = 1-22
Остаток на вечер = 14-33

03 июля 1972 года

Состояние кошелька:

Остаток на утро = 14-33
Расход = 1-24
Остаток на вечер = 13-09

04 июля 1972 года

Состояние кошелька:

Остаток на утро = 13-09
Расход = 2-48
Остаток на вечер = 10-61

05 июля 1972 года

Состояние кошелька:

Остаток на утро = 10-61
Расход = 2-45
Остаток на вечер = 8-16

06 июля 1972 года

Состояние кошелька:

Остаток на утро = 8-16
Перевод = 25-00 (перевод от мамы)

Расход = 2-16
Остаток на вечер = 31-00

07-08 июля 1972 года

Состояние кошелька:

Остаток = 31-00

Расход = 13-20

Остаток = 17-80

09 июля 1972 года

Состояние кошелька:

Остаток = 17-80

Зарплата = 77-07

Расход = 4-67

Остаток = 90-20

10 июля 1972 года

Состояние кошелька:

Остаток = 90-20

За квартиру = 75-00

Остаток = 15-20...

В августе к школе он забрал Наточку. Снял неплохую сухую и тёплую комнату в четырёхкомнатной квартире на улице Нижегородской, совсем недалеко от работы (несколько остановок троллейбусом). Школа тоже через дом. В этой коммунальной квартире кроме их с Наткой живут ещё две семьи. Одна одинокая женщина и ещё одна бабёнка - парикмахер по распространённому имени Татьяна, кажется, Байбакова, с двумя дочерьми 10-ти и 18-ти лет (у них аж две комнаты).

Через неделю после заселения Семёна и Наты из поездки в Юрмалу вернулась старшая дочь соседки Татьяны Ирка. Она оказалась милой компанейской девчонкой, в меру симпатичной, наивной, ласковой и приятно сисястой.

Уже через пару недель у Семёна с ней запылал нешуточный роман. Общая крыша и расположенные рядом двери их комнат быстро привели к торжеству инстинктов, и вскоре она взяла за правило далеко за полночь тихонько пробираться к Семёну в комнату, где они прямо на полу на стареньком ватном матрасе битый час решали извечную мировую проблему, кто кого любит сильнее... К счастью, их тайна каким-то чудом удержалась в тайнах, и никто их развлечениям не помешал. Главное, что Ната ни разу не проснулась, а то бы всё горело синим пламенем...

Младшая сестра Ирки Стэллочка - жирная и ленивая, но для Наты всё-таки какая ни есть, но подружка. Вечерами все жители коммуналки часто чаевничали вместе, по-коммунистически, на кухне.

Однажды поздним вечером, когда Ната и Стэллочка играли в комнате Байбаковых, а взрослые пили чай на кухне, девчонки выбежали со страшным криком. Оказалось, что Ната нечаянно села на диван, на котором лежали небольшие ножницы, и они вонзились ей в попу. Так с ножницами она и появилась на кухне, ревя в три ручья. Конечно, ножницы были извлечены, но Семён перепугался, ведь возможно заражение.

Он кое-как одел ребёнка, накинул пальто, подхватил доцю на руки и помчался куда-то за три улицы в дежурный травмпункт, где сделали соответствующий укол. Ната ревела, но хирург, осмотревший ранку, её успокоил. Он сказал, что сесть на ножницы, невелика беда. Вот у них как-то был случай, когда невнимательная девочка такие маникюрные ножницы проглотила,

вот это – да! Пришлось им, врачам, изрядно повозиться, пока извлекли...

На работе все считали Семёна ответственным отцом и ставили другим мужикам в пример. Недавно, всё-таки, пробили должность начальника отдела РТИ, и оклад Семёна теперь составляет 140 рублей, да и звание высокое...

Ещё у них с Натой было приключение с хомячком. Пошли как-то с ней на Птичий рынок (он здесь, на Нижегородской, недалеко), и она уговорила отца купить хомячка. Серба не устоял, и зверь поселился в их комнате. Через день он исчез, хотя вроде спрятаться было и негде. Но по ночам хомяк выбирался из своего убежища и съедал приготовленную ему пищу. Так прошло недели две.

Ситуация нерешённости с дурацким хомячком выводила Семёна из себя. А тут ещё бурная страсть Семёна и Ирки стала угасать. Охлаждение их отношений началось так же внезапно и необъяснимо, как и вспышка неодолимой тяги друг к другу месяц тому назад...

Однажды Семён затеял стирку и вынул из шкафа накопленную грязную одежду. В общей куче барахла скомканно лежала и его новая капроновая импортная рубашка, которую недавно купил и которой очень гордился. Итальянская! Развернул её и обомлел. Она вся была в дырах! Оказалось, что хомяк устроил в ней своё зимнее гнездо. Семён захлебнулся адреналином, схватил объявившегося поганца-хомяка и на глазах изумленной Наты вышвырнул его в форточку (они жили на четвертом этаже). Дочь побежала вниз искать друга, но вернулась в слезах – хомяк исчез, как в воду канул...

Как-то друг Сербы Виктор Лях, всего две недели как

переметнувшийся с ЗАЗа на ТопАЗ следом за Семёном, позвал друга оттянуться в воскресенье за городом. Вроде как жест благодарности Сербе за то, что показал дорогу на ТопАЗ, где действительно масса возможностей для карьерного роста и самореализации.

– Не беспокойся, я при деньгах, мне Светка, когда в Москву снаряжала, пятьсот рубликов дала на мелкие расходы. Так что выпивон и закусь – с меня!..

Но вот в какую сторону податься? Семён, как большой знаток Москвы и Подмосковья, предложил смотаться в Вешняки. Он отлично помнил восхитительные дни и ночи, проведённые там в далёком 57-м с Ниной.

Быстро составили компашку. Семён, естественно, собрался уговорить Ирку, а у Виктора были виды на Верунчика Неваляеву из отдела агрегатов. Статная Вера, ещё далеко не старая двадцатипятилетняя шатенка-разведёнка с Брянского автоагрегатного завода, сразу положила глаз на видного мужской статью, с тяжёлым нельсоновским подбородком бывшего моряка-тихоокеанца.

В воскресенье Ирка сказала мамке, что идёт к подруге за книгой, вышла первой на троллейбусную остановку. За ней минут через пять щёлкнул дверным замком и Семён. В подошедший **троллик** 16-го маршрута Семён и Ирка вошли как будто совершенно незнакомые люди, безмятежно улыбаясь и глядя в окна. Стоя и незаметно ласково прикасаясь друг к другу, парочка добралась до Таганской площади, где и нырнула в метро. Вся компашка собралась на Казанском вокзале в 11 часов.

Быстро перезнакомились и отоварились в ближайшем от вокзала продуктовом магазине. Виктор, оправдывая имя, самовыдвинулся в лидеры. Так что без обсуждения взяли три бутылки “Столичной”, кило “Докторской”, полкило костромского

сыра, кило превосходных астраханских помидор, дыню, два свежайших батона, полкило “Мишек на Севере”, две бутылки лимонада и бутылку **тархуна**.

Ирка, правда, попробовала настоять на портвейне хотя бы для женской фракции, но Виктор пресёк её происки в корне.

– Какой портвейн, детка?.. Мы же на природу едем. Там в лесу не то что водочка, спиртяга сойдёт за нектар моей бабушки!..

– Но я же ещё маленькая, мне водку пить мамка не велит... – Сопротивлялась Ирина.

Виктор слышать ничего не хотел, и добил дитя неразумное циничным доводом.

– Водку пить, так маленькая, а с Семёном на диване кувыркаться, так вполне взрослая! Не буди во мне зверя!.. Ремнём отлуплю!.. – Как бы шутя, нахмурил брови дядя Витя, и комсомолка Ирка отскочила от него, как от чумы, прижавшись к Семёну.

Сербу цинизм Виктора тоже покоробил, и он даже пришёл на помощь Ирке, прошептал ей в ушко:

– Может, ну его к чертям сегодняшнее мероприятие? Что мы, обязаны Виктора с подругой развлекать? Сходили бы в кино... Айда?..

Но Ирка уже оправилась от хамства дяди Вити и, возможно, даже отнесла его паскудные нравоучения к чертам мужественности, как некое достоинство...

Она как-то быстро погасила румянец стыда на щеках и, успокоившись, чмокнула Семёна в щёчку.

*– Ладно, проехали! Знаю я этих **мареманов**, хамить мастера. В Таллине я на таких насмотрелась за две недели!.. Пусть покупает, что хочет, мне просто подышать свежим лесным воздухом давно охота. А нам с тобой и так скучно не будет, да,*

милый?..

Вера, в планы которой не входило возвращаться с полпути, тоже встряла в разборку.

– О чем тары-бары? Кто не хочет пить, будет жевать колбаску. Нам больше достанется... Но надеюсь, что мы все притрёмся друг к другу. Иначе, зачем бы нам переться чёрт знает куда на эту московскую природу. Тоже мне называется лес! Какой здесь, под Москвой может быть лес? Лес – это у нас, на Брянщине, а здесь – заросли бузины и клёна...

Короче, инцидент исчерпался и, закончив покупки по плану Виктора, народ с авоськами и сумками потянулся к перронам пригородного сообщения.

Погрузились в электричку, следовавшую до платформы “47 км”. И понеслись сквозь шикарный осенний денёк искать приключений на свои бестолковые головы.

Когда выгрузились на платформе **Вешняки**, сердце Семёна забилось. На него нахлынули воспоминания о милых осенних встречах с незабываемой Ниночкой в далёком 57-м. Никакие Ирки не могли идти ни в какое сравнение с Ниной...

Ну да ладно! Жизнь продолжается!..

Семён по памяти провёл компанию через Вешняки и вывел на окраину Кусковского парка. Выбрали чистое сухое место под старой берёзой. За много лет сотни **кампашек** крепко утоптали вокруг берёзы суглинок, даже следы кострищ виднелись то там, то тут.

Девочки под руководством Виктора готовили настоящий **пикник на обочине**. Оказалось, что практичный Виктор притащил в своём объёмистом рюкзаке простое “солдатское” одеяло. Ничего такого Семён с Иркой из дому вынести не могли. Но и Вера не опростоволосилась – из большой хозяйственной клеенчатой сумки

она извлекла не только ещё одно похожее грубошерстное одеяло, но и небольшую льняную скатёртку, а также всякие **прибамбасы**, вроде ложек-вилок и стаканов...

Само собой, лес, даже если он в ранге парка, всё-таки не ресторан “Арбат” или “Берлин”, и даже не “Арагви”.

Семён оценил проделанную работу и рассмеялся над пришедшим на ум воспоминанием. Кто-то когда-то рассказывал ему, что в Сибири летом шашни крутить очень непросто – комара и прочего гнуса – видимо-невидимо... Так местные любовники приноровились, уединяясь в лесу, натягивать шалашик из марли. И в нём уже относительно вольготно делать свои приятные дела. А эти шалашики любительницы острых ощущений загодя шили дома, и они были тем хороши, что в сложенном виде занимали совершенно незначительный объём, так что незаметно помещались в любой женской сумочке... Из-за этого таких практичных любовниц и зовут по сию пору шалашовками, что, конечно, абсолютно неприлично...

И хотя с милым рай и в шалаше, даже в марлевом, но с удобствами да в мягкой постели как-то лучше...

Серба хотел было рассказать вспомнившуюся скромную байку приятелям, но, будучи ещё трезвым, решил, что как-то неудобно, могут не понять, принять за пошляка, ну и всё такое прочее...

Народ, однако, уже довольно проголодался, и вид разложенной в художественном беспорядке снеди генерировал изрядные аппетиты.

– *Ура-а-а!!!* – Одновременно вскрикнули Ирка и Вера, когда Семён закончил кромсать батоны на огромные куски, а Виктор откупорил первую бутылку водки и стал наливать её в стаканы. Мужик опытный, он разлил на четверых идеально поровну. Но возник ропот, и главный виночерпий поправил ситуацию. Оставил

дамам по сто грамм, а себе и Семёну долил до 150-ти.

В единственной Веринной эмалированной кружке пенился тархун на запивку водки, кружку собирались передавать по кругу.

– *Так выпьем за дружбу народов!* – Осклабясь, возгласил Виктор, поднимая стакан и держа в левой руке дольку помидора.

Все без препирательств выпили до дна, потому что очень проголодались и хотели поскорее чего-нибудь съесть. Даже Ирка не стала возникать, а, запив водочку парой глотков тархуна и передав кружку Вере, уверенно потянулась к хлебу и колбаске.

... Через час компания выглядела очень неприглядно. Вера, нежно обнимая соседнюю берёзу, пыталась очистить желудок, а заодно и удобрить Кусковский лесопарк.

Семён был в отрубке, и Виктор его бережно по-товарищески уложил на куче ещё прошлогодних листьев, покрытых сложенным вдвое одеялом.

Затем Виктор переместился ко второму одеялу, где сидела, очумело оглядываясь вокруг, Ирка. Виктор присел рядом и стал её страстно обнимать и целовать. Удивительно, но она тоже завелась и прилепилась к нему, распатланная и готовая на всё. Естественно, мужик не растерялся и занялся объектом любви основательно. Не прошло и минуты, как с молодой москвички слетела блузка, а лифчик вообще не оказал существенного сопротивления. Одна рука бывшего **маремана** крепко обнимала Ирку за загривок, а другая **нышпорила** у неё ниже талии, пытаясь стащить трусы... Ирка страстно мычала, отвечая Виктору хищными засосами.

Семён услышал шум баталии, и у него аварийно прояснилось в голове. А когда ещё и глаза увидели мерзкую картину, хмель на минуту покинул полудохлое тело, и оно как бы грозно зашевелилось.

– Бля-я!!! Виктор, сволочь! Ты чё творишь, сука?! – Возник Серба, пытаясь встать хотя бы на карачки. И это ему почти удалось. Но победа над всемирным тяготением оказалась мнимой. Серба пошатнулся и упал на спину к подножию ближайшей старой ели на подстилку из опавшей прелой хвои, шишек, полусгнивших сучков и сломанных зимними ветрами ветвей.

Один из сучков неудачно выпрямился и воткнулся Семёну под левой лопаткой... Семён перевернулся на живот, а на спине у него по рубашке начало расплзаться алое пятно.

– Ой! – Завопила Верка, возвращаясь, наконец, от спасительной берёзы.

Ирка очнулась от гипноза низменных чувств и, резко оттолкнув Виктора, схватила валявшиеся у её ног лифчик и блузку и отвернулась, пытаясь приладить на своём бесстыдно оголённом теле причандалы порядочной молодой женщины.

Виктор тяжело встал и молча потопал к Семёну, над которым уже склонилась кудахчущая Верка.

– Ни хрена себе!.. – Удивился Виктор, нагибаясь у раненому. – *Давай, Верунчик, вытащи аккуратно сучок. И сразу забинтуем...*

Вера поняла задачу и резким движением выдернула сучок из раны. Оказалось, что он проник в ткани на два-три сантиметра. Рана кровоточила, но кровь не струила, значит, крупные сосуды не повреждены.

Лях довольно проворно стащил с себя белую выходную рубаху, тотчас стал умело рвать её на широкие длинные ленты. Верка брала ленту за лентой, вешая себе на левую руку. Одну ленту смяла и затампонировала рану, а другие, связывая по две, применила как бинты. Виктор усадил коллегу, и Вере удалось дважды обмотать потерпевшего самодельными бинтами.

– **Полундра!** – Скомандовал Виктор. – *На этом*

представление заканчивается! Давайте, девочки, собирайте барахло, а я отнесу мусор...

Он снял с ветки свой пиджак и одел его на голое тело. Завернул объедки и пустые бутылки в газеты и направился к мусорному баку, стоявшему неподалёку у развилки дорожек. Сделал доброе дело и вернулся к дамам и всё ещё тупо сидящему Семёну.

– Ну, ты как, моряк, дойдёшь сам до пирса или тебя отнести?..

– Дойду... – Пробормотал Семён, поднимаясь с помощью Ирки и Верки.

Хорошо ещё, что электричку долго ждать не пришлось. Взвыв на семафоре голодным волком, к перрону подвалила ржавая-прержавая **ГОЛУТВИНСКАЯ**.

Народу в ней оказалось немного, так что даже сесть получилось. Правда, девки нашли места в середине вагона, а Семёна Виктор усадил прямо у поминутно шаркающих дверей.

Электропоезд шустро устремился к Москве. Вот уже и Храм Успения Пресвятой Богородицы промелькнул, и последние одноэтажные вешняковские дачи канули в небытие.

– Живой? Щас на вокзале в медпункт зайдём, забинтуем по-людски. Болит?.. До свадьбы заживёт!..

Серба, однако, разговора не поддержал, надувшись за Викторовы подвиги. Хотел было высказать всё, что кипело в голове, но тошнота затуманила мозг и ноги сами понесли тело в тамбур, на свежий воздух.

Виктор легко схватил друга подмышки и повёл-потачил не просто в тамбур, а в переход между вагонами. Там, крепко держа Семёна под руки со спины, он наклонил страдальца в просвет вагонной сцепки, и тотчас из отравленного организма Сербы

стала извергаться мерзкая блевотина... И опять... И опять... И опять, выворачивая кишки наизнанку...

Но зато тотчас Семёну стало легче. Он почти самостоятельно выпрямился, а Виктор вытер ему губы и подбородок своим большим носовым платком. Что-что, а платки у него всегда, по флотской привычке, идеально чистые и наглаженные.

Как только вернулись и сели, голова у Семёна склонилась на плечо Виктору, и он отключился на десять минут, остававшихся до конца поездки...

Когда выгрузились на Казанском вокзале, Виктор повёл Семёна в медпункт, а девочки терпеливо ждали за дверью. Оказалось, что кровотечения нет, и медсестра высмеяла незадачливых гуляк, утверждая, что эта царапина заживёт вообще без шрама и какого-либо следа.

Зайдя в метро, решили разойтись – Виктор и Вера отчалили в общагу на Красных Командиров, а Семён с Ирккой на Нижегородскую.

Серба и его спутница ехали молча, не разговаривая и не глядя друг на друга. Семён чувствовал себя отвратительно, хотелось спать и оставить все выяснения отношений на завтра. Ирка тоже не знала, о чём говорить. Вроде и оправдываться ни к чему, ничего предосудительного ведь не произошло, Виктор не успел добиться хоть каких успехов. А его действия завтра можно будет объяснить Семёну тем, что друг действовал по пьяни. А известно, что пьяному закон не писан.

В таких проблемах и радостях шустро пробежало полтора месяца. Царапина под лопаткой, слава богу, за неделю зажила, больничный брать не пришлось.

Виктор убедительно отбрехался перед Семёном за неприятный эпизод в Кусковском лесопарке.

– Сень, не суди меня строго! Сучка не захочет, кобель не вскочет... Хоть и по пьяни, но я ведь, ты знаешь, никогда не позволю ничего подобного, если знаю, что у друга серьёзные намерения и тэ дэ. Надеюсь ты не собираешься жениться на этой ненасытной прошмандовке?

Тебе ведь дочь надо ещё воспитать и человеком сделать. Надеюсь, я понятно излагаю? Эта плоскодонка тебе не пара, понял?..

Завязывай, мой тебе совет! Я переговорю с Шефом, чтобы тебе выделили в нашей общаге на Самаркандском комнату, как отцу-одиночке...

Семён молчал, не зная, чем крыть. А Виктор продолжал.

– Ты думаешь, чем она занималась две недели в Юрмале? Долбилась с курортниками, как мартовская кошка. По ней же видно!.. Надеюсь, тебя ничем не наградила?.. А то сходи, проверься про всяк случай!.. Кавалер хренов!..

Конечно, по логике жизни, надо бы с Виктором порвать отношения, очень уж по-хамски вёл себя во время пикника. Но ведь и Ирка, как ни крути и не оправдывая, оказалась постыдно слаба на передок.

К тому же, с Виктором ещё работать и работать, и если рассобачиться с ним по-крупному, значит, вдруг какой завал по линии кадров и запахнет увольнением, то не к кому будет обратиться даже за символической помощью и поддержкой.

Так что пришлось замять вопрос для ясности...

А вот с Иркой как поступить? Она делала вид, что ничего не произошло. Улыбалась. По утрам так же корректно при маме здоровалась с дядей Сеней и также страстно целовалась с ним, когда удавалось хоть на минуту остаться наедине...

Но Семёну уже стали претить её показное внимание и телячьи нежности. Часто по вечерам, засыпая, он вспоминал Валюшу, Нину, Ирину – женщин, с которыми был счастлив. Трагическая гибель Иришки перед самой свадьбой прямо-таки стояла перед глазами. Десять лет не стёрли горестные воспоминания.

Он думал, гадал, как сложилась бы его жизнь с Иринкой, если бы не роковое несчастье. В любом случае не пришлось бы возвращаться к Марии, не пришлось бы тратить ещё столько лет на доказательство того, что ничего не получится...

И вот, как в насмешку, судьба подсунула другую Иринку. Но, выходит, Иринка да не та...

Постепенно Семёна стала тревожить внешне беззаботная, не поддававшаяся на разбор полётов Ирка. Получалось, что если его шашни с ней, не приведи господь, откроются, то надо будет жениться, что почему-то не казалось Семёну логичным.

А тут ещё и мама Таня, одногодка Семёну, стала плотоядно поглядывать на него и слишком часто приглашать попить на кухне чайку... Но на-фига козлу баян, козлы **лабают на фоно**... Так что Семён пришёл к выводу, что пора менять квартиру и сматывать удочки. И стал искать варианты.

С середины июля и до середины августа вокруг Москвы горели леса и торфяники, и вся столица была затянута пеленой едкого всепроникающего дыма. Даже видимость на улицах была такой, как будто сел сказочный ядовитый туман. Все кашляли и боялись, что в городе начнутся пожары. Но через месяц, слава Богу, прошли, наконец, дожди, и ситуация нормализовалась...

Сентябрь же, против ожиданий, оказался чудесным – тёплым, тихим, ласковым, настоящее **бабье лето**...

В такую погоду тянет на улицу. Пройтись, куда-нибудь сходить. Как раз в кинотеатре “Зенит” начали крутить “Солярис”. Обе серии сразу, одним сеансом. Естественно, Семён предложил девчонкам смотреть в кино.

Часов в пять вечера, когда уроки были сделаны и школьная форма на завтра у Наташи и у её подруги Стэллы приведена в порядок, удалось всех примирить и выйти из дома.

Так они и пошли пешком вдоль по Нижегородской в сторону Таганки к “Зениту”. Слабый ветерок гонял по асфальту жухлые листья рябинок, обречённо издыхающих вдоль загазованной улицы, окурки и стаканчики из-под мороженого.

Ситуация создалась деликатная. Вроде Семён и Ирка уже насытились друг другом, и их “развод” как бы состоялся. Они не избегали друг друга, но и не искали, как в первые дни, возможности побыть наедине ценой любой хитрости.

Но вот когда **кинолюбители** медленно и шумно пошли по тротуару, галдя и толкаясь, со стороны могло показаться, что идут люди, связанные семейными узами.

Когда девчонки убежали немного вперёд, Ирка не преминула воспользоваться моментом.

– Сень, а вот представь, что мы – муж и жена, и так красиво, по-буржуйски идём с детками в кино!.. Картинка!.. Что скажешь?..

Семён даже остановился на мгновение. Но нашёл, как ему показалось, вполне охлаждающий ответ.

– Неа, не могу представить... Ты такая молодая, у тебя всё впереди. Зачем тебе такой, как я? Нет уж, умерла, так умерла... Давай не будем гадать, если бы да кабы. Проехали!..

Когда подошли к кинотеатру, то оказалось, что культпоход под угрозой срыва. Вторая серия заканчивается в половине десятого, а детям моложе 12 лет посещать кино после 21 часа не велено...

Спасибо, в кармане нашлись **красные корочки** ещё от “Коммунара”, и после душещипательного рассказа Семёна администратору, как ему одному тяжело воспитывать дочку да ещё и ТопАЗ ведь надо строить, ответственный товарищ сдалась и разрешила провести Наташу в виде исключения. Но чтобы никакого безобразия!.. При этом она почему-то внимательно посмотрела на Ирку, смутив девушку...

И хорошо, что пошли! Фильм очень понравился Семёну и Нате, меньше Ирке и Стэлле – всё-таки, порода другая!..

Обещание Виктора оказать содействие в получении отдельной комнаты в общежитии для совместного проживания с дочерью оказалось довольно легко выполнимым, потому что так уж сложилась практика в Московской дирекции ТопАЗа, что многие специалисты, тормознувшие в Москве на период подготовки производства ТопАЗа, то есть на год-полтора-два выбивали право на отдельную комнату в общежитии и привозили в Москву семьи в ожидании получения квартиры в Топтунах.

Жильё в Топтунах строилось бурно, и многие получали квартиры буквально за считанные месяцы, и их семьи, не успев насладиться Москвой, мчались, сломя голову в Топтуны, чтобы заселить заветные гнёздышки...

3.

Люди завистливы. Семён часто замечал, что стоит ему добиться хоть небольшого успеха, как за ним обычно увязываются

знакомые. Ну, вроде он знает рыбные места на берегу. И только закинет удочку, как они со своими снастями тут как тут.

В начале 73-го года в УСП ТопАЗа уже собрался целый взвод запорожцев с "Коммунара". Виктор Лях, Миша Красивчук, Фима Шумахер, Юра Фиксанов заняли приличные должности и ожидают выделения квартир, чтобы перевезти семьи. Пока же в общежитии на Самаркандском бульваре закипела холостяцкая жизнь. По выходным пьянки с вечера до утра, всевозможные любовные геометрические фигуры с участием бабья, как с этой общаги, так и с общаги на улице Красных Командиров.

Как-то в апреле Семён приехал к нашим в гости. Они все собраны в одной трёхкомнатной квартире (топазовские общаги квартирного типа). Витя сварил эмалированное ведро картошки с тушёной, нарезал два кило "докторской" колбаски, пару буханок хлеба и тарелку помидор. Пять бутылок "московской" охлаждалась-ждались в холодильнике.

Был вечер субботы, выходной, но Миша со вчерашнего вечера уединился в спальне с подружкой и всё не выходил.

- *Жрать будете? Или вам кофе в постель подать?*— Воспитанно спросил Виктор, предварительно громко постучав в дверь.

- *Угу*, - донеслось из-за двери.

- *Тогда проснись взнос, надоело вас раскармливать на халяву*, - нравоучал Лях.

Из-под дверей выпорхнула мятая трёхрублевка...

В мае Семён отправил Наточку в Запорожье на каникулы. Мама обещала встретить и всё организовать. Предполагается также, что Мариины требования дать ей возможность повидать ребенка будут удовлетворены.

К этому времени отношения с Ирккой-соседкой разладились, так как их программа оказалась исчерпанной. Жениться на ней, само собой, Семён был не готов, а её мамаша стала, видимо, наконец, подозревать очевидное и провела со старшей дочуркой соответствующую политрабoту.

Клавдия Михайловна, его заместительница, давно предпринимала усилия женить Семёна на москвичке. Как-то в мае, как раз перед Наткиными каникулами, она и Инга Изотовна, начальница отдела внешних сношений, имели с ним долгий разговор "по жизни". Они настоятельно просили Семёна обратить внимание на инспекторшу первого отдела N., высокую, рыжую, довольно циничную бабищу, которую мужики нашего управления прозвали **Длинной Лошадью**. Он послушал-послушал умных и заботливых общественниц и решил сходить на переговоры. Как говорится, за спрос в лоб не бьют...

Между прочим, Семён на неё и внимания, собственно, не обращал, на эту дылду, даже, кажется, не здоровались толком. Но в интересах ребенка... В этом случае и брак по расчету допустим.

Короче, в половине третьего к Семёну, как всегда, приехала после школы Ната, она села за свободный стол Аркадия **Исааковича** делать уроки.

В конце работы зашла Длинная Лошадь, уже подготовленная Клавдией Михайловной, и втроём поехали к ней домой на переговоры. Жила она на Кутузовском проспекте чуть наискосок от дома Брежнева. Зашли в гастронoм, в который якобы ходит жена генсека, как божилась N. Семён купил пару бутылок портвейна, кажется, "Пэрлыну стэпу", дама взяла батон варёной колбасы, пакет замороженной картошки ломтиками, сказала, что хлеб имеется.

У неё действительно оказалась неплохая трёхкомнатная квартира с высокими потолками, так называемая **сталинка**. Дома гостей встретили дикарскими криками двое детей дамы, мальчик лет десяти и девочка лет восьми. Ещё один мальчик находился в годичном интернате. Была пятница, а, по словам N., дети бывают дома только на уик-энд, в будни же кантуются на **продлёнке**.

– *Я ведь допоздна работаю, а им нужен уход...*

В большой комнате стояла обшарпанная довоенная топорная несдвигаемая мебель, делала вид, что растёт, засохшая пальма и висело большое потемневшее зеркало в дубовой раме.

Длинная Лошадь стала рассказывать про свою тяжёлую московскую жизнь. Дважды была неудачно замужем. Оба мужа платят приличные алименты, один кадровый военный, офицер, другой – лингвист. Недавно побывал в Африке, написал книжку про какие-то местные языки, так, сволочь, хотел скрыть от бывшей жены. Но она не дура, и плюс подсказали добрые люди, что делать. Так что припёрла его через издательство и вырвала-таки положенную ей в счет алиментов часть гонорара – вышло неплохо, девятьсот рубликов...

У Длинной Лошади была широченная, как из морёного дуба, **корма**, такие у коров на ВДНХ бывают. Она так и сказала, что, мол, смотри и смекай, я ещё двоих запросто рожу, вон бёдра какие...

Семён и хозяйка быстро охмелели с духовитого портвейна, и разговор пошел о том, как мать-одиночка, если не последняя дура, может неплохо прожить, надо только с профкомом дружить. Ведь имеются десятки неотменённых постановлений ещё ленинского Совнаркома, да и при Иосифе Виссарионовиче таких было много, по которым к каждому красному листку календаря матерям-одиночкам много чего положено. Правда, начальники эти льготы

держат в большом секрете. А так, смотри, к каждому празднику то ботиночки, то пальтишко деткам, то деньгами мамочке...

Дети вроде и перезнакомились, но Ната сидела тихо, очень настороженно. Она не понимала смысла затянувшегося визита. Семён ведь ничего ей не успел объяснить. Но папу положено слушать, а поэтому дурацкое гостевание приходилось терпеть.

А дети Длинной Лошади резвились, как сумасшедшие. Они бегали по комнатам, прятались, подбегали к столу и бесцеремонно таскали куски колбасы, как будто видели её в первый раз. Маленький мальчик вдруг стал тормозить гостя и требовать встать и развести руки в стороны. Пытаясь сохранить непринужденность, Семён встал, а N. развалилась на обшарпанном стуле, счастливо улыбаясь и довольно икая.

Мальчик сказал Семёну, что тот теперь **пальма**, а он должен нарвать орехов. Дьяволёнок стал взлезать на гостя, держась за обшлага пиджака, а те жалобно затрещали. Юный туземец забрался дяде на грудь и принялся остервенело крутить ему уши, воображая, что это кокосовые орехи. Дядя еле отодрал его от себя, **пальмолаз** оказался таким тренированным...

– *А другие дяди любят быть пальмами,* - протянул малец разочарованно.

Семён пригубил приготовленный к тому времени Длинной Лошадью чай и дал знак Наточке собираться. Её не пришлось уговаривать. Они выскочили на улицу, как ошпаренные, и побежали в сторону метро "Смоленская".

В понедельник Семёновы сваты спросили, как ему понравилась рекомендованная ими дама, хороша ли, как хозяйка.

Семён давно так не смеялся. Стать третьим бывшим мужем-алиментщиком этой достойной матроны, несомненно, способной родить ещё не одного **пальмолаза**, он был не готов. Его сваты обиделись и поджали губки, мол, сам не знаешь, чего тебе надо. В

дальнейшем он к Длинной Лошади ближе, чем на три метра, не подходил...

В июле выпала командировка в Минск, вернее, в Жодино, на МАЗ. Целую неделю Серба с Рабиновичем прекрасно провели в Минске, появившись в Жодино на Минском автозаводе всего два раза - в день приезда и в день отъезда. Повод для поездки (обычный для деятельности их управления в те годы) – размещение заказа на поставку оснастки для последующего изготовления на ней на заводах Миннефтехимпрома топазовских резиновых и пластмассовых деталей.

Утром (в понедельник, с поезда) представители ТопАЗа проехали встречающей машиной МАЗа на завод, за час напечатали и подписали договор поставки оснастки без споров и крика, потому что был на руках приказ министра, к нему график и разнарядка, где всё недвусмысленно фигурировало в строке "задание МАЗу". Нам честно сказали, что оспаривать приказ неэтично, но оснастки, мол, вы не получите, потому что себе не успевают делать. Распили бутылочку коньяку и разошлись друзьями. Они же посоветовали спокойно отдохнуть недельку от топазовской нервотрёпки в гостинице, которую они любезно забронировали топазовско-московским коллегам.

Та же "Волга", которая встречала гостей на вокзале, быстро домчала до относительно новой многоэтажной гостиницы "Турист", где гости и окопались в неплохом двухместном номере на шестом этаже. Гостиница оказалась забита москвичами – завтра в Минске должен был открыться Всесоюзный съезд детских композиторов. Что это так, Серба и Рабинович убедились вечером, когда после прогулки по городу, основательно проголодавшись, отправились в ресторан на первом этаже, чтобы спокойно поужинать.

Ещё издалека, от лифтов, они увидели, что вход в ресторан блокируют рукастые молодые люди, бесцеремонно отпихивая одних и пропуская других претендентов на ужин. Плакат у входа в кабак с приветом **участникам съезда детских композиторов** всё объяснил, ставя крест на желании автомобилистов уютно и культурно посидеть.

Диамат приуныл и предложил ограничиться буфетом для плебеев на третьем этаже. Семён, однако, в голодном состоянии бывает способен на экспромт. Твёрдо взяв уже весьма седовласого Тевиевича под руку, он устремил его к желанному входу.

- *Просто интеллигентно молчи, я всё устрою*, - прошептал он Диме, продолжая буксировать высокого костлявого интеллигента. Метра за два до цели на них уставились стражи порядка.

- *Композитор Рабинович и музыкальный критик Серба*, - доложил Семён, не тормозя, а устремляясь в душный общепитовский оазис.

К ним подбежала раскрасневшаяся от важности администратор заведения. Семён бесстрастно повторил ей легенду. Порывшись в списках, она там Сербу и Рабиновича не нашла.

- *Вы, наверное, только что подъехали? Откуда вы, гости дорогие?* – вопрошала разговорчивая хозяйюшка.

- *Из Москвы, Московское отделение Союза композиторов ЭРэСэФэСэР*, - вдохновенно продолжал сочинять Семён эфемерную повесть.

- *Ну и отличненько, располагайтесь за 18-м столиком, там у нас резерв.*

Композиторы с достоинством прошествовали по указанному проходу, их столик, хотя был и несколько в стороне от главного прохода, но зато располагался недалеко от оркестра и, стало быть, от танцевального пятачка.

Столик сервирован на четверых, и его съедобное убранство выглядело очень аппетитно. Салаты, рыбное ассорти, буженина **по-партизански**, две бутылки грузинского коньячка московского разлива "КВ", бутылка "Советского шампанского" (конечно, брют), флакон 0,7 муската "Узбекистон", минералка и графин апельсинового сока. Приятели посмотрели друг на друга и молча выразили согласие с организаторами ужина.

- *Ты сколько выписал под отчёт? У меня всего сто рублей*, - занял Рабинович.

- *Так это же халява, за счет Союза композиторов. Разве ты ещё не осознал?* - Успокоил Семён осторожного Диамата.

- *Невероятно, но всё равно прекрасно*, - согласился Диамат Тевиевич с коллегой и поправил на носу свои высокодиоптрийные окуляры. Интеллигенты приступили к трапезе.

В процессе поглощения пищи выяснилось, что они за столиком так и остались одни, других опоздавших композиторов и музыкальных критиков не нашлось, однако оно и к лучшему.

Оркестр оглушал делегатов съезда бесстыжими децибелами. Местные меломанки добросовестно крутили задами и выглядели очаровательными охмелевшими бестиями. Семён от танцев отказался наотрез, а Диамат, как пожилой горный козёл, зажигательно выпрыгивал нечто быстрое и непотребное.

Принесли жаркое **"Землянка"**, обильно приправленное грибами и зеленью. Сеня с Димой уверенно распечатали вторую бутылку "КВ".

К ним подседа уже знакомая администраторша. Ей жутко хотелось пообщаться с москвичами, но будучи в конгломерате родного коллектива, она не решалась откровенно заарканить какого-нибудь столичного кадра.

По тому, как Дима активно подливал ей коньячок, чувствовалось, что эта дамочка лет сорока понравилась

пьяненькому Диамату. Не зря она для верности подождала, пока музыковеды немного набрались. Но для натуральности чёрт дернул её спросить Сеню, как ему нравится почти западный репертуар ансамбля, нет ли каких замечаний.

Но тот нечаянно заставил её разочароваться.

- Прекрасный ансамбль, но ведь у нас съезд детских композиторов, а не стилига. Тлетворные вопли саксофона могут негативно повлиять на создание детскими композиторами добротных, высоконравственных произведений, - задумчиво произнес Семён, накупившись для строгости.

Рабинович злобно зыркнул на него сквозь окуляры. И тут, вместо того, чтобы рассмеяться, официальное существо женского пола решительно подняло рюмку коньяка, от которой только что манерно отказывалось, хлопнуло её, не закусывая, и секундным извинительным жестом приложив руку к надёжно задрапированной груди, рысью рвануло на сцену и принялось что-то убедительно говорить саксофонисту, сопровождая свою речь нервными жестами. К несказанному удивлению гостей, музыкант, пятясь задом, удалился за кулисы, крепко сжимая саксофон, а **лабухи** вдруг неуверенно заиграли польку-бабочку.

Раскрасневшаяся партизанка вернулась к столу, с ходу пытаясь втолковать прохиндеям, что уже с завтрашнего дня репертуар будет ещё раз согласован с райкомом партии.

- Только ничего не публикуйте в центральной печати о наших недоработках, мы всё исправим...

Семён понял, что непродуманной шуткой может испортить Диме вполне работоспособный вариант.

- Зина, - сказал Семён (кажется, дитя картошки звали Зиной), *- я неудачно пошутил. У вас хороший ансамбль и клёвый саксофонист...*

Администраторша долго всматривалась ему в глаза, ища на

дне их подтверждение розыгрыша.

Только когда допили коньяк и перешли к мускату, подняв тост за нерушимую дружбу белорусского и русско-советского народов, Зина поверила и повела стеснительного Рабиновича танцевать. Всего лишь одним сатанинским взглядом за кулисы дамочка мигом вернула на сцену опального саксофониста-подпольщика, и с её благословения вальс-бостон оборвался на полуноте и полумрак ресторанного зала завибрировал от сумасшедшего рок-н-ролла, а затем в томном развратном танго Зина начала страстно поджаривать на своём немалом бюсте и без того уже изрядно разгоряченное выпивкой командировочное сердце Рабиновича. В конце концов, парочка исчезла. Семён честно досидел до конца мероприятия и видел ещё немало пикантных мизансцен из ресторанной жизни.

Вернувшись в номер, который оказался незапертым, Семён увидел громко храпящего Диму, легкомысленно раскинувшегося в своей, подвергшейся разрушительному воздействию урагана любви, кровати. На его волосатой груди атели импрессионистские цветы, образованные помадой партизанки Зины, которая, чувствуется, основательно истерзала интеллигентного москвича. Коллега прикрыл его торс, заросший густым, но уже, увы, наполовину седым волосяным покрывом, серой гостиничной простынёй и выключил свет...

В августе в Балакове, что под Саратовом, отмечали двадцатилетие Балаковского завода РТИ. Из Топтунов приглашали генерального Борисова и начальника УСП Антонова, но никто не поехал, для счёта послали от имени ТопАЗа Сербу.

Между тем, мероприятие, умело организованное директором БзРТИ Поджигаевым, тянуло на всесоюзный масштаб. Были

приглашены как руководители "Главрезинпрома", так и директора и главные инженеры всех заводов РТИ этой всесоюзной отрасли, то есть человек сто. Ну и, само собой, нужные партийные и советские чиновники городского и областного уровней.

Пир в *Дворце культуры гидростроителей* шёл до глубокой ночи. Горы снеди и выпивки поразили Семёново не избалованное в этом смысле воображение. Но когда занесли на соответствующих блюдах полсотни молочных поросят и расставили с таким расчетом, чтобы один поросенок пришелся не более чем на четверых гостей, он выпал в осадок, как и его сосед по гостиничному номеру и столу, генеральный директор МПО "Каучук" (увы, забылось имя-отчество). Тот заметил с умудренной улыбкой повидавшего жизнь совдиректора:

- Мы в Москве тоже не дураки выпить и закусить, но такой растраты, как сейчас демонстрирует Поджигает, я в своей директорской жизни ещё не видел. И, конечно, сам не допускал ни разу. Плачет, плачет по нему партконтроль...

Но через три месяца Поджигает попал не под партконтроль, а занял пост первого секретаря горкома партии... Директором же БзРТИ, спешно преобразованного в ПО "Балаковорезинотехника" ("Главрезинпром", соответственно, теперь, по-новомодному, "Союзрезинотехника") стал его заместитель милейший Голев Лев Витольдович.

На этой грандиозной пьянке, продолжавшейся три дня и три ночи, Серба познакомился с директорами основных заводов РТИ, готовящих поставку комплектующих изделий ТопАЗу, что немало помогло ему в последующие годы работы на ТопАЗе.

4.

Вернувшись из Балаково, Семён взял на три дня больничный по гриппу и залёг в общаге с головной болью и ломотой в членах. Выйдя в следующий понедельник на работу в Московскую дирекцию, он, словно июльский отпускник, не торопясь поднялся на второй этаж в апартаменты родного управления.

В плотно уставленной канцелярскими столами трапезной гудел интеллигентный люд. Лишь один стол оказался неожиданно пустым и незадействованным в творческом процессе управления. Покрытый солидным толстым стеклом, двухтумбовый, под бук, он уверенно держал оборону в правом - красном – углу помещения.

На стекле одиноко стояла вазочка-карандашница **под Гжель** с десятком идеально отточенных толстых (“сталинских” – для руководящих резолюций) цветных карандашей, стопочка чистой бумаги формата А-4 и табличка для дикарей с напоминанием – “ТопАЗ. Гольдберг Аркадий Исаакович, технический директор”. В самом нижнем уголке справа мелким шрифтом была подробность для дотошных посетителей, она же помета для посвящённых – “УСП”...

Несведущие командированные из глубинки с заводов-смежников, а то и директора этих заводов, иногда забредавшие в трапезную УСП, конечно, и не догадывались, что Гольдберг всего лишь замначальника технического отдела Управления смежных производств ТопАЗа, одного из десятков управлений ТопАЗа...

И принимали его за технического директора всего ТопАЗа, а то и Минавтопрома! Что очень льстило Аркадию Гольдбергу.

Именно за этим столом Ната так любит делать уроки.

Самого “технического директора” на месте не было, и Семён уселся на его место в обитое мерзким коричневым **кожимитом** бюрократическое кресло фабрики “Красный рассвет”.

На прошлой неделе, когда Семён организовал Гольдбергу, как коллеге по ЗАЗу и земляку, изготовление в переплётной

мастерской за “Балчугом” сотни дефицитных визиток, они чуть было не поссорились. Дело в том, что Семён не утерпел и заложил в тексте визитки дружескую шпильку. Ну, натура такая противная – хохмить семь дней в неделю! Отчество технического директора наборщик с подачи Семёна набрал с тремя “а”. Получилось - **Исаакович**...

Вначале обрадованный Гольдберг ничего не заметил. Скрипя сердце, рассчитался, со вздохом отдавая десятку. Визитки-то превосходны. Твёрдый гляцевый полукартон, в два цвета, фон – “кофе с молоком”, текст – “шоколадный”... Но кто-то из бескорыстных доброжелателей открыл техническому директору глаза, и Аркадий Исаакович при первой же встрече схватил Семёна за галстук.

– Блин, что ты напечатал на визитках, **шлемазл**?..

Семён вытаращил глаза на **технического директора**.

– ???????????????...

– *В отчестве три “а”!* – Продолжал возмущённый коллега. - *Министр меня засмеёт!..*

Серба отвоевал галстук и рассмеялся. Все знали, что Гольдберг невероятно честолюбив и чёрт-те что о себе воображает.

Коллеги давно смирились с гонором и амбициями Аркадия Гольдберга и лишь подтрунивали над ним иной раз. Семён ухмыльнулся. Он знал, что Аркадий к министру Полякову не вхож, туда допущены лишь генеральный Борисов, поскольку он в ранге замминистра, технический директор ТопАЗа Плакин и руководитель Московской дирекции ТопАЗа Басаев... А товарищ Гольдберг вхож лишь к Кларе Соломоновне, секретарше замминистра Б.

– *Ну и что,* – рассмеялся Семён, – *так ведь даже лучше, гораздо солиднее, значительнее...*

Гольдберг подумал, вынул из карандашницы превосходно заточенный толстый красный – **директорский** – карандаш, повертел его в руке и поставил обратно.

– *Пожалуй, ты прав, **пся крев**, лишняя буква будет работать на результат. На этот раз я тебя прощаю. Но смотри, со мной свои хохмочки брось!..*

– *Это ты брось зажимать премию за находчивость. Где бутылка армянского коньяка? Ты же обещал! Ну, пусть не армянский, если тебе не достать, так хотя бы грузинский тащи!*

Гольдберг призадумался. Расстаться ещё с четырьмя рублями и с 12 копейками для него было невыносимо. Вдруг он заулыбался, как майское солнышко.

– *Семён, а что если я рассчитаюсь натурой?..*

– *Это в каком смысле? – Не врубился Серб.*

– *Ну, ты это, холостякуешь ведь, да ещё и дитя таскаешь по ТопАЗам. Нехорошо это, не по-коммунистически... Женщина тебе нужна, подруга, а лучше жена... И как раз есть у меня одна на примете, вполне для тебя то, что надо. Она тебя в приличный вид приведёт и в Москве пропишет, у неё, знаешь, какие связи...*

Семён уже устал от попыток сослуживцев и особенно сослуживиц женить его и создать для не всегда причёсанной Наты сносные условия жизни. Поэтому он последнее время стал довольно покладистым в этом отношении, терпеливо выслушивал нотации и поучения, соглашался даже на смотрины, как те, что недавно были с Длинной Лошадью. Понимал он и то, что найти подходящую женщину ему, уставшему от десятилетней тяготы с Марией, будет непросто. Спросил, как можно более безразлично:

– *А что, она не твоя **подшефная**?..*

– Ну, что ты, что ты, мы с ней просто дружим... Она – большой человек, у самого Евгения Артёмовича референт!..

– Как, первого замминистра?..

– Ну да! Я тебе жизнь в светлую сторону поверну, может быть...

– А зовут-то хоть как? Не Клара Соломоновна случайно?.. – Скривил кислую рожу Семён.

Исаакович чуток стушевался, но быстро взял себя в руки:

– Ты угадал. Я тебе абы что не посоветую. Женщина самостоятельная, и квартира шикарная однокомнатная на Малой Бронной!..

Семён молчал, не зная, как отвертеться от Аркадия. Не скажешь ведь, что бабцы типа **крепко за тридцать** после знакомства с Длинной Лошадью очень обесценились в глазах отца-одиночки. Не видя энтузиазма в глазах Семёна, Гольдберг осуждающе покачал головой.

– Ты вроде современный человек, а сам себе враг. Даже предположить не мог, что имею дело с антисемитом. Фу, какая гадость!.. Отчество ему, видите ли, не нравится. Ты хоть слышал когда, кто такой Соломон и какова его роль в создании современной цивилизации?..

Тут уже Семён, вдумавшись в гневную отповедь правоверного ленинца Исааковича, не выдержал и облегчённо рассмеялся. Уж чего-чего, а интернационализма у Сербы выше крыши. Была бы женщина по сердцу, а то, что она Соломоновна да хоть бы и **Исааковна**, имело бы второстепенное значение...

– Ну, ладно, только для тебя сделаю исключение из моих последних правил... И как ты предполагаешь нас познакомить?..

– Нет ничего проще. Я уже всё продумал. Завтра с утра мы едем с тобой в Минавтопром, последний раз ты закажешь разовый пропуск, и я заведу тебя к ней, вроде чтобы попросить

оформить тебе постоянный министерский пропуск. Будешь ходить с красной корочкой, как белый человек...

У тебя фото 3х4 есть? Если нет, то сбегай с утра сфоткайся...

– Есть у меня, – засмеялся Серба, – за обложкой паспорта всегда ношу...

– Ну, тогда ты к борьбе за дело Ленина-Сталина готов... Будь здоров, до завтра!..

Сказано – сделано! На следующее утро, а оно выдалось в ту последнюю декаду сентября тёплым, тихим и ласковым, Семён Серба и Аркадий Гольдберг убедили начальника Управления, что им неотвратимо нужно податься в Минавтопром, в холле которого их якобы будут ждать командированные с Медвежанского завода РТИ для согласования технических условий на производство уплотнителя лобового стекла на автомобиль ТопАЗ.

Никифор Витальевич то ли поверил, то ли сделал вид, что верит. Вальжный Антонов часто отпускал подчинённых полетать по Москве в самостоятельном полёте, так как не всегда с утра готов был загрузить их хоть какой работой. А так, побегают, расширят кругозор, да и день быстрее пройдёт.

Начальник он, в-общем, был хороший, не жлоб и не зануда. Просто глубоко несчастный человек. Ну, в самом деле! Зачем-то припёрся из Кременчуга с туповатой да мужиковатой любовницей Тосей, хотя и в Управлении, и вообще на ТопАЗе доступного бабья, как голубей у Белорусского вокзала. Но назад хода нет, и придётся ему этой почти сорокалетней образине пробивать квартиру и держать при себе секретаршей.

С другой стороны, всё руководство ТопАЗа, целые бригады из управлений Главного конструктора и Главного технолога и даже его коллеги, начальники “Металлоснаба” и “Техснаба”, регулярно

ездили в командировки в Штаты, Францию, Италию, ФРГ и даже в Японию, а он, поводырь всей внешней кооперации ТопАЗа, нигде ни разу пока что не был.

А ведь коллеги не просто ездили подышать миазмами загнивающего Запада, но и по приезду “Волги” покупали в “Берёзках” и, даже страшно вслух сказать, делали **там**, в загранке, неплохие капиталы на контактах с инофирмами, жаждущими заключить контракты с ТопАЗом на поставку оборудования и технологий...

Так что гуляйте, мужики, пока Никифор Витальевич полдня курит трубку и строит планы облагораживания личного благополучия...

Аркадий, как всегда, панически боялся застрять в лифте и потащил коллегу на допотопную когда-то мраморную лестницу. Запыхались, покуда добирались до нужной двери на третьем этаже. Вначале миновали солидную дубовую дверь-портал в обиталище замминистра. А следующая – то, что надо. Над дверью кабинета скромная табличка золотом по чёрному фону – “Референт”...

– *Клара Соломоновна, привет, дорогая!* – По-свойски потрепав приятельницу по загривку, Аркадий Исаакович подтолкнул оробевшего провинциала к столичной даме. – *Вот тот джентльмен, с которым мы до ТопАЗа много лет вкалывали на ЗАЗе. Знакомься, его зовут Семён! А ещё лучше – Сенечка!..*

Семён внимательно посмотрел на женщину. В прошлом, несомненно, миниатюрная, к сегодняшним 35 уже довольно перекормленная. Однако борется за место под московским солнцем, красится, штукатурится, завивается...

– *Клара...* – томно проворковала хозяйка небольшого, квадратов восемь, кабинета на третьем этаже здания

Минавтопрома на улице Дзержинского, то есть Большой Лубянке, по-мужски протягивая для знакомства правую руку с двумя золотыми перстеньками с камушками. Пальчики, полноватые для молодящейся **фемины**, оканчивались не по-пролетарски длинными ногтями кричаще алого цвета.

– Семён... – негромко ответствовал Серб, пытаясь выглядеть независимо и осторожно пожав протянутую ручку.

– *Присаживайтесь, гости дорогие. Пока у меня шеф в отъезде, мы можем спокойно поговорить. Так что, Аркаша, если я тебя правильно вчера поняла, ты просишь сделать Семёну удостоверение МАП со вторым допуском?..*

– *Ну да, он у нас начальник серьёзного отдела и повседневно околачивается в Минавтопроме. Опять-таки, в Миннефтехимпром часто ходит, там тоже пока бумажку выпишешь, день и прошёл... Неудобство, да и дело страдает... Ему, как воздух, необходим постоянный пропуск в Минавтопром!..*

Впрочем, если не можешь сделать постоянный пропуск сюда, сделай ему пропуск в своё сердце... Имей в виду, он мужчина неженатый и очень положительный!..

Клара Соломоновна улыбнулась, слушая трёп своего приятеля. Охладила его порыв.

– *Ты меня, Аркадий, уже который раз втягиваешь в нарушение установленного порядка. Знаешь ведь, что от ТопАЗа имеют удостоверения МАП с постоянными пропусками лишь первые лица – Генеральный, замы, главный инженер, главный технолог, главный конструктор, руководитель Московской дирекции...*

Гольдберг перебил Клару Соломоновну.

– *Ну, Кларочка, ну, не будь такой противной. Ты же вчера обещала...*

– Аркаша, не гони лошадей! И с каких это пор ты стал верить женским обещаниям?.. Ох, опять надо вступать в сделку с совестью. Доведёшь ты меня до того, что меня вытурят из МАПа. А заодно и из партии. Ты будешь тогда меня содержать?..

Ладно, уговорили! Семён, давайте паспорт и фотку. Я быстренько сделаю то, что вы хотите...

Семён достал паспорт в красной ледериновой обложке с ярким гербом СССР, из-за обшлага обложки извлёк блок своих фотографий 3x4, оставшихся ещё с прошлого года, когда фотографировался на Топазовское удостоверение при поступлении на работу. В блоке осталось три его физиономии, но Клара Соломоновна отрезала две, а оставшуюся по-свойски положила Сербе в нагрудный карман пиджака.

– *Сейчас я вас, мальчики, покину на пять минут, а вы куда полистайте аморальные журнальчики.* – Она вытащила из недр книжного шкафа три номера **Плейбоя**. – *Вчера только мужики из Лондона прилетели и, когда командировки отмечали, оставили мне для расширения кругозора. Такая гадость, между прочим. Как вас, мужиков, только и тянет на подобную похабность!..*

Клара Соломоновна вышла, а Семён с Аркадием с немалым любопытством погрузились в изучение тлетворной буржуазной журнальной продукции. Но основательно разобраться с забугорным маразмом не успелось. Клара Соломоновна вернулась, как и обещала, через пять минут, неся двумя руками удостоверение Минавтопрома для ответственных, **руководящих** кадров. Она вручила **корочки** Сербе так торжественно, как Леонид Ильич поздравляет и награждает космонавтов. Даже обняла Семёна так же крепко и тепло, разве что не поцеловала в засос, как обычно практикует Генсек... И это было что-то. В смысле – корочки!

Тяжёлые тёмно-красные, почти вишнёвые створки удостоверения с тиснёным золотом гербом Союза, уверенно распахивались, являя миру солидное нутро, внушающее уважение строгим оформлением.

Серба, не веря своим глазам, вчитывался в чеканные буквы:

Министерство автомобильной промышленности СССР

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 149

Предъявитель настоящего удостоверения

*тов. **Серба Семён Станиславович***

*является **начальником отдела ПО ТопАЗ***

*Действительно по **31 декабря 1978 г.***

*Заместитель министра **Нннннннн***

На правой стороне удостоверения красовалась физиономия Сербы формата 3x4, освящённая сложной печатью МАПа, две матрицы вида “Срок продлён по “ “ 19__ г. Начальник хозуправления _____” и, главное, табличка из четырёх ячеек.

В первой ячейке красовался лиловый штамп в виде контура пятиконечной звёздочки, внутри её чётко просматривалась цифра “2”, что, как оказалось, означало второй уровень доступа в здание МАП и его подразделения в других местах Москвы и Союза.

Во второй ячейке расположился оттиск, напоминающий эскиз энцефалитного клеща. Клара Соломоновна пояснила, что это штамп “вездеход”, позволяющий обладателю удостоверения беспрепятственно посещать все заводы Минавтопрома...

– Ну, мальчики, **такое** удостоверение надо обмыть, иначе оно может потеряться или ещё что... Понимаю... Вы не предполагали такого поворота дела и не подготовились должным образом... Не расстраивайтесь, я приду на помощь.

Она открыла холодильник “ЗИЛ”, скромно стоявший в углу, и

извлекла из него початую бутылку коньяка и полпалки уже редкой тогда “Брауншвейгской”... Очистила от тошнотворных служебных бумаг половину своего письменного стола и пригласила гостей придвинуться теснее к месту действия.

Аркадий, чувствовалось по его уверенности, здесь бывал не раз, потому что без подсказки нашёл вилки, нож, полбатона вчерашней **халы** и фужеры.

5-ти звёздочный “Арат” Семён ещё в жизни в рот не брал, хотя за годы работы в торговле довелось много чего перепробовать.

Когда ехали на метро в Минавтопром, Аркадий Исаакович подробно просветил Сербу относительно выдающихся женских качеств Клары Соломоновны.

– Не будешь знать никаких проблем. Дочку воспитаете лучшим образом, потому что у Клары своих детей пока нет, а она очень хочет создать нормальную советскую семью...

*Опять-таки, её связи. У неё божественные связи! Не мне тебя учить, но не забывай, что **блат** выше Совнаркома!.. Тебе не надо будет ехать на край света в задрипанные Топтуны, Клара решит вопрос на-раз, и ты вскоре, на зависть всяким Ляхам и Красивчукам, станешь номенклатурой МАПа... Ты же не дурак, голова светлая, сможешь сделать хоть какую карьеру...*

Гольдберг так нахваливал Клару Соломоновну, что Сербу едва не стошнило, и он вполне мог психануть и устремиться, выходя из метро на “Дзержинской”, не в сторону “Детского мира”, а к Политехническому музею, например...

Вообще, прошёл едва год, как Семён освободился от семейной каторги с Марией, и снова вешать себе на шею почти сорокалетнюю прохиндейку не было никакого энтузиазма.

Но с другой стороны, интересы дочки вроде бы диктовали

необходимость некоей отцовской жертвы, так что придётся, видимо, познакомиться с **протеже** Аркадия поближе...

Кабинет Клары Соломоновны был хотя и тесноват, зато имел приличную дореволюционную лепнину на потолке и камин, сгоряча заложенный большевиками в первые годы строительства нового общества простым бурым кирпичом и всё ещё по недосмотру обрамлённый чудными изразцами типа Гжели.

Да и само слово **кабинет** в данном случае имело неприлично-фривольный смысл, ибо во времена царя Гороха милое здание, возведённое по заказу Страхового общества в 1905—1906 годах архитекторами Л. Н. Бенуа и А. И. Гунстом в свободном неоклассическом стиле, было не что иное, как большой доходный дом, а попросту говоря, публичный дом, в коем кабинеты использовались по весьма приятному назначению...

Да, подумалось Сербе, вот здесь на месте холодильника и несуразного фанерного шкапа наверняка красовалась шикарная железная кровать с латунными шарами в изголовье и горой затейливых нескромных подушек. А на месте письменного стола тёмный дубовый трельяж с овальным зеркалом и целым выводком всяких **о-де-колонов**, духов и пудр...

Чуть дальше у камина, конечно, стояло затейливое кресло с бесстыжей пунцовой обивкой, а рядом легкомысленный комод типа “бабушкины тайны”. На развратной кровати, даже не надо включать воображение, возлежала аппетитная дореволюционная Клара, улыбаясь очередному клиенту в сногшибательной форме морского офицера...

Грустные размышления, честно сказать, не добавляли Сербе энтузиазма.

Клара Соломоновна, очевидно, поняла смятение Сербы и

взяла инициативу в свои холёные руки.

– Ну, мальчики, познакомились и будет. Мне пора за работу. Надо разобрать почту шефа, он завтра прилетит из Куйбышева и может прямо с утра коршуном налететь...

Сеня, а что Вы делаете сегодня вечером? Не сходить ли нам в кино?.. Считайте, что я приглашаю. От нынешних мужиков инициативы не дождёшься!..

Серба не ожидал такого бурного порыва руководящей дамы и только молча обречённо кивнул.

– Вот и отлично! Встречайте меня в пять часов у памятника этому малахольному Воровскому!.. Договорились. Тогда все условно свободны... Ха-ха!..

Когда Семён и Аркадий выбрались на площадь у МАПа и остановились у памятника действительно беспокоящему в первые советские годы рукастому Вацлаву Воровскому, расстроенный Семён спросил Аркадия:

– Ну и что мне теперь делать? Как мне оставить Нату на целый вечер? Я же никогда её в Москве саму надолго не оставляю...

Гольдберг потащил его за рукав в сторону Кузнецкого моста, тараторя успокоительные доводы.

– Не оставлял, так сегодня оставишь. А если Клара, допустим, тебя к себе домой пригласит, а там, как говорится, слово по слову, аргументом по столу, и может оказаться, что метро уже не ходит... Думай!

Семён, конечно, мог позвонить с работы на Нижегородскую и попросить соседку Татьяну Байбакову накормить Наташу, проверить уроки и уложить спать, так как он, возможно, придёт сегодня поздно...

Стыдобушка великая, понятно, просить о чём-либо соседку, тяжёло переживающую несбыточность её планов относительно Семёна... Тем более, это будет знать и его недавняя страсть – Ирка...

Пожалуй, лучше попросить секретаршу шефа Галку Бочонкину съездить на Нижегородскую и переночевать с Натой, но тогда всё Управление будет завтра знать о его похождениях, а это совершенно нежелательно. Да и после того, как случился облом с Длинной Лошадью, товарищеские отношения с Галкой весьма потускнели – ведь она так хотела тогда сосватать Семёна за свою практичную подружку...

Ещё можно отвезти Нату в гости к Галке Хлопониной, та давно ждёт их на фирменные оладушки. Но это невыполнимо из-за нехватки времени, потому что надо тащить Нату через всю Москву с двумя пересадками на метро. Цейтнот...

И тут Семёна осенило. Ведь есть одна-единственная добрая душа в Управлении, кому можно доверить такую деликатность. И эта душа – Людмила Германовна... Главное, вызвать её из трапезной и исповедаться наедине, так, чтобы заместительница Клавдия Михайловна ничего не заподозрила...

Когда Семён с Аркадием Исааковичем зашли в Управление, за канцелярскими столами кипела работа.

Наташа уже приехала со школы и сидела за столом Гольдберга, делая уроки. Она радостно вскочила и побежала навстречу папе.

– *Наталья*, – строго сказал папа, – *Аркадию Исааковичу надо поработать! Собирай тетрадки и пересаживайся за мой стол, я пока пообщаюсь с Людмилой Германовной... Ты уже обедала?..*

– *Да, папа*, – доложила дочка, – *Людмила Германовна водила меня в буфет, там ещё оставались котлеты с макаронами. И*

компот яблочный...

Присев к столу Людмилы Германовны, Семён сначала минут десять расспрашивал её о том, как подвигается работа по выверке номенклатуры резино-технических изделий, закреплённых за отделом. Людмила Германовна доложила, что сегодня с утра приходили ребята из Управления главного конструктора и принесли дополнения к перечню манжет армированных на двигатель. Так она, не будь душой, послала их по назначению в технический отдел Управления...

– Говорю им, мол, вот вы отнесите свои чертежи и бумаги сначала в наш техотдел. А уже он нам передаст их официально с сопроводительным реестриком...

– Правильно, – похвалил её Серба и перешёл к главному вопросу, – Людмила Германовна, завтра выходной и, между нами, у меня вроде намечается что-то по линии личной жизни... Вы не поможете отцу-одиночке?..

– Семён Станиславович, что за вопрос? Надо за Натой посмотреть? Нет проблем! Я её забираю, и сегодня у нас переночует. А завтра утром умою, причешу, накормлю и отправлю в школу... Всё будет, как надо, не беспокойтесь...

Впрочем, если надо, то пусть после школы едет к нам и уже тогда гостит до понедельника. Вдруг ваши личные дела затянутся...

Семён облегчённо вздохнул.

– Спасибо, Людмила Германовна, не знаю, как мне Вас и благодарить... Вот возьмите десять рублей на проезд и прочее...

Серба обычно человек пунктуальный. Без десяти пять он уже околачивался у памятника малахольному наркоминделу.

Клара Соломоновна возникла из министерского парадного тоже довольно точно – в три минуты шестого...

– *Сеня*, – предложила референт Заместителя Министра, мягко взяв Семёна под руку и разворачивая его в сторону Кузнецкого Моста, – *я подумала, что сходить в кино мы всегда успеем... Пошли-ка ко мне домой, попьём кофею, посмотришь, как живут самостоятельные москвички... Лады?..*

Семён тупо кивнул, не решаясь, из известных только ему финансовых соображений, предложить ресторан, как того вроде бы требовал ответственный момент знакомства...

Погода баловала последними тёплыми осенними деньками, поэтому не торопились, просто гуляя и наслаждаясь ничегонеделаньем. Безоблачное небо отражалось в витринах и подкрашивало мрачноватые стены старинных зданий в более мягкие, пастельные тона... Когда выбрались на улицу Горького, Семён предложил даме заглянуть в “Елисейский”, чтобы взять торт и бутылку чего-нибудь крепенького.

– *Вот этого не надо делать! Это мои места, и меня здесь многие знают. Не хватает ещё, чтобы меня увидели в “Елисейском” в винном отделе!.. У меня дома всё, что душе угодно, есть, поэтому идём прямо ко мне, не переживай!..*

Беседа, парочка дошла до Пушкинской площади и там перешла Горький-стрит. Получилось, что добрались до Малой Бронной по людным московским улицам менее чем за час.

Дом, где обитала Клара Соломоновна, был ухожен и солиден. Он уверенно стоял в глубине двора, засаженного довольно старыми липами.

– *Согласись*, – похвасталась Клара, – *место у меня здесь божественное, – рядом Патриаршие пруды.*

В подъезде, как в Париже, за фанерным столиком с чёрным

телефоном сидела седая бабулька-консьержка, довязывая очередную варезку. Об этом мелкобуржуазном пережитке, то есть о консьержках, Семён только читал у Золя да Бальзака.

Итак, Малая Бронная, дом 19, 3-й этаж 6-и этажной кирпичной **сталинки**. Общая площадь - 34 кв. м., жилая площадь - 24 кв. м., кухня - 6 кв. м., окна - во двор, санузел - раздельный, Хороший двор, отличный, чистый, со свежим воздухом подъезд...

Старинный лифт в коробе из стальной сетки, жизнерадостно окрашенной в горчичный цвет, услужливо дожидался на первом этаже.

– *Я избегаю московских лифтов*, – заартачился Серба.

– *Хозяин – барин*, – засмеялась Клара, – *я тоже иногда заставляю себя размяться. Пойдём ножками, дело полезное...*

– *Входи, не бойся, собаки нет, я за неё*, – Клара Соломоновна хрипло хохотнула, справилась с двумя замками и распахнула обитую тёмно-синим дерматином дверь, – *можешь не разуваться, тапок гостевых не держу, а пол паркетный, дубовый. Чем больше по нему **ходют**, тем больше блестит...*

Квартира оказалась приятной планировки, довольно просторная. Комната действительно практически квадратная, с высоким, в 3,20, потолком. Центром мира здесь была, несомненно, шикарная диван-софа “Лира”, скорее всего болгарского производства.

Над этим восхитительным лежбищем одинокой женщины висел настоящий старинный ковёр “2x4” азербайджанского, а может быть, и турецкого ручного ткачества. Узор не нашенский, какая-то геометрическая абракадабра, но достаточно мило, главное, глазу приятно. Слава богу, подумалось Семёну, не базарные “Лебеди на пруду”...

Разумеется, большой круглый стол, покрытый вязаной скатертью типа вологодских кружев – сиреневые цветы на белом

фоне. Над ним вроде бы старинная бронзовая пятирожковая люстра. И два невыдающихся кресла современного убогого **рационального** дизайна... Да, и ещё три неплохо сохранившихся венских стула, скорее всего из бабушкиного наследства...

На столе в вычурной стеклянной вазочке навечно засохли три когда-то красные розы. Розы, как и два невымытых хрустальных фужера показались Семёну покрытыми несегодняшней пылью...

Слева у стены располагался тяжёлый дубовый платяной **шкап** довоенной, скорее всего ещё нэповской выделки. Дальше за ним, за тяжёлым тёмно-вишнёвым плюшевым ламбрекеном угадывался выход на балкон. Клара хвалилась по дороге домой, что с её балкона видны Патриаршие пруды. Значит, квартира находится в торце дома.

По правую руку от стола на изящной тумбочке проживал телевизор. На нём потемневшая деревянная дореволюционная рамочка с вычурной резьбой, сохранившая до нашей космической эры карточку неведомых, мещанского облика, дедушки и бабушки, возможно, предков Клары и трудяга будильник "Витязь" с зайцем на циферблате.

Казалось бы, обычная советская квартирка, каких на просторах Союза десятки миллионов, впрочем, что-то отличало её от привычного облика. В ней нехватало чего-то непрямого, жизненно-важного. Семён задумался, но вдруг, сообразив, рассмеялся.

Недоставало, по крайней мере, трёх почти обязательных сущностей городских жилищ – этажерки с книгами, комнатных цветов и кошки!..

– *Садись, располагайся,* – проворковала Клара Соломоновна, – *можешь снять пиджак, будет жарко, потому что проверяют отопление и батареи почти горячие...*

Прости, мне надо переодеться, я тебя на пять минут выселю в кухню. Пойдём!..

Небольшая, но уютная кухонька выходила окном во двор, то есть на Малую Бронную. За окном вечерело. Был смутно виден похожий дом на противоположной стороне улицы. В большинстве окон уже горел свет.

Семён осмотрелся.

Холодильник “ЗИЛ”, **гэдээровский** кухонный гарнитурчик из ДСП, такие же табуретки, 4-х конфорочная газовая плита завода **Брестгазоаппарат**.

Клара налила воды в трёхлитровый эмалированный чайник, разрисованный под **Гжель**, включила правую конфорку газовой плиты и поручила Семёну посматривать, пока она будет в комнате переодеваться к ужину.

Конечно, пять минут плавно растянулись на пятнадцать, но ведь за это время Клара и в ванную, и в туалет успела наведаться, и несколько раз проскрипеть тугими дверцами платяного шкапа, выбирая подходящие одежды.

– Ну, вот, я и готова! – Вошла Клара, умывшаяся и густо **намазюканная** по случаю гостя в доме. Розовый, коротенький не по возрасту, шикарный шёлковый халат был фривольно завязан таким же кушаком. *– Ты, молодец, даже чайник выключить сумел. Некоторые современные мужчины боятся подойти к газовой плите...*

Пойдем в комнату! Пировать будем там. Хотя нет, сначала сходи, куда надо, а в ванной не поленись, прими душ, пока я накрою на стол!..

Семён действительно давно хотел посетить туалет, но, по глупости, стеснялся. Но если случай представился, то надо

воспользоваться.

Потом подался в ванную, где обнаружил горячую воду в кране, и с наслаждением ополоснулся, отметив, что мыло обыкновенное “Детское”, а зубная паста у хозяйки неплохая – “Жемчуг”...

Какое благо сполоснуться под душем после напряжённого трудового дня!..

Однако полотенце показалось Семёну не совсем свежим. Ну, да ладно, не будем мелочными! У него самого с дочкой тоже с полотенцами напряг...

На стеклянной полочке под настенным зеркалом кроме мыла и зубной пасты стоял обыкновенный гранёный стакан с несколькими зубными щётками, толпились всякие баночки-скляночки с разными мазями и обтираниями, бритвенный станок, духи “Красная Москва” и одеколон “Шипр”... Но если “Шипр”, то, значит, у хозяйки бывает в постоянных гостях мужчина...

Когда Семён вернулся в комнату, там уже царил праздник. Поверх кружевной скатерти улеглась бежевая льняная. Исчезли, быть может, навсегда, засохшие розы, а невытые фужеры или вдруг быстро отмылись, или заменены на чистые...

С бутылкой превосходного портвейна “Массандра”, 1969 года, соседствовала бутылочка коньячка “Варцихе”, а рядом парочка приземистых коньячных бокальчиков перемигивалась с двумя хрустальными фужерами...

С ужином, правда, Клара Соломоновна подвела – лососинка, половинка копчёной курочки, сыр костромской, колбаска твёрдо-копчёная “Советская”, масло вологодское в забавной деревянной маслёнке, батон нарезной, к счастью, свежий... Но ничего горячего, домашнего, на что надеялся гость.

– *Готов? Только давай без телевизора!* – Приветствовала Семёна Клара Соломоновна, приглашая к столу. Она шагнула к

телеящику и щёлкнула выключалкой, вырубая программу “Время”.
– Не люблю этот шум и гам. Одни **старперские** рожи. За день насмотришься их до тошноты на работе...

Сень! Садись и открывай бутылки! Что будем пить?..

– А может быть, без спиртного? – Попробовал изобразить трезвенника гость.

– Нет уж, зашёл в гости к незамужней женщине, так не изображай **пионэра**. Я предлагаю портвейн оставить на потом. А немного отведать коньячка. “Варцихе”, надеюсь, тебе не повредит. Впрочем, и мне тоже. Открывай, а то ведь допоздна засидимся, а завтра коллегия Министерства, мне надо будет быть в хорошей форме...

Семён распечатал бутылку, налил вначале в бокал дамы, затем себе. Слава богу, вспомнил, что вначале себе положено наливать лишь вино, если бутылка запечатана корковой пробкой...

В бокалах качнулись озёрца тёмно-янтарного цвета с золотистыми тонами. Нос ощутил сложный, экзотический букет, умягчённый тонами легкой ванили, тонкими кофейными нотками и едва распознаваемой тёрпкостью.

– Ну, за встречу двух одиноких сердец! – Предложила хозяйка.

Семён кивнул, соглашаясь с тостом, и медленно выпил превосходный коньяк до дна. Если честно, то такую прелесть ему посчастливилось попробовать впервые.

– Ну, как? Оценил? Это мне Гога с Тбилисского авторемзавода привёз ещё летом. Но не с кем было продегустировать...

Мне часто ребята командированные привозят с юга то коньячок, то винцо. И я перед ними не в долгу, всегда могу командировочку на пару дней позже отметить, чтобы человек успел и свои дела в столице отрешить... Так и живём...

Ужин шёл своим чередом. Клара Соломоновна довольно быстро, на третьем тосте стала запинаться и очень громко смеяться.

Семён же, напротив, почему-то не хмелел. Он всё более досадовал на самого себя. Зачем пошёл к этой курице Кларе в гости? А отдал Наточку в чужие руки, – разве так поступает хороший отец?

Вообще, к чему весь этот балаган? Ясно же, что дамочка танком прёт, чтобы выйти замуж, ведь скоро сорок, а там уже и песенке конец...

*– Сень, хочешь, я тебе расскажу, как мне удалось отхватить эту квартирку?.. После гибели родителей в автокатастрофе в 1970 году, я и сестра Фая оказались без всякой поддержки, и мы жили на одну мою зарплату и её **стипуху**, а это, как ты знаешь, копейки...*

К тому же, хотя комната в коммуналке у нас с ней была не маленькая, восемнадцатиметровка, и на двоих нам, без родителей, вроде бы хватало, но вдруг Фая подвернулся случай выйти замуж. Но не жить же нам с ней втрём?..

Семён слушал вполуха. Он думал о своём. Значит, так. Пошёл на поводу у Аркаши, а надо было прислушаться к самому себе. Представим, что с Кларой будет заключён брак по расчёту. Ей нужен муж для показа белу свету, а ему нужна надёжная баба, чтобы воспитать дочь и самому не опуститься до “Тройного” одеколона.

Семён представил, как через полчаса Клара раздвинет и застелет диван, и ему придётся изображать африканскую страсть и удовлетворять похоть абсолютно чужой женщины, к тому же в немалых летах, не уродки, но и не во вкусе Семёна.

Он ведь за свою неорганизованную жизнь разбаловался в

основном на девчонках значительно моложе себя. Лишь три, – Валюша, Нина и Мария, были ему ровней, и, вероятно, только Нину, свою по-настоящему первую женщину, он любил и любит настоящей плотской любовью...

Однако девчонки, а их было немало, своей непосредственностью и неподдельностью чувств оставляли всякий раз в душе Сербы долго неостывающий жар доверия душ и тел... Взять хотя бы ту же Сонечку Вольскую, продавщицу из магазина, где Семён был завмагом. Ей тогда ещё, кажется, и восемнадцати не было. А у него уже был самый мужской возраст, возраст зрелого Иисуса Христа, 33...

Или Маринка, красивая и добрая, настроенная на долгую, счастливую семейную жизнь?.. Но не получилось. Нелепая случайность убила такую славную птаху...

Приятно было вспомнить и несколько чудных денёчков, проведённых с двоюродной племянкой Любаней, когда та приезжала погостить после седьмого класса. Тогда Семён бросил все свои заводские дела и длинные командировки, взял на “Коммунаре” неделю отгулов и, не обращая внимания на косые взгляды Марии, водил славную девчужку и по городу, и на пляж, и даже в кино.

Сердце Семёна замирало от нежности и желания, но малолетство Любани защитило её от возможного развития их отношений по неправильному пути.

Всё ограничилось парой настоящих взрослых поцелуев и долго нерасцепляемых сумасшедших объятий в последнюю минуту в вагоне, когда она уезжала в свою пыльную **глубинку** – Лозовую – с небольшого старинного вокзала Запорожье-II, или, в просторечии, с **Екатеринки**...

В предельно растрёпанных чувствах возвращался тогда Семён с Екатеринки, и воспалённый мозг рисовал и рисовал запретные

картины того, что могло бы быть у него с Любаней, случись эти развратные поцелуйчики не в последнюю минуту перед отправлением поезда, а в первый день её приезда...

И, странное дело, годы идут, а память об этой девочке так свежа и сладка...

А вот последний амурный опыт с Ирой Байбаковой, соседкой по квартире на Нижегородской, получился не вполне удачным, но ведь никто и не обещал, что все такие связи должны оканчиваться счастливым концом...

Хотя как смотреть! Ведь могло по-всякому обернуться.

Например, Ирка могла мамочке с перепугу рассказать. Или младшая сеструха Стэлла могла маме Тане донести. Или у самой мамы однажды могли глазки открыться. Вполне тогда самое малое – грандиозный скандал с сообщением на работу и вполне возможными оргвыводами начальства, то есть конец карьере на ТопАЗе, крест на квартире, на возможности вырастить Нату вольно и по-своему...

Или мамочка могла так всё повернуть, что пришлось бы жениться на Ирке, а это вообще маразм. Жить впятером в двух комнатках коммуналки без всяких перспектив **зацепиться** в Москве – подвиг, на который Семён уже был неспособен. Лет так десять тому ещё мог бы по пьяни влезть в подобную петлю, и, было дело, выбросил на Марию именно десять годков, а сейчас вроде перерос, как-то остепенился, а может, обленился...

И вот, итога весь этот странный вечер у Клары Соломоновны, анализируя прошлое и прогнозируя возможное будущее с жаждающей официального брака мегерой, Семён, наконец, решился.

Он наколол на вилку колбаски, отправил в рот, старательно жуя превосходную продукцию комбината имени товарища Микояна и

тем самым перебивая запорожские воспоминания и анализ своих московских походов, и начал **обрубать концы**.

– Клара, что-то я загостевался... Пора и честь знать!. Побегу-ка я на метро, пока не закрылось... Спасибо за такой сердечный приём!..

Но Клара Соломоновна была не промах и действовала прямо-таки по Аркашиным предназначениям.

– Ой, Сенечка, посмотри на часы – первый час. Никакое метро тебя уже не увезёт, потому что пока добежишь до ближайшей станции, будет второй час ночи... Понял? А такси ночью вообще прут только в парк...

Оставайся, не стесняйся, мы же взрослые люди.

Софа достаточно широка и рассчитана на двоих. Если я тебя смущаю, могу себе постелить на полу...

Семён без стеснения облегчённо вздохнул. Надо же! Клара Соломоновна поняла его состояние и решила отложить добивание жертвы до лучших времён.

– Что за разговор? – Запротестовал Семён. – Это как раз я могу переспать на полу. Дело привычное, много лет пришлось жить в неопикуемой тесноте... Стели, в самом деле, мне на полу. Лучше у телевизора, чтобы тебе через меня не переступить, если что...

Клара Соломоновна усадила Семёна на стул у шкапа, но затем заставила передвинуться так, чтобы можно было открыть в нём левую дверцу, а сама принялась готовить постели. Застелила чистым льняным бельём “Лиру”, затем, бросив на пол одинарный стёганный матрасик, сохраняемый на антресоли как раз для друзей и родственников, соорудила лежбище на полу у телевизора.

Сбегала в ванную, затем шумнула водопадом туалетного бачка, проверила цепочку и замки на входной двери...

Наконец, погасила свет и легла на своё законное место.

– Всё, дорогой! Спим, хотя завтра можно будет и подольше поспать...

Семён долго крутился, безуспешно пытаясь укрыться коротковатым стёганым одеялом, потому что из-под балконной двери изрядно тянуло ночным осенним холодом, и он, всю жизнь избегавший сквозняков, скрючился в позе эмбриона, чтобы согреться.

Хотя, казалось бы, чего мудрить. Залезай на софу “Лиру”, а там горячая Клара в момент и согреет, и приголубит... Но... Но, нет!..

Клара тоже то и дело шумно поворачивалась в широкой постели. Семён вдруг представил, сколько мужиков резвилось с Кларой на гостеприимной “Лире”, и ему стало противно до тошноты. Как хорошо, что удалось отвертеться от практичной москвички.

И хотя его давно уже тянуло на сон, однако поспать не пришлось. Вертлявая хозяйка своим нервическим дёрганьем так растрясла несчастный диван, что он исторг из своего чрева несметное количество пыли высшего московского качества.

А Серба с пелёнок страдал дурацкой болезнью, неподвластной врачам. Глотнул пыли и – конец света! Ну, то, что деды называли сенной лихорадкой или весенней немочью. Недавно, правда, советская медицина согласилась с насквозь прогнившей западной и признала аллергию самостоятельной болезнью.

“Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!” зывал в известные годы агитплакат. Но назвать детство счастливым, когда вы неделями маетесь с соплями по пояс, трудно.

И каждый раз мама Анна бегом тащила его к врачам, эскулапы шли навстречу настойчивой мамочке и охотно признавали у

дитяти то воспаление лёгких, то бронхит. И всякий раз долго и тщательно просвечивали рентгеном. Сенечка в те годы получил такие дозы рентгеновского облучения, какие Жолио Кюри с супругницей Марией и не снились...

Однако Сенькина степная порода оказалась крепче достижений советской медицины, и он не сгинул от лучевой болезни. Возможно, Создатель выпустил его на белый свет для решения каких-то необычных задач и до выполнения поручения оберегает от мирских напастей...

Но вот от аллергии Создатель Сербу не ограждает. Или это ему в наказание за бестолковость, неумение организовать личную жизнь, бытовую неустроенность?..

К счастью, порывшись в кармане пиджака, висевшего рядом на спинке венского стула, Семён нашёл носовой платок и тихохонько, чтобы не разбудить Клару, попробовал облегчить нос, но как это сделать, не хрюкая?..

Дискомфорт нарастал, и Семён плюнул на приличия и поплёлся в ванную, где и высморкался на свободе, и ополоснул лицо холодной водой.

Немного полегчало, но это оттого, что выбрался из запылённой зоны. Стоило вернуться в комнату и лечь, как опять сковало удушьё и нестерпимое желание чихнуть и высморкаться. Получается, надо что-то делать. Ни о каком сне уже не могло быть и речи.

Семён встал и вышел на кухню. Открыл форточку, и поток ночной прохлады постепенно успокоил его. Так он и задремал, полужёжа на кухонном столике.

Проснулся, изрядно продрогнув. Старательно закрыл форточку. Стараясь не шуметь, наведалься в комнату, забрав пиджак, брюки и рубашку. Выходя, всмотрелся, напрягая зрение, в будильник. В

отсвете уличных огней удалось прочитать время – начало шестого. Вернувшись на кухню, оделся, чтобы согреться.

На его возню и шум проснулась Клара Соломоновна.

– Сеня, что случилось? Куда ты собрался, ночь на дворе?!

– Какая ночь, уже полшестого!.. Пока добежу до метро, всё заработает. Прости, но я, во-первых, не в своей тарелке, похоже простудился... Во-вторых, надо и совесть знать. Дочка у чужих людей, надо пораньше забрать, чтобы не обременять. И добраться ещё домой, покормить и переодеть к школе... Суббота ведь для детей не выходной. Прости!..

Спасибо за чудный вечер и так далее!.. Вообще за все хлопоты!..

Клара зябко куталась в халат, с трудом сдерживая досаду и зевоту.

– Ну, если так надо, тогда беги!.. Дорогу найдёшь?..

– Шутишь! Я тут всё знаю. Щас за пять минут до “Маяковской” добежу... Прости, что я такой беспокойный... Но я исправлюсь...

Хозяйка уже важно шла к двери, чтобы поколдовать с запорами.

У порога Клара Соломоновна ещё нашла в себе остатки гостеприимства и хладнокровия, чтобы чмокнуть Семёна в щёку холодными и бледными ненакрашенными губами.

Конечно, бегство от Клары Соломоновны едва не стоило Семёну дружеских отношений с Аркадием Исааковичем. Не успел он появиться на работе в по-утреннему бодро гудящей трапезной, как ощутил на себе кинжальный взгляд Гольдберга. Аркадий поманил его жирной рукой в рыжих волосках и с тяжёлым золотым перстнем-печаткой.

Пришлось идти к своднику и объясняться, почему невеста не подошла.

– Аркадий, пойми, Клара Соломоновна не виновата. Я как посмотрел её берлогу, так сразу понял, что это не мой вариант.

Не получилось бы у нас ничего. Я простой советский служащий, да ещё и с ребёнком, тем более девочкой, а за девочкой глаз да глаз нужен, не то, что за пацаном...

Оно ей надо?..

Да и, честно сказать, она не в моём вкусе...

Аркадий не смог больше молчать.

– Ах, не в твоём вкусе? Всем расскажи, к каждому столу подойди и растолкуй, что референт первого замминистра не в твоём вкусе!.. Не во вкусе начальника отдела резиновых изделий на затерянном в отрогах Урала ТопАЗе...

Скажи это Клавдии Михайловне, Инге Изотовне, Киму Маратовичу, Лидии Германовне, Борису Иосифовичу, Диамату Тевиевичу... Кому ещё бы рассказать? Уборщице тётке Моте?.. Позор, как ты мог меня так **облажать**?.. Это что, у тебя наследственное?..

Семён стоял у стола Гольдберга чуть ли не по стойке «смирно». Было и стыдно, и одновременно легко, как будто пробежал с разгону по грязной луже и не поскользнулся, не упал, а только туфли промочил и штанины замарал. Чепуха! Отмоется и отстирается!

– Всё, Аркадий! **Самуц!** Успокойся! Передай ей мои извинения. Я не должен был к ней переться. Необдуманные поступки неизвинительны. Давай всё же останемся друзьями... Мне что, может быть, министерский пропуск сдать?..

– Ну, ты даёшь! – Рассмеялся Аркадий Исаакович. – Что, по-твоему, Клара такая мелочная, что станет аннулировать твой

вездеход? Да к тому же он уже везде зарегистрирован и внесён, куда надо...

Ходи, как белый человек, и всегда помни, кому ты обязан такой честью... Иди, гуляй, бесстыжий!..

5.

Как раз на Рождество мама переслала Семёну последнее письмо отца.

Они переписывались нечасто, по несколько раз в году, так что каждое письмо для мамы было важным событием мирового значения, и она большинство отцовых писем пересылала сыну из педагогических соображений.

Семён с удовольствием читал отцовы письма и в свой адрес, и мамыны. Даже перечитывал не один раз, пытаясь за шутливым трёпом изгнанника увидеть нечто важное, предназначенное им с мамой, что отец скрывает за беспечным трёпом из соображений конспирации, так как то, что письма перлюстрируются и тщательно изучаются там, где надо, не было никаких сомнений – конверты часто приходили похабно разорванные и перевязанные наспех грубым почтовым шпагатом для посылок...

"09.12.72

Дорогая Анна Николаевна!

Получил твое письмо и, как всегда, спешу ответить ещё в этом году, ибо по всей вероятности, в следующем писать не буду. Первое и главное, это выношу большую благодарность за твою откровенность. Она мне открыла глаза. Я даже недоволен, что ты получила посылку, ибо она попортила тебе

представление обо мне.

Ты думала, что здешние пенсионеры, если они живут в капиталистическом государстве, тоже капиталисты. Ошибаешься, в капиталистическом государстве бедности и даже нищеты гораздо больше, чем где-нибудь в другом месте, а пенсии даются по имущественному принципу, т. е. нуждающимся и бедным. То, что тебе посылка не понравилась, нет ничего удивительного, и избавиться от неё очень просто, - выбросить в сорный ящик. Не знаю, получила ли ты всё, ибо отправлял и паковал не я, а компания (польская). Прилагаю здесь оригинал фактуры, где ты увидишь, что только пошлины **Внешпосылторгу** и пересылка мне стоит 57 долл. Это не включая стоимости посылки. То, что ты любишь нейлоновые рубашки, говорит о твоей отсталости, ибо они очень негигиеничны и даже вредные, и производство их уже давно прекращено. Полезнее **коттон**, т. е. хлопчатобумажные.

То, что Вы одеваетесь красиво и хорошо, очень рад, ибо пора уже, слава Богу, 55 лет... Теперь и мы уже надеемся хорошо и со вкусом скоро одеваться. У нас в прошлую субботу, 2.12.72, происходили выборы правительства. Большинством примерно 3/5 прошла в правительство Австралийская рабочая партия (**лайбор парты** по-английски - С. С.), так что и мы не останемся в хвосте, а будем догонять Вас. А пока я не только посылки, а вообще ничего посылать не буду.

Да, что касается Лозовой, то смотри там сама, как тебе удобно, но лично я не советую тебе ехать в гости. Мои сёстры уже старые, больны и уделить тебе должного внимания не смогут, а что касается молодёжи, то и они, по всей вероятности, ещё одеваются некрасиво, так что тебе будет неинтересно.

Погода сейчас чудесная. Лето в разгаре. Температура днем

20-29° Цельсия выше нуля. Ночью 10-15°. Ожидается засуха.

Новогоднее поздравление послал недавно. К сему, С. С."

9 января 1973 года. Вторник. Сегодня у брежневской власти траурно-праздничный день, потому что 9 января 1905 года вошёл в советскую историю как "Кровавое воскресенье". У Семёна была пятёрка по истории, он знал от исторички **МарьИванны**, что мирная демонстрация петербургских рабочих, шедших с наивной верой в царя-батюшку к Зимнему дворцу, была беспощадно расстреляна царскими войсками. Вроде бы при этом погибло то ли 130, то ли 200 гегемонов. Царя с подачи большевиков в отместку стали звать "Кровавым".

Иосиф переплюнул Николая в сотни тысяч раз. Так как теперь звать его? Людоедом?..

Но Семёну не до исторических молений.

Дело в том, что на днях Семён получил на общежитие долгожданное письмо из "Внешпосылторга". Папа давно уже написал, что отправил 100 австралийских долларов, и Семён с понятным нетерпением ждал поступления денежной помощи из-за океана... И вот оно, славное письмецо.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

"ВНЕШПОСЫЛТОРГ"

Москва, 121200, Смоленская-Сенная, 32/34

Телегр. Адрес: Внешпосылторг - Москва

Телефон: 243-03-45

=====

№ 70-26469

26.12.1972 г.

Гр. Серба Семён Станиславьевич.

Настоящим извещаем, что на Ваше имя на счет В/О "Внешпосылторг" поступило 51-40 австр. долл., что по официальному курсу Госбанка СССР составляет 98-68 рублей.

Советским гражданам, постоянно проживающим в СССР и получающим в качестве подарка от своих родственников из-за границы свободно конвертируемую валюту, представляется возможность получать сертификаты В/О "Внешпосылторг" без отличительной полосы для приобретения в специализированных магазинах (список прилагается) имеющих в наличии товаров, за исключением автомобилей.

Поскольку цены в специализированных магазинах при отпуске товаров на сертификаты на 35 % ниже цен прейскуранта В/О "Внешпосылторг", утвержденных для продажи товаров иностранцам в качестве подарка их родственникам в СССР, выдача сертификатов производится в размере 65% от фактически поступившей на имя получателя суммы иностранной валюты, пересчитанной в рубли по курсу Госбанка СССР. Исходя из указанных условий расчета, Вам причитается сертификатов на 64-14 рублей.

Поступившая советским гражданам из-за границы в качестве подарка свободно конвертируемая валюта может быть использована ими для приобретения автомобилей, если зачисленная на счет В/О "Внешпосылторг" сумма достаточна для оплаты выбранного автомобиля. Автомобили на сертификаты не отпускаются, а вручаются получателям в автомагазинах только по

нарядам В/О "Внешпосылторг".

Сертификаты не именные, срок действия их не установлен. Полученные сертификаты на иностранную валюту не обмениваются.

В/О "Внешпосылторг" и специализированные магазины не доставляют товары в адреса получателей. Все претензии покупателей, связанные с отпуском товаров на сертификаты и по нарядам В/О "Внешпосылторг", рассматриваются администрацией магазина.

Для приобретения товаров через В/О "Внешпосылторг" Вам необходимо заполнить и направить в наш адрес приложенный бланк заявления.

Всесоюзное Объединение "ВНЕШПОСЫЛТОРГ"

– Ну и сволочи, – чертыхнулся Семён, перечитав манускрипт дважды. – Хамская сия бумага в комментариях не нуждается. К тому же и отчество переврало...

Семён даже рассмеялся, ещё разок перечитывая писулю.

Вчера он потратил почти целый день, чтобы получить сертификаты "Внешпосылторга" на 64 руб. 14 коп. валютных рублей в счёт пересланных отцом в качестве презента 100 австралийских долларов. Его страдания выразились в торчании в огромной очереди в невентилируемом помещении ВПТ на Ленинградском проспекте, недалеко от Белорусского вокзала.

Отпотел, отстоял, получил заветные бумажки. Вышел на морозную улицу и сразу продрог. Почти бегом, вприпрыжку, понёсся к метро "Белорусская". Летние ношенные-переношенные

туфли и продувное демисезонное пальтецо советовали не притормаживать...

Вскочил в метро, откупившись пятакон. На эскалаторе продолжал быстро спускаться по ступеням, расстегнув пальто, чтобы поскорее нагреться в тёплом восходящем потоке воздуха, настоящего на людском поте, жжёных рельсах и машинном масле из-под метропоездов...

Народ играючи внёс его в первый же поезд в сторону "Таганской". Толпень не только зажала в хвосте последнего вагона, но и дополнительно по-свойски обогрела. Вагон мотало, как хвост дворняги, клянчащей подачку. Люди молчали, а поезд мчался сквозь мрак туннеля.

Завтра надо ехать в какую-нибудь "Берёзку", чтобы поучиться отоваривать эти сертификаты и что-нибудь уже конкретно купить.

Но наступило завтра, а чтобы ехать за покупками, нужно как-то вырваться с работы. Не зайдёшь ведь к шефу и не брякнешь: – *Никифор Витальевич, мне бы во "Внешпосылторг" за долларами смотаться... Я быстро, за полдня управлюсь!..*

Тут бы сразу такое началось! Шеф определённо пристроился бы к раздаче...

Пришлось просить помощи у Аркадия Исааковича, благо, он с утра почему-то нарисовался на работе и к появлению Семёна уже важно, как орёл на царском гербе, восседал за своим руководящим столом, медленно вертя головой туда-сюда, ну прям, как тот самый двуглавый...

– *Аркадий, будь другом, вырви меня на полдня из этого ада, очень надо!..*

– *Вообще-то ты не заслуживаешь моей помощи, как придурок, не оценивший моего сватовства для тебя в виде бесподобной Кларочки.*

Но, так и быть, в знак того, что мы оба из славного Запорожья, помогу.

Но оказалось, что вырваться с работы – полдела. Когда Семён, изрядно побродив вокруг Таганской площади, расспрашивая прохожих и чертыхаясь, добрался-таки до Гончарной набережной и разыскал там **Берёзку** промтоварного профиля, был уже полдень.

День выдался весёлый, тихий, с лёгким морозцем. Дворники так азартно сгребали выпавший ночью снежок, что хотелось подойти и попросить лопату помахать и кровь разогнать...

У входа в хитрый магазин набросилось два **фарцовщика**, предлагая выгодно купить вожделенные чеки. Но Серба отмахнулся от спекулянтов и уверенно шагнул в мир материального разложения.

В **Берёзке** встретили довольно культурно и быстро обслужили новичка.

Семён взял югославский, практичного серого цвета свитрик для Наты, себе итальянскую цвета кофе с молоком капроновую рубашку взамен съеденной хомячком и коричневые польские туфли из свиной кожи, потому что ходить в старых запорожских не только стыдно, но и опасно, они могут развалиться в любой момент, а поскольку на кожимите, то ремонту не подлежат...

"20.01.1973

Дорогой Сеня!

Итак, первое основательное письмо в 1973. От Вас всех получил поздравления, пожелания и т. д. Чувствительно за всё и всем благодарный. Сейчас умираю от жары, вчера температура была 42°C. Позавчера 39° и сегодня прогноз на

43°. Страшная жара, большие пожары, миллионные убытки. Погибло от нехватки воды миллионы овец, скота и др. животных. Также погибло много деревьев, в т. ч. в ботаническом саду редкостные и очень дорогие. Употребление питьевой воды ограничено, под вопросом стоит выполнение поставок СССР пшеницы и сахару, которые В/государством закуплены в большом количестве.

Да, получил от мамы Анны Николаевны чувствительное и очень продуманное письмо, которое мне открыло глаза. Короче, она осталась недовольна полученной посылкой. Она, как и Мария Александровна (все женщины одним мирром мазаны), считала, что я миллионер и, конечно, ожидала "Волеу", а не пятикилограммовую посылочку. Она выпустила из виду, что я пенсионер, а здесь пенсия выдается по имущественному цензу. Богатым пенсию не дают (да они в ней и не нуждаются). Мама писала мне, что, мол, вы там "красиво и модно" одеваетесь и т.д. Очень рад, и я ей написал (больше писать не буду), что, слава Богу, что ведь за 55 лет уже **пора** красиво и модно одеваться и что, мол, и мы скоро последуем В/примеру.

У нас 2.12.72 было перевыборы правительства. К власти, волею большинства избирателей, пришла **Австралийская рабочая партия**, так что уже и сейчас намечаются пути, и есть значительные сдвиги к тому, что и мы скоро начнем одеваться и красиво, и модно.

Я выслал тебе \$ 120-00. Курс доллара и рубля почти одинаков (разница - несколько копеек, 2 или 4). О махинациях нашей переводной конторы и Внешпосылторга не сомневаюсь, но мешаться не собираюсь - надоело. И даже если они все заберут, то пусть, когда-нибудь наберутся, а мне это только полуторамесячная пенсия. С. С."

Перевод оказался очень кстати. Потратив пару дней, Семёну удалось получить сертификаты на сумму 78 сертификатных рублей. Значит, можно будет ещё раз немного отовариться в “Берёзках”...

6.

В конце концов Серба с помощью Виктора выхлопотал для себя с дочкой изолированную комнату в трёхкомнатной квартире общаги на Самаркандском. В другой отдельной комнате жила семья из трёх человек, а в проходной - двое безвредных мужиков-пьяниц из Управления главного конструктора.

Правда, долго скучать ему одному не пришлось. В июне в Москву приехала с подругой Томкой его двоюродная племянница Любаня. Её мама Ольга – дочь папиной сестры Прасковьи Степановны, то есть его тёти, и ему приходится двоюродной сестрой. Девчонки закончили школу, и их потянуло в Москву. Они настроились попытаться поступить в Тимирязевскую сельхозакадемию.

Семён с приятностью вспоминал приезд Любочки в Запорожье ещё 1970 году, когда ей только стукнуло пятнадцать. Тогда они, прощаясь в день её отъезда, обменялись парой далеко не родственных жарких поцелуев, но на этом дело, слава богу, и закончилось.

Впрочем, когда он, усадив девчонку в поезд до Лозовой, возвращался в жаркий июльский вечер со станции Запорожье-II, то пожалел, что с этих поцелуев не началось их знакомство неделю тому, в день её приезда. Это были бы незабываемые денёчки, хотя можно было и срок приличный и незабываемый отхватить...

Да и Мария как бы закрыла тогда глаза на совершенно немотивированный приезд невесты откуда взявшейся племянницы. Семён ведь с двоюродной сестрой не то что не виделся девять лет, но даже писал всего раз-два... И вдруг – такой сюрприз.

А поскольку Семён с Марией после рождения Ксюши жили как кошка с собакой, и не раз уже сходились-расходились, то он считал себя вправе вести себя совершенно отвязанно.

Семён взял недельный отгул в счёт переработок во время безразмерных киевских командировок и все эти славные денёчки посвятил племяннице-очаровашке. Причём, даже маме Анне Николаевне ничего не сказал и Любаню не предъявил. Показывал ей Запорожье, даже разок на пляж сводил на Хортицу, причём переплывали Днепр не на извозчичьих лодках, а на шикарном речном трамвайчике, раз в два часа гордо, как крейсер “Варяг”, пересекавшем Днепр.

Получилось разок и в кино сходить.

Даже Мария под конец Любаниного гостевания прониклась гостеприимством и наварила в пятницу большую миску отличных вареников с вишнями, на что она была отличная мастерица... А то все дни борщи да макароны с фаршем по-флотски...

Но не подумайте плохого, жёлтые ботинки... Того, что вы, возможно, предположили, не произошло. И хотя Любаня нежилась во внимании взрослого Семёна, а он сам ощутил себя счастливым старшеклассником, платонически влюблённым в девочку из своего класса, любимый город мог спать спокойно – никто никого не обидел. Так вышло. И хорошо, что вышло именно так.

Осталось для Семёна непонятным, как его двоюродная сестра Оля запросто отпустила Любаню за двести вёрст в Запорожье. Но такие были времена, потому что такие были доверчивые люди тогда...

Сейчас же девочка выросла, стала ещё симпатичнее, прям конфетка, но, увы, всё время бывала со своей подругой Томкой, так что они постоянно по субботам и воскресеньям гуляли по Москве втроём. Семёну было стыдно при Томке ухаживать за племянницей, а постоянные встречи привели к тому, что постепенно он увлёкся Томкой, поскольку в этом случае не мешало табу родства.

Но с этой Томкой дело ограничивалось горячими поцелуями и **обжимоном** по вечерам при расставании у общаги **Тимирязевки**, так как для большего не было никаких условий. Люба постепенно освоилась в Москве, и у неё пошли отдельные от Семёна с Томой свидания с молодым человеком.

Нынешнее лето не такое жаркое, как прошлое, когда весь август горели леса и в Москве было не продохнуть, но и, слава создателю, не холодные-голодные лета военной поры...

Занимаясь устройством Любы в Москве, Серба старался откручиваться от командировок, находя десятки предлогов оставаться в Москве.

А тут, кстати, заместительница Сербы Клавдия Михайловна Сашамур попросила отпуск за свой счёт для ухода за престарелым отцом, – врачебный прогноз оставил старику день-два на завершение мирских дел.

Ну, и остался Серба в отделе втроём с новым заместителем – Мишей Аносовым и верной планировщицей Людмилой Германовной. Какие теперь командировки, успеть бы втроём на телефонные звонки отвечать...

Для личной жизни самое то, – Наточка в Запорожье на каникулах у бабушек, а Семён каждый вечер мотается в общежитие Тимирязевской сельхозакадемии на свиданья с Любой

и её одноклассницей Томой, сдающими вступительные экзамены...

Клавдия Михайловна отсутствовала две недели. Один раз позвонила Семёну, сообщив, что отец умер, а она занимается похоронами.

Но когда вышла на работу, повязанная по-старушечьи чёрной косыночкой, то вокруг неё тотчас образовался как бы кружок пламенных революционерок. Женская часть Управления, бросив техусловия, договора и визжащие телефоны, сгрудилась вокруг Клавдии Михайловны, благоговейно внимая рассказу о её страстях египетских.

Краем уха слышал рассказ и Семён Серба.

– Вы же помните, девочки, какая жара стояла в Москве в начале месяца? Воробьи и голуби издыхали от жажды... А что творилось в квартирах, сами знаете, парилка в Сандунах прохладнее.

Так вот, отмучился мой батяня по полной программе. Неоперабельный рак желудка. А умер утром, прошептав единственное слово – “Устал...”

И вот, представьте, началось. Родных никого уже не осталось, сын в загранкомандировке на Кубе, соседи, как всегда, не помощники...

Первая пришла участковая удостоверить смерть, потом я полдня ждала участкового тоже бумажку написать, а когда кинулась звонить, чтобы забрали в морг, так те отказали, ответив, что забирают или подлежащих вскрытию или бичей вокзальных. А у вас, мол, участковая оснований для вскрытия не усмотрела, значит, хороните из квартиры, как все нормальные люди...

Спасибо, сестра Рита приехала из Рузы. Подключилась...

Ну, и утром начали обзванивать знакомых, кто знает, что

делать и как. Вроде договорились насчёт места на Троекуровском, оттуда же прислали плотника снять мерки для гроба.

Правда, плотник приехал быстро, к часу дня. Но, осмотрев покойного, ничего измерять не стал, а выругал. Говорит, что же вы зря меня пропариться в метро заставили, а сами покойника не подготовили. Он же у вас взорвётся, того и гляди. Смотрите, как распёрло бедолагу!

И действительно, на отца было страшно смотреть – живот на полметра горбом встал, так вспучило...

Но пожалел нас плотник и дал телефончик добрых людей, помогающих в таких случаях.

Я позвонила, и два спеца появились мигом, в течение часа.

– А, – говорит главный, – запущенный экземпляр, чистить надо основательно. Вы, что, – выговаривает мне, – смрада не слышите?..

И вправду, запах тления уже слышался вовсю, хотя мы с сестрой вроде и внюхались...

– Давайте таз и пару полотенец на выброс, – сказал санитар, – чистить буду. Крючьями и скребками через анус. Каждый таз – 25 рублёв!.. И за заказ 400. Зато выпотрошенный трупик будет загляденье и в любой гроб уляжется по стойке смирно.

Не понял... Платить готовы или сами почистите?

Я чуть в обморок не упала.

– Начинайте! – Говорю, а сама вспоминаю, сколько денег в доме. Прикинули с сестрой, вроде рублей семьсот набирается. Для начала, похоже, хватит... Завтра с утра в сберкассе можно будет снять, вдруг не хватит.

Дали потрошителям большую миску эмалированную и два стареньких махровых полотенца, а те развернули принесённые

с собой пакеты. Внутри оказались действительно какие-то длинные, с полметра, медицинские никелированные крючья и скребки.

И вот, представьте, эти живодёры стали через задний проход из отцового тела извлекать кишки и всякие другие органы и отходы.

Я не выдержала и побежала к комоду налить в рюмку валерьянки и выпила, без счёту, капель тридцать, не разводя водой. Затем накапала сестре...

Хорошо, что эти спецработники не заставили меня выносить миски с их добычей. Один из них накрыл миску полотенцем и отнёс во двор в мусорный контейнер...

И так он ходил четыре раза...

– Всё! – Сказал, наконец, главный специалист, зверски улыбаясь. – Жених, как огурчик! Я ему в зад для гарантии двадцать грамм марганцовки засобачил! Можете прямо сейчас обряжать. Подотрите только под жопой, сквозь полотенце малость просочилось... Где здесь инструмент помыть можно?..

Я уже не плакала, было нечем плакать. Но что ещё доставало, так это мерзкие голодные мухи, неизвестно откуда взявшиеся, быть может, из мусоропровода за лифтом, потому что дверь была постоянно туда-сюда...

Короче, обошлась эта дикая услуга в 500 рублей, но я бы и больше отдала, если бы потребовали...

И вот как ушли эти шустрые с крючьями, так всё стало более или менее делаться путём. Не прошло и часа, как появился кладбищенский плотник и молча замерил рост и размер груди. Также несложно получилось договориться с Москоммунхозом и насчёт катафалка...

– Как же вы потом обряжали, куда положили? – Спросила Галка Бочонкина.

– Куда-куда... На две табуретки положили снятую с петель кухонную дверь. Хорошо, что сплошная попалась. Сосед дядя Кирилл снял дверную ручку и вообще даже помогал тело одеть и побрить...

А уже часам к четырём, когда солнце так повернулось, что заглянуло в окно, луч упал на отцово лицо, осветил нос, щёку, добрался до губ. И мне показалось, что на его губах, мученически скривленных, вроде затеплилась улыбка... И я, а за мной и сестра, разрыдались!..

– Клавдия Михайловна! А попа звали?– Поинтересовалась Грета Зиновьевна. – Я, когда тесть помер, звала. Но очень дорого взял, разбойник...

– Ну что ты, Грета, какой поп? Мой папа кадровый чекист. Попов с лица земли сводил, а ты – звать...

Короче, на третий день весь этот ад закончился тем, что мы с сестрой пригласили наличных соседей, да двоюродный брат с женой пришли. В таком составе посидели, поплакали, повспоминали маму, деда и бабулю. Дед погиб при обороне Москвы в 41-м, а бабуля тогда же, надорвалась и простудилась на рытье окопов в Химках.

Вот так я и похоронила отца родного, и эти три жутких дня будут мне сниться до конца моего века...

– Клавдия Михайловна! – Нарушил тишину незаметно подошедший Рабинович. – Зря вы нам никому не позвонили, общественность не подключили... Но хотя бы теперь мы не должны остаться в стороне. Я решу с Антоновым. Полагаю, полтора-два оклада сможем оформить, как материальную помощь по такому случаю...

Баба Клава не выдержала, припала к плечу Диамата Хацкелевича и горько разрыдалась...

Прошёл месяц. Закончились экзамены. Томка поступила, а Люба не набрала нужных баллов, не прошла по конкурсу. Поэтому Тамара уехала домой в Лозовую собираться к переезду в Москву, а Люба домой не поехала, стыдно было вернуться с неудачей. Семён с Любой побегали по Москве, и её взяли в одно ПТУ, готовившее штукатуров, с предоставлением общаги. Какая-никакая, но всё же учёба, получение рабочей профессии и статус "лимиты" после трёхмесячного образовательного напряжения...

От Томки Семён получил пару тёплых писем, но когда она приехала на учебу в сентябре, то встретились всего раза три, затем "новопризванных" студентов отправили на картошку в Подмосковье.

Серба съездил разок проведать её там, разыскал в какой-то первобытной деревеньке, но увидел совсем другого человека, едва ли не враждебно говорившего с ним. Он понял, что новый коллектив ей понравился, она нашла в нём более молодого и "перспективного" партнера и охладела к топазовцу. Семён немного расстроился, загрустил. Но он привык вычёркивать из жизни без сожаления предавших его, и в этот раз поступил так же, поплакавшись Любанае и дав себе зарок никогда даже не вспоминать бестолковую Томку.

Любаша пожалела его, сказав, что Томка полная дура, если повела себя, как мартовская кошка.

– Да ей надо было держаться за тебя двумя руками и замуж выходить, детей рожать. В Тимирязевке ведь можно учиться и заочно, а ты в Топтунах вот-вот получишь квартиру, и все девки на ТопАЗе будут твои...

Когда на следующий день Семён встретился с Любой, то пригласил её к себе в общагу. Она пришла к ним с ночёвкой

(кажется, это была пятница – под длинный выходной), сварила борща, постирала кое-что Наткино и его, выкупалась. И получился небольшой милый пир с бутылкой вина.

В этой комнате стояло две кровати, получилось для Любы и Наты, а для себя Семён постелил на полу казённый стёганный матрас. Ната уснула, а они с Любой долго шушукались в темноте.

Вот он протянул руку, и его рука встретила в темноте Любину горячую и ласковую. Слова закончились, и начался разговор рук. Они, похоже, быстро договорились, потому что вскоре Люба оказалась в объятиях Семёна.

Она переживала, что Семён всё ещё расстроен разрывом отношений с Томкой, и утешила его по-женски, сказав после жаркого поцелуя, что ещё в 1970-м году была готова к такому повороту событий...

Утром встали рано, чтобы Нате не опоздать в школу. И чтобы скрыть следы ночных забав. Слава богу, что двое холостяков-конструкторов из проходной комнаты уже успели улетучиться.

Когда Семён вышел в туалет, то дверь в кухню была настежь открыта, и соседка Марфа Павловна, грудастая красномордая баба из Управления главного конструктора, уже жарила в большой сковородке хек для вечно спешащего к конструкторскому кульману Ильи Кузьмича, сорокалетнего полностью лысого пегого человечка, отличавшегося, как все хилыки, постоянным чувством голода и невероятной прожорливостью.

– Ну, Семён, у тебя хороший вкус! Жена не узнает? – Ослабилась конструкторша. В розовом байковом халате с дурацкими голубыми цветиками в разброс и десятком фантастических алюминиевых бигуди на ядовито-рыжих волосах она смахивала на марсианку, отставшую от космолёта и, от некуда деться, вышедшую замуж за безропотного аборигена-землянина.

– Какая жена, я давно в разводе... А насчёт твоих намёков, так смотри, хек пригорит, слышь, как воняет!.. Это же моя племянница, понятно?!!

– А то как же, понятно, что племянница. Вот только уж молода больно! Восемнадцать хоть сполнилось?..

Семён в сердцах крепко грохнул дверью туалета, уединяясь буквально на минутку. Ну и сволочь же, прямо мегера какая-то! Что с неё взять – овца неразумная... Завидует, небось...

Пока Семён остепенял соседку, нарисовалась и Люба, кивнув мегере и проскользнув сначала в туалет, а затем в ванную. Семён молча, не раздувая прения, наливал воду в чайник и отодвигал соседкины кастрюли и сковороду с хеком, освобождая конфорку.

Ната пронеслась в туалет Тунгусским метеоритом, Люба ждала её у дверей ванной со свежим полотенцем...

С тех пор у Семёна с Любочкой африканская страсть, они бросились в любовь, как в омут...

Однажды Семён полночи проговорил с Любой, рассказывая ей свою жизнь перед переездом на ТопАЗ...

Как едва не согрешил, когда она приезжала в Запорожье в семидесятом. Она рассмеялась своим серебристым волнующим смехом.

– Ну и чего же ты не согрешил? Надо было грешить... Адам, попы говорят, не растерялся, когда Еву встретил... А ты такой случай упустил!.. Эх, ты, правильный мой!..

– Да? Так ты тоже тогда об этом думала?.. Вот уж я дурак, так дурак...

– Не говори так, Сенечка! Дело поправимое. Ведь сейчас ты вполне исправился... Иди, я тебя поцелую! – И Любаня крепко обняла счастливого Семёна.

Эти Сенькины трёпы Любочке о том, как он жил до поступления на ТопАЗ, продолжались несколько месяцев во время их нечастых встреч в общежитии Семёна. Так получалось, что длинными пятничными вечерами, после ужина, когда укладывалась спать Ната, Семён и Любаня, лёжа, естественно, в разных, хотя и недалеко находящихся одна от другой, постелях, иной раз несколько часов вели тихие разговоры, пока не убеждались, что ребёнок капитально уснул. Тогда, конечно, Семёнова исповедь прерывалась, и любовники бросались друг на друга, сжигаемые страстью, накопленной за пять дней одиночества в будни...

Бесконечные Сенькины рассказы носили характер исповеди, потому что ему хотелось рассказать Любане, как он оказался на ТопАЗе, почему так нескладно сложилась личная жизнь и что делать дальше...

Ближе к зиме Семёнова повесть подошла к концу шестидесятых годов, к тому, как он вылетел из системы **советской торговли**.

– Да что я тебе всё это рассказываю, вместо того, чтобы тебя послушать, как ты росла в своей Лозовой. Ты же большая девочка и можешь сама почитать мои дневники в свободное время. Вот тебе одна из моих тетрадок. Здесь 1969-72 годы. Я в те года много записей сделал... В долгих командировках делать вечерами было нечего...

Почитай на досуге, когда я буду в отъезде...

Любаня сунула толстую **общую** тетрадь в дерматиновом переплёте под подушку и крепко обняла беллетриста. Не прошло и минуты, как к чёрту полетели Сенькина пижама и Любанина ночнушка...

7.

Иногда славное течение сожительства Семёна с Любой прерывалось его командировками то в Медвежань, то в Топтуны, то в Балаково. В такие дни Любаня по вечерам доставала увесистую общую тетрадь и не торопясь читала исповедь великовозрастного шалопая. Она часто смеялась, представляя Семёна в дурацких ситуациях, то и дело возникавших в его командировках, когда он ездил от завода “Коммунар” то в Киев, то в Курск... И всегда была на его стороне, если Сенечку обижала жизнь...

Тетрадь начиналась вводной записью о том, как Семён расстался с советской торговлей...

*...Тогда, летом 1969-го, у меня опять возникли забывшиеся, было, неприятности. В понедельник в Шевченковском РОВД Запорожья возобновили дело по старому магазину на "ДД" в части обчёта мясником Федей какого-то проверяющего в прошлом году, когда я там ещё был **завмагом**. Расследует старый знакомый опер Буркаган.*

Долго, однако, жуют простое, в общем-то, дело, но никого никак проглотить не могут... Но кому-то хочется...

В конце мая с трудом, как всегда, оформил очередной отпуск. Бочковский назначил исполняющим обязанности директора моего нового зама вайловатого Гришу Фрайерзона. Я передал объёкт, отоспался пару дней и собрался в дорогу.

Как обычно, подался дикарём в Ялту, причём один, без Марии, потому что у неё отпуск по графику был забит на август.

В начале июня возвратился из отпуска и сразу в лужу грязи – у Гриши Фрайерзона недостача более восьми с половиной тысяч рублей, по нашим временам огромная сумма.

Поскольку инкассация денег в новом магазине всё ещё не была налажена, то старшие продавцы по вечерам носили выручку в Гастроном № 1 Шевченковского гастрономторга на Жилмассиве. Недостача потянула примерно на две дневные выручки, и её происхождение непонятно, так как никаких расписок Гриша не выдавал, от продавцов выручку принимал **навалом**, не считая и не регистрируя в кассовом журнале, короче, полный маразм. Хотя тихий еврейский мальчик клянётся, что ни рубля **не брал**. Не исключено, что его **сделала** какая-нибудь из молодых да ранних, они все уже за год работы сильно заматерели.

Меня начинают таскать к Буркагану в Шевченковский ОБХСС, таскают и девчонок. Два месяца идет следствие, затем суд. Чтобы всё обошлось, надо погасить недостачу, это вопрос торговой чести. Бочковский вызвал меня и предложил внести деньги в течение трёх дней. На мой ответ, что таких денег я сроду не имел, а если бы и имел, то я-то здесь причём, директор торгова смеётся и говорит, что, значит, Серба хреновый завмаг и он меня уволит из **системы**.

Бочковский человек слова. На неделе меня отстраняют от работы и присылают какого-то **азера**, который начинает в торговле на всех углах **базлать**, что Серба разложил коллектив, запустил воспитательную работу и способствовал хищению. И только он, кристально чистый, притом партийный сын гор сможет разгрести после Сербы авгиевы конюшни. Надо терпеть.

Родня заместителя собирает необходимую сумму, и его выпускают до суда, на котором Григорию Фрайерзону дают

чего-то условно или он попадает под амнистию, уже и не вспомнить. Меня увольняют по причине утраты доверия.

И опять я безработный. В это время в хитрой фирме - Запорожском СМУ треста "Днепромясомолремонт", где уже с год обреталась в качестве секретарши шефа Мария, запахло квартирами. На семейном совете мы решили, что я срочно поступлю в это СМУ с тем, чтобы при распределении квартир легче получить большую жилплощадь.

Маня договорилась со своим начальником отдела кадров отставным гэбистом Стусем взять мужа на работу **инженером** по снабжению! Но моё увольнение из советской торговли по позорной статье о недоверии и белый до рези в глазах военный билет никаких шансов не оставляли. Пришлось снова тратить две недели, терять паспорт, заводить у Сашки Гаманца новую трудкнижку, по которой я, так теперь получается, последние одиннадцать лет работал всего в двух местах – на "Днепроспецстали" и на "Запорожстали". Конечно, снабженцем.

Вопрос непоказа военного билета Мария как-то решила.

В этих тихих "Рогах и копытах" я прокантовался месяца три - почти весь июль, август, сентябрь и половину октября, как и договаривались, на престижной должности **инженера** по снабжению.

С первого дня меня кинули в командировку в Михайловку Херсонской области обеспечивать стройматериалами снабжение давно уже начатой там стройки маслозавода (СМУ курировало Запорожскую, Днепропетровскую и Херсонскую области и занималось строительством и ремонтом маслозаводов). Я отправил два грузовика с пиломатериалами, а

сам решил плыть пароходом до Херсона. Между прочим, мой любимый маршрут. Получил до фигаа денег под отчет и культурно отплыл из Запорожья. Хотя правильно по-маремански надо бы сказать “ушёл”, ибо плавает, сами знаете, что...

Пароход почему-то оказался с практически пустым вторым классом. Занято было всего три-четыре каюты. Но милая стюардесса лет пятидесяти поселила меня в четырёхместной каюте с молодой парой. Им было лет по двадцать, а то и менее. Понимая, что молодым очень хочется уединиться, я слёзно просил морячку дать мне место в одной из десятков пустых кают. Она категорически отвергла мои гнусные поползновения, веря в то, что чем больше пассажиров она напихает в одну каюту, тем меньше в Херсоне ей придется убираться, сдавая смену, да и моральный климат на вверенной ей палубе будет здоровым.

К моменту, когда причалили в Каменке, я с попутчиками уже раззнакомился. А когда стояли в Никополе, то выловил припасы из своей авоськи и разложил их на столике. Ребята вынули, что нашлось у них. По случаю незабываемого путешествия у молодят оказалась бутылка креплёного вина. В Никополе в буфет загрузили уйму пива, десятки ящиков со знаменитым “Никопольским”. Так что я сбегал в корабельный буфет и принес полдюжины бутылок этого бесподобного пива. Дело уже шло к вечеру и мерный бархатный шорох июльской днепровской волны, разрезаемой неумолимым днепровским дредноутом при полном штиле и неисправном судовом громкоговорителе (недоработка первого помощника) **импонировала** тихой же беседе.

Так или иначе, но мы оприходовали и вино, и пиво. Увидя беспорядок, молодой попутчик пошёл в буфет и принес тоже шесть бутылок "Никопольского".

До глубокой ночи мы с ним по очереди ходили в буфет и всё пили и пили чудное пиво. Девушка, разумеется, пила для **блезиру** (плезиру?), так что основная нагрузка пришлась на мужские самоуверенные организмы. Но и девушка в конце немного опьянела и забыла, зачем попёрлась в это непредсказуемое плавание.

Конечно, не раз мы с попутчиком выходили искать галюн, твёрдо держась за дрожащие шатающиеся корабельные стены. Поминутно выскакивала "на свежий воздух" и дивчина.

Никогда в жизни я больше не пил столько пива. Вообще, для меня выпить кружку пива – целый подвиг. А тут!.. Да и опьянение от пива – вещь нешуточная. При ясной голове в вашей моторике наступает балетная лёгкость и порхательность, но добраться до галюна бывает нелегко... Наверное, потом никогда в моей бестолковой жизни уже не будет подобного пивного пира...

Утром, когда в девятом часу наш крейсер шикарно швартовался в Херсонском речном порту, мы на глазах у изумленной горничной выкинули в окно тридцать (!) пивных бутылок и одну винную.

- Ой, горе ж какое! – Причитала морячка, видимо, подсчитывая в уме свой ущерб.

И поделом! Если бы она не поступила по-свински, соединив меня с влюблённой парочкой в одной каюте, бутылок было бы поменьше, но они все достались бы ей, бедной труженице речфлота.

Самое удивительное, как я нашёл в себе силы добраться до

местного аэропортика, взять билет на ближайший "кукурузник" и вылететь в Михайловку. Добравшись туда не более чем за час, разыскал "свою" контору, где уже ждал прораб. Он накормил гостя хорошим обедом в колхозной столовке, доложил обстановку и отвёл на снятую для визитёра квартиру. Тем более что уже было часа четыре пополудни.

Квартировать получилось в уютном частном домике буквально на берегу Чёрного моря. Хозяева – престарелые, лет по девяносто, дед и баба приняли квартиранта по-хохляцки радушно и предложили чего-нибудь поесть, но я наотрез отказался и попросил показать постель, так как, мол, устал с дороги. Постояльцу выделили чистую, как принято в украинской глубинке, комнатку, где стояла широкая самодельная кровать с горой тугих подушек и пёстрых одеял. Я еле заставил себя принять летний душ в саду и сразу провалился в сон. Проспал до девяти часов следующего утра.

Утром добрейшая старушенция напоила меня, как и бабушка в детстве, тёплым свеженадоенным молоком с мягким сельским хлебом, и я подался на подопечную стройку. Осмотр долгостроя занял не более получаса. Затем я был великодушно отпущен прорабом до следующего утра и побрёл на море, что лениво плескалось в конце улицы. А куда тут, в Михайловке, ещё брести?

На берегу пустынно. Пяток куриц лениво ковырялись в жухлых водорослях, некогда выброшенных прибоем. Желанных очаровательных купальщиц не обнаружил. Окунулся. Полежал в трагическом одиночестве на песчаном откосе берега, поросшем жёсткой, пожухлой травой, позагорал. Потом пошёл к старикам.

Дед ковырялся в винограднике, старушка закатывала помидоры в трёхлитровые банки. Ряд весёлых бутылков

громоздился на деревянном столе, расположенном на веранде.

К вечеру старики освободились от дел, при этом освободился и стол на веранде. Быстро стемнело. Дед попросил свою **половинку** нажарить **яешни** с салом и подался в погреб достать домашнего вина. Он принёс его, опять-таки, в трёхлитровом бутылке.

Белое домашнее вино оказалось прекрасным, а яешня в немалой чугунной сковородке – бесподобной. Я засиделся с дедуганом далеко за полночь. Небо было щедро усыпано крупными, как черешни, звездами. Победно сверчали кузнечики. Неумолимо пустела банка с вином.

Дед, кряхтя, опять полез в погреб. В этот раз пришлось помочь ему налить вина из деревянного бочонка.

Оказалось, что у деда много таких бочонков литров по сорок, которые он третий год накапливает к возвращению из армии любимого внука. А вот покладистых сотрапезников дед заполучает очень редко. Поэтому мы с дедом, как единомышленники, долго ещё дегустировали нежнейшее вино. Славное винцо я условно назвал для себя как "Стародедовское".

Мои с дедом полночные посиделки растянулись дней на пять. А затем мне пришлось тоже на пять дней уехать в такой же небольшой черноморский городок Скадовск для получения каких-то труб.

И там тоже хорошо пролетело время.

Возвратясь, отметил, что машины с досками уже прибыли и разгружены. Шофёры купаются в море и ждут моих указаний. Я охотно дал команду заводить, и сам поехал одним из **зилков** домой.

Первого сентября у меня с Марией милый праздник – Ната пошла в первый класс. Класс!..

В сентябре же произошло заседание профкома, где распределили квартиры. Нам с Марией на четверых выделили две комнаты в четырёхкомнатной квартире в новом доме на "Космосе". Ещё через неделю я взял расчёт и зачем-то уволился с кайфовой должности.

Идея была проста – поехать в Тольятти и попытаться устроиться на более уважаемую работу, чтобы как-то разорвать порочный круг трудового бесправия, которым наградил меня белый билет.

До Куйбышева (до революции – Самара) добрался поездом, а в Тольятти попал автобусом. Дело шло к вечеру, и перво-наперво нужно было подумать о ночлеге. Никаких гостиниц я не нашёл и методом опроса пробежавших (в этом городе никто спокойно не ходил) местных индейцев выяснил, что просто надо зайти в любой дом (все новые пятиэтажки представляли собой общежития), а там в любую комнату и попросить ребят организовать кровать или матрац. Пароль – бутылка.

Проблема бутылки в Тольятти, где на период строительства автогиганта действовал сухой закон, решалась очень просто. На каждом углу стояла "Волга" с открытым багажником. Водитель вроде собирался менять колесо. Около были картинно разбросаны домкрат, колесо, грязные тряпки. В открытом багажнике под потрёпанным суконным одеялом стояло два ящика водки, которую водила загонял по четыре рубля за бутылку против магазинной цены в 2-87.

Простая арифметическая операция вычитания говорила, что на каждой бутылке спекулянт имел по 1-му рублю 13 копеек. А с двух ящиков соответственно 45 рублей 20 копеек. Я начал считать дальше. Даже если приехать из Куйбышева двадцать

раз в месяц, то можно шутя иметь девятьсот рэ чистого дохода. Если же ещё машина служебная и не надо тратиться на бензин (хоть он и дешевый, по 4 коп. за литр, но всё равно потянул бы определенные расходы), то можно за год такой работёнки иметь новую "Волгу"...

Когда я взял-таки за 4 рэ бутылку и пошел искать ночлег, то эта белая зависть с её расчетами буквально изгрызла меня на пути к ближайшей общаге.

Незнакомые ребята приняли путника хорошо. А узнав, что я ещё и с **паролем**, подобрили вконец и пригласили гостя за холостяцкий стол. Так я за один вечер узнал о ВАЗе столько, что с утра пошёл в управление кадров вполне подкованным.

Однако **там** не нашел понимания. Службы снабжения оказались давно укомплектованными, а для технических я не имел соответствующего образования. Когда же инспектор попросила для ознакомления весь набор документов, включая военный билет, пришлось сказать, что мне надо ещё подумать, в какую службу хотел бы наняться. С тем претендент и вышел на свет божий. То есть, я понял, что кадровая работа здесь организована добротнo и всунуться с белым билетом сюда не светит даже дворником.

Возвратясь домой, я как-то раз без всякого смысла торчал под своим домом (Ленина, 91) у входа в кинотеатр "Заря", как вдруг меня окликнул мужчина небольшого росточка с красным лицом здоровяка и кривым носом. Оказалось, что это один наш соученик по 23-й школе, Боря Золотник. Он хорошо меня помнит, но я его вначале не признал, так как он был на два класса после, а разве запомнишь мелкоту? Он представился, и мы разговорились. Когда Золотник узнал, что я временно без работы, то сразу стал уговаривать бывшего комсорга школы

пойти к нему в СМУ "Энергоцветметгазоочистка" начальником бюро в возглавляемый им отдел снабжения.

Как растут люди! И, главное, что ценно, не забывают своих комсоргов.

На следующий день я приехал к нему на работу, написал заявление, Боря зашёл к шефу и через десять минут вышел уже с приказом о зачислении, правда, всего лишь старшим инженером.

Там я проработал до конца года. Мерзкое место, где меня гоняли, как собачонку.

10 января 1970 года

Наступление Нового года ознаменовалось большими изменениями в моей жизни. Пять дней назад, наконец, закончилось оформление обменов и все мы, то есть я, мама, бабушка Ефросинья Петровна, Мария, Ната и Ксенечка, вселились в прекрасную четырёхкомнатную квартиру на микрорайоне "Космос" по улице неизвестного аборигенам Запорожья какого-то Сытова, девятиэтажка 11-А. Наше родное Запорожское специальное монтажное управление треста "Днепрмясомолремонт" ещё в сентябре прошлого года выделило мне с Маней две комнаты в четырёхкомнатной квартире.

Мама пошла навстречу молодым жлобам и отдала, дурёха, на общее дело свою двухкомнатную квартиру, которую мы, бессердечные дети, предложили соседям по коммуналке. Те с радостью поменяли свои две комнаты на мамину двухкомнатную, и вот уже все Сербы отпраздновали новоселье.

Мама имела в виду, что мои отношения с М. А. наладятся, но, кажется, их уже ничем не поправить.

Главную ошибку я сделал в августе прошлого года, когда зарегистрировал дурацкий брак. Не каждый меня поймет. Но Ната должна была пойти в первый класс и я, как человек условно порядочный, должен был, наконец, удочерить собственных дочерей. Да что теперь об этом говорить...

06 июля 1970 года

И вот закончился ещё один день ещё одной неинтересной киевской командировки. Неинтересной потому, что работать толкачом, кто знает по себе, нелегко. А от имени автозавода "Коммунар" да ещё на з-де РТИ "Красный Резинщик" в Киеве - втройне трудно.

Что такое толкач? В наших нынешних хозяйственных условиях толкач - фигура необходимая, но вместе с тем нелепая. С одной стороны, толкач - неизменный герой фельетонов, порицаемый с утра до вечера за свою вопиющую ненужность. С другой стороны он - двигатель прогресса, локомотив индустрии. Толкач так же естествен в нашем сегодняшнем экономическом организме, как почки в человеческом теле. Вернее даже сравнить его с нервом - он служит связующим звеном, источником и проводником информации для системы "заказчик - поставщик".

Наши советские заводы в смысле организации производства и управления - средневековые мастерские, не более. Так же архаична на них и организация работы со смежниками. Отношения завода-поставщика с заводом-заказчиком строятся по сложившемуся за полвека шаблону примерно так. Госплан

через министерства и главки утверждает плановые задания и спускает для исполнения поставщикам план производства данной детали в тоннаже и в стоимостном выражении, а потребителям в тех же показателях выделенные им **фонды** - специальные бумаги, дающие право на заключение договоров поставки продукции (у Маркса - товаров). Эти два завода при заключении договора в приложенных к нему спецификациях расшифровывают что, когда и в каких количествах должно быть конкретно поставлено.

Теоретически предполагается, что теперь сиди и руки потирай, - начнется новый договорной период и данная деталь или детали пойдут на конвейер потребителя равномерным мощным потоком, как у мерзавца Форда. Но не тут-то было!

С первых дней года оба завода-смежника начинают терзать непредвиденные неприятности. Сплошь и рядом договора поставки не обеспечены сырьем, и поставщик сокращает производство нужной вам штуковины обоснованно, кивая на нехватку дефицитного импортного сырья или вспомогательной детали, поставляемой субподрядчиком. Далее сказываются ошибки чисто логического порядка - при составлении договора имелось в виду, что заказчик будет работать по изделию А на уровне 100 %% выполнения, а он вдруг взял рывок на 120 %% . Эти 20 %% перевыполнения полностью съедают и без того скудный переходящий запас по сырью, идущему также и на изготовление изделия Б. Получается что изделие Б поставщик может теперь отгрузить только на уровне 80 %% плана. Ваш конвейер в итоге начнет лихорадить уже в феврале. Вы же, получив изделие А в количестве 120 %% от заказа, а изделие Б на уровне 80 %% от заказа, ни при какой погоде не можете собрать из этих изделий 100 %% агрегата В.

Затем прибавляются осложнения транспортного характера - ждэ или "Аэрофлот" задержали в пути крупную партию деталей нескольких наименований, и вот уже у заказчика сразу положение оказывается хуже губернаторского - и спросить не с кого, и конвейер на грани остановки. Плюс ко всему этому - нехватка рабочей силы у заказчика, отвлечение транспорта то на посевную, то на уборочную компании, несовершенство складского хозяйства, под которым понимается отсутствие элементарного складского учета и беспросветное воровство на складах, все это создает массу непредвиденных трудностей, усугубляющих положение кооперирующихся предприятий, трудностей, которые так милы большевикам для яростного преодоления оных.

В результате многие заводы останавливаются, другие работают лихорадочно, на ладан дыша, штурмуя упущенное по субботам и воскресеньям, нарушая ГОСТы, КЗОТы и прочие законы.

Во всех этих случаях непредвиденных затруднений предприятие-заказчик немедленно шлёт на завод-изготовитель гонца породы **Толкач**. Есть и ещё причина слать толкачей - полное отсутствие у предприятий не только договорной дисциплины, но и дисциплины чисто человеческой, культуры взаимоотношений. Телеграммы и телефонные звонки ни к чему, кроме заверительного вранья и очередных обещаний, не приводят. Их действительность равна нулю. Поэтому чтобы удостовериться в какой-нибудь мелочи и мало-мальски твердо о чем-либо договориться, надо мчаться за тридевять земель живому толкачу.

Вспоминается хрестоматийный факт, приведшийся как-то в одной из статей в "Правде" известным организатором производства Терещенко, немало прожившим в США. Однажды

автомобильный король Форд шел по заводскому двору и увидел, как из корпуса А в корпус Б плетется инженер с рулоном чертежей подмышкой.

- Вы куда идете? - спросил Форд, которого инженер в лицо не признал.

- Да вот из корпуса А в корпус Б иду сделать исправление чертежа.

- Вы уволены, зайдите в главную контору за расчетом, - якобы сказал автомобильный король, а удивленному инженеру пояснил, что для того и стоит на каждом рабочем столе телефон, чтобы понапрасну не расхаживать...

В наших традициях прямо противоположный подход. Инженер, сообщивший поправку по телефону, третируется как белоручка, бюрократ, негодный специалист. Проваландавшийся же часа два из корпуса А в корпус Б, чтобы сказать коллеге пару слов, ценится как знаток, лично решивший производственный вопрос, рабочая косточка и т.п. Поэтому толкачи неустребимы ещё и в силу подобных стереотипов.

Проработав на самых различных должностях в разных званиях (главным образом, старшим куда пошлют) в разнообразных советских **системах** двенадцать лет, 15 января 1970 года я поступил на автозавод "Коммунар" инженером отдела смежных производств, иначе говоря, отдела комплектации или внешних связей - как его кое-где ещё называют. Приняли меня в самый запущенный сектор - резино-технических изделий. Так я стал толкачом-резинщиком. Звание - инженер по комплектации, оклад 110 рублей, возможна, говорят, и премия до 30 %. И, конечно, командировки, командировки...

Жена покачала головой - знаем, мол, эти командировки, разбалуетесь.

Но выбрать не было возможности. Да и разбаловаться почему-то хотелось.

Учитывая, что очередную липовую труднижку, початую в Запорожском СМУ треста "Днепромясоморемонт", я весьма успешно легализовал в спецСМУ "Энергоцветметгазоочистка" треста "Днепродомнаремонт" (если всё не перепутал по памяти, так как не успел толком разучить), автозавод "Коммунар" - это уже прорыв в машиностроительную элиту, которую в кадровом смысле "пасут" очень тщательно. И их потеря бдительности в отношении меня говорит об ожирении системы, не способной уже исправно мышей ловить.

При оформлении состоялся "вводный" разговор с начальником ОСП Кузькиным Василием Георгиевичем. Я нахально заявил, что учитывая мои неплохие предыдущие работы и диплом Торгового института, претендую на должность старшего инженера или начальника сектора. На это Кузькин сказал, что такая перспектива будет, но пару месяцев придётся поработать рядовым инженером, показать себя, поскольку берет он меня, фигурально выражаясь, со стороны, не зная и т. д.

Пришлось согласиться с такими доводами, признав их здравыми. Сам бы я на месте Кузькина в данном случае, наверное, иначе и не говорил с новичком.

Далее Кузькин вызвал начальника сектора резины Шульмана Аркадия Григорьевича, с которым я предварительно уже беседовал. Высокий, брюнетистый Шульман обладает скуластым собачьим лицом, высоким лбом с облысевшими висками, широко посаженными голубыми глазами и рассеянностью истого технаря. Передавая меня Шульману,

Кузькин пожал на прощанье руку, пожелав успехов.

Шульман отложил текущие дела и повел новичка знакомиться с заводом. Как запорожский старожил, Я был знаком в общих чертах с заводом, знал его историю, заключающуюся кратко в том, что, выросший из частных полукустарных мастерских по производству земледельческих орудий, он с 1931 г. был переведен на выпуск зерновых комбайнов, затем с 1954 г. стал машиностроительным заводом системы почтовых ящиков, а с 1958 г. на нём было решено организовать впервые в СССР выпуск микролитражных автомобилей.

Несколько лет завод, зажатый с трёх сторон городом, переживал мучительную и противоестественную перестройку производства, причем были ухлопаны средства, достаточные для строительства двух совершенно новых автозаводов на новых площадках. Но как бы то ни было, автомобили пошли. В 1970-м году намечается произвести около 90.000 штук модели "ЗАЗ-966" с мотором 43 л. с., машины очень неприхотливой и полюбившейся нашим тоже неприхотливым автолюбителям.

Однако стоимость машины в 3.500 рублей пока не делает её общедоступной. Да и по себестоимости это одна из самых дорогих советских автомашин. Отпускная цена промышленности равна около 1.500 рублей, что выше отпускной цены "Москвича-412". Из этих 90.000 шт. около 15% идет якобы на экспорт в Югославию, Швецию, Англию, Болгарию, Финляндию, ГДР и т. д.

Шульман провел меня по механо-сборочному цеху, показал участки сборки передней и задней подвесок, затем сборочный цех с главным конвейером, штамповочный цех и цех окраски кузовов. Бросилось в глаза отсутствие налаженной связи между цехами. Межцеховые перевозки осуществляются в основном

электрокарами и автомашинами-каблуками "ЗАЗ-965", снующими всюду без всякого порядка. Несколько межцеховых конвейеров могли бы значительно упростить транспортную проблему, но их строительство не осуществляется.

Шульман с гордостью поведал Семёну Станиславовичу как о трудовом подвиге, что, не снижая выпуска машин и в условиях этой адской тесноты и неразберихи, заводу удалось перейти на выпуск новой модели - 966 вместо 965-й.

Подвиг ли это? Вряд ли. Фактически результат достигнут путем неисчислимого количества сверхурочного труда - по субботам и воскресеньям, труда коллектива на износ!

Затем Шульман показал склады ОСП, в частности, склады резинотехники. Для меня, привыкшего в торговле беречь и ежедневно учитывать товаро-материальные ценности, это было тягостное зрелище. Груды резиновых деталюшек всевозможных размеров вываливались из бункеров, Валялись, где попало, мешки вперемежку с ящиками и связками. Найти и выволочь что-либо на свет божий было здесь проблемой. Снабжая конвейер, отсюда вытаскивали, что попадет на глаза, разваливая штабеля.

Ещё более показалось диким, когда Шульман доверительно сообщил, что на складе электроарматуры "висит" недостача в 18.000 рублей, но все молчат, ибо нельзя никого наказать, не повредив самому себе, т. к. все туда **ходоки** поживиться за казённый счет.

- Какая же может быть недостача на складе вонючей резинотехники? - Спросил я, стараясь выглядеть наивным.

Шульман улыбнулся и сказал, что вот этого никто толком не знает, т. к. практически невозможно провести достоверную инвентаризацию этим сотням тонн сваленной в одну кучу резины. Каждый раз складские остатки переносятся в

ведомости со складских картотек без пересчета.

На следующее утро, едва я отнёс в табельную пропуск, меня увидел в коридоре Шульман, нервно схватил за руку и потащил в сборочный цех. Там, роясь как куры, в бункерах, в попытках обеспечить текущие потребности сборочного цеха, уже трудились коллеги по сектору - инженеры Миргородский Николай Михайлович, Гарницкий Семён Абрамович, Ктитаренко Мария Васильевна, Проценко Иван Афанасьевич и Софья Семеновна (фамилию ещё предстоит разучить) – экономист бюро, тяжеловесная 50-летняя богиня цифр и подсчетов. Мне досталось пересчитать прокладку N 1050 под фару.

Когда резинщики возвратились в отдел и подвели итоги, выяснилось, что для нормальной работы двух дневных смен не хватает:

- втулки N 4086 - на сто машин,*
- накладки N 4066 - на 140 машин,*
- чехла N 4034 - на 200 машин.*

Срочно посоветовавшись с Кузькиным, шеф Шульман принял следующие меры - велел срочно заказать Киевский завод РТИ, он же "Красный Резинщик", и приказать нашему там толкачу Кутышеву Георгию Евгеньевичу отправить самолетом в 12.45 недостающее количество деталей 4086 и 4066.

По чехлу 4034, поскольку он из Курска, где на тамошнем РТИ делают эту деталь, рейса самолетного нет, а посему нехватку восполнить чехлом 4035, имеющимся в изобилии, но идущим на правую полуось. Чтобы его поставить на левую полуось, чехол нужно вывернуть. В результате такой варварской операции много чехлов рвётся, те же, что удалось натянуть, стоят ненадёжно. Стоит ли упоминать, что при этом грубо нарушается конструкторская документация и технология? Поступать так то же самое, что ходить сегодня

в двух левых туфлях, а завтра в двух правых. Но выхода нет, конвейер большевики не остановят, хоть удавись, и считают такой выход из положения трудовым героизмом.

В мой не в меру любопытной голове сразу же возник вопросик, который я и поторопился высказать Шульману. Зачем, говорил я, нужно каждый день уточнять прямым пересчетом наличие каждой дефицитной детали, если можно сделать всё, не выходя из-за стола: берутся остатки данной детали по учету склада плюс выдача в цех минус количество выработанных деталей исходя из числа собранных машин за период после выдачи детали в сборочный цех.

В подобных случаях поспешных вопросов и выводов моя наблюдательная мамочка говаривала, что я не дипломат. Да. С годами сын признал мамину правоту. Не без досады, конечно, поскольку в далёкой молодости мечтал поступить в институт международных отношений и решать судьбы мира в лайнере где-нибудь над Атлантикой, между Африкой и Южной Америкой.

Чрезмерное честолюбие, увы, прекрасная черта молодости, но ужасный недостаток подступающей старости. Да-да, а что вы думаете? Тридцать пять это уже весьма и весьма почтенные года. Не успеешь оглянуться, как и подвалит твой личный экспресс к неприметному последнему тупику. Как говорится, наш паровоз, вперед лети, в собесе остановка...

Итак, я задал вопрос и по беспокойному вскидыванию глаз Шульмана понял, что поторопился. Видно было, что покусился на "устои", на стиль работы, здесь привычный и незыблемый. Но ответ Семён, тем не менее, получил, разжёванный чётко, как для несмышлёного дитяти:

- Да, это необходимо, ибо, во-первых, работники склада не утруждают себя выдачей точных данных о наличии, во-вторых, в карточках склада не может быть ясности хотя бы

потому, что и со склада и из цеха непрерывно воруют...

Поэтому, если вы вечером пересчитали, скажем, те же чехлы 4034-ые и обрадовались, что их 350 штук, ровно столько, чтобы спокойно обеспечить суточную программу завтрашнего выпуска машин, то утром всё-таки пересчитайте ещё раз. Очень может быть, что их окажется только 283 или 312 и программа не будет обеспечена. Словом, чтобы не попасть впросак, нужен глаз да глаз, то-бишь, пересчёт, пересчёт, пересчёт...

"Социализм - это прежде всего учет", - сказал где-то на просторах 55 томов Ленин, и здесь его бесхитростные слова понимают вот так.

Вечером решил записать свои сегодняшние расходы для истории. Завтрак - 0,5 л. кефира - 13 коп., обед - 1/2 окрошки - 12 коп., рыба жареная, видимо, хек, - 23 коп., чай 1 ст.- 06 коп., хлеб - 2 ломт. - 02 коп. То есть, за день проел 56 коп. Проезд в троллейбусе - 16 коп. Всего суточные расходы = 72 коп., а значит, явная экономия суточных...

Продолжим рассказ о моей карьере, карьере тяни-толкая. Первая моя командировка получилась в начале февраля в Курск. Именно в феврале 1970-го произошли между Харьковом и Белгородом, да и дальше до Курска и Орла, снежные заносы необычайной мощности. Снег в Харькове достигал 2-3-х метров глубины, и все виды транспорта между Курском и Запорожьем были парализованы. Разумеется, тысячи автомашин застряли на трассе и, поскольку всё снабжение завода "Коммунар" резино-техническими деталями с Курского завода РТИ строилось на самовывозе автотранспортом, можно представить, какое аховое положение создалось со сборкой "Запорожцев". Дело усугублялось отсутствием какого-

либо, даже недельного запаса по большинству курских деталей.

К тому времени в Курске уже находился профессиональный коммунаровский тяни-толкай Иван Проценко. Ввиду чрезвычайного положения на помощь ему командировали целую бригаду в составе меня, плюс одного алкаша-грузчика и руководителя экспедиции начальника сектора РТИ милейшего Шульмана.

Выехала спецгруппа, на ночь глядя, поездом N 31 Симферополь - Москва и имела в планах добраться до Курска к утру - ходу до Курска 7 часов. Однако добирались 31 час, и наш поезд оказался на ближайшие несколько дней последним, преодолевшим заносы. На следующий день снегопад продолжился, и отпала последняя надежда - отгрузка по железной дороге.

И вот все собрались под Курском в чудном мотеле "Соловьиная Роцца" и стали обсуждать положение.

Надо ли говорить, что проведенная в "Соловьиной Роцце" неделя вынужденного плена оказалась не самой худшей в моей жизни. Но мы ведь беспартийные большевики и поэтому - не надо о личном!

25 июля 1970 года

Когда я в субботу вернулся из Киева, ничто не предвещало никаких новостей ни в мире, ни в личной жизни. Однако в воскресенье пришла удивительная телеграмма из Лозовой от двоюродной сестры по отцу Оли. Вот что там было написано:

**СЕНЯ ВСТРЕЧАЙ ПОНЕДЕЛЬНИК ПОЕЗДОМ ЛОЗОВАЯ
ТИРЕ ОДЕССА ЛЮБОЧКУ ПОГОСТИТЬ ТЧК ЦЕЛУЕМ ОЛЯ ЗПТ
АНАТОЛИЙ**

15 августа 1970 года

С 9 августа снова в командировке и снова в Киеве. Опять на гнусном и смердючем, как все заводы резино-технических изделий, заводе "Красный Резинщик". Опять идут проливные дожди, похолодало. Вообще, тёплые летние дожди очень приятны. Но сейчас совсем другое, нерадостное настроение и у меня, и у киевлян.

По Советскому Союзу гуляет холера. Говорят, под карантином такие города, как Астрахань, Баку, Одесса, Херсон, Николаев, Харьков и Запорожье. Слухи самые невероятные и паника растёт. Жители рассказывают друг другу страшные истории. Ужас!!! Утром позвонил домой. У жены, впрочем, настроение "крепко выдержанное", и её никакой холерой не проймешь. Ну и ну!

17 августа 1970

Утром отправился, как обычно, на завод. Перед этим позвонил домой, дома всё в порядке, дети здоровы.

Затем довольно быстро догрузил машину. По-прежнему, как и на прошлой неделе, дефицитные детали завод "Красный резинщик" в нужном количестве не производит. Но никто этого изменить не в силах. По приезде сюда в этот раз решил не стесняться и, будучи всё ещё молодым, но уже достаточно нахальным, рванул в ЦК Компартии Украины к некоему т. Шмаренке, к которому попала на расследование жалоба

автозавода "Коммунар" на отвратительную поставку изделий "Красным Резинщиком".

Припёрся в ЦК. Дождался Шмаренка. Из вестибюля вежливый милиционерчик указал мне на соседнюю комнатую, своей камерностью, надо полагать, похожую на камеру-одиночку.

Хотя сам я пока что не сидел и точно ручаться за сходство не мог. Мол, позвони оттуда Шмаренке, как бы сказал *мильтон*. Я уселся на единственном стуле в переговорной комнатёнке и поднял трубку телефона внутренней связи. Всё было уже слажено и мне тотчас ответили. Представился.

- Так и так, - сказал Шмаренке, - я представитель "Коммунара", желаю с вами встретиться, поговорить подробно, разузнать, как движется расследование жалобы нашего завода...

- А о чём говорить? Я не могу вас принять, более важными делами занят. Да и говорить нам ни к чему. Пустые жалобы вы там строчите. Я видел в пятницу вашего директора Серикова в Минавтопроме в Москве, мы обо всём договорились.

- Так мы ж на грани остановки, - убеждал я функционера.

- Ну и как же вы выходите из положения? Ведь вы уже три года, слышу, на грани остановки, а всё не остановились.

- Из фонда запчастей, предназначенного на импорт, берём, но туда же возвращать надо!..

- А зачем берёте, кто разрешил?

- Так, а не то, остановили бы производство...

- Знаете, у нас производство плановое, а не сверхплановое, и вы, знаю, систематически перевыполняете...

- Вас бы устроило, чтоб мы недовыполняли?

- Думайте, что говорите. И кто вас только послал!

- Извините, до свидания.

- До свидания. Мне больше не звоните. Недосуг мне, я занятой человек. Обращайтесь в Главк.

No comment, как говорят буржуи.

У меня сложилось мнение, что Шмаренко меня не принял, главным образом, боясь холеры. Сейчас многие, до вчерашнего дня отзывчивые товарищи, предпочитают решать вопросы по телефону.

В перерыв съездил на почтамт, послал письмо отцу. Сообщил ему, что позавчера отправил бандероль с папиросами - угощай, тато, друзей нашим куревом!

18 августа 1970 года

День прошел стандартно. С утра отправился в город, позавтракал в кафе "Лыбидь" напротив нового Дворца Культуры: я всегда там обедаю, когда бываю в Киеве. Готовят вкусно и, в общем, недорого. Затем пошатался по магазинам, ничего не присмотрел, да и ни к чему было смотренье, так как перевод от жены, даже если она его сделала утром, поспеет не раньше субботы. Капитал же мой - рубль с мелочью. На завтра останется около полтинника. Но голодная голова светлее... что-нибудь придумается.

Днем ещё не утерпел, разорился на 25 коп. и пошел в кино на шведский фильм "Принцесса". Отличная вещь. Морали вынес две – никогда ничего не поздно и счастье - в простых человеческих радостях.

Сюжет прост, но глубок. Парень влюбляется в девушку, больную неизлечимой болезнью, чем-то вроде рака лимфатических желез. По всем данным, она обречена. Однако он убеждает её выйти за него замуж. Девушка идет на это, мечтая родить ребенка в надежде, что, когда она умрет, - это

она сознаёт, - то отец воспитает малыша. К удовольствию таких закоренелых мещан, как я, фильм заканчивается хеппи-эндом - рождается здоровый мальчик, а беременность и любовь мужа излечивают и саму молодую мамочку, сущую прелесть.

Выйдя из универмага "Украина", я перешел площадь и потопал мимо цирка. Крикливо оформленные щиты **Аэрофлота** призывали киевлян экономить время и летать его самолетами, как будто за вывоз киевлян из Киева борются полсотни западных авиакомпаний. Один щит вполне серьёзно приглашал: "Летайте в Прагу на "ИЛ-18"..." Представил себе, как вытянулось бы лицо у кассира отечественного агентства, если бы я сейчас подошел к окошечку и, не имея за душой ничего, кроме желания, протянул бы ей свой полтинник и попросил: - Билетик, рыбочка, до Праги, в один конец, пожалуйста!..

Да, ещё в воскресенье 16/8-70 на киевской толкучке по дешёвке (за 10 рублей, кто понимает, это задаром) приобрел полное собрание сочинений **Мамина-Сибиряка**. В 12 томах (без 9-го тома). **Издание Т-ва А.Ф.Марксъ, Петроградъ, 1915-1917 г.г.**, приложение к "**Ниве**". Отлично сохранилось. Однако нет "**Горного гнезда**" и "**Золота**". Ничего, вещи известные, можно докупить отдельными изданиями.

Два вечера никуда не хожу, получаю огромное удовольствие, проглатывая Сибиряка. Уже проглотил "Приваловские миллионы", принялся за "**Хлеб**".

Газет, в целях экономии, почти что не читаю, разве что изредка в ожидании троллейбуса на стендах.

Договор с ФРГ вызвал массу мыслей, хотя в принципе какое-то решение вопроса было необходимо. Вспомнилось в довоенных газетах - фото при подписании **Пакта о ненападении** - улыбающийся Молотов и отвернувшийся от него с кислой физиономией Риббентроп. Дед, покойный Калистрат

Гордеевич, царство ему небесное, как хуторской почтальон, судил о высокой политике по снимкам в газетах, которые разносил. Аналитически всматриваясь в лица творцов довоенной истории, дед говорил:

- Наш-бо, дывы, як смеється, а нимэць одвэрнувся, гадость, и нэ дывытыся, капоснэ. Тэпэр йому и пшэнычку виддай, и сальцэ, а вин всэ ривно повэрнэ сюды. Чуэтэ - "Если завтра война, если завтра в поход..."

Дед оказался прав, его бы в референты Вячеславу Михайловичу Молотову в те минуты, когда подписывался Пакт и тайные протоколы к нему. Ленин объявил об отказе от политики тайных договоров, но в жизни оказалось иначе – без них никак!.. Ленинцы ведь диалектики, а это такая публика... Теперь нам те, которые в Кремле, виднее, но стали ли мы, которые вне Кремля, умнее?..

22 августа 1970 года

Эпидемия холеры на Украине в разгаре. Три дня недомогал. Считал уже, что заразился холерой. Боли в животе, понос, тошнота. Сегодня к утру стало лучше. Обрадовался, а вдруг обыкновенное расстройство. А то было, настолько приуныл, что собрался идти к врачу сдаваться.

Им же сейчас только намекни, что живот болит, на месяц упекут в изолятор. С другой стороны, рисковать вроде бы и неумно.

Днём ходил в кино, смотрел неплохой американский фильм "Квартира". Мрачноватый юмор немного развеял муть в расстроенной голове.

Отправил письмо отцу и послал ему пять негашеных марок с изображениями скаковых лошадей. Судя по его письмам, это его страсть.

На мировой арене спокойнее. Как освещает наша объективная пресса, едва ли не главное событие в мире - совещание глав стран Варшавского договора. Как и следовало ожидать, Москва их вызвала, чтобы спросить, хорошо ли мы поступили, подписав Договор с ФРГ. Братья сказали, что - хорошо!

Опубликовано сообщение о прекращении поисков канувшего в воды Атлантики "Антея". Экипаж и сотрудники госпиталя, летевшие в Перу, погибли. Пропагандистский воздушный мост Москва - Лима оказался более чем шатким.

Жизнь в Киеве бурлит. Особенно приятный солнечный, хотя и по-осеннему прохладный день выдался сегодня. Целый день бродил по городу, по магазинам, просто по улицам, похоже, сучая по дому. Как там дети? Готовимся к отъезду домой. Купил коробку хороших конфет, Ксюхе - шапку, обеим гольфики, Мане кофту. Ещё раньше передал туфли матери... Бабушке Фросе – плитку шоколада...

Вечером в гостинице, закрыв дневник, решил почитать на сон грядущий Мамина-Сибиряка. Как, всё-таки, глубоко человек пишет! И как хочется иметь возможность хоть в сотой доле высказать так правду жизни, как этот писатель. Решил утвердить себе программу - мол, приеду домой и всерьёз продолжу занятие прозой - надо, если хочу что-нибудь сделать для уважения самого себя.

23 августа 1970 года

День отличный, а прошел так себе! Позавчера приглашал

Кычкин, начальник сбыта "Красного Резинщика", ехать сегодня с ними в подшефный колхоз на уборку помидор. Я подумал и, сообразив, что дело неизбежно закончится выпивкой, не поехал. Тем более что у меня давно намечалось сходить на толкучку поискать жене красные резиновые сапоги. В этом году за такими гоняются наши модницы. Да и практично на самом деле...

Поэтому потратил полдня на экспедицию в сторону **толчка**. Базар сей вынесен для **удобства** десятков тысяч киевлян за город, в незаасфальтированную непролазную грязь, далеко на окраину, так что только добираться приходится два часа в одну сторону - троллейбусом, трамваем и пару километров на своих двоих. Ничего там не купив, порядочно устал, потом перехватил в столовой у завода "Большевик" и снова приехал на Крещатик.

И, поскольку ЦУМ оказался открытым, то вновь прошёл его вдоль и поперек, купил Мане юбку, детям цветные карандаши и на предстоящие дни рождения мамы (1 сентября) и жены (3 сентября) две бутылки "Славутича" и 1 бут. "Шартреза". А также 1 бутылочку-фляжечку (0,25) самого дешёвого коньяку. Теперь, после недавнего повышения цен на коньяки на 100 %%, эта **манюпуренькая** бутылочка стоит 4 р. 19 коп. Но гулять - так гулять! Давно пора домой. Сколько накопилось всяких дел, а тут сиди в дурацкой гостинице. Но ещё несколько дней и, если холера не захватит, возможно, попаду домой.

24 августа 1970 года

Понедельник - день, всё-таки, тяжёлый. Началось с того, что жутко аварийную деталь 3026-Б я не смог отправить

самолетом, потому что она не была готова к 11.00, а самолет - в 12.45. Затем оказалась готова деталь, но я не стал её тащить на поезд к 16.10, так как возвратился бы на завод не раньше 17.00, что было бы поздно для загрузки ожидавшейся с минуты на минуту автомашины. Но лишь в 15.00 подошла автомашина 75-74. Это был милый Федя Зайченко. Он рассказал, что запорожские растяпы забыли ему выписать доверенность и получить груз нельзя.

Более часа ушло на то, чтобы связаться с "Коммунарком" по телетайпу и запросить доверенность. Когда уже начало казаться, что никто нам не поможет, удалось договориться без доверенности, под честное слово. Но тут заговорил телетайп и "выплюнул" доверенность.

Быстро погрузив 9 мешков, мы, т. е. я и нач. планового бюро Меерович Абрам Григорьевич и инженер техбюро Женя - толкач по оснастке, отчалили в сторону Киевского автовокзала, где Женя отвалил по своим делам, а я с Мееровичем расстаться не смог, т. к. он потащил меня на переговорный пункт звонить Кузькину о положении дел.

До Запорожья дозвонились быстро - за полчаса, но Кузькина не оказалось, говорили вначале с Шульманом, затем с замом Кузькина Церберовым. Дурачок Церберов стал на меня материться, почему это я без доверенности. Я не заставил себя упрашивать и ответил ему в том же ключе, что я не экспедитор и т. п.

Потом меня гнусаво утешал Меерович, как бы защищал слегка на всякий случай, ругал Церберова, которого, говорят, он не терпит за верхоглядство.

Ну, тут я не выдержал и, хотя всю командировку придерживался сухого закона и режима большевистской экономии, пригласил Мееровича пообедать, благо, ресторан

оказался на том же этаже. Конечно, это был поздний английский обед, плавно переходящий в ужин. Взял я по бефстроганову, по салату, бутылку минералки и 200 гр. водки. Меерович и не думал упираться. Обошелся шик в 4 р. 50 коп. Очень жаль такой большой суммы, ну да чёрт с ней!

В частности, А. Г. сказал, что одна его сотрудница к Новому году идет на пенсию, и он согласен взять меня к себе на плановую работу. Напои, добавил он, разок в кабаке пана Кузю, и все будет в порядке.

Этому я не верю, т. к. слова сии слышал в марте с. г., когда в Курске поил два дня того же Мееровича с Кузькиным, что обошлось мне в 50 рублей. Поэтому я ограничился по 100 грамм. Поживем - увидим!

Однако что-нибудь с работой буду решать по приезду. Надоела командировочная неустроенность.

Церберов приказал остаться ещё на несколько дней, дескать, командировку продлим ещё. Я сказал в ответ, что ни одного дня не останусь, заболел и прочее.

25 августа 1970 года

Вторник оказался не лучше понедельника. В девятом часу утра дали по вчерашнему заказу Запорожье. Сначала переговорил с заводом, затем с женой, которая сегодня оказалась, к моему великому огорчению, очень нелюбезной. А я так не могу. У меня от обиды целый день все валилось из рук. К тому же не пришла к закрытию "Красного Резинщика" автомашина и я ничего не отправил, а почти десяток деталей аварийные, завтра на конвейере возможно "ч. п.". Хоть и говорят все, что я не болею за производство, это не так.

Сегодня я остро переживал свое бессилие чем-либо помочь. Другое дело, что я человек выдержанный, не люблю переживать картинно, вот кое-кто и считает, что я безразличен. Но что поделаешь, если у нас ещё связи со смежниками на уровне XVIII века? Вот читаю об уральских заводах XVIII-XIX в.в. у Мамина-Сибиряка и, в частности, удивлен - уже тогда, при всем прочем крепостном колорите, заказы заводами исполнялись строго своевременно и качественно - одним словом, исправно.

Мееровича сегодня не видел. К условленному времени он на завод не пришел, будем считать, что задержался в ЦК или в Главке.

Удивительное дело. В ЦК и Главке Укрлазнефтехиме согласовали протокол, по которому киевский "Красный Резинщик" обязался давать по 7.500 шт. всех деталей ежемесячно (автокомплектов), но когда стали вчера детализировать на заводе, оказалось, что цех может обеспечить изготовление всего 50 %% необходимого. Не останавливать же "Коммунар"! Направьте на помощь ваших 5-6 рабочих - требует нерадивый поставщик. Легкое ли дело прислать из Запорожья 5-6 человек в командировку до конца года? Это то же самое, как если бы покупателю, у которого подошла очередь на "Запорожец", сказали, - Езжай в Запорожье, там тебе все винтики-болтики покажут, и ты сам себе соберешь на конвейере машину...

26 августа 1970 года

Думал сегодня уехать домой, уже так хотелось, настроился, но не получилось. Утром загрузил машину, на

аэродром, чтобы передать дефицитную 3026-Б не поехал, т.к. упрасивать пассажиров дело ненадежное, а тратить своих 5-8 рублей на оплату багажной квитанции не хочу, эта квитанция выписывается на имя того, кто летит. Так что даже если найдется пассажир, согласный записать груз на свой билет, то отчитаться по такой квитанции, чтобы получить деньги, я не смогу. Отсюда и мое нежелание играть в эту игру. Да я и убежден, что детали заводу не очень нужны, потому что иначе аккуратнее присылались бы машины.

Ну, потом получилось, что я вспомнил, как я Мане обещал купить комод для белья. В прошлый приезд присмотрел недорогой комод за 47 рублей, но когда собрался с деньгами, комоды разобрали. На этот раз такие попались в мебельном около универмага "Украина".

У меня утром оставалось 49 рублей, и я попросил шофера Толю Брежуненко завезти мне комод. Он согласился, добрый человек, и мы поехали и купили-таки комод. Еле взгромоздили его на машину, доверху груженую резиновыми деталями навалом.

Вот я теперь сижу и переживаю, как он его довезет, потому что нечем было увязать и на случай дождя всего в два слоя бумага, которая, несомненно, будет сорвана ветром сразу же. Кроме того, мне кажется, что ножки мы забыли в магазине. Заказал на утро разговор с женой разрешить свои сомнения.

Итак, домой я не уехал, так как не пришла машина вечером, везущая мне аванс. У меня-то два рубля, но чтобы расплатиться за гостиницу и за телефон пришлось до завтра одолжить у Таисы Федоровны 5 руб.

Днем позвонил на "Коммунар". Говорила Маня Ктитаренко. В частности, поведала, что мне приказано оставаться до понедельника, пока приедет и сменит меня Кутышев. Я

категорически отказался. Сказал (соврал), что лечу вечером самолетом и билет на руках.

Вот начальство у меня! Не далее как вчера ночью звонил Церберов, разрешил сегодня выехать, сказал, что в четверг приедет Гефтер. Но, видимо, хитрый махер Гефтер открутился от поездки. Ну, я им не ишак и сидеть ни одной минуты сверх положенных 20 дней не буду. Так настроился мчаться домой к жене и детям, и на тебе! Хоть самолетом завтра, но улечу. Лишь бы аванс привезли.

30 августа 1970 года

Отлично доехал грузовиком. Правда, домой звонить уже не было времени, так что решил объявиться "сюрпризом". Добрался уже в потёмках, примерно в 01.00 ночи. Мама встретила настороженным взглядом, из которого я понял, что у нас непорядок. Так и вышло. Марии дома не оказалось. Я спехом умылся, и мы с мамой сели на кухне пить чай. Дети уже спали, и я только погладил их по потным головкам.

Оказалось, что у Мани три дня, как серьёзный загул. На работу не ходит. Стусь оформляет ей какие-то отгулы. Утром часов в одиннадцать приходит Верка, они штукатурятся и уходят до поздней ночи.

Выслушав эту повесть, я понял, что уровень адреналина серьезно повысился и надо выйти на свежий воздух отдышаться и собраться с мыслями. Мама не советовала, но кто же слушает матерей, когда касается личной жизни. Бесцельно пошел по улице, обдумывая ситуацию. К сожалению, после моей непродуманной регистрации нашего брака в прошлом году, Маня совсем ослабела на передок. Да ещё её

подруга осетинка Верка повадилась подставлять её осетинским кобелям.

Смотрю, вдали идет веселая кампания, два мужика и две бабы. Присмотрелся и понял, что идут наши гулёны, не зная, что я приехал. Глазами зыркнул по тротуару и увидел брошенный подростками подходящий обрезок арматуры. Вооружившись, ходко пошел встречать друзей. Они меня узнали метров за двадцать и остолбенели. Боб и Керим что-то зашептали спутницам, и вот отделилась Мария, неуверенно побежав ко мне.

- Извини, Сенечка, мы немного повеселились, Керим получил большую премию... Но всё в пределах разумного...

Арматура в моей руке шевельнулась, и Мария остановилась в трёх шагах.

- Ты не прав, я ни в чем не виновата. Я тебе всё сейчас расскажу, и ты рассмеёшься.

Я вдруг сам по себе дурачки рассмеялся и отбросил арматуру в траву на ещё не застроенной стороне улицы. Подошли осмелевшие компаньоны. Пошли красочные осетинские клятвы в непорочности их братско-сестринской прогулки в ресторан.

Пошли к нам домой. Мама отперла дверь и в знак протеста тут же ушла в свою спальню. Народ достал из сумки ещё пару бутылок коньяка, дружно и уверенно усевшись за кухонным столом. Я слушать их рассказы не стал, а пошёл спать, так как поездка машиной из Киева измотала основательно. Да и что они могли мне сказать **нового**?

В пятницу на работу уже не пошёл, поскольку в законе принцип командировки "день приезда - день отъезда". А в субботу, увы, оказался рабочий день - "черная суббота". Вызвал меня Церберов и предложил написать заявление за отказ брать доверенности и самовольный отъезд из Киева. Иначе, дескать,

уволит "по статье". Кузькин, однако, разыгрывает показную вежливость. Послал их обоих к чёрту.

Сегодня утром ходил на толчок. О великий и могучий! "Толчок" в разговорном языке, кроме обозначения толкучки, дикого рынка, пинка в спину также ещё и унитаза. Так куда же я ходил? После обеда дружно консервируем помидоры, разыгрывая примирение. Полная апатия, ничего не хочется делать. Особенно не хочется завтра идти на работу.

20 сентября 1970 года

Опять в Киеве. Уехал, как всегда, воюя за соблюдение буквы закона. Коммуняки этого боятся, не любят, когда работяги шум поднимают. Сейчас ведь не 37-й, головы просто так не пооткручиваешь. Я, конечно, понимаю, что косить под работягу могу недолго, только пока не рассекретят мою уникальную трудовую биографию. Несмотря на истерику и. о. начальника ОСП Макаревича, взял всего три доверенности.

С большим трудом устроился в "Октябрьской" на одну ночь - директора по воскресеньям не отыщешь, а дежурная администраторша отказалась дать её домашний телефон. Остаток дня гулял по Киеву, в частности, зашёл во время службы во Владимирский Собор. Очень много молодёжи. Конечно, большинство шатается по собору из любопытства, но есть и серьёзные задумчивые лица молодых - дескать, что же это всё-таки за штука - Товарищ Бог? Я не удивился - ведь совсем недавно официально вошло в оборот и "товарищ Рубль".

22 сентября 1970 года

Первый день работы в этот приезд в Киев был, естественно, напряжённо-бестолковым. Придя на завод к 9.00, я так до самого звонка - до 5 -ти часов вечера - не смог ни на минуту отлучиться в город. Вечер, разумеется, пропал, так как два водителя остались в Киеве до утра и от меня, что называется, не отстали. Один и ночевал у меня в номере. Набрались по-русски - до зелёных чертиков, но Бог миловал, и никаких чрезвычайных происшествий не произошло. Правда, одна из банок с молдавским лечо оказалась закатанной с куском стекла - остатком разбитой на конвейере банки, её содержимое просто пересыпали в следующую банку, не потрудившись даже вынуть крупных обломков. Сашка хватанул после водки ложку такого лечо, и вдруг его лицо исказилось от боли и изо рта хлынула кровь. Он инстинктивно перестал жевать и открыл рот, как карась. Я осторожно вынул у него изо рта порядочный, в несколько сантиметров, кусок кривого бока стеклянной банки и, убедившись, что других обломков во рту у Сашки нет, мы с помощью дежурной по этажу прополоскали ему рот розовым раствором марганцовки, а затем полустаканом водки. Пока не перестала сочиться кровь, прошло минут двадцать. Мы выкинули в помойку коварную банку, лишившись, таким образом, основной закуски, но ливерную колбасу Сашка через полчаса стал жевать одной стороной рта. Сначала мы негодовали, хотели мчаться на разборку в Бендеры на горплодоовощной комбинат, но к утру передумали. Поняли, что братья-молдаване прислали нам опасный привет не специально, а по большой пьяни и бестолковщине. Многое говорит и дата выработки братского консерва - 31 июля.

Вот делаю эту запись утром с чугунной головой. Заказал телефон к Мане на работу, жду звонка.

24 сентября 1970 года

День примечателен тем, что приземлилась слетавшая на Луну автоматическая станция с пробами лунного грунта. Не говоря уже о том, что это случилось почти на год позже высадки человека на Луну, от эпопеи Нейла Армстронга победная акция большевиков отличается ещё вот чем. Сия достижения то же самое, как если бы молодой муж в первую брачную ночь поручил дела роботу, а утром, разузнав у него, что и как, стал бы с видом знатока беседовать на постельные темы с другим соседом, который свои обязанности не доверил бездушной машине...

Кроме того, стоило ли тратиться, если америкашки и так нам часть лунных камней подарили? А ведь у Эдуарда Хилия уже и песня была наготове - **"Лунный камень"**. Помните, - "Подари мне лунный камень..."?

Ещё написал стишата - "Я археолог, кладоискатель...". Правда, печатать их опять-таки, как и всё, что я пишу, нельзя. Даже опасно посылать в редакции. Так я и не посылаю. Получается что-то вроде личного поэтического дневника. Взглянет ли когда-нибудь глаз цивилизованного читателя на страницы моих стихов вообще?

25 сентября 1970 года

Я пришел к выводу, что в нравственном отношении борьба классов бесцельна, ибо, придя к власти, угнетенный доколе класс неизбежно разделяется на два - господствующий и новый

угнетенный в составе части победителя и остатков (недобитков) ранее господствовавшего, с прежним комплексом проблем.

Яркая альтруистическая личность в любой области человеческой деятельности делает больше, чем тысячи бюрократов класса, победившего в политической борьбе.

29 сентября 1970 года

«18.9.70

Дорогой Сеня!

Наконец, отвечаю на вопрос о туризме. Я заниматься туризмом не могу по нескольким довольно обстоятельным причинам.

Первое, как видишь на обороте этого послания, стоимость поездки только в СССР определяется четырехзначным числом целых долларов, так что пенсионер не может разрешить себе такой роскоши и если бы когда и рискнул, то только в соседнюю, недалекую страну, где расходы определяются в половину, а то и только одну пятую упомянутых на обороте.

Второе и более важное - это состояние здоровья. Мне не 17 и не 30 лет. Что касается твоего приезда, то это связано с параграфами, никак не служащими в твою пользу. Замечу только, что Австралийские власти никогда не будут тебе препятствовать, наоборот, они очень гостеприимные люди и всегда говорят: Welcome (Добро пожаловать!). Недавно получил письмо от жилотдела, что мой дом таки будет сноситься, так что добавляются лишние хлопоты. Необходимо теперь заниматься жилищным вопросом не на шутку, ибо я с «туристами» жить не собираюсь. 30.9.70 будет контрольная

проверка состояния моего здоровья в одном из лучших госпиталей Мельбурна. Пиши. Тато.

P.S. Напиши отчество Мани, мне нужно ей сделать почтовое отправление».

Письмо написано на обороте следующего информационного текста компании CONTAL CO:

CONTAL CO

Mutual Arcade - 266 Flinders Street, Melbourne, Vic 3000

Phones: 63-7895 (63-8498)

(opposite Flinders St. Station)

TO ALL OF THOSE WHO DESIRE TO VISIT RELATIVES IN THE USSR.

Dear Madam/Sir,

Should you contemplate visiting your relatives in the next year 1971, we advise you strongly to call at our office as soon as possible and lodge your application/ From experience of past years we know that one has to wait six, or even more, months for an entry visa to the USSR to be granted.

Our experienced multi-lingual staff will handle everything for you - from the initial formalities to the booking of fares, hotel accommodation, exchange of currency etc. - the only thing you have to do is to come to our office and sign the questionnaire.

The price of an individual return air ticket to the USSR is \$1235.20, if travelling in an affinity group - \$864.80.

Yours faithfully,

CONTAL CO

=====

30 сентября 1970 года

Записи не вёл ввиду занятости, а также из-за утери ручки. Звонил Мане, она сообщила, что от отца пришло письмо и небольшой перевод на 28 валютных рублей. Она хочет съездить отовариться в Москве. Я, естественно, сказал "да".

Сегодня загрузил 19 тонн продукции на два огромных фургона "Шкода".

Сейчас идет осенний дождичек, а вчера утром даже срывался первый снег. Я лежу в номере и читаю "роман" Кремлёва "Большевики". Многие сцены и характеры любопытны.

2 октября 1970 года

Дня четыре тому назад умер Насер. Что такое был для нас брат Насер, видно хотя бы из состава делегации на похороны. В состав этой, почему-то стыдливо названной партийно-правительственной, делегации входят - Председатель - А. Н. Косыгин, члены - Маршал Советского Союза, первый заместитель Министра обороны СССР М. В. Захаров, заместитель Министра иностранных дел В. М. Виноградов, генерал армии П. Н. Лащенко, генерал-полковник В. В. Окунев, и, по службе, временный поверенный в делах В. П. Поляков. Явно

военный состав делегации говорит о том огромном беспокойстве, которое возникло за судьбу колоссальных военных капиталовложений СССР в ОАР. Преемник Насера, если он изберет иной курс, лишит Союз возможности держать флот в Средиземном море и влиять на весь Ближний Восток.

25 октября 1970 года

Маме, пришло большое письмо от папы. Привожу его полностью.

“12.10.70

Дорогая Аня!

Поздравляю с Рождественскими и новогодними праздниками.

Как всегда желаю много, много здоровья и счастья.

Анечка, если уж тебе понравилось фото внука Владимира, (а не моё), то и высылаю его отдельное фото. Несколько коротких замечаний. Он студент Мельбурнского университета, факультет социологии. На счёт характера, то в тихом болоте все черти водятся. Это он, что вдребезги разбил новенькую автомашину (американский **Понтиак** стоимостью 13.000 руб.), убил в другой машине двоих людей и изранил свою девушку, которая работала **моделькиней**, до сих пор ещё не выздоровела. Учится неплохо и коммерсант тоже неплохой, участвует с одним русским евреем на биржевых операциях с металлическими (т. е. металлургических заводов) акциями.

Теперь по существу твоего письма. Откуда это ты выдрала «приписку», что можно и не писать. Я что-то не помню и не допускаю, чтобы такая была. Значит, либо я уже не могу писать, либо ты не можешь читать. По всей вероятности, я обижался, что ты очень редко пишешь, а потому и писал, что

если не хочешь или не можешь писать, то можешь и не писать, но ведь это же имеет другой смысл. Ну и хорошо, дорогая, шутки в сторону. Пиши почаще и побольше. В твоих письмах нахожу большую правду, ибо, как поют в одном псалме, «конец приближается». Я уже думал, что больше не буду читать твоих писем из-за одной маленькой и, казалось бы, глупой причины. Три недели назад я забыл ключи в комнате. Замок внутренний. Необходимо было выставить дверь. С помощью отвертки, топора и пр. Я стал открывать дверь, она не поддавалась, я с силой ударил правым плечом, дверь отскочила, и я упал в комнату.

Вечером я уже был в госпитале. Только через две недели стало лучше, повреждение (но не перелом) в позвоночнике. Сейчас уже передвигаюсь (правда, с помощью палки), но думаю, что скоро заброшу и ее. В отношении перевода. Вы своей халатностью наделали мне много хлопот. Оказывается, я выслал не 29.5, а 29-го апреля. После трёх месяцев я поднял на ноги наш банк, который дважды писал в СССР, и я тоже писал, предъявил банку официальную рекламацию, но ответа ещё никто не получил. Неужели так трудно было черкнуть пару слов, что мои извещения получили. Очень довольный, что у тебя и у Вас наладилось дело с жилплощадью. Хочу только заметить из собственного опыта, что родственники тем более родные и дорогие, чем дальше живут друг от друга. Как хочешь, так и понимай.

У нас весна в полном разгаре, хотя очень холодная. Деревья давно отцвели, арбузы уже целый месяц на базаре (привозные из более тёплых районов), **копячки** (лошадки, укр.) бегают по-прежнему, а 4-го ноября Конский праздник (да, в нашей мельбурнской области этот день нерабочий) и называется Мельбурн **кап**. Первая лошадь выигрывает выше 50.000 руб.

Участвуют лошади и наездники почти с целого света (за исключением СССР), ну а люди могут и выиграть и всё проиграть.

Да, Семён писал, что тебе писать на 58-е п/о, но я пишу на 55-е, ибо ты об изменении ничего не упомянула. Семёну сегодня высылаю тоже на главпочтамт.

Целую. Стас

Жду. Целую крепко. Стас».

9 ноября 1970 года

Снова - Киев. Праздники провел дома, "в кругу семьи". Ночью под 9-е - в поезде в общем вагоне, на второй полке, привычно подложив под ребра старенькое пальтишко и почитывая под романтический перестук вагонных колес "Spycatcher" Ореста Пинто, английского контрразведчика.

До утра в вагоне стоял пьяный гам, народу набилось столько, что нельзя было пробраться в туалет - сидели и в коридоре у туалета, и спали прямо на грязном заплеванном полу. Пили, горланили песни, резались в карты, обжимались, икали, матюгались, проклинали железную дорогу и общие вагоны, травили анекдоты, наконец, утихли в пятом часу, кто лежа, кто сидя, а две неряшливые бабы уснули, ввиду отсутствия наличия места - стоя.

В такие поездки хорошо думается. Вспоминая прожитые годы, видишь как, спотыкаясь и падая, шел к настоящему пониманию человеческого достоинства, к собственной оценке Мира.

30 ноября 1970 года

После смерти Насера смерть Де-Голля тоже была сенсационным и в геополитическом смысле историческим событием.

Ходят слухи о примирении с Китаем. Кажется, это соответствует истине - из магазинов исчез рис, зато появились сорочки фирмы "Дружба".

Никак не могу заставить себя взяться за продолжение романа - слежу за исторической сценой - на ней вот-вот должны появиться новые герои.

Вести дневник стало, ввиду отвратительного настроения, неинтересно, поэтому к описанию детства возвращусь позже.

07 декабря 1970 года

Снова - в Киеве. Комната 320, телефон 67-90-69. Гостиница, конечно, "Октябрьская". Выехать пришлось на пять дней раньше срока, т. к. у моего сменщика деда Кутышева жена легла в больницу на операцию и, как я не антипатичен к этому старому пердуну, всё-таки, сострадание пересилило, но согласился на командировку, зная наперёд, как будет трудно заканчивать год по выбиванию поставок дефицитных автодеталей на киевском заводе РТИ. Дай Бог, чтобы это оказался последний год наших ("Коммунара") взаимоотношений со славно-пакостным "Красным Резинщиком".

Потом якобы передадут наши фонды на Лисичанский РТИ, где заведомо не лучше поставлена работа, но, быть может, расширение номенклатуры даст им стимул в сторону перенедовыполнения...

Перед отъездом посмотрел "Красную палатку" - очень и очень неплохой фильм. В далеком детстве читал подшивку

журнала "Всемирный следопыт" за 1928-29 г.г. У отца Нины Григорьевны, маминной давней сослуживицы, отец был из "бывших", жили они в частном доме и имели приличную библиотеку, в которой, по наивности и доброте, давали мне бесконтрольно рыться.

Во "Всемирном следопыте" и запомнился мне отчёт одного из участников легендарного похода ледокола "Красин" по спасению экспедиции генерала Нобиле. Как все достоверно передано в фильме! Незабываема сцена гибели Мальгрема и слова Р.Амундсена о нем:

"Мальгрем - сама чистота. А на чистоте, как известно, ничего не растёт, даже любовь!"...

А в реальной сволочной жизни появилась новая водка - "Экстра", по 3.62. Народ тут же расшифровал подарок трущимся - "Эх Как Стало Тяжело Русскому Алкоголику!"

08 декабря 1970 года

Иногда тянет писать рассказы. Итак, сегодня записал по памяти давно собранный в голове и обкатанный на собственном опыте лет десять назад бродяжнический сюжет.

09 декабря 1970 года

Вчера, как видно из предыдущей записи, весь вечер допоздна писал "Убийство по-бердянски". С утра, вставши с тяжестью в голове, поплёлся на завод, где уже суетился Кутышев, который, против ожидания, был очень любезен и даже на прощанье пожал руку. Гад!

Позвонил домой, и Маня меня расстроила, Церберов якобы ухлёстывает за ней без всякого стыда. Информация забавная. Хотелось бы верить Марие, но в целом всё нелепо, зачем она это мне выложила? Чтобы я вызвал А. И. на дуэль? Какой-то бред сивой кобылы. Тем более, кому бы этим заниматься, только не Церберову. Хронический геморройщик, у которого жопа всегда заткнута ватой, чтобы гной не капал в подштанники. От него же за километр несёт кладбищенским запахом геморроидальных свечей... Не конкурент!

Но я считаю, что у Мани очередной роман с осетинами. Она придумала ход с Церберовым, чтобы, когда я приеду, направить меня по ложному следу. Что делает уважающий себя мужчина в подобных житейских ситуациях? Вышибает клин клином! Делов-то!..

Сегодня основательный писательский настрой. Давно примеряюсь записать "Катюку с Малого Базара".

14 декабря 1970 года

Позавчера сижу вечером на первом этаже в ресторанчике своей любимой "Октябрьской", жую холодный шницель, запиваю "Жигулевским" и обдумываю план мести Марии. За соседним столиком сидят молодая леди с мамашей, чего-то едят. Я заикнулся насчет перечницы и через пару минут уже сидел за их столиком.

У меня бывают моменты исключительных импровизаций. Совершенно того не планируя, к дамам я обратился с каким-то немислимым "восточным" акцентом. Слово по слову, я представился, как бедный турок, приехавший в Киев в командировку изучать опыт Чернобыльской АЭС, так как мы в

Турции очень европейская страна и хотим взять опыт Советского Союза и построить много-много атомных электростанций, чтобы сделать жизнь простого турка лучше и легче.

Таня, лукаво поглядывая на маму, заинтересованно улыбалась. Особенностью блондинистой Татьяны, которой оказалось двадцать два года, были исключительно пышные формы при очень недурной внешности.

Через час, когда мы допивали бутылку **русский водка**, мама Татьяны куда-то заторопилась. Оказалось, она поспешила домой, чтобы не волновался муж, Татьянин отчим. Очевидно, по причине несовместимости личностей, маме приходилось встречаться с дочерью тайком да ещё и в ресторане (Татьяна имела собственную квартиру и жила самостоятельно). Впрочем, у меня было и другое объяснение приятному знакомству.

Неудивительно, что ещё через час, а нацокало уже тогда примерно двенадцать ночи, и точка общепита собиралась закрываться, мы вышли из зала с Танечкой сильно навеселе, и к нам сразу же подвалил таксист, согласившийся везти нас к ней домой на левый берег к чёрту на кулички в новый микрорайон **Дарница**.

Быстро пронёсся мост через Днепр, и вот мы дома у Танечки, на двенадцатом этаже точечной одноподъездной "башни". Я рассчитался с водилой. В кармане у меня осталась одна мелочь. Самое невероятное и приятное, - лифт работал и уверенно вознёс нас по назначению.

Татьяна быстро приняла душ и переделась в прекрасный махровый халат. Пока она готовила кофе, гудя электромельничкой, я тоже, не теряя времени, полез под тёплые струи.

Распивая кофе, я непрестанно болтал на русско-турецком жаргоне, затрудняясь только, когда Таня конкретно хотела знать, как по-турецки будет кофе или сахар. У неё нашелся и лимончик, и ликёрчик, так что кофепитие получилось великолепным. Двухкомнатная квартирка экономиста Татьяны (в июне она якобы получила **корочки** КГУ с отличием) выглядела музеем добротной чешской, югославской и румынской мебели.

Естественно, что вскоре мы занялись тем, для чего пёрлись на край света в Дарницу. Кровать оказалась такой восхитительно чистой и удобной, а огромные груди Танечки такими тёплыми и ласковыми, что приключение не могло не вызвать моего телячьего восторга.

Но где-то в пятом часу в дверь посыпались нахальные удары и раздался отборный русский мат. Танюшка закрыла мне рот враз похолодевшей и вспотевшей ладошкой и стала огрызаться, требуя от посетителя немедленно убратся, или она вызовет наряд милиции. Нахал, однако, не унимался.

- Бывший муж, - тихо объяснила Татьяна, - сейчас поорёт и уйдёт, не бойся!

Я уже прикидывал, как буду спускаться с двенадцатого этажа на простынях, и кровь авансом стыла у меня в жилах. К счастью, прогноз прелестницы оказался точен. Через минут двадцать позорной осады противник проклял **пльхой шлюха** Таньку последним **многоэтажным** проклятием и потащился на первый трамвай. Мы приникли к окну и видели, как несуразная фигурка вышла из подъезда и, шатаясь, направилась в сторону остановки трамвая.

Само собой, лирическая составляющая нашего интернационального любовного дуэта улетучилась, и мы, устало утешая друг друга, допили холодный кофе и позволили себе уснуть до девяти часов. Встав, я заторопился уходить.

Татьяна дала мне записать свой телефон, и я твёрдо обещал ей, когда снова прилечу через месяц из Анкары, заскочить в гости, просто так, как друг, без всяких церемоний...

25 марта 1971 года

Давно не писал в дневнике. Какая-то апатия. В голове пустота, а уж настроение – хуже некуда!.. Чтобы как-то вернуться к записям, перепишу для истории недавнее письмо отца. Тем более, довольно интересное. Вот оно:

«Дорогой Сеня!

Дорогие родные!

Добрый день!

Настоящим сообщаю, что значительных изменений в моей жизни пока не наблюдается. Ставлю Вам всем на вид, что от Вас поступают письма очень редко. О причине, конечно, точно не знаю, только догадываюсь.

У нас сейчас последний день подготовки к большим народным, рабочим торжествам «Moomba», вернее, «Labourer Day». Королем «Moomba» избран советский цирковой клоун Олег Попов. Должность короля «Moomba» очень почётная, хорошо оплачиваемая (20-30 тыс. долларов), но и очень опасная. Дело в том, что Австралийцы большие националисты и очень недовольны, если на должность короля избирают иностранца. В прошлом году, напр., был королем итальянский композитор, то его всячески игнорировали, угрожали, преследовали и даже пытались убить (подбрасывали в автомашину и в отель взрывчатые часовые бомбы). Он, бедняга, отказывался, но ничего нельзя было сделать и он кое-как откоролевал.

Завтра открывается Moomba, а сегодня, кажется,

начинаются цирковые представления. Добавлю ещё, что множество народа недовольно назначением О. Попова ещё тем, что в истории Моомба ещё не было (да, наверное, вообще в истории), чтобы королем был клоун. Это просто насмешка мумбовского комитета. Прилагаю здесь вырезку из вчерашней газеты (*The Sun, Wed., Feb. 24, 1971*) о посещении артистами цирка Мельбурнского зоологического сада:

KING MEETS A LOCAL

KING of Moomba, Russian clown Oleg Popov, yesterday met a real Australian when he visited Melbourne Zoo with members of the Moscow Circus. The king and the kangaroo got on well together, but the 'roo was more interested in eating than clowning.

На снимке, конечно, король Моомба О. Попов.

Да, чуть не забыл. По вопросу твоего возмущения о незаклеенных мною письмах могу тебе добавить ещё один довод и довольно-таки важный с точки зрения здравоохранения. Гуммиарабик, клей, которым заклеиваются конверты, зачастую делается из кожаных отходов (при чинке кож состругивают жир и т. п., переваривают и т. д. и получается гуммиарабик). Не секрет, что там находится множество бактерий, в т. ч. и вредных и даже опасных для здоровья. 90-95 % населения заклеивает конверты, смачивая гуммиарабик ЯЗЫКОМ, отсюда тебе понятны последствия заклеивания писем. Кроме того, на конвертах гуммиарабик засыхает, края делаются острые и, смачивая языком, легко можно порезать последний (лично со мной был такой случай). Так что я лично предпочитаю незаклеенные конверты или, в крайнем случае, сейчас есть

«модерные» самоклеивающиеся конверты (к сожалению, дороже от обыкновенных почти наполовину).

О других новостях пока умолчу. Получаешь ли «Спутник»? (Пропагандистский советский журнал на иностранных языках для заграницы, английский вариант которого отец несколько раз присылал, чтобы я полистал и убедился в лживости капээсэсовской пропаганды о «райской» жизни в СССР).

Дожди и наводнения уже почти перестали, но жара ещё порядочная, сегодня, напр., 32° С.

Пиши.

Целую всех крепко. Тато».

15 сентября 1971 года

В субботу 11-го помер Никита Сергеевич Хрущёв. Похоронили опального генсека на Новодевичьем. Баят, что где-то на задворках. Главное, что не у Кремлёвской стены. Но и то хорошо, что не как Лаурентия Павловича.

Впрочем, я себя к ненавистникам Хрущёва не отношу. Да, при Сталине старался усердствовать, не отставать от когорты верных сталинцев, много крови на его короткопалых волосатых руках. Но сумел переступить через искушение безграничной властью, сумел подавить в себе кремлёвского вампира.

А одно то, что осмелился покуситься на Иосифа Любоеда, на память о нём, выступить с развенчанием культа личности, закрыть ГУЛАГ, выпустить политических, реабилитировать невиновных и, наконец, выбросить из мавзолея чучело усатого таракана, одно это внушает большое уважение.

Да, ошибался, бузил, кукурузил, стучал ботинком по трибуне ООН, грозился кузькину мать показать уолл-стритовцам, но ведь построил за пять лет жилья больше, чем за 40 лет

Советской власти, дал селянам паспорта, обеспечил прорыв в Космос. Гагарин и Терешкова – его дети...

Мир праху его!

Декабрь 1971 года (по памяти)

Истекший 71-й год прошёл в командировках. Попеременно Киев и Курск. Один раз, правда, съездил в Лисичанск за тормозными шлангами. Ничего интересного.

Дома – бессмысленная растительная жизнь. К хорошему отношу то, что бросил пить. Но теперь другое горе – набираю вес. Отношения с Маней остались на уровне «доброе утро – спокойной ночи». Её гульня с Венерой продолжается, изредка у неё появляются вообще мудрёные варианты.

Так, недалеко от нас открылся бассейн. Вскоре моя подруга побежала и записалась. Месяц упорно ходила по вечерам плавать. Я даже было подумал, что взялась за ум. Но потом мне рассказали, что в этом бассейне симпатичный тренер-оригинал, специализируется на женщинах 35-40 лет. Они к нему и прут толпой. Он уже еле ходит, но всё же пытается «тренировать» человек 15 пронафталиненных дурочек...

Однажды ехал летом с работы трамваем. Народу мало, основная толпа автомобилестроителей уже уехала. Ну, если так, то всегда сажусь на двойное место к окну – люблю, как дитя, пожирать глазами панораму проносящихся мимо улиц.

Вдруг слева подсаживается ко мне женщина. Пристроила на колени тяжёлую авоську с пакетами и свёртками и говорит:

- Привет, Сеня! Узнаешь?..

Бог ты мой! Валюшка Серёгина, моя первая, “школьная”, любовь.

– Привет... – От неожиданности я смутился, хотя робостью давно не страдаю. – Надо же! Какая ты... Поверить не могу...

– А какая?

– А такая же... Но взрослая...

Она стала важной дамой. Работает на «Коммунаре» после Машиностроительного института, то есть с 1958-го года. По её словам, она давно уже наткнулась по каким-то документам, что я поступил на «Коммунар» в ОСП, но стеснялась подойти.

Замужем. Дети. Живёт скромно, но спокойно, устроено.

Мне похвастаться было нечем. Мое главное богатство – тоже дети.

– Знаешь, у меня сложилось очень неудачно... Ни диплома, ни приличной работы. Но – сам виноват... – признался я.

– Знаю, знаю... Мне наша бывшая классная Елена Степановна всё тогда рассказала... Мы с ней видимся иногда...

Так я узнал, что моя схватка с системой ни для кого из моих одноклассников не тайна... Ну и ладно! Это ведь было неизбежно. Рано или поздно...

Трамвай прогрохотал по Шёнвизскому мосту, вполз вгору на Анголенко и открыл двери.

У кинотеатра “Комсомолец” вышло порядочно людей и стало совсем просторно. Вагон вновь загремел, задрезжал, заскрежетал вдоль улицы Михеловича, по-сегодняшнему Горького. Слева мелькнуло здание нашей родной 23-й школы.

Мы молча провели его взглядами и посмотрели друг на друга, вспоминая свою молодость.

И продолжали молчать. Получилось, что неизвестно, о чём можно говорить. Что ни скажи, всё может быть истолковано не в твою пользу...

Валюша вздохнула и засобиравалась, взяв авоську с колен в левую руку.

– Мне на следующей выходить... И не казни себя за прошлое! Всё у тебя теперь будет хорошо!..

Посмотрели друг другу в глаза, передав взглядами то, что невозможно сформулировать и тем более произнести вслух.

Мне вдруг захотелось положить ладонь на её по-летнему загорелую руку. Но не решился. Не был уверен, что буду понят адекватно. А вдруг возмутится или ещё как?..

Хотя в вагоне не так много людей, но достаточно, чтобы нашёлся один **правильный** и бросился учить коммунистической нравственности. Таких ныне до чёрта...

Вагон тормозит. Надо же, оказывается, уже добрались до площади Свободы...

...Валечка вышла, а у моего плеча ещё долго витал такой родной и нежный аромат любимой девчонки. Любимой в прошлом. В прошлом? В прошлом... В прошлом... В прошлом.

Трамвай разогнался, чтобы споткнуться на остановке, затем снова рвал с места, разогнался, тормозил, гремел разболтанными дверями, выпускал и впускал пассажиров, а я всё ехал и ехал, пока не очутился в Соцгороде, у плотины ДнепроГЭСа.

Подожёл к кромке водохранилища. Глубина здесь в **верхнем бьефе** – до 40 метров! Долго слушал шум небольших волн и смотрел на бесконечную гладь днепровских вод.

Валюшка повзрослела. Стала серьёзной и мудрой. Но, оказалось, по-прежнему мила и желанна... Ещё чего! Она теперь не моя. Да никогда и не была моей. Нормальный мужик не может относиться к женщине, как к собственности.

Впрочем, что это я нюни распускаю, надо было семнадцать

лет тому назад не чудить, и сразу после школы не о Москве мыслить, а нормально жить в Запорожье, как все люди, жениться на Валечке, учиться в Машиностроительном, растить детей и наслаждаться простым человеческим счастьем... А я? Всё сломал и ничего не создал взамен.

Даже Нина, потратившая на меня четыре года, не выдержала и рванула в Ленинград...

А уж годы, потраченные на Марию, так просто мотовство какое-то! Давно надо было развестись и найти женщину поприличнее. Перед мамой стыдно. И отцу рука так и не поднимается написать, как глупо сложилась жизнь...

Ну, почему у меня всё так нелепо в жизни? Почему я такой бестолковый и невезучий?..

1 февраля 1972 года

Вот и прошел год, даже более. Много изменилось и в мире, и в личной жизни. 1972-й - високосный, что же он мне готовит? Обязательно какой-нибудь подвох.

Сегодня ещё одна маленькая приятная дата - год тому назад, под звон новогодних курантов решил прекратить злоупотреблять спиртным. Думаю, пьянство - это радость для дураков. Государству выгоден полупьяный после вчерашнего возлияния "передовик производства", его всегда можно держать на поводке. Не знаю, надолго ли, но пока держусь неплохо.

Изменился как-то взгляд на это дело. Я и раньше не находил удовольствия от пьянки. А сейчас одна мука и отвращение.

Постепенно так загружаюсь замыслами, что уже чувствую - не могу не писать. Писать мне надо. Хоть только для одного читателя - для самого себя. Пять лет я обдумываю документальный роман "Дубовый гай" - нечто поэтически-

документально-героическое. О войне и Запорожье 41-43 г. г.

Вчера отправил заметку в "Литературку" о хамских фамилиях. Готовлю в ближайшие дни ещё кое-что отослать. Но жизнь, нет-нет, да и показывает такую грязь и мерзость, что жить не хочется...

24 апреля 1972 года

11 апреля в "Комсомольце Запорожья" напечатал заметку "Закон горя - доброта или ожесточение?", чему предшествовало знакомство с Анатолием Рекубрацким. Он там вроде за главного. Первое впечатление - толковый парень. Приглашает сотрудничать в газете.

Внимательно и даже с удовольствием прочёл два романа из трилогии Ивана Головченко и Алексея Мусиенко. "Золотые ворота", "Чёрное солнце" – оборона Киева, партизанщина. Хотя, конечно, вопросов немало. Все они из разряда, **с какой стороны смотреть?** Тема мне - "родная". Я бы написал по-другому. Да, пожалуй.

Давно уже собираюсь писать об августе 41-го, взрыве ДнепроГЭСа, гибели десятков тысяч наших в плавнях нижнего Днепра. Но всё нет времени сесть и НАЧАТЬ... Да и материалов никаких. Хотя живы пока что некоторые очевидцы...

Отправил авторам письмо с предложением услуг по переводу на русский. Наверное, с моей стороны нахальство. Таких переводчиков в Киеве – сорок штук на килограмм...

11 мая 1972 года

Вчера вернулся из командировки в Курск. Мама отводит глаза, Мария тоже почему-то не в настроении. Всё стало ясно

после «донесения» Наты. Она мне под большим секретом рассказала, что 9-го мая в День Победы приходил в гости дядя Феликс, дядя Боб и тётя Венера, и они с мамой долго выпивали, пели песни, а затем все ушли, кроме дяди Феликса, который остался ночевать, потому что у него в Запорожье нет квартиры...

Постепенно и Мария, слово по слову, выдала на-гора кое-какую информацию к размышлению. Оказывается, в наш город на двухмесячные гастроли приехал Московский цирк, а в его составе группа джигитов. Большинство джигитов осетины, они тотчас нашли своих соплеменников, и жизнь понеслась по типу пей-гуляй. Верка, конечно, не пропустила случай познакомиться Маню с одним из них.

- Ну что тут такого? – Объясняла она мне. - Парень порядочный, я ему разрешила переночевать, чтобы не идти ночью пьяным в чужом городе... Разве у нас тесно или мы некультурные, дикие люди?

Конечно, мы люди культурные и поэтому очень даже приручаемые...

13 мая 1972 года

Вчера пьеса (в извечном жанре трагикомедии) получила развитие. Мария потащила меня и детей в цирк, познакомила со знаменитым джигитом Кавказа Феликсом. Мы присутствовали на его тренировке, а потом он взялся покатаить детей на своём удалом коне. Ната отказалась и осталась сидеть со мной в десятом ряду пустого зала, а Ксенечка прокатилась пару кругов вокруг манежа. Затем на коня взгромоздилась счастливая мама и тоже приобщилась к высокому скаковому искусству.

После тренировки как-то так естественно получилось, что Феликс поехал с нами. Зайдя в наш дом, он по-хозяйски разделся и первым делом стал шумно мыться в ванной (Маня сказала, что он большой чистюля), а затем вышел в зал и долго вытирался при нас, поигрывая своим спортивным торсом. Зрелище предназначалось, конечно, для меня, но и Марие был дан шанс сделать сравнение и определиться... Потом мы его угостили обедом, и он отчалил, почему-то не напрашиваясь на ночлег...

23 мая 1972 года

Конец света! Вокруг - предательство!

Июнь 1972 года (по памяти)

Пора подвести некоторые промежуточные итоги. К середине мая уже стало ясно, что Мария твёрдо решила начать, по рецепту Феликса, жить красиво. Тем более что джигиты только приехали из длительных гастролей по Латинской Америке и привезли до чёрта всякого барахла и золота. Он подарил ей шерстяное пончо, в котором она ходит, невзирая на жару. Каждый вечер после представления Феликс гулял до глубокой ночи в ресторанах, таская всюду Машку.

Я просто не знал, как поступить. С одной стороны дети, их интересы, с другой – это не жизнь.

Мама посоветовалась с тётцей, и они предложили мне вариант «перевоспитания» Марии. Для этого тёща предлагает маме поменяться с ней жильем и переехать, забрав парализованную бабушку, в её коммуналку на Малом Базаре, а она, дескать, переедет к нам на улицу Сытова, чтобы положить конец

Маниным заулам. Мы с мамой, потеряв всякую способность мыслить логически, дали согласие на обмен, который тёща с Марией спроворили за пару дней. Подруга Мани Катька Шкарпетная, работающая секретаршей у замначальника областного УВД по кадрам, организовала всё без лишней бюрократии.

Когда тёща переехала, то начала с ремонта квартиры и втянула меня в нескончаемые работы по переклейке обоев, окраске, грунтовке и т. п., а попутно в немалые расходы.

Мария тем временем продолжала охмурять Феликса, который оказался вроде бы не женат. Она срочно пошла десяток хороших платьев у лучших портних города, накупила косметики, ежедневно бегала на укладки и массажи, изводила себя диетами. Ведь она же на четыре года старше Феликса, который разбирается в бабах и никогда не ощущал их дефицита. Что-то закоротило в нём и он, видимо, пообещал ей жениться, если она разведется и даст согласие ездить с ним по стране. В конце-концов, мужику в непрерывных гастролях нужна надёжная женщина, которая бы готовила, таскала реквизит и прочий багаж, стирала, чистила и кормила-поила коня и т. п. Короче, они договорились, и она предъявила мне ультиматум – уходи, я с тобой жить не буду, давай разводиться.

Мы с мамой поняли, что нас «сделали», так как наша (точнее, моя) доля в 4-х комнатной квартире теперь равнялась одной пятой, то есть невозможно претендовать даже на одну комнату. Если бы мама не согласилась на «воспитательный» обмен, то мы с ней и с бабушкой могли бы по разделу получить двухкомнатную квартиру.

Конечно, не обошлось и без нервных сцен. Однажды, в конце мая, когда я мирно красил белилами подоконник, зашла Мария и

стала мне пенять, что я крашу как-то не так, как она понимала эту работу. Она куда-то спешила, только помыла голову и прохаживалась, просушивая их (тогда у нее были длинные волосы ниже плеч). Сначала я не среагировал и продолжал работу. Она продолжила свои придирки. Я не стерпел и, схватив литровую кружку с белилами, внезапно вместо ответа опрокинул эти белила ей на голову.

На Манины вопли прибежала тёща и тоже стала орать, что, мол, убивают, выжигают глаза и т. п. Потом они куда-то побежали, вроде в поликлинику или вызывать «скорую помощь». Я нисколько не расстроился, понимая, что кроме известных хлопот, ничего страшного не произойдет. Даже недостойно порадовался, что, мол, разок не сходит в ресторан, а может быть даже коротко острижёт волосы, которыми она очень гордилась...

Однако через пару часов парочка «мама-доця» благополучно вернулась в дом, бросая на меня ненавистные взгляды. Они были у Венерки, промыли там волосы растительным маслом, а затем шампунем и все страхи остались в прошлом. Волосы получились пышнее прежнего. Моя выходка им никакого урона не нанесла. Короче, развод стал неизбежен, и я начал обдумывать разные варианты выхода из тупика.

Мама настаивала на том, чтобы я не втягивался в скандал и не претендовал на раздел квартиры, а бросил всё, уволился с работы и переехал в другой город, чтобы начать жизнь с начала. Иначе, говорила мама, они тебя втравят в новый скандал и ты, заведясь, наломаешь дров, а им того и надо, чтобы тебя посадить и всё оставить себе без проблем.

Идея мне понравилась. Но где взять деньги на устройство на новом месте? Дело в том, что у нас с Марией были в сберкассе

серьёзные сбережения примерно в сумме шести тысяч рублей, на которые мы планировали, в конце концов, купить машину. Однако вклад был на её имя, потому что джентльмены всегда доверяют жёнам денежные дела, а после разрыва она и говорить не хотела о разделе вклада.

Получилось, что я забрал свою одежду и обувь (всё уместилось в один чемодан). Позже мне отдали "библиотеку" – мешков 15 книг, собранных мною с 1948-го года.

Можно было, конечно, разделить вклад и имущество по суду, но я не стал изнурять себя многомесячной тяжбой и предпочел не торговаться. Подумал, что свобода дороже. Короче, я уволился с «Коммунара» и собрался уехать на строительство ТопАЗа к чёрту на кулички.

По детям мы с Маней быстро договорились. Ей было бы приемлемо, чтобы я забрал обоих, так как ей предстояло вести с Феликсом кочевую цыганскую жизнь. Однако гонор не позволил поступить таким образом, хотя я это предлагал. Она легко отдала Нату, а Ксенечку предпочла оставить у себя. Чтобы развязать себе руки, она пока что отдала Наталью на два срока в пионерлагерь на Правом Берегу, за плотиной ДнепроГЭСа.

Я планировал приехать в начале августа, после того, как устроюсь, и забрать Нату в школу уже на новом месте. Хотя, скажу честно, никаких гарантий, что я с моим белым билетом найду хоть какую работу, не было.

19 июня я уехал через Москву на станцию Метельная, рядом с которой строится ТопАЗ – Топский комплекс заводов по производству большегрузных автомобилей...

19 июля 1972 года

Наконец, пришло письмо от отца. Уже в Москву, на К-9, д/в. И с комментариями по поводу моего развода и последующего отъезда из Запорожья.

«Дорогой Сеня!

Так, в нашей жизни всякое бывает. Не отчаивайся и не падай духом. Суворов когда-то сказал: «Деньги потерял, – считай, ничего не потерял, жену потерял - много потерял, а дух потерял - все потерял». Поистине золотые и вечные слова. Жалко и обидно, но что поделаешь? Разве ты один в таком положении. Десятки, сотни, а может быть сотни тысяч человек. Это теперь, особенно здесь «модно». То, что она так сделала, разве нет правосудия, а впрочем, оставь её в покое, она сама попросится назад, а если и нет, то нет. Также жалко, что пропала жилплощадь, особенно мамина. Твое предложение выполню, а также напишу маме. Я что-то предчувствовал, ибо около четырех месяцев ни от кого не получал никакого известия.

Живу по-прежнему, по-стариковски и собираюсь в космос. Ничем не занимаюсь (правда, морочу голову над починкой часов). Здоровье, на которое я тебе жаловался, поправилось. Хожу свободно, хотя, правда, с палочкой, но её употребляю не столько по потребности, сколько из привычки.

Ещё раз прошу - не переживай, оно поправится само по себе, а ты на Родине не пропадешь, ведь я же в чужой стране абсолютно голый и босый не пропал и пропадать не думаю.

Пиши. Tato.

P.S. Хотел пиратам послать большой учебный глобус, но

теперь надо отложить. Т.

*Мой адрес, если потеряли: S. Serba, 571 Drummond st.,
CARLTON, Nth. Melbourne, Australia, 3054».*

5 октября 1972 года

*Писать просто некогда. Постараюсь зафиксировать
основные расходы за сентябрь (без питания, проезда и
квартиры):*

<i>1) туфли Нате</i>	<i>6 р.</i>
<i>2) костюм себе</i>	<i>87 р.</i>
<i>3) рубашка</i>	<i>8 р.</i>
<i>4) фломастеры</i>	<i>2-40</i>
<i>5) театры - 5, 6, 6, 10, всего 27 р.</i>	

130-40

*Питание ориентировочно обошлось в 100 руб., проездной
мне - 6 руб. (Наталья ездит как барыня, бесплатно), квартира
- 40 руб., итого израсходовали с Наташечкой в сентябре
минимум 280 руб.*

Н.В. *Утеряно, кажется, несколько подробных летних записей
о моем разводе. Не знаю, дойдут ли руки и сохранится ли всё в
памяти, чтобы восстановить интересные страницы...*

25 декабря 1972 года

*Вчера встречались в общаге на Красных Командиров в узком
кругу – Миша, Виктор, Фима и женская фракция строительниц*

ТопАЗа. Первый тост за защитников Москвы, а одна из **топазонок** возьми и скажи:

- Ну, так выпьем за тех, кто затыкал амбразуры!

Ей отвечивал гомерический хохот. Ха-ха!.. Вот он, высокоидейный юмор строителей светлого будущего...

26 марта 1973 года

Пришло, наконец, письмо от папы. Последнее время он пишет обидно редко.

"Дорогой Сеня и хозяйка Ната!

Письмо Ваше получил, как всегда, благодарный. Живу по-прежнему, как живут вообще старики. Новостей почти нет никаких. В прошлом месяце отмечал энную годовщину дня рождения. Как ещё никогда (наверно, в последний раз) имел много поздравлений. Получил почти от всех друзей и приятелей и от всех родных за исключением мамы. Но ничего, она, наверно, забыла.

Погода установилась хорошая, прошли обильные дожди. Слышал, что у вас выпустили и уже попал на рынок новый легковой автомобиль "Лань" (наверно, вашего завода). Подробностей не знаю, знаю только, если его выпускает фирма ФИАТ, то можно отнести к неплохим автомобилям. Ну, это, конечно, между прочим. Как, ты ещё не научился "parlato" по-итальянски, ведь там много итальянских инженеров? Но это тоже между прочим и меня особенно не интересует.

Есть небольшая, но важная просьба. Мой внук Серёжа с Лозовой просил меня выслать ему рыболовные крючки и т. д. Мне просто этим заниматься некогда (не потому, что не имею свободного времени). Послать большую (нормальную) посылку

сейчас мне труднее, а выслать маленькую очень дорого, не экономно. В письме выслать невозможно, это железо. Если найдешь свободный часок, пошли ему крючки и жилку. Я думаю, в Москве это есть. Будет и дёшево, и он получит скорее, т. е. к 1-му Мая. Если не вышлешь, напиши, придётся что-то делать. Целую, Tato".

Но и я тоже хорош гусь. Последний раз писал в Лозовую в конце прошлого года. От сестры Ольги письмо получил недавно. Пишет, что летом собирается ко мне направить дочку Любу. Та заканчивает 10-й и собирается с подружкой попробовать поступить в московский вуз. Хоть бы какой. И не могу ли я помочь девочкам разобраться в Москве, и где там какие институты-университеты показать...

Вот и хорошо, подумалось мне. Какие вопросы, пусть приезжают. И встречу, и помогу с поступлением... Ната как раз будет на каникулах в Запорожье, так что получится возможность побегать по Москве.

Можно теперь не только Ольге ответить, что девчат встречу и помогу, но и отправить, наконец, бандероль с набором рыболовных крючков и поплавков Серёже...

8.

Люба читала записки Семёна урывками, один-два раза в неделю в будни, когда ночевала в своей общаге, ведь длинные выходные она теперь обычно проводила в Сениной комнате на Самаркандском...

Да, думала она, жизнь Сенину счастливой не назовёшь. А ведь ему всего-то и надо - верную, любящую бабу...

Люба теперь часто задумывалась над смыслом и будущим своих отношений с Семёном. Началось всё год тому назад как бы нечаянно, когда тела решили всё за головы, тактично отключившие на полночи контроль. Но получилось так сладко, что головы, кайфуя в телячьем восторге, и не собирались давать происшедшему какую-либо оценку, а уж тем более предлагать укорот сладкому умопомрачению или хотя бы дать перерыв для отрезвления.

– *А что потом, а что потом?..* – Вбросил Женя Евтушенко в девичьи головки Советского Союза, но ответа не дал, предоставил самим извилины напрягать.

Но извилины отказывались не только напрягаться, но даже просто шевелиться.

Слава богу, ещё ни разу не забеременела, как-то сходило с рук. Хотя резинками не пользовались, даже речь о таковых не заходила. Правда, Любаша однажды сказала Сеньке, чтобы не ломал голову, – мол, залечу, так рожу тебе сына...

У Семёна пока что были дочки, и обещание любимой одарить сыном легло на душу горячительным восточным бальзамом, хотя, если по правде, то он гордился своими девчонками и о пацанах не мечтал, как некоторые крутые мужики.

Но как бы повернулась жизнь, если и вправду вдруг пришлось бы родить, Любе даже начинать думать было страшно и **моторшно**.

Главное, как сказать маме. Отец, от природы тихий и основательно затурканный заслуженной учительницей УССР, понятно, не в счёт. Но мама! Самое малое – дочку прибить, а Семёна постарается под суд каким-нибудь боком затащить... Хотя, как знать, может, и поймёт, и примет внучонка или внучку... Ведь двоюродный дед Любы, Станислав Сербя, ныне

околачивающийся в Австралии, по словам мамы, тот ещё **прохиндей**.

До войны прохиндей Станислав имел две жены, и обе – законные.

А получилось такое хитросплетение ходом тогдашней, взбаламученной большевиками жизни.

Женился рано, в 19, как только невесте Марийке 18 стукнуло – тогда так было принято на Полтавщине. Свадьбу сыграли осенью на фамильном хуторе “Сербы” близ Правобережной Сокилки на Ворскле. Обручились в сокилянкой церкви, там же и расписались в церковной книге.

А как ехали из церкви! Пять пролёток, запряжённых горячими степными конями, неслись, как на **гражданской** у батьки Махно. В первой, как и положено, жених Стась с пятилетней племянкой Марией, тёзкой невесты, а кучерил друган жениха Андрей Ворко.

Следом мчали родитель Станислава – вдовый Степан Иванович с дочками Прасковьей, Марией и Ольгой.

Немного опосля летела пролётка невесты. Марийку надёжно обнимали две подружки, а кучерил дядя Игнат. И потом ещё одна **тарантайка**, где тряслись родители невесты – Григорий Сидорович Деменко с **жинкой** Лушкой...

А за ними ещё много кого, весёлых и **балакучих**, на пролётках, шарабанах, бричках и **бедках**...

Станислав, в вышиванке, в новых тёмно-синих шевиотовых штанах, крепко держал племянку у себя на коленях, целуя и пестуя.

Перед поворотом на хутор “Сербы” пролётки устремились вниз к **Ворскле** по старому **Екатерининскому спуску**, выложенному булыжником ещё в XVIII веке, когда императрица путешествовала

по своей жемчужине – Малороссии. Именно здесь, под Правобережной Сокилкой она переправлялась через Ворсклу.

А название речке якобы дал Пётр I, ещё до Екатерины II проторивший здесь путь. Переправляясь на другой берег и балансируя в хлипком челне, царь зрил в подзорную трубу, опасаясь засады в непроходимых зарослях верболоза и очерета вдоль берегов. И тогда произошло непоправимое – выпало переднее стекло подзорной трубы и – бульк в воду... В сердцах якобы император изрёк, погрозив державным пальцем реке: – *Не река, а вор стекла!..* А царедворцы оформили на века – *Ворскла да Ворскла...*

Однако, враки всё это, подхалимская легенда. Известно же со времён **Ипатьевской Летописи**, что Ворскла уже тогда была Ворсклой...

Молодые из Правобережной Сокилки из века в век имеют за обычай перед тем, как сесть за свадебный стол, спуститься к Ворскле, попить её чистой водицы и омыть лицо и ноги на счастье...

Стась бережно выпустил из загорелых рук Марийку. Она курчонком выпрыгнула из пролётки и, побежала к воде, откуда ей махала мамка Прасковья.

Стась спрыгнул следом, оправляя подол вышиванки и наблюдая, как **файно** разворачиваются на песчаном берегу пролётки с роднёй, сватами и гостями. Кони ржали, почуяв воду. Они были не прочь окунуться в прохладную Ворсклу после жаркой гонки.

– *Ну, шо, намылувався Марийкою? Марийка та нэ та?* – Спросил Стася, посмеиваясь, друган Андрей.

Станислав досадно махнул рукой.

– *Хоч вирь, хоч ни, дытына мэни вси цыгаркы роздавыла... Воно хоч и малэ, та вжэ досыть важкэ...*

И в доказательство вынул из кармана брюк действительно изрядно измятую пачку ростовских папирос “Червонец”.

Андрей тотчас воспользовался случаем позубоскалить:

– Тю!.. *Якшо тилькы цыгаркы, то тобі дуже повезло!..*

Упряжки невестиного полка спустились к Ворскле поодаль. Мария, тряся монистами и бережно подбирая **спидныцю**, смущаясь и хихикая, пошла к воде с подружками и матерью...

Ненапоенные кони возмущённо ржали и вспахивали копытами податливый песок.

А уже через год с небольшим, в 27-м, Марийка родила дочку Любу...

И жить бы да поживать, но грянула коллективизация, и пришлось думать, как сохранить не то что хутор и добро, нажитое поколениями дедов и прадедов, а хотя бы головы на плечах...

Хутор деда Степана в Правобережной Сокилке в 30-м году разорили, а его с братом Евгением выслали, как кулаков, на 10 лет в Сибирь... Большая семья разбежалась. Мужики подались на шахты Донбасса. Так большая часть семьи попала в Лозовую и соседнюю Горловку.

И получилось, что раскулачивание спасло семью от нагрянувшего через пару лет Голодомора, унёсшего в могилы половину сокилчан...

Станислав Серба был и грамотнее, и пробивнее своих сестричек. Он во время Голодомора сумел закрепиться в Днепропетровске, освоил бухгалтерию и стал даже бухгалтером-ревизором, в **Днепре** его ценили.

По работе он часто бывал в Запорожье и там встретил Аню Гужву. Проверял её работу, как бухгалтера. Допроверялся. Получился новый брак, на этот раз через ЗАГС. Так решила Анна. Сенька родился в 1935.

Но тут Станислав Серба попал под репрессии и получил высылку, как сын кулака. Это была самая мягкая кара. Можно было ездить по стране и жить в любых городах и сёлах, кроме 70 самых крупных – **режимных**. С юмором у него было всё в порядке. Он выбрал Крым, а в Крыму – Бахчисарай.

Поэтому он не мог продолжать отношения с Аней, так как она работала в режимном городе Запорожье и очень боялась работу потерять. Её уже в 1928-м выбросили с “Запорожстали” с надписью через всю трудкнижку "уволена как дочь кулака". Друзья с трудом "сделали" ей новую трудкнижку, и она по ней работала до пенсии почти 40 лет на одном и том же месте.

Станислав в этих условиях стал наведываться к первой жене, а она жила в Лозовой с его сёстрами, и в 38-м родился Валерий... Понятно, что про Аню и сына Сеньку Станислав ни сёстрам, ни первой жене Марии тогда сказать так и не решился...

Стась Серба остался в оккупации, работал в Днепрпетровске по специальности и, отступая с немцами, сумел взять Марию и детей - Любу и Валерия. До 49-го они мыкались в Австрии. Там Люба вышла замуж за чеха и в 47-м родила Ивана, а в 48-м - Владимира.

Мария вроде умерла в Австрии в 49-м, как раз перед тем, как им, перемещённым лицам по итогам войны, уже светило переметнуться на Запад. Тогда дед Станислав с сыном Валерием в октябре 49-го, а дочь Люба с мужем Вилиамом и детьми в январе 51-го прибыли в Австралию...

Позже, через несколько лет, после смерти Сталина, когда стало возможным писать письма, то списались, и австралийская тётя Люба из Мельбурна стала крёстной для советской девочки пионерки Любочки из забытой Политбюро и богом Лозовой...

Так что же делать? И как сказать маме?.. Кто бы подсказал...

Но это когда-нибудь потом, ведь пока что всё сходит с рук. Летом Люба ездила домой в отпуск, мама много расспрашивала о Семёне, хвалила его за то, что устроил Любочку в Москве, помогает освоиться в огромном чужом городе.

Да и какой молодец по жизни – дочку воспитывает, на большой должности устроен, скоро квартиру в Топтунах получит. Очень завидный жених для его сослуживиц...

И когда провожала на поезд, запихивая в вагонный рундук бесчисленные домашние снеди и припасы, наказывала Любаше строго-настрога:

– Говоришь, Семён встретить обещал? Хорошо-то как, а то ведь не упрёшь сама корзины да узлы. Или в метро заблудишься... А как он узнает, когда ты будешь и какой вагон? Ты что, телеграмму успела ему отбить?

– Ну, да... – Зарделась Люба. – Он обещал. Он всегда слово держит!..

– Да, брат у меня, что надо... Ты уж тоже им помогай! Когда в гости приходишь, то наготовь повкуснее чего, постирай там и приберись... Родной ведь человек... Наташку приголубь, наша ведь кровинушка...

– Ладно, мам... Я всегда и готовлю, и уроки у Наты проверяю...

Люба уже прям москвичка настоящая. Освоилась в столице, выпорхнула из ПТУ маляром-штукатуром 3-го разряда, реально строит дома во всяких **Ясневых** да **Отрадных**, а их вокруг Москвы затеяно до фига и больше. Девочку приняли в хорошую бригаду, вроде не обижают, так что Семёну меньше причин за неё волноваться и терзаться. И ещё хорошо, что теперь у неё приличное новое общежитие в **Бирюлёво**. Правда, далековато от

стройплощадки, приходится добираться больше часа, но метро ходит, как часы, и автобусов из Бирюлёво и обратно – навалом!

Теперь, когда Семён прилетает в Москву в середине недели, то встречает Любу у выхода из метро **Каширская**. Позвонить ей, конечно, возможности нет, но если загодя бросить письмецо на топтунском почтамте, то Люба его получит дня через 2-3, а из него узнает дату прилёта. Договаривались обычно, что в этот день он будет ждать её на выходе из **Каширской** в 17.45, время, когда она там ежедневно пробегает... Если, конечно, это не выходной. Тогда они встречаются на ЦТ.

Вообще, **Центральный телеграф** для Семёна и Любы, как и для десятков тысяч других гостей столицы или новоиспечённых москвичей ежедневно служит верным маяком для встреч и расставаний... А также местом изрядной досады для Любы. Там, у ЦэТэ, или, иначе, **на К-9**, точка встреч армянской диаспоры и, попутно, точка **съёма** ими сочных **пэрсиков** для услады тела и души. Так что приходится буквально отбиваться от нахальных детей гор, потому что открыто тянут за руку в **Волги**, припаркованные тут же, у поворота на улочку Белинского. А **мильтоны** старательно отворачиваются, сволочи.

И чтобы не портить настроение, Люба дожидается своего любимого обычно напротив, у парикмахерской, а завидев Семёна, перебегает улицу Горького на первый же зелёный...

Усложнилась и личная жизнь голубков. Теперь нет прямой возможности переночевать в общежитии на Красных Командиров, Семён там уже не жилец, а просто товарищ, командированный из Топтунов... Каких в день набирается не один десяток.

Поэтому приходится поддерживать дружбу с начальницей хозяйки Московской дирекции гром-бабой Тamarой Андреевной. Торт или коробка хороших конфет обычно решают вопрос, и Т. А.

по старой дружбе заселяет Семёна в отдельную однокомнатную квартиру в общежитии на **Красных Командиров**, а то и на **Самаркандском бульваре**... И тогда длинный выходной превращается в праздник плоти и обжорства.

Впрочем, не судите да не судимы будете. Ибо, как говорится, всё и так, и не так. Постепенно восстанавливается добрая традиция пятидесятых годов шляться по театрам. Тогда, в студенческие годы, Семён довольно часто оттягивался в московских театрах, и память о чудных походах в оперетту согревала душу автомобилестроителя долгие двадцать лет.

Так получилось, что первый год нынешней жизни в Москве было не до театров. А с лета 73-го, когда понесли американские горки с Любочкой, Семён вспомнил свою театральную фиесту середины 50-х с Ниной и сообразил, что и с Любой походить по театрам будет не хило.

...Любу буквально вынесли из автобуса на конечной остановке, и она, вспотевшая и измятая, оправляя юбку, быстро добежала до общежития – светло-серой новенькой девятиэтажки, поставленной торцом к новой же и улице, расчерченной по снесённой по этому случаю деревеньке, и, кивнув вахтёрше тётке Павловне на входе, без лифта вспорхнула на площадку второго этажа, уверенно толкнув незапертую дверь квартиры номер 8.

В трёхкомнатной квартире, а под общежитием строители выделили типовой панельный жилой дом московской серии **II-49** с таким расчётом, чтобы постепенно, по мере создания **лимитой** семей, вернуть его в жилой фонд.

И судьба свела вместе в квартире № 8 шесть девочек-лимитчиц из разных краёв Союза. Любе выпало жить в одной комнате с Таней. Танечка приехала в Москву из Волгоградской

области. Из тех сказочных мест, где вяжут шикарные и **теплющие** пуховые платки. Девочки подружились ещё в первой своей общаге от училища, что была у метро **Лермонтовская**.

Первое время Люба даже тосковала по жизни, что кипела вокруг старой общаги. Вернее, по улице Кирова, по сизому от выхлопа тысяч машин Садовому кольцу, по трогательному памятнику Лермонтову.

Там рядом с метро в палатке торговали всегда свежими, ещё тёплыми пончиками. Люба их очень любила и в выходные часто потом приезжала туда, на **Лермонтовскую**, чтобы их поесть вволю. А что тут такого? Она же сладкоежка...

Ещё там, неподалёку от общаги был кондитерский магазин с красиво украшенными высокими витринами. Из разнообразия всяких сладостей Любу больше всего привлекала клюква в сахаре. И хотя упаковывали её в неприятный серенький бумажный кулёчек, сердце замирало от удовольствия...

А по самой общаге глупо тосковать. В ней хвастаться было нечем. Запущенное старое здание, особенно внутри. Им дали комнату на четверых. Люба, Таня, Вера и Таня из Петушков. В комнате стояли 4 железные кровати, посередине стол. Шкафа не было, вещи лежали в чемоданах.

Но самое страшное и мерзкое, что было в комнате, - клопы. Они вылезали ночью из-под обоев и нагло кусали девчонок. Девчонки пытались с ними бороться, но безуспешно.

Крупные коричневые клопы возникали из ниоткуда. Смотришь на стену - никого нет, на секунду отведёшь взгляд, чтобы передохнуть, а снова взглянешь на прежнее место - **он** уже сидит. Это было нечто жуткое. Такое до конца жизни, кажется, будет вспоминаться с содроганием.

Очень боялись перевезти их в новое общежитие. Сто раз перетряхивали перед переселением вещи, но, кажется, сколько-то взяли с собой. Потом как-то от этого избавились. Хотя Таня где-то вычитала, что в книгах или других сухих местах эти кровососы могут сохраняться в сушёном виде 500 лет... Прямо как бактерии чумы!..

А в новом общежитии царствовали тараканы – постоянные и коренные жители Москвы. Их было неисчислимое число, тучи. Особенно ночью, когда они выходили на охоту за едой. Наверное, во всех московских общежитиях они были. Комендант их часто травил, но они опять возвращались, как орды Чингисхана.

Однажды с Любой произошёл смешной случай. Она ехала в метро и достала книгу, – любила читать. Открыла книгу, а там сидит тараканище. От неожиданности и стыда она молниеносно накрыла таракана ладошкой, мигом сжала ладошку в кулак, заперев нахала, и так держала его в плену до остановки. Потом вышла, выбросила некультурно на пол станции, потому как в метро отродясь нигде ни на станциях, ни в переходах урн для мусора не было. Но противное чувство невыносимо постыдного дискомфорта, случившегося на виду пассажиров, запомнилось ей на всю жизнь.

Но все тяготы были ничто на фоне того, что вокруг – Москва! Столица, сердце Союза и надежда всего прогрессивного человечества!..

В дальней, тоже отдельной комнате, первой поселилась Вера. Вере было всего 15 годков, она из Орловской области и откликалась на **Верунчика**. Вскоре Верунчик разделила комнату с ещё одной Таней, родом из знаменитых Петушков. Так та была с чудинкой, и её всерьёз никто не воспринимал. Возможно, в тех Петушках все такие. Хорошо бы спросить у писателя Ерофеева,

если не обидится...

Вконец зачитанную, истрёпанную, практически слепую **распечатку** на машинке сочинения какого-то Венедикта Ерофеева “Москва – Петушки” принесла как-то от тёти, изрядной баламутки, Верунчик. Родители решили оставить Верочку в Москве, в ПТУ только под клятвенное заверение тёти Лены, что будет присматривать за поведением Верочки. Взять девочку к себе из-за тесноты в малюсенькой комнатке коммуналки тётя Лена не согласилась, а общий надзор за поведением племяшки вести взялась.

Вера поселилась в общежитии и ездила в гости и на отчёт к тёте раз в две недели, чтобы не обременять и не надоедать. И не объедать, в конце концов.

Наверное, в воспитательных целях тётя Лена, возвращаясь в высокоинтеллектуальных кругах тогдашнего московского **андерграунда**, и дала Верочке почитать про Петушки.

Крик души подмосковного алкаша девочек не впечатлил, они ещё не погрязли в маразме бытового пьянства, но стал поводом непрерывно подкалывать Таню из Петушков.

– *Тань, а если в коктейль **Сучий потрох** добавить полстакана сметаны, не легче ли пойдёт?.. Там у него в этом рецепте что? Девочки, вот послушайте.*

“Пиво «жигулевское» — 100 г.

Шампунь «Садко — богатый гость» — 30 г.

Резоль для очистки волос от перхоти — 70 г.

Средство от потливости ног — 30 г.

Дезинсекталь для извода мелких насекомых — 20 г.

Все это неделю настаивается на табаке сигарных сортов — и подается к столу...”

И вот представьте, девки, если в эту како добавить

*полстакана сметаны, что получится?.. Правильно, Верунчик, **дрыстявка**....* – Люба хохотала, наслаждаясь смущением Верунчика.

*– Тань, ты что, вымахала в такую лошадь и не пробовала **Сучий потрох**?.. Ну, ты даёшь!..*

Таня смущалась и отмахивалась по-бабьи руками:

– Издеваетесь, что ли? Да я вообще в рот не беру, вы же знаете... И у нас в Петушках люди порядочные, не то, что этот алкаш... Ерофеев. У нас и фамилии такой дурацкой ни у кого нет... Всё больше Петровы да Ивановы...

А в проходной комнате маялись Люда и Галя. Люда – из-под Калуги, Галя – тоже где-то из ближней подмосковной глубинки типа Тулы или Костромы.

Быт налачился быстро. Сложнее было с питанием, потому что после работы забегать в магазин, хотя он и открылся уже на противоположной стороне улицы, было и лень, и бестолку, потому что к закрытию полки в нём обычно оказывались пустыми.

Но никто не голодал и не потерял в весе. Родители не давали помереть молодым строительницам коммунизма. На все крупные праздники девочки старались ездить домой за продуктовым подкреплением. Часто приходили и набитые салом-крупями посылки. А иной раз могли нежданно-негаданно нагрнуть и сами родители, нагруженные провиантом, как слоны...

Конечно, никто не жевал сало по ночам под двумя одеялами. Жили в складчину, готовили по очереди, ужинали за одним столом... В редкий свободный вечер вместе бегали в кинотеатр “Керчь”...

Но, как верёвочке ни виться, конец находится. И у скромных девчонок постепенно стали появляться бравые ребята и не только для дружбы, но и для любви...

Из дневника Семёна:

"10.07.73

Дорогой Сеня и Ната!

По всей вероятности, у Вас случилось что-то неприятное, а может быть и нехорошее. Я не получил ответа уже на два письма в течение трех месяцев. Я писал тебе в апреле с/г, а потом в мае к твоему дню рождения. При нормальных условиях я должен был получить ответ даже при условии, если бы он выслан и нормальной, наземной почтой. Any way, как говорил когда-то Сталин, "сие от нас не зависит". Как тебе, наверное, известно, у нас полгода рабочее правительство. В скором времени ожидается провозглашение Австралийской Социалистической Республики. Иначе всё, как будто, по-старому. Старший внук (глухонемой) в скорости получает отпуск (он имеет хорошую и важную службу в столице нашего государства) и едет в кругосветное путешествие, но в СССР, кажется, не поедет, ибо он не пользуется русским языком. Он прекрасно владеет английским, чешским и немного немецким языками (пишет и читает). Посылаю небольшой снимок с моей "персоны". Сделан в апреле с/г на углу нашей улицы. Живу от этого места примерно 100 метров (третий дом от угла). Сейчас у нас зима. Очень холодно, прошлую ночь температура упала до 1,5°C (выше нуля). Пишите, не гордитесь.

Целую крепко, Тато.

Да! Послал ли ты рыболовные крючки и пр. принадлежности для любительской рыбной ловли Серёже в Лозовую, о чём я просил тебя давно и просил также, если почему-либо не пошлешь, то немедленно поставить меня в известность.

Почему именно я должен что-то делать, а для меня нет. Просто возмущаюсь. С.С."

"07.08.73

Дорогой Сеня и Ната! Только сейчас, за три месяца, получил письмо. Спасибо. Если ты посылал заказным и сохранилась квитанция, ты можешь получить за пропавшее письмо компенсацию. Я однажды, года три назад, посылал письмо в Кировоградскую обл. И оно пропало. Я здесь получил 7,45 (долларов), а они там что-то около восьми руб. По здешним законам, если пропадает заказное письмо (внутри страны), компенсация платится до 200 долл., а за границу только \$ 7-45. Ну, это между прочим.

Большое спасибо, что выполнил мою просьбу для рыболова Серёжи. Пожалуй, с него и будет рыболов, если уже кушаете рыбку. Я бы так бы его не удовлетворил, ибо я в этом ничего не понимаю да и думаю, что здесь хороших принадлежностей и нет, ибо рыбу тут ловят чуть ли не голыми руками. Здесь так много рыбы, что ты не можешь себе представить. Некоторые сорта, к примеру, карпы, завезенные сюда с Европы в начале этого столетия, так размножились, что не знают, что с ними делать и додумались ... уничтожить отравой (poison). Настоящие австралийцы рыбы почти не кушают (за исключением религиозных, которые кушают только в пятницу). Ну, это тоже между прочим.

По сравнению с Австралией выходит, что у Вас очень мизерная зарплата. У нас минимальная зарплата неквалифицированного рабочего 61 долл. в неделю (а не месяц), безработные получают 21-50 в неделю, что примерно 95 руб. в месяц. Самые низкие пенсионеры получают примерно 110 долл. - 85-90 руб. в месяц. Кроме того, они имеют всякие льготы

(бесплатное лечение и медикаменты, половинная скидка на все виды городского государственного транспорта, т. е. трамваи, автобусы, 50% на все железнодорожные проезды в своей области и 50% почти во все областные центры Австралии). Даже 50% на билеты в кино, телевизор-лицензия стоит 3 доллара вместо 20 обычных. Регистрация собаки один доллар вместо трёх в год. Есть ещё какие-то льготы, о которых я даже и не знаю, вернее, не интересуюсь (как-то газ и т.д.). Теперь делай вывод сам. Мой один родственник (не Турист), "зеленый" инженер, получает 120 долл. в неделю, а его брат архитектор (не зеленый, а с практикой), так тот околачивает по 250 долл. в неделю и часть прибылей (он работает в част. компании).

Ну, кончаю разглагольствовать. Пиши.

Целую крепко, Tato."

Как-то незаметно возникла у Семёна серьёзная проблема с зубами. Два верхних зуба не только беспокоили изматывающими болями, но и пугали изрядными дуплами. Надо было срочно что-то предпринимать, пока Люба не разобралась и не разлюбила.

Семён, как всегда, обратился к своим добрым феям-заступницам Клавдии Михайловне и Инге Изотовне. Коренные москвички превосходно разбирались в тонкостях выживания в столице всего прогрессивного человечества.

Заставили открыть рот и осмотрели пасть пациента. Установили, что рвать рано, а ремонтировать – поздно. Надо запломбировать дырки и на проблемные зубки одеть коронки.

При этом возник небольшой спор. Если надеть стальные **фиксы**, то при нечаянной улыбке вид двух фикс сойдёт с ног даже любящую женщину. Начальник отдела, солидный мужик, не может сверкать фиксами, как блатной пацан, только вернувшийся с

очередной ходки.

Значит, надо поставить золотые коронки. Но, во-первых, две коронки обойдутся, как минимум в 140-150 рублей, а, во-вторых, работа с золотом зубным врачам строжайше, под страхом уголовной ответственности, запрещена...

Что же делать? Первый вопрос решился славно – Инга Изотовна одолжила Семёну сто рублей, а восемьдесят у него было при себе.

По кандидатуре врача женщины слегка поспорили, но возобладало мнение Инги Изотовны, она недавно сама поставила золото примерно на те же места верхней челюсти, которые собирался облагородить и Серба.

Инга Изотовна, вся любезность, по горячим следам позвонила подпольному дантисту, рекомендуя надёжного молодого человека, почему-то считая, что неполные сорок это ещё расцвет молодости, не то, что её полтинник.

Вечером, в условленное время Серба подъехал в Сокольники. Выйдя из метро в арку, пошёл по аллее в сторону парка и через пару домов свернул налево. Довоенные кирпичные пятиэтажки. Вот и нужный двор. Был наказ во двор не заходить, а стоять и ждать у пивной бочки.

У пустой бочки никто не околавивался, и стоять было спокойно. **Ханурики** ещё до обеда вылакали пиво и разошлись по дворам стучать в домино и резаться в шахматишки.

Точно в 18.00 к Семёну подошёл не старый, примерно Сениного поколения мужчина кавказской наружности. Аккуратные усики, то ли под Гитлера, то ли под Микояна, придавали его лицу необходимой в такой рискованной профессии мужественности.

– *Как там Инга? У ней всё в порядке? Ка мне у ние вавросов нэт?*

– *Она говорила, что очень довольна...* – Ответил Серба.

– Вот и харашо! – Щедро улыбнулся сын Кавказа. – Сейчас я пайду, а ты, маладец, слегка атстань и с ленивым видом иди за мной. Я зайду ва второй подъезд. Туда захади и ты. Не спеша. Третий этаж, званичь-стучать не надо, проста талкни дзверь, она будет не заперта... Понял, дарагой? За мной!..

Зубной доктор пошёл во двор, мимо доминошного стола в тени густого клёна, а будущий пациент за ним. Ханурики, увлечённо стучавшие костяшками по столешнице, на Сербу не обратили ни малейшего внимания.

Действительно, одна дверь на площадке третьего этажа оказалась слегка приоткрыта, и Семён осторожно толкнул её, бесшумно проникая в коридор.

– Прахади, дарагой, туфли можешь не снимать. Пиджак-галстук сними! Садись в кресло, аткрой рот!..

Лучшая комната в двухкомнатной квартире служила зубопротезным кабинетом. Но и бормашина, и набор инструментов были так расставлены и разложены, что их можно было свернуть и спрятать в стоявшие у стенки чемоданы за пять минут.

Из кухни аппетитно тянуло жареным мясом, а очень молодая, совсем, как Люба, особа с красивым добрым лицом воспитательницы детсада, вероятно, московская жена, несколько обезображенная огромным животом бабы на сносях, выглянула, чтобы оценить пациента пронзительным взглядом горлицы, и, застеснявшись, сразу исчезла с горизонта.

Врагами зубных врачей Семён считал себя ещё с далёких военных лет. В 1942-м, когда в семь лет активно менялись зубы, часто было проблемой выдрать зуб, даже если он уже основательно шатался. Но мама, боясь инфекции, и чтобы **постоянные** не выросли кривыми, была неумолима и водила

Сеньку к врачу на последние копейки. Благо, живодёр жил в соседнем доме, на углу Розы Люксембург и Пролетарской.

Когда первый раз Сеня зашёл с мамой в кабинет эскулапа, то прям коленки задрожали, и захотелось драпать без оглядки и напрямиком в партизаны. На столике рядом с креслом была разложена целая коллекция орудий пыток – щипцы, щипчики, крючки и крючочки, костные кусачки, острые ложечки, изогнутые и прямые ножницы, долото и молоток, скальпели, хирургические и анатомические пинцеты.

Убежать не удалось – крепко схваченный мамой, орущий ночным паровозом Семён расстался с очередным зубом...

И вот опять неизбежные пытки. Но желание выглядеть прилично пересилило и пришлось смириться. Минут сорок возился живодёр, порхая больнично-белым орлом над своей жертвой. Сверлил, пилил, убивал нерв, цементировал пустоты. Наконец, снял **слепки**, заставив давиться кюветой с быстрозастывающей мастикой.

– Через три дня в субботу в это время падходи! Красавцем сделаю! Палтары сотни всего и никаму ни слова! Имей ввиду! Никаму! Пазвани на выходе из метро, там много автоматов. Будешь звонить, спраси, каторый час.

Если скажу, “Я вам не горсправка”, то звони следующий день. Если скажу, какое время, захади, не бойся, талкай двёрь...

Через три дня, облегчив бумажник на 150 целковых, Серба вырвался от живодёра и большими прыжками рванул к метро. В следующий понедельник, придя на работу, отремонтированный Семён подвергся дотошному осмотру женским активом. **Лыбсь**, как Тарзан на мартышек, он по-разному открывал рот, куда дамы заглядывали так дотошно, словно скакуна покупали на ярмарке...

Высокая комиссия Сенины коронки одобрила и единогласно определила, что уж теперь-то он запросто найдёт себе достойную пару и решит свой главный житейский вопрос.

"05.09.73

*Дорогой Сеня! Письмо получил своевременно, но, к сожалению, немного задержался с ответом. Причина, как у нас говорят, **Age problems**, был почти больной. Сейчас прорабатываем новую конституцию. Как тебе уже давно известно, у нас сейчас правительство рабочей партии. Местные да и иностранные капиталисты создали довольно таки крепкую оппозицию. Жизнь дорожает не по дням, а по часам. Дороговизна ужасная, и хотя зарплата повышается почти каждые 2-3 месяца, но зарплата не угонится за дороговизной. Проведена девальвация доллара, но это пока не спасает положения. Курс рубля сейчас поднялся, т. е. курс доллара упал. 5 руб. = 6, 75 доллара (имеется в виду австралийский доллар), но это не предел, и советские деньги ни в каких банках не размениваются. Стоимость недвижимого имущества и земли поднялась за 9 месяцев на 100%. Одним словом, твёрдого, уверенного ничего не видно, а пока ещё одни только обещания. Для меня лично это отражается очень мало, мне уже терять нечего, а все "горбы" могила выправит. Как успехи Любви? По-моему, она сделала неплохой выбор. Академия им. Тимирязева пользуется мировой славой. Пиши, как её успехи в учебе. Вернулась ли Наталья. Передай ей привет.*

Пару месяцев назад я одновременно отправил три письма, т. е. тебе, в Лозовую и в Цыбулёво. В каждом было по фоту. Ты получил, а с Лозовой пишут, что нет. Цыбулёво, как я понял из

письма Любы, тоже получили. По всей вероятности письмо похитили, искали в нем медальоны.

Погода у нас холодная. Температура 8-15°C выше 0. Сейчас разливаются реки, много работы и большие убытки. Ну, что будет, то и будет. Для меня уже безразлично.

Пиши. За Любу если узнаю, что она в Москве, напишу ей лично.

Tato."

Не отвечать на письма – свинство. Тем более, если это письма от отца или матери. Но Семён часто задерживался с ответами. Особенно в Австралию. Ну как можно поддержать разговор о смене правительства Австралии по итогам последних там выборов? Из СССР совершенно не видно, кто там премьер, кто у него министры. Ни “Правда”, ни “Известия” не пишут о таких задворках мира, как Австралия. Всё же откуда-то Семён узнал, что Премьером правительства Австралии в результате позапрошлогодней победы *Австралийской Лейбористской партии* работает **Эдвард Уитлам**. И этой экзотической информацией поделился с папой в своём ответе сразу на два письма.

Отдельным абзацем Семён написал и о том, что Люба всё-таки осталась в Москве, и учится в училище, чтобы закрепиться в столице. И какая она хорошая девочка, и какие вкусные борщи готовит, когда приходит в гости, и как благотворно влияет на Наташу, гуляя с ней и поднимая настроение...

"11.11.73

Дорогой Сеня, Ната и Люба! Письмо со снимками получил. Замечательные снимки. Сначала я думал, что это ты с Натой и

Любой, оказалось, пока нет. Думаю, что ещё в этом году ты прилетишь и фото с Натальи Семёновны. Так или иначе, а хорошо Люба сделала, что осталась в Москве, а то, что в этом году не удалось поступить, пусть не беспокоится, ещё времени у неё много впереди, поступит в следующем. Приятно, что она готовит вкусный борщ, но всё ж, думаю, что она не побила мне рекорд. Я просто удивляюсь, откуда у меня появилось это мастерство. До 1952 года я не мог сжарить простой яичницы, а сейчас замечательный "cook" и даже, веришь или нет, из одного простого поваришки сделал "chef cook" в военном госпитале. Получилось это случайно. Когда мы имели клуб, его взяли за повара. Готовил он отвратительно, меня это возмущало, но у него были другие достоинства (он был сильный, хорошо дрался, а в ночном клубе у нас это было главное для усмирения "перебравших"). Однако я купил русскую книгу "О вкусной и здоровой пище", изучил ее и фирменным образом гонял его, перестраивая его на русский лад, и сам научился так, что когда закрылся клуб и оказалась вакансия в госпитале, я дал ему прекраснейшую (составлял "Турист") характеристику. Он поступил сначала поваром, а потом через пару лет выдвинулся (благодаря моей школе) главным поваром. Вот как в нашей жизни бывает. Да, предупреди Любу, что капусту в борщ бросать последней и варить не больше 5-7 минут, чтобы она "хрустела" на зубах. Если капуста переварится, то уже не борщ. Написать ей непосредственно, к сожалению, не могу, ибо, к стыду своему, не знаю её ни фамилию, ни отчество.

Теперь другое. Напиши срочно свои соображения. Я думаю к Новому году (надо заблаговременно) для "Double babies" (для Наты и Любы) сделать денежный перевод на подарки к Новому году. На "до востребования" нельзя, а потому напиши, куда и как выслать. С ответом, пожалуйста, поспеши.

Tato."

Дневник, 25 ноября 1973 года

Итак, сегодня решено начать описание истории нашей семьи. Начало, собственно говоря, уже есть – это записки моей мамы – Сербы Анны Николаевны, на которые я, вероятно, буду по ходу своей работы ссылаться, делать замечания "очевидца" или дополнять. Возможно, эти записки я помечу соответствующими годами, независимо от даты написания.

"14.12.1973

Дорогой Сеня! Посылаю чек № 566267 через банк на сумму 60-00 наших долларов. Как там будет, не знаю, однако если будет хорошо, поскорее напиши. Из полученной суммы половину Нате половину Любе и скажи ей, что это посылает её крёстная мать, тоже Любовь.

From National Bank of Australia N 566267 14.12/73 - EL 38-42 (m. e. англ. фунтов 38-42).

Tato."

"13.02.74

Дорогой Сеня! Письмо получил, которое так долго ожидал. Плохо только, что не получил фото "москвички". Анувай, передавай ей так сердечный привет. От Любы, несмотря, что она от меня получила письмо (узнал через Лозовую), ответа не получил, а у меня такой обычай, что кто мне не отвечает неделю, то тому не отвечаю месяц, а кто не отвечает месяц, то тому не отвечаю год и т. д. Я со своими письмами, независимо кому бы то они ни были, вовсе не навязываюсь. Я

человек свободы. Хочешь - пиши, хочешь - нет. Пусть каждый делает так, как ему удобно, как ему "пасует". Теперь, как тебе не будет странно, я ещё 18.1.74 выслал подарок к твоему дню рождения. Почему так рано, ответ прост. Я хотел выслать авиапочтой, но с меня хотели "содрать" 18 долл. За пересылку, а я, как ты знаешь, пенсионер, соблюдаю режим экономии, а потому я выслал морской почтой и стоит только \$ 3-85. Зато срок пробега примерно три месяца. Если получишь раньше, то будет первомайский подарок, а позже, то ко дню рождения.

Жизнь проходит по-прежнему. О нашем национальном несчастье - потопе - знаете из телевизора (писали из Лозовой). Убытки неописуемые, были человеческие жертвы, а под водой было 4 области из семи. Посылочку с чаем получил, кажется, за три недели. Спасибо, открыл только одну пачку, угощал друзей, а то все раздал, ведь это же диковинка с Родины. Замечу, что чаем остался довольный, но ценами удивлен. У нас индийский, цейлонский и т. д. 1 фунт (450 гр.) стоит всего 54 коп.

Целую, Tato."

9.

В 1974 году исполнилось 25 лет тому, как 12 октября 1949 года Станислав Серба опасно и поэтому медленно и осторожно сошёл по трапу теплохода **"General A. W. Greely"** в австралийском порту **Ньюкасл**. В руке у Сербы был жёлтый, свиной кожи, портфель с документами и такой же баул с минимумом личных вещей. К его тощему боку под левую руку прижимался одиннадцатилетний сын Валерка.

Неуёмный океанский ветер, вдоволь наиздевавшийся над пассажирами за 28 дней и ночей рискованного плавания по двум океанам и многим морям, на прощанье сорвал с Валерки и унёс на память панамку и последний раз поцеловал Станислава в заросшие месячной щетиной щёки.

– Не плачь, – утешал отец сына, – теперь мы спасены... И панамок у тебя будет, сколько надо... А Бог даст, и мама скоро нас догонит... Следующим пароходом...

С Сербами выгрузились на гостеприимный берег и другие 1242 **ди-пишника**, избравшие Австралию своей новой Родиной, иначе говоря, **displaced person** or **DP**.

Порт Ньюкасл встретил иммигрантов безразличием и неспешным деловым ритмом.

Оформление прибытия и регистрация в качестве лиц без гражданства заняли не более часа. Никто в Ньюкасле, кроме тамошни и нескольких официальных лиц от городской власти, не заметил прибытия новых граждан. Не было ни оркестра, ни цветов.

К тому времени уже год, как австралийские власти селили большинство ди-пишников в бывших военных лагерях **BONEGILLA** в Виктории и **BATHURST** (150 км к северо-западу от Сиднея). Были и другие подобные лагеря для перемещённых лиц, прибывших в Австралию на постоянное жительство.

Станислав Серба с сыном прибыли в лагерь **BONEGILLA** близ Мельбурна 28 октября 1949 года в середине дня.

В Мельбурне и прилегающей округе буйствовало лето. Погода стояла очень хорошая, было жарко и вообще замечательно. После пятилетних мытарств в лагере для перемещённых лиц в Австрии и изнурительного, опасного вояжа из Европы в Австралию

через Суэц, Индийский и Тихий океаны душа отогревалась, купаясь в лучах австралийского солнца и в доброте новой родины.

И не только город, а вся округа были в цветущих куцах садов, парков и лесов.

Первые дни Серба был в отчаянии из-за незнания английского. Потому что без него здесь никуда... Не то чтобы он ещё не разучил ни одного слова по-английски, совсем не так. В Австрии, в лагере перемещённых лиц у обитателей времени была прорва. И американцы, и англичане ежедневно под ногами болтались. Так что десяток-другой расхожих слов и выражений Станислав, понятно, освоил. Но в Австралии, во-первых, другой говор, во-вторых, другие жизненные ситуации, так что успех выживания упёрся в языковой барьер.

Помогли латыши. Один латыш, который **перфектно** говорил по-русски и в то время работал **супервайзером** в **кампе** и уверенно **шпребал на англише**, устроил Семёна на тогдашнему хорошую работу уборщиком лагерной территории...

Станислав, с детства свободно болтавший по-немецки, потому что соседями их в селе были две семьи немцев из Аскании-Нова, зачем-то переселившихся в Правобережную Сокилку как раз перед октябрьским переворотом, за пару месяцев, к разгару австралийского лета уже мог сносно расспросить дорогу на **инглише** и внятно объяснить **копу**, что они с сыном иммигранты и прогуливаются по Мельбурну, что они восхищены трамваями, магазинами, архитектурой, **anyway**...

... По случаю очередного, на этот раз уже 25-летнего юбилея **Прибытия**, Станислав Степанович пригласил друга Ивана Игнатьевича распить **четвертинку**... Звонил также Атаринову. Но

до Николая не дозвонился.

Хорошая такая традиция устоялась у ди-пишников из России и Украины – ежегодно 12 октября отмечать **День Прибытия**.

Именно так друзья Сербы, перемещённые лица, сумевшие вырваться из СССР и добравшиеся до свободной Австралии, не долго думая, стали называть солнечный день, когда им улыбнулось счастье личной свободы. Но, если разобраться, это их **День Победы**, победы над сталинским рабством...

И хотя прибывали и в 48-м, и в 49-м, и в 50-м, и в 51-м, и позже, но только 12-е октября 1949-го вошло в историю у друзей Станислава Сербы, потому что лично он придумал отмечать День Прибытия, и конкретно он взял за точку отсчёта своё с сыном Валерием появление на Пятом континенте...

Лахутин **пришкандыбал** к четырём часам дня, когда начала спадать жара и потянуло слабым бризом с океана.

– *Стас, ты ещё не проклял меня за мою медлительность?.. Я не опоздал к столу?..*

– *Ну что ты, Вань, сегодня ты – мой единственный и самый дорогой гость. **Сидай!**..*

За окном, недавно лично вымытым хозяином дома, выразительно голубело весеннее, как **спидныця** самой красивой **дивчины** на ярмарке в Полтаве в старорежимное время, небо. В его чистом прямоугольнике томился в недвижимом зное зелёный кинжал **явора**, главной гордости Станислава Сербы. Посаженный им у дома ещё в 1964 году маленьким несерьёзным стебельком, красавец явор вымахал выше Сербиного дома, и сейчас высится метров на 10.

У стола, заискивающе виляя хвостом, нервничал **Принц**

Дагомей, любимый пёс хозяина дома. Дорогуший миттельшнауцер достался Сербе случайно, неразумным щенком, как подарок от сына Валерия на 15-летие Дня Прибытия. И стал настоящим другом и помощником.

– *Ну, если ты об этом...* – Дружелюбно проворчал Станислав Степанович, отрезая от первого ломтика нарезанной буженины, купленной по случаю торжества в **русском** магазине, кусочек волосатому другу. – *Только не подавись! Ешь степенно!..*

Он свернул головку четвертинке “Московской”, загодя купленной там же.

Фунт сыра **Ricota**, солёного, как брынза, на который ушло 2 доллара, красовался в фаянсовой тарелочке (ещё с Родины) с наивными синими незабудками по краю, уверенно источая сногшибательный аромат.

Хозяин бережно вытащил из холодильника загодя открытую баночку консервированного папоротника.

– *Вот оцени, папоротник... Прямо огурчик нежинский бочковой! Брал в корейском магазинчике. И ещё бы сходил взял, но выскочило из башки, где видел, теперь горюю. Забыл, склеротик, в каком месте магазин находится...*

Иван Игнатьевич пришёл на помощь.

– *Так это же там, где **мол**, после **Сэйфвея**, перед поворотом трамвая в **Аэропорт Вест**.*

*Магазинчик называется скромно, что-то там про **Сифуд** и **Пасифик**... Да не ошибёшься, они свою азиатскую продукцию прямо перед входом выставляют. У них всё очень чистенько, персонал любезный **до тошнотиков**. И даже недорого мороженые ягоды всякие есть...*

– *Да-да, теперь вспоминаю!..* – Улыбнулся Серба. – *Там ещё рядом проход справа. В нём тоже несколько магазинчиков и*

парикмахерская. Проход ведёт на автостоянку. Справа, в проходе, после парикмахерской можно купить крупы. Лавочка маленькая, но у них много чего есть...

Там, дальше по **Кулда**, в конце мола, есть овощные, почта, несколько кафешек, кондитерская, китайские лавочки, библиотека, **Нот Квайт Райт**. И прочее, и прочее. На другой стороне улицы тоже всего полно...

– Ну, вот видишь, Станислав, оказывается, ты в **Мельбуне** уже, как рыба в воде... Всего за двадцать пять лет... Четверть века... Прямо скаут какой-то или **пионер**... Ха-ха!..

Станислав Степанович наполнил рюмки и одну подвинул приятелю.

– За победу! – Сказал он, поднимая свою и накалывая вилкой ломтик сыра.

– Хху-у! – Трагически выдохнул Иван Игнатьевич, как будто стакан спирта **оприходовал**. – Давно в рот не брал... Прямо обожгла, зараза...

– На вот, откушай папоротничка!.. – Пришёл на помощь Станислав. – Я сам уже полгода, как не причащался... Пора вообще из праздничного меню “Московскую” исключать. Хоть и хорошее питье придумал сын **Менделя из Бондюга**, однако печень возражает... А с ней не поспоришь...

Мужики пожевали восточную закуску пластмассовыми челюстями, выпили ещё по полрюмки знаменитой отравы и перешли к обсуждению международного положения и внутриавстралийского политического раздора.

И вдруг плаксиво задзенькал дверной звонок. Станислав трудно встал и пошёл открывать. На пороге нарисовался Николай Атаринов с немалым пакетом от **Safeway** в одной руке и гитарой в другой.

– Привет, пьяницы! Я не опоздал?..

Он положил припасы у входа на полку для обуви, а гитару прислонил в угол между проёмов в столовую и на кухню.

Станислав принёс из кухни закипевший чайник.

– Вот побаловать дружанов собираюсь. Получил днями из **Эсэсэсэра** бандерольку с чайком. Индийский. Три слона. Я пока заварю чаёк, а ты, Вань, расскажи нам ещё раз про **тварищей** Брежнева и Хрущёва, как они обкакались в 41-м...

– Нет проблем. Я сам удивляюсь, что ещё топчу грешную землю и меня до сих пор не достала длинная чистая энкавэдистская длань...

Итак... Дайте ещё раз вспомнить... Дело было в начале октября 41-го, числа 9-10.

Немец взял Днепропетровск ещё 25 августа. Наш полк оборонял подходы к мосту и снимался последним. Когда наши уходили под обстрелом ночью на левый берег, я сумел сквозонуть в посадку и тышком-нышком пробрался в садочек тётки Матрёны.

Рушныцю зарыл под яблоней, разбудил тётю, всё ей рассказал. Переоделся в гражданское и стал ждать дальнейшего развития событий.

Жена с детьми к тому времени успела в село к мамке убежать.

А Запорожье сдали только 5 октября. Я как узнал, так сразу и подался левым берегом. Через Синельниково и Червоноармейск. Шёл ночами пешком трое суток. Один раз под дождь попал...

Я тогда в Запорожье из Днепропетровска пробрался, чтобы своих родителей спасти. – Вспоминал, почёсывая лоб, Иван. –

Но попался патрулям фрицовским около Малого Базара, на трамвайной остановке, буквально в двух шагах от Карла Либкнехта, где мои до войны квартировали... Я там, разинув рот, стоял, глядя на руины спаленного здания ОблНКВД.

А тут откуда-то вражеский патруль. Так ты не поверишь, меня без церемоний кинули в лагерь военнопленных. Хотя я и в гражданском был, но они, видно, хватали по возрасту, всех молодых мужиков...

Аккуратисты чёртовы, всего три дня, как город взяли, а уже лагерь успели развернуть и согнать туда тысяч пять народу...

– Так ты и в лагере побывал? – Вежливо, как вроде первый раз слышал, ахнул Станислав. – Надо же, прям не верится. Такой вроде пробивной... А ведь могли сгоряча и дырку в голове просверлить!.. Немцы тогда не панькались с нашим братом...

– Немцы – да... Но они взяли город и понеслись дальше, на Харьков и Белгород, а первые лагеря в тылу поручили организовать румынам...

Так что я попал в самый первый – **дулаг № 182**... А может, и ещё были лагеря, хрен их разберёт. К концу 41-го их по Украине десятки, наверное, появились...

– Дурлаг – это для дурков, или как?.. Может, душлаг?.. – Прикинулся валенком Иван.

– Зря скалишь зубы, я из нержавейки. **Dulag** по-немецки значит пересыльно-сортировочный лагерь для военнопленных. Знать надо! Ты ведь тоже был в оккупации и не прикидывайся, что **нихт ферштейн!**..

Николай всплеснул по-бабьи руками.

– В какой оккупации? Кстись! Я же из Харбина сюда пожаловал. Мы там у япошек высоко котировались!.. А сталинской оккупации Манчжурия, слава Богу, избежала... Хотя до Австралии ещё пришлось и в Шанхае, и в Тубабао

покантоваться. Да я же тебе не раз свою одиссею излагал...

*– Прости, совсем мозги повысыхали! – Иван виновато улыбнулся. – Часто подводят последнее время... Ну да, ведь Станислав тоже из Запорожья, мы с ним фактически земляки... Хотя в те времена не пересекались... Но в начале тридцатых он и в **Днепре** успел поработать, а в Запорожье у него жена вроде оставалась и сын. Потом высылка всё ему перегадила, перекроила...*

Станислав немного поубирал на столе, освободив место для чашек. Притащил из кухни благоухающий заварочный чайничек, сахарницу, расставил блюда с чашками и стал наливать в них заварку. Сказал Ивану Игнатьевичу, возвращая разговор в далёкий 1941-й:

– Ну и... Тебя схватили, пытали. Но ты, как Зоя Космодемьянская, выстоял...

Иван укоризненно покачал головой.

– Не надо меня с диверсанткой сравнивать. Я сараев деревенских не подпаливал...

*Ну, так вот. Разместили нас в трёх частных домах за заводом “29”. Напротив вокзала Запорожье-2. Через пути перейти всего. Из лагеря **Екатеринку** было хорошо видеть.*

*Кто не поместился, устроился на приусадебных участках вокруг домов. Охрана символическая, на каждый дом два поста, один с улицы, другой с тыла, с огорода соседнего участка. На следующий день территорию трёх дворов, отведённую под лагерь, обустроили **колючкой**...*

*Я был в числе первых, кого привели после задержания. Дело было часов в 10 утра. Потом началось оживление, подъезжали машины, огромные грузовые **Фиаты** с зелёными брезентовыми тентами. В каждой человек по сорок мужиков, большинство стоя. А кто ранен или болен – **покотом** вдоль бортов... И уже к*

вечеру натаскали человек 800-900.

Привезли на шарабанае, запряжённом парой кляч, четыре бочки воды. Оказалось, “за рулём” шарабана не румыны, а два запорожских цыгана...

– А, цыгане, помню, помню, – отозвался Станислав, и лицо его осветилось теплом давно забытых подробностей запорожской жизни. – Точно. На опушке и в глуши Дубовой Рощи жили несколько семей цыган, они до войны занимались извозом и, если верить народу, всякими страшными делами. Их не смогла раскулачить и перевоспитать даже советская власть...

– А вот оккупанты пристроили к делу на раз, – хохотнул Иван Игнатьевич. – Ну, ладно. Так на чём я остановился? За воду подрались, а ведь ещё бы и поесть. Охрана пальнула над головами, чтобы не бились за воду и еду. Народ, вытирая рукавами кровавые сопли и страшно матюгаясь, угомонился.

Румынская полевая кухня выдала по черпачку гречневой каши – без соли и масла! К ночи поспать бы, но в помещения не пробиться, хоть по головам ходи. Большинство стали в садиках и дворах как-то укладываться, прямо на голой земле. Хорошо бы в траве, но за день всё вытоптали и обоссали. Спасибо, октябрь выдался тёплым и сухой, ночью ещё +10... Кое-как до утра **перекемарили**.

Утром в 6 подъём. Ни умыться, ни побриться. Сходить по нужде проблема. Ну, ладно отлить, – это под забор. А уж если по-большому припёрло, то хоть плачь. Садись под куст у забора на виду всего народа и старайся не упасть в достижения предшественников...

Полевых кухонь стало две, и обе мирно дымилась. Появились и местные тётки в помощь кашеварам-румынам. Привезли хлеб, кирпичики свежего ржаного, значит, запустили хлебозавод или что-то такое. Овощные ящики с картошкой, варёной в

мундире. Приятно запахло хлебом и варёной картохой. И опять пришлось повоевать за хоть немного пожрать...

В десять начался учёт. У нашего дома поставили стол, пару стульев. За столом офицер и писарь-переводчица.

Фамилия-имя-звание-часть—место жительства...

Следующий!..

И вот тут надо было не растеряться. Ладно, имя-фамилия. Это для большинства скрывать не имело смысла. А место жительства? Что сказать? Из Москвы или из Вологды?..

Вчера вечером среди пленных ходили всякие суждения. Гуляла байка, что немцы будут вскоре выпускать пленных на поруки семьям, жёнам и матерям. Поэтому, мол, лучше написать, что ты из Украины, а ещё лучше – из Запорожья. Тогда передав через кого-нибудь, например, через поварих, своё **фио** на волю, можешь надеяться, что найдётся сердобольная холостая хохлушка из ближних сёл, придёт за тобой и освободит, чтобы забрать **в приёмы**, то есть пожить гражданским браком до конца войны...

Я ничего не выдумывал, а назвал адрес родителей и настоящую свою фамилию. Другие действовали, кто как.

В конце регистрации каждому давали картонку с номером. Получил эту ксиву и я. До сих пор помню – **Ляхутин Иван, № 00348, 07.10.41 дулаг № 182...**

Это уже потом, когда у них всё отстоялось, так они наковки с номерами внедрили. А первые после захвата очередного города дни просто сгоняли Красную Армию в огороженные места и охрану с кормёжкой налаживали. Учёт самый простой, хотя фрицы вообще в этих делах аккуратисты...

Станислав запалил папиросину из присланных недавно из Союза. Закашлялся, как часто случалось последние года. Бронхит

стариковский терзает основательно. Сказал сквозь слёзы:

– Да уж, щепетильный народ. Этого у них не отнять. Ну, давай досказывай!

Иван Игнатьевич откашлялся и продолжал:

– Отчитавшись, я отошёл в ту сторону, где собирали зарегистрированных.

Мы, кого профильтровали, с интересом наблюдали за регистрацией. Народ в основном давно небритый, грязный, отощавший, потухший.

И вот примерно через час к столу подошёл ладный брюнетистый мужик с густыми чёрными бровями. Морда обросла мощной недельной иссиня-чёрной щетиной, из-за чего дядьку можно было бы принять за турка. В дурацком коричневом пиджаке явно с чужого плеча и в простых солдатских задрипанных галифе, вправленных в разбитые до не могу **керзачи**.

Пока он там отбрехивался перед регистраторами, я вспоминал знакомые черты и легко узнал в пленном Леонида Брежнева, с которым был немного знаком по Днепропетровску в 38-39-м годах...

Первый порыв подойти к земляку я сумел незаметно погасить и начал анализировать обстановку. Решил понаблюдать.

Этот Лёнька, скажу вам, до войны, пока карабкался в обком, сдавал и начальников своих, и профессоров, и вообще не брезговал ничем, чтобы высунуться и закрепиться в руководящих кадрах.

Говно исключительное, смрадно пахнущее. Поэтому и состоялся, как партработник...

Рассуждая подобным образом, я стоял в сторонке под старой грушей и наблюдал регистрацию.

Через несколько минут в поле моего зрения попал плотный толстошей мужик в солдатской гимнастёрке, почему-то в несвежих, грязных кальсонах, босиком... Гимнастёрка, видно было, маловата, как только и надел её бедолага... Мужика я признал с первого взгляда – ну прям, как на портретах и в газетах. Кто тогда в Украине не знал первого секретаря ЦК КП(б)У Никиту Хрущёва?..

Но самое удивительное, что никто этих голубков не выдал, хотя, полагаю, не я один опознал мерзавцев. Так их румыны и записали красноармейцами...

Станислав Степанович тронул рассказчика за плечо.

– Передохни! Доскажешь после закуси. Тем более, мы-то знаем, что этих жуликов через пару дней вытащили подпольщики-особисты, приведя к воротам лагеря “жён” или “сестёр”, тоже мне новость... Ты же в двадцатый раз этот мемуар докладываешь...

Давайте по маленькой за нашу австралийскую родину-уродину! За Мельбун без буквы эр! Будем!

Когда выпили, разговор продолжился.

– И что в этом всё интересно, – вернулся к Ивановому детективу Станислав, – как потом эти прохиндеи сумели сохранить свой плен в тайне от Иосифа?..

– Элементарно, – засмеялся Иван, – поскольку уверен, что те энкаведисты, что организовали побег, как только Лёнька с Никиткой оклемались и оказались на нашей стороне фронта, были тотчас уничтожены. А Сталину доложили, что Лёнька и Никитка отступали с войсками в обстановке сумятицы и отсутствия связи...

Через пару недель Никита уже рвал когти из Харькова в рядах остатков наших войск, вырывавшихся из Первого

Харьковского котла... И где-то рядом с ним трясся в какой-нибудь Эмке и Лёка. Но как они головы сохранили, не могу представить. Сумели убрать всех свидетелей их позора...

– Хе-хе!.. Выходит, – подытожил Николай, – если бы ты, Вань, рванул обниматься с Леонидом после регистрации, то тебя мы сегодня за нашим чудесным столом не увидели бы...

– Выходит... – Вздохнул Иван, накалывая помтик буженинки на вилку. *– Никита потому только помер своей смертью, что они с Лёкой были повязаны общей непростительной подлянкой...*

– Ты, как всегда, прав, Вань, такой у них получился дуэт, типа сиамских близнецов, – согласился Станислав, *– ведь генсекам после ухода с поста по понятным причинам, кроме места у Кремлевской стены, ничего не полагалось. Единственное исключение - свергнутый своими соратниками Хрущёв. По личному распоряжению товарища Брежнева Никите Сергеевичу оставили и московскую квартиру, и просторную госдачу в **Петрово-Дальнем** на берегу **Истры**. Кроме того, за ним сохранились служба, охрана и приличная по совковым меркам персональная пенсия... А вот помрёт ли своей смертью Лёка, будем посмотреть...*

Друзья замолчали. Родина где-то невообразимо далеко, в недостижимой галактике из пятиконечных звёзд, а от воспоминаний только сердце ноет...

Николай тронул струны. Печальный проигрыш заставил друзей умолкнуть. Полилась песня, так любимая русскими харбинцами в 30-40-е годы.

*За рекой Ляохэ загорались огни,
Грозно пушки в ночи грохотали,
Сотни храбрых орлов*

*Из казачьих полков
На Инкоу в набег поскакали...*

Николай замолк. Достал носовой платок и поочерёдно приложил к уголкам глаз. Насупились и верные друзья.

*– Не могу, ребята!.. В Харбине похоронены и отец, и мать...
А я здесь, как собака, один помирать буду...*

*– Ну, не плачь, девчонка!.. – Тотчас проникся жалостью
Станислав. – А как так получилось, что твои умерли там
относительно молодыми?..*

Лахутин шумно высморкался и начал, в который уже раз, рассказывать свою одиссею.

*– Мы попали в Харбин в 22-м... Бежали из Благовещенска,
когда красные банды уже стали занимать город за городом.*

*Там, в Харбине, собралось тогда с полмиллиона русских, в
основном белого окраса, но были и просоветские элементы. В
основном, на большевиков молились служащие КВЖД...*

Мне тогда было двенадцать, а отцу-матери по тридцать...

*Ну, китайцы нас не притесняли, напротив, Харбин быстро
рос и хорошел. И даже, когда пришли япошки, жизнь катилась
по-накатанному.*

*Понятно, что кроме интеллигенции, решившей переждать
трудные времена в спокойном Китае, таких, как мои родители,
там было немало и агентов ОГПУ, занимавших различные
должности в аппарате советской администрации КВЖД,
Генерального консульства, торгпредства, а в учебных
заведениях и предпринимательстве было немало просоветских
придурков, поверивших большевикам, как говорится, по зову
сердца...*

Принц Дагомей ластился к Лахутину, чища свой лохматый бок о его грубошерстную штанину.

Из кухни донёлся свисток чайника, и Станислав Серба сходил за ним на кухню. Атаринов включился в приборку стола. За окном вечерело, и явор в прямоугольнике неба потемнел, превращаясь в мрачный контур.

– Мне тогда в августе как раз 35 исполнилось, уже дети подрастали.

17 августа 1945 г. в Маньчжурию вступила Советская Армия, а 21 августа все самые видные люди города, лидеры национальных общин, ученые, музыканты, коммерсанты, инженеры были приглашены на приём, организованный советским комендантом Харбина Белобородовым в честь победы над Японией и для встречи с маршалом Мерецковым. Радостные влиятельные харбинцы с супругами дружно пришли пообщаться с освободителями.

И представьте себе, больше никто этих людей не видел. Говорят, что после приема прямо с торжественного ужина все приглашенные были доставлены в подвал на допрос. После чего их под конвоем отправили на вокзал, затолкали в товарные вагоны и увезли. Куда ушел этот поезд, и что стало с его пассажирами, никто не знает. Кто-то каким-то непонятным образом вернулся к семье только через 12-15 лет. Большинство сгинуло в сибирском безмолвии.

Из Харбина непрерывным потоком, в бесчисленных печальных зшелонах стало вывозиться русское население. И уже прямо в лагеря ГУЛАГа...

Мои родители были хорошими знакомыми двух братьев Скидельских, Семёна и Соломона — наследников известного дальневосточного промышленника и филантропа Леонтия Скидельского. Потом как-то окольными путями просочилось, что в том страшном товарном поезде они были вывезены в

Приморье. В тюрьме Никольск-Уссурийска "от сердечного приступа" умер Семен Леонтьевич, следы Соломона Леонтьевича затерялись в Хабаровской тюрьме.

А через несколько дней советские оккупационные власти, чтобы никто из гнилой интеллигенции Харбина не ускользнул, устроили **вечер литераторов и журналистов**. Пригласили поимённо всех, кто обладал авторитетом и влиянием на умы. И в конце вечера арестовали всех гостей так же поимённо, посадили в автобусы и – прощай, Харбин, свобода и жизнь!.. Даже тех, кто на "вечер" не явился, разыскали и арестовали. Были задержаны и исчезли поэты Несмелов, Ачаир, вся редакция "Харбинского времени", "Луча Азии", "Зари".

Я потом, уже в Шанхае, посчитал. Получилось, что только наших знакомых и тех, о ком я слышал, было увезено более ста двадцати человек. Большинство, как Несмелов, погибли в тюрьмах и лагерях, единицы - выжили...

– А как удалось уцелеть твоей семье? Вы прятались или как?
– Спросил Иван, жуя бутерброд.

– Сначала нам вроде повезло. Мои не пошли на вечер интеллигенции, хотя, как известные педагоги – они преподавали во Второй гимназии русскую словесность – числились в списке гостей. Мы просто не были в те дни дома.

Наша семья уцелела в те первые чистки случайно. Все мы – и взрослые, и дети, прятались в дни иштурма у знакомых Бормотухиных в пригороде Харбина, в скромном доме, не вызывавшем особого интереса освободителей. И по воле случая, а быть может, благодаря заботам Провидения, задержались в гостях на несколько дней.

Когда же прошла первая акция по аресту гостей приёма у Белобородова, то всё стало ясно, и мы сделали выводы...

Однако потом через неделю, когда я с семьёй вернулся домой, оставив родителей у Бормотухиных, то на следующий день всё и произошло. Их забрали из дома Бормотухиных вместе с хозяевами. Донёс наш давний друг семьи капитан Яков Лях. Оказалось, что он с двадцатых годов работал на красных, умело маскируясь под белогвардейца.

Последние перед падением Харбина годы он был заместителем полковника Гургена Наголяна – командира сводной русской бригады “Асано”. Оба они оказались агентами НКВД и предали дело освобождения России от большевизма...

Иван Игнатьевич промокнул мокрые глаза сине-голубым носовым платком и высморкался.

– Надеюсь, ты отомстил чёртову **ляху**? – Поинтересовался Станислав, разливая заварку по чашкам.

– Неа, не получилось... Они после того, как раскрылись, толпой ходили и под охраной жили... Да хрен с ним! Не будет ему в жизни форта... Таким всё равно воздастся!

– А как ты сам, Вань, попал в Австралию?.. – Подключился Николай.

– Как? Очень просто. В начале 48-го маоцзедуновцы стали подбираться к Северному Китаю и харбинцам пришлось сниматься с обжитых мест. Да нас и оставалось уже немного. Большинство после 45-го разъехались по Китаю, кто куда – осели в Ханькоу, Пекине, Тяньцзине, Циндао... Но натиск Мао заставил и нас, последних харбинцев, и тех, кто разбрелись по Китаю, податься на Юг, в основном в Шанхай. Вскоре там собралось несколько тысяч русских.

Переездом русских в Шанхай и устройством на временное жительство в бывших французских казармах на **Рум Фрелюпт** ведала подведомственная ООН Международная беженская организация **IRO – International Refugee Organization**... Спасибо

им!

Ну, так вот... Только приехали, а гоминдановцы за чемоданы и на **Формозу**... А нам хоть в Тихом океане топиться.

Начался полный разброд и ужас. Часть наших вдруг воспылала любовью СССР и каким-то образом начала получать советское гражданство и выезжать поездами на Дальний Восток.

Мы поняли, что это как раз и были те, кто десятки лет служил на НКВД, притворяясь белыми офицерами. Между прочим, и Яков Лях тогда погрузил семью и умотал строить социализм.

Короче, вопрос с нами решился в 1949-м. Пароход "**Кристобал**" перевёз меня с семьёй в апреле на Филиппины, на маленький, тогда необитаемый, остров **Тубабао**, примыкающий к более крупному острову **Самар** – их соединяет мост.

Там мы обретались в бараках почти до конца года, пока в конце октября нас не погрузили на пароход "**Генерал Грили**" и в начале ноября 49-го благополучно не доставили в Австралию...

Николай Атаринов погладил по голове Принца Дагомея, а тот ластился к нему, настаивая на продолжении ласки.

– Мужики, а не выйти ли нам на свежий воздух?.. – Предложил Иван. – А не то придётся ещё за бутылкой бежать...

– Нет-нет! На сегодня хватит! – Замахал руками Николай. Станислав умиротворённо улыбался.

На улице к вечеру посвежело. Дневная жара спала, и с океана потянуло прохладой. Мужики закурили "**Столичные**" – с Родины! Угощал Станислав. Вечно ему присылают что-нибудь интересное...

Станислав, большую часть вечера любезно предоставлявший слово друзьям для очередных воспоминаний, кормивший и наливавший, как бы взял слово для подведения итогов.

– Вот послушал я вас, ребята, в двадцатый раз и понял, что каждый из нас мог бы написать потрясающую книгу о жизненных передрягах, о светлой дружбе и грязных предательствах, о потерянной и униженной России, о достойной жизни, обрётённой, увы, вдали от Родины.

*Но мы не напишем таких книг, потому что ещё живы наши враги и Россия ещё не освобождена от вурдалаков. Нас ещё могут достать и здесь, потому что мы – опасные **свидетели обвинения**... Лишь наши дети и внуки, не сомневаюсь, докапаются до правды и воздадут врагам России по заслугам, а нас ещё не раз вспомнят добрым словом...*

Принц Дагомей радостно носился по пустынной в эту пору **Друммонд стрит**, луна выплыла из-за явора величественная, как дыни на запорожском **Большом базаре** в августе, и медленно катилась по щедро усыпанному звёздами небу в сторону **Южного креста**. Пискнула, бесшумно пролетая, летучая мышь. Друзья молчали, погрузившись в глубины своих уставших от жизни душ...

«Мероприятия по переселению беженцев и перемещённых лиц в другие страны, — заявил А. А. Громыко 15 декабря 1946 года в ООН, — во-первых, создают условия, при которых военные преступники, квислинги, предатели легко укрываются от наказаний. Во-вторых, даже с чисто гуманной точки зрения нельзя считать правильным поощрение переселения в другие страны, поскольку такое переселение обрекает беженцев на безотрадное существование, вдали от родины, в условиях всякого рода дискриминации».

10.

Апрель 74-го оказался тёплым и солнечным. Прямо май, да и только. В субботу Семён собрался съездить в гости к Галке Хлопониной. Вот уже почти два года, как он в Москве, а виделись всего-то пару раз – сгоряча в июле 72-го и в начале 73-го на Рождество...

А на днях от неё пришло письмо на К-9, до востребования. Семён по двадцатилетней привычке раз в месяц заходил на Центральный телеграф и проверял почту. Письма от мамы и отца шли в основном туда. А тут ещё письмо и от Галки.

Здравствуй, Семён Станиславович!

Привет из Москвы с Плющихи!

Я переехала по обмену по новому адресу: 119121 Москва 2-й Тружеников пер. д. 4 кв. 52 Шаровой Г.Ф. т. 248-39-87. Пиши, звони! Заезжай, 5-й этаж с лифтом. 3 комнаты 46 метров с большим угловым балконом (19+11 и 16) и соседка с дочкой (16 и 11). Она стоит на очереди из комнаты 16 м (11 кв. м признана нежилой по акту). Кухня 7,5, но мы там едим и всё пока хорошо, наши кошки-собаки приняты хорошо, и даже соседи завели себе котенка. Телефоны в комнатах ("директор-секретарь"), подписку делаем на двоих пополам "Вокруг света", "Науку" и "Лит.газету". Пока ещё ни разу не поругались. Ванна и туалет с окнами, дом старый кирпичный, рядом с клубом "Каучук".

Единственно чего опасаясь, так это капремонта с выселением. До матери ходьбы 20 минут, езды 10 мин.

Напиши. Г. Жарова".

Понятно, что надо проведать. Так сказать, поддержать

морально.

Звонить Галке и предупреждать о том, что нагрянет в гости, Семён не стал. Во-первых, вполне может случиться, что в последний момент что-нибудь помешает визиту, а во-вторых, телефон у Галки на пару с соседкой и объясняться с незнакомой тёткой, если та первой схватит трубку, не хотелось. Конспирация, однако!..

Что Галка по субботам гарантированно дома, много раз объясняла она сама, потому что разгулявшийся диабет не позволяет ей по выходным куда-либо ходить. Ноги отекли настолько, что напоминают стволы старых бульварных лип...

В два часа, встретив Нату из школы, зашли домой, основательно пообедали борщом с сушёными белыми грибами и варениками с творогом. Уже давно стало обычаем, что на длинный выходной к ним в пятницу приезжала Любочка и, конечно, суббота и воскресенье превращались в пиры изголодавшихся за пять рабочих дней Наточки и Сенечки... Уж что-что, а вкусно готовить Любаня умеет!..

В тесном коридоре, провожая двоюродную сестрёнку с её замечательным отцом куда-то в гости, Любаша жарко поцеловала Сеньку в губы, а Нату целомудренно чмокнула в щёчку. И хотя расставались всего на несколько часов, Люба выглядела вконец расстроенной.

– Осторожно в метро! Не подходите близко к краю платформы!

Где Плющиха, Семён, к счастью знал. Поэтому не торопясь, доехали на метро до **“Смоленской”**. Выбравшись на свет божий, подались по Смоленскому бульвару и направо на Зубовскую улицу.

В небольшом гастрономе у сквера купили коробку шоколадных

конфет “Вдохновение” Бабаевской кондитерской фабрики. Галка их, помнится, любит. Не заходя в сквер, свернули с **Зубовской** направо и по проезду **Девичьего Поля** топали до самой **Плющихи**. И по ней опять направо, ну совсем немного, метров 50-60, там Плющиху перешли. И вот он, **1-й Тружеников переулок** и старенькая 6-ти этажка – дом 4. Всего-то и ходу – пара кэмэ!..

Чистенький четвёртый подъезд. Квартира 52. Старинный лифт не работает. Хорошо, что у Галки пятый, а не двадцать пятый этаж. Опытным альпинистам Семёну и Нате подняться – пара пустяков!..

Звонок. За дверью долгая подготовка, шорохи, вздохи. Глазка нет, поэтому допрос. Кто? Пароль – “Я, Сенька”. Щелчок замка и дверь нараспашку.

– Заходите! Не разувайтесь! Ну, тогда у нас вон тапочки. Нет, не эти, это соседкины. Вон те, Сень, с помпончиками! А для дочки сгодятся Машкины, розовые...

Я уже думала, что опять найдутся весомые аргументы, и никто не придёт...

Семён улыбнулся, протестующе замахав руками:

– Да как ты можешь такое наговаривать на старого товарища! Чтоб я, да чтобы не придти, если обещал...

Галка перевела разговор на детскую тему и польстила гостям:

– Ната так подросла! Сколько это мы не виделись? Года полтора определённо. Да и звонил ты за это время раз в полгода, если не реже...

Из соседней комнаты вышла Галкина дочка Маша – строгая, готовая в любой момент дать отпор братьям-оторвам третьеклассница в стиранном-перестиранном когда-то розовом байковом платье и в стареньких, возможно ещё маминых, стоптанных-перестоптанных босоножках с давно вышедшими из

моды даже в Советском Союзе хлястиками...

– *Привет!..* – Хмуро поздоровалась Маня с гостями. Дядю Сеню и Нату она помнила по прошлым визитам. – *Давайте я вам новые книжки покажу!..*

Галка всю сознательную жизнь, как и Сенька, собирала книги, и, по всему видно, была запойным книгоцелем. Понятно, что и дети её пошли в маму и читали-перечитывали великие произведения классиков разных стран и народов с утра до вечера, иной раз за счёт несделанной арифметики или географии, что не только не порицалось мамой, а даже поощрялось. Не знать, где там Килиманджаро, человеку простительно, а не прочитать “Ледяной дом” или “Последний Новик” какого-нибудь Лажечникова – непростительный позор.

Все стены в обеих комнатах были до потолка уставлены кустарными стеллажами с книгами. Остальная мебель выглядела в этом царстве почтенных книг инородными включениями ...

– *Посидите, посмотрите новинки нашей библиотеки, позавидуйте... Маня покажет, она у нас, вы же знаете, главный библиотекарь. А я пока вас покину и пойду блинчиками займусь.* – Галка передала пост Мане, тяжело подымаясь с колченогого, **вусмерть** исцарапанного кошками, стула и удаляясь в кухню.

– *Ну-ну, показывай, что у вас прибавилось?..* – Поднялся Семён, двинувшись к стеллажам. Ната, как верный папин хвостик, тотчас вскочила с диванчика, где гладила ангорскую кошку Ласку, и тоже подошла смотреть книги.

– *Вот, смотрите, дядя Сеня,* – раскудаhtалась Маня, вытаскивая книжку, – *мама вчера только достала. И всего за сорок копеек!..*

Она протянула небольшой томик Бруно Ясенского **Я жгу Париж**. Семён уважительно-осторожно взял книгу. Открыл. Курское книжное издательство, 1963-й год. Понятно, издано при

Никите. Тираж сто тысяч для огромного Союза, конечно, небольшой, но в нынешние запойно-застойные годочки вообще не до Ясенского.

Семён вспомнил, что у Ясенского был громкий роман **Человек меняет кожу**. Спросил: – *А у вас есть основной его роман “Человек...”?*

– *Само собой*, – ответила малышка Маня, тотчас потянувшись за новой книгой. Как оказалось, романа она по малолетству ещё не читала, но уверенно нашла его, что было нетрудно, потому что обе книжки Ясенского, разумеется, стояли на полке рядом...

– *Нет, Маня, поставь обратно. Я просто спросил, есть ли у вас ещё что Ясенского...*

Галка возникла из небытия и позвала книжников в тесноту наполненной гарью кухни:

– *Пока соседки нет дома и наши мужчины, Юрка и Ванька, тоже ещё не заявили, мы можем свободно посидеть у плиты и поесть по-человечески...*

Сизый смердючий туман от перекалённой сковородки довольно быстро утекал в раскрытое окно, а на столике стояла выщербленная десертная тарелка с горкой горячих блинов. Блины это не просто блины, а главное кулинарное оружие Хлопониной-Жаровой. От её блинов и травяного чая никому ещё не удавалось за последние двадцать лет отвертеться.

Да собственно, и отверчиваться не хотелось, потому что блины у Галины Фёдоровны всегда получались удивительно вкусными и быстро исчезающими, потому что всегда их оказывалось мало. Нет, чтобы испечь сто или двести блинов, а жалкие два десятка, конечно, никого насытить не могли...

К блинкам Галина достала из недр заклеенного этикетками, обшарпанного “Саратова” керамический жбанчик с остатками

сметаны. По случаю именитых гостей открыли даже баночку кизилового варенья и заварили травяной чай, что говорило о том, что Галка счастлива приходом дорогих гостей. Коробка “Вдохновения” оказалась очень и очень кстати. Галка, как диабетчица, честно боролась с искушением, но одну конфету всё-таки себе разрешила. Зато Маня оттянулась по полной и похозяйничала в коробке основательно. Семён с Натой воспитанно взяли по конфетке.

– *Маня, не хулигань, – остепеняла дочку Галка, – оставь братьям хоть по конфетке попробовать!..*

Семён обвёл взглядом кухню. В полузакрытую дверцу настенного шкафчика были видны разные – литровые и двухлитровые – банки для круп. Только самих круп в них было на донышках.

Значит, ничего в материальном плане у Галки не образумилось, семья по-прежнему перебивалась с кукурузной каши на макароны...

Вернулись в комнату. Разговор о книгах продолжился с новой силой.

– *Манечка, что ты успела показать дяде Сене?* – Спросила Галка.

– *Да мы ещё только начали смотреть... Вот, **Я жгу Париж...***

– *Ну это же дядя Сеня знает без нас, он ведь тоже болеет книгами. Давай покажем ему более существенное.*

*Вот, Сеня, пару недель тому удалось у одного старичка **на Соколе** выманить 12 томов забытого ныне Дмитрия Стахеева. И всего за 20 рэ, представляешь?.. Пришлось опять вымалывать у кассы взаимопомощи кредит...*

Сенька с волнением взял в руки старинный том в твёрдом

переплёт. **Спб.; М.; Товарищество М. О. Вольфа, 1902 – 1903...**

Том первый. **Духа не угашайте.** Роман...

– Да, Галь, везёт же тебе... Однако и я вот так лет пять тому назад отхватил на киевском **толчке** 12-ти томник *Мамина-Сибиряка*, правда, без 9-го тома, но это мелочи... Читал целый год. Настоящий **вадемекум** по дореволюционной России...

Да, Стахеев. Я ничего его не читал, но встречалось, что был он до революции очень известен. Заметь, я не прошу дать почитать, знаю, что не дашь, хоть тебя режь...

Галина махнула на Семёна рукой. Мол, ну тебя! Притворно или непритворно вздохнула. Сказала тихо, глядя в окно:

– Ты мог быть хозяином нашей библиотеки и всё здесь перечитать...

Семён начал злиться. Выходит, Галка всё ещё треплет нервы из-за него. Говорил же и писал тысячу раз – выбрось из головы ненужную лирику. У меня своя жизнь, у тебя – своя. И точка! Хорошо уже, что мы остались друзьями, что нам всегда есть о чём поговорить... Так нет, каждый раз сворачивает незаметно на сантименты...

– Галь, проехали! Я даже с теми 15-ю мешками книжек, что у меня в общаге в подсобке у комендантши пылятся, не знаю, что буду делать...

– Привези их к нам, сложим за диваном, утрясёмся как-нибудь...

Семён отвечал нехотя, пытаясь сменить тему.

– Ещё чего! Зачем я буду вашу тесноту усугублять своими узлами?.. Нет уж! Скоро мне обещают в *Топтунах* хорошую квартиру дать, так мы с *Натой* сразу туда и рванём. Начнём жизнь с чистого листа...

Галина Фёдоровна поняла, что зря подколола Семёна. Их

знакомству уже двадцать лет и оно, на удивление, всё ещё длится. Да и незавидная её нищая жизнь с вечно голодными детьми в центре Москвы во многом творение её собственных рук.

Начиналось вроде вполне благополучно и истинно по-советски. Папа служил в КГБ, мама – нач. финансового отдела в крупном всесоюзном НИИ. Сама она в 59-м окончила с красным дипломом Московский финансовый, распределилась в **Оссору**, на восточное побережье Камчатки, там была база стратегических подводных лодок под прикрытием задрипанного рыбозавода и такого же рыбколхоза. А Галину Фёдоровну, главбуха этой базы, **мареманы** носили буквально на руках.

И было бы элементарно просто выскочить за любого бравого **каперанга** и рожать ему ежегодно бэби, раз в два года летать в Ялту или Мисхор, а на обратном пути к маме-папе в Москву пролётом... То есть, была **перспективочка!**..

Но Сенька, даже с учётом его непоправимых неудач и фактически навсегда сломанной жизни, всё не выходил у неё из головы. И она сделала роковой выбор.

Использував своё право отчалить после отработки по направлению, она, не без помощи папы-гебульника, со скандалом вырвалась из Оссоры и, погостив в родной Москве у мамы с папой неделю, подалась в Запорожье, к Сеньке, надеясь осчастливить его своим теплом и заботой. Она знала из писем, что он разошёлся с Ниной и оказался на перепутье, неустроенный, злой и поэтому непредсказуемый...

Но ничего из этой экспедиции не вышло. Сенька принял Галку равнодушно, хотя познакомил с мамой, объяснил, что знает подругу с 54-го года, мол, хороший человек и умница. Даже

проночевала она всю неделю в 14-метровой коммуналке и почти подружилась с мамой Анной Николаевной и парализованной бабусей Петровной, но Сенька на ночь уходил к другу Сашке Гаманцу, а Галке приходилось делить диван с Анной Николаевной...

Надо ли пояснять, что уехала она тогда из негостеприимного Запорожья в ярости от несбывшегося плана осчастливливания Семёна.

Даже не писала ему пару лет. Но постепенно переписка возобновилась, и когда Семён бывал в Москве, то непременно заходил к Галке, останавливался у неё, тратил длинные вечера на обсуждение мировых и всесоюзных проблем, так что в сухом остатке оказалась их странная дружба без претензий на **трали-вали...**

Возвратясь в Москву, Галина не стала нервы трепать, а воспользовалась услугами подпольной свахи и женила на себе бестолкового хулигана с соседней улицы, как раз только вышедшего на свободу после двухлетней отсидки **по хулиганке** за неосторожную игру с ножичком. Она вознамерилась перевоспитать товарища хулигана, даже успела налупить троих детей, но он оказался очень целеустремлённым и неподдающимся бабскому влиянию. И, в конце-концов, сел на большой срок за уличный грабёж с мордобоем.

Пришлось как-то развязывать морской узел дурацкого брака. Спасибо, мужик оказался достаточно вменяемым и дал согласие на развод после первого же письма Галины... Впрочем, если бы даже и не дал согласия, то закон позволяет взять развод, если товарищ надолго отключился от семейной жизни и построения светлого будущего... Плюс выписать бывшего мужа с жилой площади позволяет...

И вот теперь у Галки размеренная жизнь в столице нашей родины. Работа – не бей лежачего – в бюро **НОТ** некоего дурацкого учреждения. Трудно придумать более смешное, чем **научная организация труда** в совковой шараге...

И чтобы завершить затянувшийся визит, Семён вспоминает, что Наточку завтра Люба повезёт в **“Пионер”** на Таганской площади, там у них большой выбор детской одежды и надо будет подобрать колготки, маечки и прочие трусики. Бабушка Аня прислала 50 рубликов, сэкономленных из пенсии, и ещё, как раз вовремя, Семёну досталась какая-то премия аж в 80 целковых, так что можно будет пошиковать...

Галка всплеснула руками в полном изумлении:

– Так что же вы молчите, милые? Значит, у вас уже и тётя завелась?.. А я голову ломаю, на ком тебя, Сень, подженить. Вот дура набитая!..

И кто же эта сказочная фея? Москвичка?.. Надеюсь, не в коммуналке прозябает?..

Семён покраснел, и ему стало так жарко, что пришлось расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки.

– Да нет, какая тётя, что ты придумываешь! Моя двоюродная племяншка пытается зацепиться в Москве. Попростому, по лимиту в “Главмосстрое”... Так она иногда по выходным помогает нам по жизни...

Между прочим, она Наташе тоже двоюродная сестра, и разница между ними всего семь лет...

Галка закивала, как китайский болванчик. Заулыбалась ядовито издавающимся **Вольтером**...

*– Ну да, разумеется, племянница! Я и не сомневаюсь... А какая **разница** между тобой и племянницей Любой?..*

Семён попытался соскочить с обсуждения его личной жизни, чего никогда не любил и старался избегать.

– Ну, что ты, прям... Ну, ладно!.. Она на двадцать лет моложе, но так кому от этого кисло? Хоть бы и на тридцать!..

Давай сменим пластинку! Когда ты найдёшь более престижную работу?..

Галка сняла осаду. Расстроено махнула рукой.

– Ничего я уже не найду. Кому я нужна, такая образина толстая?..

Гости молчали. Наконец Семён засобирался.

– Мы, наверное, потопаем, Галь. А то засиделись, как поляки в Кремле...

Галина Фёдоровна поняла, что гости устали, и поднялась с дивана.

– Устали? Я тоже, если честно, устала. Но это всё болячки проклятые. А так я ещё та спортсменка, могу даже в хлебный и обратно без пересадки слетать... Если бы вы, ребята, чаще заезжали в нашу берлогу, то не надо было бы за полгода все новости перелопачивать...Сделайте оргвыводы!..

11.

"24.05.74

Дорогой Сеня, Наталья, Любовь и вся Москва! Все Ваши письма получил, но не отвечал сразу. Виновато "завтра". Правда, персонально Любви ответить не мог, где-то "затерялся" её адрес. Девочкам особое спасибо, были больше чем замечательные почтовые марки и, как ни странно, но их сейчас у меня нет (я не филателист и марки не собираю), ибо подарил их для Miss Australia 1990.

Из новостей (которые Вы должны знать из печати) это 18.5.74 проходили выборы. Хотя ещё окончательные результаты не объявлены, но уже и так видно, что "выиграла" Рабочая партия, набрав 65 мест, оппозиция 59 и 3 ещё "борются". Второе, это уже в нашей области потоп. Предварительно предполагают материальные убытки \$2 млн. Третье: Это наступили холода, температура держится 7-15°С выше нуля, но по-нашему это уже настоящая зима.

Получил ли ты мою посылку? Да, кстати, скоро девочкам высылаю жевательную резинку. Я лично её терпеть не могу, даже тех, кто её употребляет, не люблю. Здесь она очень дешёвая, но пересылка (особенно авиом) может меня "угробить", что и является задержкой в отправке. Кроме того, мне уже не до того, надо ехать покупать, потом отсылать и т. д., а я в основном уже сижу дома "на прызьбе". Однако сделаю, только вопрос, когда? Да, посылаю фото с моего **Явора**. Садил его сам десять лет назад. Вырос он прямо страшно. В половину выше от двухэтажного дома, который я занимаю. В городе (включая Ботанический сад) такого высокого дерева нет. Многие приезжают смотреть (этот сорт здесь редкостный), а **сити консул** (горсовет) предложил, чтобы я его убрал (он корнями попортил тротуар в радиусе прим. 50 метров). Как же я его уберу? Вызывал одну фирму, так они запросили 150 долл. Тихий ужас! Также на фото можете полюбоваться моим собачкой "Принц Дагомей". Зовем просто Принц. Он любимец целой улицы и гроза кошек на километр в окружности. Он на год старше от Явора и щенком стоил мне 30 фунтов (60 долларов). У него швейцарская кровь, зарегистрирован во всяких ассоциациях, но очень хорош сторож дома и мне друг.

Ну я, кажется, "разболтался". Сворачиваюсь.

Пишите. Tato".

В пятницу, 31-го, Сербе позвонили из Топтунов и сообщили приятную новость – 29 мая на его имя подписан ордер на трёхкомнатную квартиру в 18-м комплексе Нового города, в доме 18/16 по будущему проспекту Первопроходцев ...

Серба тотчас прорвался к Антонову, с утра уединившемуся с Рабиновичем по вопросу размещения изготовления пресс-форм на сальники в Югославии. Если удастся пробить в Минавтопроме эту идею, то сие пахнет первыми загранкомандировками и самому Антонову, и даже, может быть, Рабиновичу...

Они, как голубки, сидели в своём фанерном закутке под альковым и обсуждали нюансы борьбы за выезд в свет. Конечно, Югославия – не Штаты и даже не Англия или Франция, но всё-таки и не соцстрана, а как-то ближе к тем, духовито загнивающим...

– *Ну чего тебе, Семён Станиславович?* – Вопросил Антонов, нехотя поднимая голову от стакана с давно остывшим чаем. – *Что за детский сад? Не можете самостоятельно организовать работу!.. Врываешься, не спросясь! Ну что ещё?..*

– *Да не насчёт работы я, Никифор Витальевич... А по личному вопросу...*

Антонов тотчас подобрел и приготовился слушать. Личное в нём, пусть даже и не своё, а личное подчинённых, всегда вызывало искренний интерес и желание решать положительно. Рабинович протирал лоскутком фланельки свои высокодиоптрийные окуляры, деликатно прервав разговор с шефом, и прислушивался к разговору.

– *Я это, квартиру получил в Топких Колтунах... Прошу разрешить мне убыть в Топтуны, так сказать по месту службы, потому что дочка у меня уже там, в чужой семье. Так что мне надо бы побыстрее домой...*

Антонов улыбнулся, растерянно посмотрел на Рабиновича, как

бы прося совета, отпускать Сербу из Московской дирекции или ещё поддержать годик.

Диамат Тевиевич упёр голову в кулак, подобно мраморному мыслителю, подумал секунду и изрёк мыслительный продукт головного мозга в количестве шести слов:

– *Отец не может воспитывать дочь дистанционно...*

Антонов согласно кивнул и изрёк приговор:

– *Беги к Бочонкиной, пусть наступит распоряжение, и завтра **арендованным** лети в Топтуны. Здесь мне и Клавдии Михайловны вполне хватит...*

На следующий день оказалось, что приспела срочная командировка на **Омский шинный**, так что Галка Бочонкина лишь развела руками, вручая Семёну вместо распоряжения о переводе в Топтуны, распоряжение о командировке на две недели в белогвардейский Омск.

А после возвращения Сербы из Омска вопрос о переводе как-то отодвинулся на второй план, хотя теперь ему удавалось довольно часто летать в Топтуны, и за пару таких поездок Семёну удалось оформить квартиру в 18-м комплексе Нового города на проспекте Первопроходцев.

И какое было счастье, пребывая в Топтунах, ночевать уже в своей, своей, своей квартире на третьем этаже с чудным видом на глубокий противотанковый ров будущего проспекта...

30 июля пришли прелестные письма от дочерей. Семён был на седьмом небе от отцовского счастья. В круговерти командировок и блёклых производственных будней мужчины часто забывают, что они отцы. То, что они сыновья, забывается ещё раньше, в первые подростковые годы, потому что надолго, до настоящей

взрослости, вытесняется первыми любовью и жизненными приключениями.

Семён не исключение, а скорее яркий пример этого слабо изученного человековедением явления. Пробежав небольшие листочки писем, он понял, что у него на данном промежутке жизненного кресса два главных сердечных интереса – Люба и дочки. И если письма от Любы приходят регулярно и им нередко получается ещё и свидеться в Москве, то письма, особенно от Ксени, бо-о-о-льшая редкость... А уж какая рассказчица Наталья, так обхохочешься!..

"Здравствуй, дорогой папочка!

Извини меня, что я так давно тебе не писала. Неохота было. У меня во рту язва. Нужно полоскать содой. И кушать мед. Мы с Ксеньей и бабушкой поедem в Разумовку. Там отдыхает Лена с Надеждой Борисовной и мамой. Мы там будем купаться и ходить в лес. Мы будем ехать туда утром, а уезжать оттуда будем вечером. Говорят, там неопиcуемая местность. Ходили к врачу. Анализы - кал, моча и кровь нормальные. Красные пятна, которые выступают во время купания, очень легко объясняются. Раздражение воды: на коже выступают пятна. За сердце: врач сказала не волноваться и не нервничать. Ездили в Борисовку. Слух хороший. Носом дышу хорошо. Особенно левой частью. Гландов и полип нет. Миндалины маленькие. За хомяка напишет Ксения.

Целую крепко-прекрепко, твоя дочь Наташа, 23/VII-74 г.

Хорошо живетcя на свете Нате".

"Здравствуй, дорогой папочка!

Мы с Наткой живем отлично. Мы скоро поедem в Разумовку. Мы поедem с баушкой Аней и с Натой. Я хочу в Москву. Мы с

Натой. Всё нормально. Сегодня мы будем печь пироги с вишнями. На 12 часов идём в кино. Называется: "Я подожду, пока ты убьешь". Когда мы пришли на Космос, мальчишки поймали одного белого хомячка. А у бабушки Ани был рыжий хомяк. Мы их соединили.

Писала Ксенечка. 23/VII-74 г."

Первое за два года и вообще первое в жизни письмецо от Ксени. Главное в нём – «дорогой папочка!»

Впрочем, и следующая неделя оказалась урожайной на письма. За отцом не заржавело. Порадовал замечательным письмом. Вообще, все письма отца – хоть на выставку эпистолярного жанра. Семён их, как и Любины, бережно складывает в надёжное место и часто перечитывает. Вот и на этот раз у отца хватило терпения и на анализ внутриполитического положения Австралии, и на новости о покупке дома, и на житейские хныканья по поводу неясной судьбы посылки...

11.

"13.07.74

Дорогой Сеня! Сегодня получил от тебя одновременно два письма. Причина - у нас была пару недель забастовка почтовых работников и почтовые беспорядки. Уже беспокоился. Очень рад, что у тебя урегулировался квартирный вопрос. Как тебе, наверное, уже известно, у нас уже около двух лет у власти правительство Рабочей партии. Конечно, 49% населения недоволено (на выборах за Рабочую партию голосовало около 51%) и всячески делают препятствия к нормальной жизни страны. Очень много забастовок во всех без исключения

отраслях. Пошла страшная дороговизна. Правда, зарплата за эти два года поднялась почти вдвое, но за дороговизной она не угонится, а потому реальная зарплата не достигла своего уровня. Не подумай, я не занимаюсь политическим разбором, а только делаю вступление к тому, что буду писать дальше. Сбережения, трудовые сбережения обесценились, страшно, небывалая ещё в истории Австралии инфляция. Бумажные деньги обесценились (а золотые - нет) почти наполовину. У меня были кое-какие сбережения, хотя и скромные, и они катастрофически обесценились. Чтобы спасти хотя бы половину своих сбережений, я купил себе дом особняк. Дом одноэтажный из красного кирпича, хороший, большой участок и в хорошем месте. Всего 7 миль = 11 кил. от центра города. Сбережений было только на 1/4 стоимости, а платить следовало наличными, дом продавался по случаю. Так я принял "компаньона" старшего внука, который тоже имел сбережения на 1/4 стоимости. На недостающую половину стоимости взяли ссуду на 4 года по 8,5% . Теперь оказалась другая проблема. В доме оказалось некому жить. Я не могу уйти с Drummond st., ибо в этом доме я имею доход примерно столько, как и пенсии, да и самому там страшно жить. Внук не может тоже, он служит в столице Австралии Канберра 600 миль от Мельбурна, а служба хорошая, не хочет бросать. "Турист" живет у тёщи, имеет Fiat и не хочет срываться. Крутились, вертелись и сдали дом в аренду на 2 года. Арендной платой будет платиться проценты за ссуду и всякие налоги, а мы должны собирать сбережения на покрытие ссуды. Мне-то по существу дом и ненужный, а просто чтобы спасти сбережения.

Да. Ната пишет, что папа посылку не получил. О какой идет речь? Если ты не получил ту, что я посылал к дню рождения 18-

го января 1974 за № 2234, то срочно напиши, она застрахована и я подам в розыск, квитанция сохранилась.

Пиши. Tato.

Почему не пишешь о Любе? Был ли ты на похоронах Феофана Клименко?”

Семён ещё раз перечитал письмо отца и улыбнулся. “Почему не пишешь о Любе?”

А может быть, и вправду написать, что они, Семён и Люба, решили пожениться? Ведь всё равно рано или поздно эта военная тайна станет известна и в Лозовой, и в Запорожье. Так почему бы ей и не раскрыться вначале для отца и для остальной Австралии? Разве он не узнает об этом событии от мамы Ани?.. Хотя для того, чтобы отец узнал об их с Любой шашнях, надо вначале всё рассказать маме Ане. А об этом просто страшно подумать!..

Он отложил отцово письмо и расслабленно прикрыл глаза, погружаясь в приятные воспоминания о последней встрече с Любой на прошлой неделе.

17 июля у неё был день рождения. 19 годков. Но дата выпадала на среду, в разгар рабочей недели, поэтому ещё в июне было решено отметить славное событие 20-го, в субботу.

Всё получилось, как обычно. Даже более закручено. Семён прилетел в Москву в четверг 18-го из Балакова и первым делом прямо из Быково помчался в общагу на **Красных Командиров** застолбить однокомнатный “люкс”, но Тамара Андреевна в этот раз сплеховала. Смогла его поселить только в **трёхкомнатной**, да и то не одного в комнате, а с соседом... Клялась, что не может выделить комнату, потому что огромный заезд каких-то наладчиков из Краматорска ещё надо пережить, они улетят в

Топтуны не раньше понедельника...

Семён был готов расплакаться, но пришлось приспособливаться под обстоятельства. Он поехал на Каширскую встречать Любу с работы и едва не проворонил её, когда она выбежала из вестибюля, рванув к автобусной остановке.

– *Любчик, не спеши, я уже прилетел...* – Кинулся Семён к девчонке.

– *Сенечка, какой ты молодец, привет!* – Люба бросилась ему на шею. – *А я тебя завтра жду!..*

– *Милая, с Днём рождения тебя! Не забыл я, как же... Вот... тебе... аванс...* – Он вынул из своего вечного разъездного, когда-то жёлтого портфеля коробку конфет и преподнёс Любаше.

– *Спасибо! Не забыл, солнышко!.. А мы с девчонками шампанским отметили!..*

Семён целовал и целовал милое личико. Да так, что народ начал оборачиваться. Одна старуха нагло уставилась на них, для устойчивости расставив ноги и уперев руки в бока. Для большего педагогического эффекта она даже осуждающе покачивала головой. Мол, бесстыдники эдакие!..

– *Сенечка, всё, отпусти! Народ нас побьёт!..* – Умоляла Люба, однако, не отстраняясь от Семёна. От неё, как всегда, восхитительно пахло молодостью и любовью. Этот запах сводил его с ума.

– *Не знаю, что и делать,* – расстроено доложил Семён, продолжая обнимать Любочку. – *Подвела Тамара Андреевна и не дала в этот раз комнату. Говорит, заезд большой... Как же нам теперь?..*

– *А вот и проверим нашу любовь на прочность,* – вымученно улыбнулась Люба, освобождаясь от его нетерпеливой руки. – *Ты поедешь в свою общагу, а я в свою... И когда ты теперь появишься?..*

Постановили, что завтра Семён займётся отцовым переводом, а Люба встретится с ним здесь же **на Каширке** в такое же время после работы... Может, что и прояснится к тому времени...

В пятницу Серба потратил день на отоваривание в **Берёзке** сертификатов **Внешпосылторга**. Недавний перевод от отца принёс почти полторы сотни валютных рублей, так что можно было немного прибарахлиться.

На такую сумму, конечно, сильно не разгонишься, но всё-таки получилось приобрести кое-что. Себе Семён купил славный тёмно-синий клубный пиджак-блейзер с отпадными металлическими пуговицами, Любе летние чехословацкие туфли, Нате – шерстяную кофточку.

И ещё не удержался, выбросил последние 28 рублей на радиоприёмник. Японский. **Silver**. Берёт с 13 метров! Что значительно улучшает приём “Голоса Америки”, “Немецкой волны”, БиБиСи и “Свободы” – ценных источников информации о положении в мире. Советская власть что только не делала, чтобы успешно глушить вражеские голоса. Все радиоприёмники выпускались в СССР с 50-х годов, лишь начиная с 25-метрового диапазона, что облегчало глушение. А на диапазонах 16, 13 и 9 метров глушилки малоэффективны...

Когда Семён занял позицию в условленном месте у тележки с мороженым, двери вестибюля метро уже не закрывались, потому что повалил народ, возвращающийся с работы. И вот – бегущая Любочка!.. Привет!..

Наступал вечер, и пара гнедых не смогла терпеть до следующего утра. Они скрылись в густых кустах ближайшего сквера и приземлились на лавочку, давным-давно запрятанную в

гуще ветвей сирени и чубушника такими же влюблёнными, у кого не получалось с крышей над головой.

В жадных объятиях и поцелуях пробежало полчаса, на которые можно было рассчитывать, потому что если загуляешь, то уйдёт последний автобус в Бирюлёво, и тогда надо будет куковать до утра...

Договорились, что завтра часов в десять утра Семён приедет сюда, на остановку бирюлёвских автобусов и будет ждать Любу. Она приедет за ним, как только сможет проснуться и сделать самые необходимые женские дела, обычно откладываемые на выходные – замочить бельё, что-то подшить, что-то погладить, приготовить чего-нибудь вкусенького...

– Вот мой автобус, Сенечка. До завтра, миленький, солнышко моё!..

Неизвестно, как Люба, но Семён практически не спал всю ночь, ворочаясь и в сотый раз обдумывая свои отношения с Любочкой.

Выходило, что надо немедленно жениться, потому что в Москве соблазнов миллион и таких умников, как Семён, тоже хватает. Уведут девку – ищи-свищи!..

Так или иначе, но суббота наступила строго по календарю и погода не подвела. Профильтровав не менее часа народ, вываливающийся из бирюлёвских автобусов у **Каширской**, Семён радостно облапил свою ненаглядную.

– Привет, Сень, а я так боялась, что ты не выдержишь и улетишь... Прости, но раньше никак не получалось, то уютю занят, то прищепки Верунчик забыла, куда положила...

А что у тебя здесь, в авоське?.. Опять кучу денег потратил?.. А это тот приёмник, о котором ты мечтал?.. Послушаем на природе...

Айда, вот наш разворачивается под посадку!..

Ехать было недолго, с полчаса, да ещё и сидеть вместе получилось, потому что по утрам автобусы от Каширки в Бирюлёво ходят полупустыми.

Вот окончились поля, перелески, неказистые сельские домики и началась стройка – котлованы под дома, сами новенькие дома, краны, панелевозы, бульдозеры, горы грунта, щитовых строительных панелей, труб и стройматериалов. Автобус остановился у нового дома. Через улицу виднелось ещё одно новенькое здание, похожее на кинотеатр. По фронтому уже успели кинуть надпись – “Керчь”.

– Ура! Остановка – “Кинотеатр Керчь”!..– Обрадовалась Люба. – Следующая – моя! Дом 32...

Приехали. Вышли из автобуса, укатившего дальше. Напротив остановки – новый магазин “Продукты”.

А на этой стороне улицы, прямо у остановки, – Любина обитель. Дом как дом. Длиннющая панельная бело-голубая девятиэтажка, стоящая перпендикулярно к улице, ещё сохраняла приметы недавно сданного объекта. Асфальт дорожек и проездов не успел потерять первоначальную синеву и упругость. Озеленение в виде худосочных саженцев деревьев и парочки простых клумб ещё не вытоптанно и не изломано.

Семён попытался представить, как мощно разрастутся лет через тридцать-сорок зелёные прутики-карандашики, привязанные шпагатом к толстым деревянным кольям, такие беззащитные, с первыми худосочными листочками, если уцелеют под напором безжалостной цивилизации.

– Вон моё окно, смотри, – заворковала Любаня, подведя Семёна к первому подъезду. – Справа на втором этаже первое окно. Это наша с Таней комната...

В соседнем окне показались две девчачьи мордахи. Одна

косастая, а другая – в крупных пластмассовых жёлтых бигудях. И скрылись, увидев, что Семён их заметил.

– Верунчик и Танька... Трусихи ещё те!.. – Засмеялась Люба. – Но я тебя не могу пригласить в дом. Хотя и хочется. Сегодня дежурит тётя Женя, а она старая партизанка и сразу заложит коменданту...

Жди меня вот на этой скамеечке. Я только возьму кое-что и выйду. И сразу пойдём гулять. Позагорает, день хороший...

И в самом деле, Любаня вернулась через несколько минут. Успела переодеться в славный ситцевый сарафан, – белые шарики на красном фоне. В сумке, сшитой из мешковины, сало, варёные яйца, трёхлитровая банка с варениками, термос с чаем, вилки, нож, полотенце, какое-то пёстрое покрывало бросить на траву – хорошее дополнение к авоське Семёна, где теснились бутылки с коньячком, лимонадом, колбаса, сыр, кулёк с “Белочкой” и “Мишками в лесу”... Ну, и, понятно, главная гордость Семёна – японский приёмник “Сильвер”...

Как и договаривались, пошли за дома, в луга и мелколесье, не тронутые бульдозерами. Народу, кто тоже вышел позагорать, было мало, так что уютных мест под гостеприимными кустами было навалом.

Долго выбирать не стали, потому что везде, куда ни посмотри, была и желанная тень, и хотя бы символическая прохлада... А уж загорать – так хоть до черноты негра или до желтизны китайца!.. Главное расположиться так, чтобы соседи оказались подальше. С этим не было проблемы, потому что занято всего с десяток кустов на всю местность, и ближайшие соседи не могли даже разобрать слова разговора. И это хорошо...

Когда устроились на выбранном месте и разделись, Семён уставился на Любу, словно увидел первый раз. Скромный

купальничек-двойка из синего сатина уже был маловат, хозяйка явно из него выросла, и девичье тело рвалось из плена на волю самым наглым образом.

– Любаня, я за себя не отвечаю!.. – Застонал Семён, не сводя глаз с Любиных прелестей и готовясь наступать и побеждать.

– Ха-ха-ха-а!.. Не сломай глаза и охлади мысли, Сенечка, сегодня мы культурно отдыхаем – загораем, общаемся, строим планы на будущее. И всё, и всё. Потому что вон там через три куста наши девчонки загорают... Не будем же мы кидаться друг на друга при людях?.. Ты согласен?..

– О свидетелях я и не подумал... Как много людей развелось на земном шаре, всё труднее прятаться от глаз общественности...

Ну, ладно. Ласточка, я всё равно тебя люблю, даже в таких нечеловеческих условиях. Давай выпьем по маленькой за чистую пионерскую дружбу. Не против?..

Так они и загорали целый день, закусывая, болтая, иногда убегая в дальние кусты, смеялись, строя планы на ближайшие шестьдесят лет.

– Тебе тогда будет под восемьдесят лет, а мне – под сто...
– Рассуждал Семён. – На земном шаре установится коммунизм, и нам не надо будет тратиться на гонку вооружений и кормить всё прогрессивное человечество.

А наши дети и внуки, загораая на этом мелколесье, вообще не будут задумываться о том, чем мы не можем заняться сегодня из-за твоих подруг через три куста – тогда вообще все кусты будут заняты и придётся загорать, читая “Правду” или играя в шашки...

И лишь когда усталое солнце осторожно коснулось кромки дальнего леса, а народу на выгоне заметно поубавилось, можно сказать, никого не осталось, Семён набросился на разомлевшую

от жары Любу голодным волком...

12.

Позавчера утром Семён неожиданно сумел прилететь в Москву из Балакова и в шесть вечера появился в топазовской гостиничке на Красных Командиров забить место. Там его ждала записка от Любани, из которой стало ясно, что она вечером в десять улетает в Лозовую через Харьков с Домодедова и просит Сенечку не волноваться, а готовиться приехать погостить на Харьковщину.

Он взглянул на часы – *Успею!*

Бросил на кровать вещи и помчался на электричку в Домодедово, надеясь успеть к отправлению Любиного самолета. И нашёл любимую девчонку в очереди на посадку. Радости её и его не было предела. Но на всё про всё им удалось выкроить пять минут на ногах, медленно продвигаясь в составе очереди к проверочной рамке и посту контроля, и не было даже возможности толком поговорить, не то что приласкать друг друга... Им казалось, что рентгены сотен непрошенно-любопытных глаз просвечивают их насквозь, раздевают и бесцеремонно лапают, а локаторы чужих ушей нахально ловят каждое слово.

...Скромный поспешный поцелуй, и любимая уже за рамкой, в другом мире, приговорённая к полёту. Она не может даже ответить хотя бы взмахом ладони на трепыхания тянущихся к ней пальцев и непрерывные вставания любимого на цыпочки, потому что обе руки заняты поклажей. Ей остаётся последнее – обернуться на миг в толпе, неумолимо прущей её в накопитель, улыбнуться и послать последний прощальный поцелуй губами...

Улетела!... И теперь ещё две недели ожидания и тоски...

– *Производится посадка на рейс 3115 “Домодедово”* –

Харьков"... – доложил скрипучий голос откуда-то сверху, из небесной канцелярии, и Семён медленно побрёл к выходу на площадь перед аэровокзалом. Купив в киоске "Вечернюю Москву", он направился к перрону электрички.

А уже через несколько дней пришло долгожданное письмо из Лозовой от Любани.

"Здравствуй, дорогая моя лапулечка!

Долетела я хорошо и всю дорогу чуть не редела. Всего минуту мы с тобой виделись. Очень обидно, ну ничего. Я уже немного успокоилась.

Встречали меня папа и братик Серёжа. Добирались домой на такси. Дома всё в порядке. Серёжу только выписали. Чувствует себя хорошо. Думаем ехать на море. Поедем на неделю или дней на 10. Но это ещё не точно. Может, останемся дома. В Москву думаю ехать 10 августа. Так что ты приезжай после 6 августа. Приезжай обязательно, любыми путями.

Ну, что тебе ещё, родненький, написать?

Жара здесь стоит ужасная, дождей давно не было. Фруктов и овощей много. В данный момент собираемся идти к бабушке рвать крыжовник.

Очень за тобой скучаю.

Целую тебя тысячу раз и столько же обнимаю.

Люба.

P.S. Привет от всех родных".

Семён перечитал его несколько раз. Так было сладостно на душе, и тоска по любимой девчонке так терзала сердце, что хотелось сорваться с работы и мчаться в Лозовую на крыльях

Аэрофлота.

Но нет! Надо терпеть и ждать не одну неделю, когда золотишко вернётся в Москву, и тогда наступит праздник...

Письмо пришло уже на Топский почтамт, потому что Семён после получения квартиры начал переводить свою переписку на Топтуны.

Квартира уже оформлена и ордер на руках. Семён даже успел заселиться.

Хотелось побыстрее обжить хату, справить новоселье, позвать на праздник Любу...

После работы, добравшись до дома на проспекте Первопроходцев, Семён добрый час расхаживал по пустой ещё квартире, прикидывая, куда что он поставит, когда придёт контейнер из Москвы с барахлом и кое-какой мебелью.

Новости, что Серба отхватил **трёхкомнатную**, взволновали Управление основательно. Конечно, если быть точным, то оживилась лишь женская часть Управления. Буквально за пару недель, с помощью Инги Изотовны удалось достать холодильник "ЗИЛ". Это настоящее счастье привалило Семёну, потому как "ЗИЛы" даже не в каждой московской кухне стоят.

В трудовые коллективы столицы через профкомы приходят изредка талоны на покупку чуда советской промышленности. И профкомы, понятно, с учётом мнения секретарей парткомов, одаривают ими передовиков производства.

Серба не был ни заслуженным токарем на **Москвиче**, ни хотя бы сантехником в каком-нибудь задрипанном **ДЭЗе** в **Черёмушках**. А ведь отхватил!

Инга Изотовна куда-то позвонила, с кем-то встретилась. Типа, одноклассник **ейный**. Объяснила, что мужик совершает подвиг,

воспитывает маленькую доченьку, правильный и к тому же готовит к запуску ТопАЗ...

У Ингиного друга что-то где-то дрогнуло, и он отстегнул от талонов своего профкома один, – для образцового отца-одиночки...

По такому случаю вызвали Семёна из Топтунов в Москву в командировку. Торжественно вручили драгоценный талон. Семён в припадке благодарности расцеловал не только Ингу Изотовну, но и Клавдию Михайловну, и Людмилу Германовну, и даже случайно пробежавшую мимо Галку Бочонкину. Впрочем, если подумать, то именно Бочонкина была главным стержнем события, так как именно она позвала к телефону Ингу Изотовну в тот момент, когда ей звякнул друг насчёт талона. Не позвала бы, так, может, и не выгорело бы ничего с талоном в тот раз или вообще как-то бы вопрос замялся...

Страсти по холодильнику на этом не закончились. Когда Семён побежал на следующий день в ближайший к Дирекции **хозмаг**, оказалось, что иметь талон – полдела. Счастливых обладателей талонов записывают в амбарную книгу с указанием фио, номера паспорта, адреса, рабочего или домашнего телефона и сообщают номер записи. От талонодержателя требуется набраться терпения и ждать через полгода звонка или открытки из хозмага. Когда позвонят или придёт открытка, то мчаться с машиной, платить в кассу и грузить сокровище...

Но жалилась Инга Изотовна, ещё раз кому-то позвонила и в понедельник съездила якобы в Минавтопром, а в реале привезла остолбеневшему Семёну открытку из того самого ближайшего хозмага – *Гр. Серб, Ваша очередь на приобретение холодильника "ЗИЛ" истекла. За получением товара явитесь 12 августа ...74 г. с паспортом и настоящей открыткой. Зав. секцией Товаров длительного пользования Г. Климова...*

Но не только Инга Изотовна тратила нервы и драгоценное рабочее время, чтобы обустроить Сенькин дворец в Топтунах. И милейшая Грета Захаровна, старший инженер технического отдела московского штата Управления смежных производств, очень прониклась новосельем героического отца-одиночки и предложила ему, отведя в сторонку, так, чтобы никто не слышал, купить у неё старинную пятирожковую бронзовую люстру, доставшуюся ей в наследство от бабушки-дворянки...

– *Я вам, Семён Станиславович, как образцовому отцу, воспитывающему девочку, продам очень дёшево, хотя на самом деле ей цены нет!..*

Предвечернее солнце последний раз заглянуло в окно, бросив золотые блики на чистый, как парта у отличницы, стол Греты Захаровны. Единственная бумажка, пролежавшая на столе специалиста по агрегатам весь рабочий день, – график отпусков по Московской дирекции на 1974 год...

Другой луч игриво запетлял по затейливо завитым тёмно-русым волосам молодящейся пятидесятилетней дамы и спрыгнул на элегантные очки в золотой оправе. Она принципиально не красилась, как некоторые вертихвостки, и поэтому лучик успел предательски высветить несколько седых прядей...

– *Так и быть, – мило улыбнулась тремя золотыми коронками агрегатчица, – только вам отдам за четыре с половиной!..*

Когда Семён узнал цену раритета, то едва не упал в обморок, что для мужчин дело последнее...

– *Но это же цена **Жигулёнка!*** – Поразился начальник всея резины.

– *Да, Семён Станиславович! Моя люстра – дорогой раритет, редкая художественная вещь. Мне за неё и шесть тысяч предлагали, но надо было проводить через антикварный*

магазин, что подразумевает регистрацию вещи. А это не исключает и возможную утечку в криминал, и вообще, такие деньги показывать широкой публике в моём кругу не принято...

Семён удивился тому, какие цены бывают на повседневную бытовую вещь, и ответил, не раздумывая:

– Грета Захаровна! Вы, наверное, шутите. Откуда у меня такие деньги?.. Да и вообще, зачем в глубинке, на Урале, такая люстра? Мне бы хорошую трёхрожковую пластмассовую, рублей за 25-30...

Грета Захаровна расстроено погасила дежурную московскую улыбку и задумалась над тем, как достойно выйти из неловкой ситуации.

– А какая у Вас в квартире высота потолков, Семён Станиславович? – Поинтересовалась дама.

– Ка-а-жется, два шестьдесят пять, – пробормотал Семён.

– Ах, вот как! Что же я Вас сразу не спросила. У меня – три пятьдесят. А на такой высоте, как у Вас в квартире, настоящая люстра смотреться не будет. Да и как ходить, разве что в каске пожарного... Извините, я об этом не подумала...

Контейнер Семён отправил с помощью Виктора Ляха неделю назад, и ожидать его надо не меньше месяца. Но так неймётся хотя бы мысленно обставить свой дом, перевезти маму, создать условия Наточке, пригласить на новоселье Любашу, а может и уговорить её решиться, наконец, выйти замуж. Надоел до чёртиков этот долбанный гражданский брак. Хочется, ужас как хочется пожить по-человечески...

25 августа 1974 года

Письма от мамы:

"Дорогие мои дети!

Посылаю Вам второе письмо и вчера получила от вас три письма, очень рада, что у Вас пока всё хорошо, только очень волнуюсь, что Наточка плачет, что за причина, почему маленькая плачет? Напишите об этом подробно. Жду. Сегодня, 19/VIII, отправила Вам маленькую посылку, там лежат следующие вещи: 10 штук больших яблок, 6 шт. груш, 2 банки "голубцы с мясом", дыня, 2 перца, большая головка чеснока, плитка шоколада "люкс" и кило варенья абрикосового в целлофане, его нужно переложить в чистую литровую сухую банку и, если оно дошло, то я вышлю ещё, у меня есть 10 банок разного варенья – напишите всё подробно, в каком состоянии, потом я буду слать сушку. Неделю целую болела, что-то с желудком. Сейчас там немного отпустило, зато на глаза застилает пелена, просто ничего не видно, - придется сходить к врачу. Каждый день хожу, клею объявления, а 23/8 будет в газете объявление, и пока никаких сдвигов, видела директора школы, приглашает на работу с 1/9, так, наверное, я пойду и 2 месяца поработаю, чтобы было с чем приехать, - такие большие расходы, что всё тратится.

Была у Над. Вас., и договорились, что она даст мне 300 р., а я ей оставляю доверенность на получение пенсии, и таким образом отдадим Фиксановым, так им и передай, - пусть не беспокоятся. Как я приеду, сразу они и получают полностью, хорошо?

Если я не найду разменщиков и обменщиков до 1/XI, то я беру билет и еду к Вам на 5 месяцев – хорошо?

*Пишите Ваши предложения, а если будет обменщик от тебя, то к нему необходимо дать мне письмо Викт. Як. к **тому** из*

райкома, кто крепко действует, это нужно будет – вот пока все мои новости. Получите посылку – сразу подробно напишите. Шли адрес, куда направить подписку "Всемирной литературы". Купили Наточке обруч? А если нет, то сразу же купите, хорошо?

Как подготовка в школу? Наверное, там ещё не кончили? Как с формой? Я в следующую посылку вложу форму ту, что мне дала Клименко.

Напиши, кого принимают на ТопАЗ, может, приедет её зять.

Как у тебя с обменщиком? Это так быстро не находится. Это нужно иметь адское терпение, а у меня его просто нет (вернее, уже нет времени искать).

Что тебе написал Ст. Ст.? То, что и мне? Так я думаю, что нужно просто с ним прекратить всякую переписку. Если я ему писала за деньги – перевод тебе, так он ответил за пшеницу и всякую чушь. Мой совет – порвать с ним переписку, просто не ответить и ладно.

*А письмо Викт. Як. к **тому человеку** пришлешь мне по почте – до востребования.*

Хорошо понял?

Жду подробного письма.

Целую крепко-крепко.

Хожу на базар систематически, ищу морскую свинку.

М. и Б. 19/8"

30 августа 1974 года

Письмо от мамы:

"Дорогие мои дети!

Посылаю Вам третье письмо, а от Вас пока было одно, в

предыдущем письме я сообщала Вам, что 18/8 послала посылку, а также послала 23/8 посылку, сообщите мне, как дошла первая, а во второй я послала только сушку 5 кг, поставьте ее на балкон, только укройте так, чтобы пыль не набилась в сушку – хорошо? Жду рекламации по первой посылке. Посолила синие баклажаны, только не знаю, как их переслать, выдержат ли целлофановые мешки?

Звонила на улицу Сытова, пригласили меня к дому 30/8, так что придётся пойти послушать, какие там новости, потом напишу... А пока что, Наточка, нужно быть дипломатом, таким, как наш генеральный секретарь Л. И. Б., нужно передавать привет и дедушке и бабушке на Сытова. Поняла? Ты же письмо туда писала, а привет им не передала, почему? Нужно будет это учесть. Ксеничка приедет в Запорожье в конце сентября, а бабушка с дедушкой пришлют тебе посылку с яблоками. Все фрукты надо мыть. Напишите, дошло хоть что-нибудь в посылке?

Пока на мои объявления никого нет разменщиков. А как у тебя с обменщиком? Есть хоть кто-нибудь или все они в проекте? Я наметила приехать к Вам, вернее, выехать из Запорожья 20/X, так чтобы успеть на день рождения Наточки. Буду весь сентябрь искать и почти октябрь. А вообще я сильно устала – настроение **паганини**. И так мало осталось жить, а так долго нужно искать и будет ли толк – наверное, придется всё время так ездить, а что поделаешь?

Жду писем, целую крепко-крепко, М и Б"

"23 октября 1974 года, 24.00

Здравствуй, дорогой!

С нетерпением ожидала твоего письма и вот, наконец, оно прочитано. Да, тот памятный июльский день, проведённый с

тобой, дал крупный поворот в моей жизни. Моя любовь к тебе стала ещё сильнее. Я каждую свободную минуту думаю о тебе и о нашей жизни. Да, сообщу тебе большую новость. Не знаю, обрадует она тебя или немного огорчит. Чего я боялась, то и случилось. Я беременна. Все признаки налицо.

Не знаю, к худшему или лучшему, но дети всегда были радостью в жизни. Ты знаешь, мне так хочется иметь от тебя ребенка, но я боюсь. Что может получиться так, как и в первый раз. Сейчас тем более работа у нас трудная пошла. Строим магазин. Везде кирпичная кладка, устаю ужасно. Но мне, конечно, наплевать, если бы не ребенок. Хочется его сохранить. На днях схожу в больницу. Всё поточнее узнаю. Домой напишу немного позже.

Недавно ко мне приезжал братик Серёжа и снова неожиданно. Провожал какую-то девочку на поезд, она сама побоялась ехать, плачет, вот ему и пришлось сделать этот рыцарский поступок. Не знаю, как там мама всё пережила. Вчера он уехал. Был у меня целую неделю. Маме я напишу письмо на этой неделе. Ей сейчас Серёжку нужно устраивать в техникум, делает ремонт у себя и у бабушек, да ещё и моя будет новость. Мне кажется, она согласилась бы, если бы не возраст. Это будет единственным препятствием.

Твоё письмо меня почему-то немного огорчило. Мне кажется, ты не вполне уверен, что мы будем вместе. Но ты ведь так этого хотел и, наверное, не ожидал, что я приму такое решение. Да, и потом с финансами нам трудно придется. Ведь мне придется почти 2 года не работать. В общем, одни проблемы, и всем им положил начало замечательный памятный день – 20 июля...

Почему-то письма мои к тебе идут очень долго. Да и твои 3-4 дня идут. Буду писать тебе почаще, но ты мне тоже.

Ну вот, кажется, и все. Писала письмо вчера и вдруг погас свет. Пришлось дописывать сегодня. Ещё один день задержки.

Очень хочу тебя видеть, так за тобой скучаю. И настроение, конечно, не из лучших. Целую ... количество раз. Люба".

13.

Пришла телеграмма от мамы – 14 октября, ровно неделю тому, умерла бабушка Ефросинья Петровна. Прожила 88 лет и 10 дней. Из них 16 лет промучилась парализованной после удара. И промучила маму Аню соответственно.

Бабушка слегла в 58-м, когда в марте умер Калистрат Гордеевич, второй муж бабы Фроси. У Семёна тогда как раз были великие разборки с армией, и его перевоспитывали в Серпах...

За деда Калистрата бабушка выскочила в 32-м, во время Голодомора. И хотя она к тому времени уже лет пять обреталась в Александровске и даже последние года зацепилась за станционный буфет на **Екатеринке**, как горожане продолжали старорежимно называть вокзал Запорожье-II, но чувствовать себя уверенно, когда вымирали целые сёла и даже местности, не могла. А ведь ещё как-то надо бы поддерживать дочку Аню. Та всё не выходит замуж, хотя и собой хороша, и умна, и бухгалтерское дело изучила, и вроде вполне должна бы себе неплохо жизнь устроить...

При всей трагичности бабушкиной судьбы после инсульта, она сохранила до последнего часа реальный взгляд на мир и любопытство, интерес ко всему, что шумело и резвилось за окном, вопреки её жуткой жизни. И все 16 лет своей прикованности к дивану и позорному стулу с дыркой в сиденье – читала книги.

Перечитала, наверное, всю немалую семейную библиотеку Нины Григорьевны, библиотеку, воспитавшую её внука Сеньку, а после отъезда Н. Г. в 1970 году в Киев мама Аня клянчила для неё **что-нибудь подушевнее** у всех своих знакомых... Когда бабушка умерла, то в её последней книге, а это была **Анна Каренина**, осталась закладка... Значит, поиск ею истины продолжался до последнего мига...

И ещё одно письмо от Любы:

"25 октября 1974 года

Сеня, здравствуй!

Сегодня, наконец, узнала, что со мной происходит. Ходила в больницу, мне сказали, что была беременна, но у меня выкидыш. Кто бы объяснил!.. А так как сразу я обрадовалась и не легла в больницу, то у меня теперь сильное воспаление...

Интересно, отчего у меня выкидыш? Наверное, когда у меня в общаге отмечали отъезд братика Серёжи, то что-то не то подсунули мне выпить. А может, я подорвалась.

За эти два дня до праздников мне срочно нужно лечь в больницу, не то может случиться самое худшее – у меня никогда не будет детей.

Вот так, котик, доигрались мы с тобой. Я знала, что за всё буду тяжело расплачиваться. Так и случилось. Наверное, это моё последнее письмо, перед тем, как лечь в больницу. Дальше, если будут силы, напишу. А дальше будет, наверное, самое страшное и худшее в моей жизни.

Домой, конечно, ничего не буду писать. А лечение задержится на долгое время. Вот так-то. Хочется умереть и не жить. Но нельзя. Жизнь всегда побеждает. Пока мне не пиши. Потом сообщу, куда мне написать.

Ну, вот и всё. Молись за меня богу. Мне сейчас остается только к нему обращаться.

Ну, всё. Целую и люблю. Люба".

Наконец, после почти недельного тревожного молчания, пришло письмо от Любы:

"01 ноября 1974 года

Сенечка, здравствуй!

Пишу тебе письмо сразу после выписки из больницы. Я думала, что долго там буду, но лежала всего пять дней, и вот уже на свободе. Я тебе писала, у меня было нагноение, сделали чистку, (о которой вспоминаю с ужасом), потом немного полечили уколами и таблетками. Вот так-то. Завтра ещё погуляю, а послезавтра на работу. Ещё, конечно, не очухалась от всего пережитого, но жизнь всегда побеждает.

Очень хочется тебя видеть. Напиши, когда думаешь приехать.

Ну, пока все. Целую. Люба".

"07.11.74

Дорогая Аня!

Выражаю соболезнование по поводу смерти мамы Ефросинии Петровны. Свою злобу на меня она, наверное, унесла с собой на тот свет. Но умершим всё прощается, тем паче, что она во многом была права. Ничего не поделаешь, закон природы не переделаешь, а вот характер можно переделать, изменить. Если ты хоть немного свой изменила и сделалась не такая сердитая, то пиши и пиши побольше.

Сейчас у нас даже есть надежда на возможность встречи, но

об этом потом. Пиши мне по старому адресу, по которому пишет и Семён.

Привет внучкам.

Целую крепко, Стась."

"07 ноября 1974 года

Дорогой Сеня!

Мне надо на тебя обижаться, а не тебе на меня. Я тоже не получил ответа примерно на два письма, но я этому не удивляюсь, ибо я посылаю обыкновенной почтой, а ты заказными и, значит, твои не должны бы пропасть. Да пропадают и заказные и деловые. Например, посылка к тебе была застрахована, но ты ее не получил, а я спустя более девяти месяцев мог бы получить, она в октябре вернулась обратно, но я отказался получать, ибо я обжаловал в Министерство связи и требую компенсацию. Ну, оставим об этом.

Выражаю соболезнование по поводу ушедших от нас родственников. Закон природы, которого пока, к сожалению, переделать не удается.

Новостей особых нет. Уже скоро-скоро лето. Завтра температура у нас (Мельбурн почти самый холодный город в Австралии) ожидается 19°C, а в Бризбане (областной город поближе к экватору) сегодня была 33°C.

Сейчас у нас одна родственница с Новой Зеландии. Много хлопот и "возни". У меня кроме основной болезни появилась грыжа. Обращался к врачам, а они говорят одно лечение - оперировать. Я отказался. Ведь, по существу, какая разница, погибну сейчас или протяну немного. Самочувствие отвратительное. Однако пиши. Да, я писал тебе проследить

судьбу посылки через Киев для Т. Курбатовой. Запрашивал их, однако никто вообще не пишет.

Передай приложение маме.

Целую, Tato.”

И так хорошо на душе, когда дважды в неделю приходят тёплые письма от дорогих людей!

“12-го, вечер.

Здравствуй, Сенечка!

Получила от тебя письмецо. Я недавно приехала из дома. Ездил туда на праздники. Немного, правда, скучновато было. Приходили мамы знакомые, кумовья. Так что они повеселились, а мне не совсем весело было. Думала, может, ты нагрнешь, но напрасно. Тебя в Лозовой, наверное, не дождутся. Погода была замечательная, как и сегодня в Москве.

Ну, что ещё тебе написать. В моей жизни пока изменений никаких не произошло. Поэтому и писать нечего. Дом свой плановый построили. Два раза снимок с него печатали в газете. Кажется, в “Московской правде” и в “Вечерней Москве”. Дом, конечно, чудесный получился. Сейчас строим рядом огромный магазин. Здоровье пока ничего. Одеваюсь потеплее. Да, трудновато вам сейчас приходится на работе.

Как там Ната? Не замерзает ли в той курточке?

Ну, всё. Целую. Люба”.

В субботу 21 декабря Семёну удалось побывать в Москве, и они с Любой сумели сходить в оперетту, на “Девичий переполох” Милютин. Юрий Милютин, понятно, не Йоганн Штраус, но всё равно, **Московский театр оперетты** сам по себе явление. Как такой центр безыдейщины смог сохраниться при тотальном

большевистском бдении против любых остатков непролетарской культуры – удивительно!.. Опять-таки, а буфеты? А по бокалу шампанского с апельсинчиком и пирожным?.. Что, опять звонок? Тогда бегом на родную галёрку!..

10 января 1975 года Семён приехал на недельку в Москву в командировку и сразу же помчался на **К-9**, то есть на Центральный телеграф на Горького, проверить письма до востребования. И был вознаграждён, получив первое в этом году письмо от Любани:

"6/1-75 г.

Милый, здравствуй!

Не знаю, где ты сейчас находишься, но решила написать несколько слов. Ты, наверное, зайдешь на телеграф за письмами.

У меня все хорошо, никаких изменений в жизни не произошло. Вчера приехала из дома, думала, что ты будешь встречать, но тебя не оказалось. Наверное, ещё не приехал. Ну, ничего. Я взяла такси и уже в 10.00 была дома.

В Лозовой всё нормально. Бабушки по-старому. Мама на праздники приболела. Приезжали в гости две сестры двоюродные по маминной линии. Были недолго. Новый год отметила в семейном кругу.

А где ты был? Очень за тобой скучаю, просто места себе не нахожу. Интересно, где ты в данное время находишься? Если мы не сможем встретиться, напиши хоть письмецо.

Целую тебя тысячу раз. Жду встречи.

Твоя Люба".

15 января 1975 года

Мама получила письмо из Австралии:

"01.01.75

Дорогая Аня!

Ты по-прежнему осталась бухгалтером и даже будучи уже на пенсии. Твой бухгалтерский расчет привел к тому, что вчера, т.е. в последний день старого 1974 года получил от тебя письмо. Спасибо. Это было первое "международное" поздравление с новым 1975 годом. Я уже очень беспокоился за Сеню, ибо от него давно не было весточки, а к тому же вернулась посылка, которую я посылал ещё 18 января 1974, а недавно вернулось письмо (которое высылаю здесь вторично). Навести справки я не мог, ибо не знаю его домашнего адреса, а как видно из почтовых штампов, он не был на почте СОРОК дней. То, что он больной - плохо. Ему ещё рано болеть (а помирать нам рановато - есть у нас ещё дома дела). Из песни "Путь-дорожка фронтовая". Я тоже чувствую себя плохо. Кроме моей основной болезни (диабет) появилась грыжа, передвигаюсь с трудом (с помощью палки). Обращался к врачам. Никакой помощи кроме как сделать операцию, чего я, по глупости, - не хочу. Об Андрей Павловиче я очень сожалею. С ним в молодости дружил, вместе "парубковали", к тому же он был моим личным парикмахером. За остальными тоже скорблю, но тут уже закон природы, которого, к сожалению, пока переделать не удастся.

Целую всех крепко и жду письмо от всех. Стась."

Дневник. 10 марта 1975 года

Прошёл очень скучно Женский день, на работе обычное

собрание с лицемерными словами и вручением почетных грамот заслуженным женщинам.

А ещё пришло письмоцо от Любы:

"Дорогой, здравствуй!

Извини, что пишу на такой бумаге, но всё делаю на скорую руку. Сейчас нахожусь на телеграфе. Писем от тебя нет. Но надеюсь, что на днях придет, так как перед праздником почта завалена. В понедельник я ушла с работы, пошла в больницу, но там не принимали. На другой день ходила к врачу, но он больничного не дал, хотя горло у меня было страшное, не могла глотать. Но я всё равно 3 дня просидела дома, лечилась домашними средствами.

Сейчас мне уже лучше. Завтра пойду на работу. Сегодня ездила в больницу. Дали номер на 11 марта, вечером. Раньше невозможно было. Проверюсь, сдам анализы. На все нужно время. Ты там договорись и напишешь точнее, когда приехать. Мне, конечно, на отъезд нужен повод. Я думаю, чтобы ты дал мне телеграмму примерно такого содержания: "Срочно приезжай тяжело больна бабушка", или ты что-нибудь придумаешь, но телеграмма должна быть обязательно. В общем, 11-12-го я тебе все только напишу.

Целую тысячу раз, твоя Люба.

Не ленись, пиши почаще".

Дневник Семёна. 14 марта 1975 года.

Любаня болеет и хандрит, о чем говорит её письмо, пришедшее сегодня (написано, судя по всему, 10 марта):

"Мой дорогой, здравствуй!

Сегодня понедельник, снова после работы зашла на Телеграф, и снова от тебя ничего нет, кроме телеграммы. Спасибо за поздравления, но у тебя как всегда нет времени написать мне несколько слов.

На 8-е Марта сидела дома и даже никуда не выходила. Настроение было, конечно, не из лучших. Завтра иду в больницу, но ведь везде нужно врать, отпрашиваться. Нервы на пределе. Больше всего вру Таньке, ни слова правды не говорю. Вот и за завтрашнее посещение придумала целую историю, в связи с болезнью моего горла.

Тебе, конечно, может и смешно читать все, что я пишу, а у меня голова кругом идет. В общем, если не будешь писать, я на тебя обижусь. 15 минут для меня ты можешь выкроить.

Целую, Люба".

15 марта 1975 года

Снова паническое письмо от Любы. Вероятно, она все-таки беременна, и отсюда хандра. В любом случае надо побыстрее увидаться, вдвоём чего-нибудь сообразим.

"Сенечка, здравствуй!

Прости, что пишу таким почерком, но пишу в постели, хочется спать, но нужно написать тебе письмо. Сообщу приятную для тебя новость, - я беременна вот уже 5-ю неделю, да притом ещё обнаружили язвочку на шейке матки. Откуда она взялась, не знаю. Я сейчас места себе не нахожу. Разные мысли в голову лезут. До чего же я, все-таки, несчастлива.

Но, как ты говорил, не падаю духом и надеюсь на что-то

лучшее, а что и сама не знаю. Завтра пойду сдавать анализы мочи на беременность и крови на RW, то есть из вены. Не знаю, такие анализы или нет, там ещё есть какие-то.

Завтра схожу проверю почту, может, от тебя есть письмо. Пиши, договорился ли ты насчет аборта. Я на той неделе, наверное, смогу приехать, только на работе нужен повод. Поэтому дай телеграмму такого сод.:

"Приезжай срочно на похороны. Дядя".

Телеграмму дай на общежитие, в понедельник или во вторник утром, чтобы у меня получилось 5 дней с субботой и воскресеньем. В общем, смотри и решай сам и как можно быстрее.

Да, слезами горю не поможешь. Я все ещё представить не могу, что все так вышло.

Ну ладно, хватит плакаться.

Целую, целую. Люба".

16 марта 1975 года

Письмо Наташи бабушке в Запорожье:

"Здравствуй, дорогая бабушка!

Почему ты не пишешь? Как ты доехала? Обязательно ответь подробно на мое письмо!

Как ты только уехала, приехал дядя Юра, тётки Вали муж. Он мне собрал велосипед, и я завтра думаю прокатиться. Папа пошёл в отпуск и из дома почти не отлучается. Я получила пятерку по алгебре в дневнике и 5 по геометрии в тетради. Мама прислала письмо, пишет, что Аничка учится по текущим оценкам на четыре только по-русскому, а остальные все 5.

поташнивало. Дома Таня рассказала все новости. Она встречала Серёжку, он приехал с парнем за покупками или просто от нечего делать. Мама его не пускала, но потом всё-таки разрешила ехать.

Они приехали ко мне на следующий день. Поговорили. Я ему **всё сказала**, как мы договаривались. В общем, весь спектакль прошел как будто нормально. Не знаю, что мама напишет. Ты ей напиши пару слов. Обо мне. На работе тоже ничего. Все поверили, что болела мать.

В пятницу позвонила Вите. Договорились с ним встретиться. Встретились, поговорили. Я ему рассказала все, как есть. Он пообещал на этой неделе всё сделать, но с первых шагов снова невезение. У него несколько вариантов, один сразу отпал, он звонил к одной знакомой. Она сказала, что врачу сделали операцию. А главного нашего товарища, на которого вся надежда, не оказалось на месте. Он, оказывается, уже там не работает, где-то в другом месте, но у Вити есть его домашний телефон и адрес. Последняя надежда на это. Завтра узнаю, узнал Витя о нём что-нибудь или нет.

В общем, везде мне крупно не везет. Витя меня утешает, но если и этот вариант не удастся, я, наверное, с ума сойду или ещё что-нибудь сотворю. Нервы уже совсем на пределе. Так трудно оставаться внешне спокойной и не подавать виду, хотя у самой...

В общем, ты сам всё знаешь и понимаешь. Первые дни мне так трудно было без тебя, так хотелось, чтобы ты был рядом. Но ничего не сделаешь, такова наша судьба.

Целую и обнимаю тебя бесчисленное количество раз.

Твоя Люба.

Напиши хоть несколько слов о себе. Пишу, а слезы сами

катятся из глаз. Как в песне поется, "я плачу за тобою днём и ночью..."

Не обращай на это внимания".

10 апреля 1975 года

Вчера на работе еле открутился от очередной командировки в Медвежань, мол, поеду через неделю. А в Москву к Любе Сигнал не пускает. Скука серая, спасибо, Любаня не забывает:

"Родненький, здравствуй!

Сейчас нахожусь на почте, получила от тебя письмо и перевод. Спасибо за всё, но радости всё равно мало. Вот уже прошла целая неделя, а мои дела стоят на месте. Витя всё-таки разыскал того товарища. Он, оказывается, там больше не работает, а работает в больнице Семашко, наверное, там, где я была. Я звонила Вите, он говорит, нужно к нему в пятницу вместе поехать, а с работы уже неудобно отпрашиваться. Поэтому я попросила точнее узнать, когда он работает. Витя говорит, позвони в пятницу утром. Я сегодня целый день, начиная с 9.00, звоню, но всё время отвечают, что его нет. Не знаю даже, что и думать. Так за целый день его и не было. Где он может быть, или просто не хочет отвечать. Буду звонить в понедельник. Начался последний месяц надежды. И почему мне не везет? Говорят, нет худа без добра, но вот сколько худа, а добра даже чуточки нет. У меня уже сил не хватает. Витя, конечно, не сильно торопится, всё меня утешает. Звонил ли ты ему? Позвони ещё. Вообще, кричу, как утопающий, "Спасите!". Больше не могу всё это терпеть.

Ну, вот и всё. Наверное, я пишу в каждом письме одно и то же, но я ни о чем больше думать не могу. Порой кажется, что схожу с ума.

Ну, ладно, больше не буду тебя расстраивать.

Крепко целую. Люба. 4/IV-75 г."

14.

Итак, вот уже полтора месяца – с 3-го марта – Серба в Топких Колтунах. Перевод к постоянному месту работы затянулся – в Москве пришлось провести без 3-х месяцев три года. И в самом деле "пришлось", так как Семён всякими правдами-неправдами старался ускорить отъезд в Топтунишки. Дело в том, что ещё в мае прошлого года он получил трёхкомнатную квартиру и с большим трудом обставил её за год так, что она стала условно пригодной для жилья, а в августе перевёз на новое место Наталью, поручил Людмиле Германовне записать Нату в школу и попросил, чтобы она пожила у Аистовых до его перевода в Топтуны. Но перевод всё отодвигался, и приходилось кланчить командировки в Топтуны, чтобы повидать ребёнка.

Семён упорно стремился к дочке и к своей крыше над головой. Это, конечно, не свой дом, как в детстве у бабушки Калистрата, но жить можно. Да и есть где начать новую жизнь с Любаней... Он уже почти убедил Любашу рискнуть на такой нестандартный брак, но ведь ещё надо как-то пробиться к душе будущей тёщи. Впрочем, смешно даже подумать об Ольге в таком качестве, ведь она всего на три года старше будущего зятя...

И вот теперь, когда, казалось, начнётся спокойная, безмятежная жизнь, пришло неожиданное письмо от матери, в котором она сумбурно и непонятно сообщила, что к ней едет

(каким образом, ведь у него там вроде другая семья?) отец, которого Семён не видел, кажется, не менее 33-х лет. Но ему тогда было едва семь и поэтому вспоминать почти нечего.

Письмо пришло 16-го, но до сих пор никаких разъяснений от родителей не поступило. То ли папахен решил приехать в качестве туриста, то ли возвращается навсегда. В любом случае ему сюда забираться будет легко, а вернуться, случай чего, в Австралию – никогда. Да и его судьба, как перемещённого лица, очень будет много вопросов вызывать здесь – Родина заманивает своих чад обратно не для вручения наград, а для поедания. Семёну, правда, потерей "карьеры" это не грозит – он сам выбрал, как и отец, нелёгкую судьбу изгоя и, похоже, гордится ею. Ниже пасть, чем его бросила жизнь, считает Серба, невозможно...

Хотя, как смотреть... Ведь, если честно, Семён последние два года откровенно и бесстыдно счастливый мужик. Ему даже успешные партпроходимцы завидуют.

В самом деле, работа смердючая, но уровень начальника отдела на Топазе – мечта тысяч совслужащих, застрявших на должностях старших инженеров и начальников секторов в старых, переполненных чиновным людом городах.

Опять же, получить отличную трёхкомнатную квартиру в новом доме в новом городе – ну разве не везение?..

И третье, но самое главное. Люба. Два года полноценного мужского счастья. Ну не к чему придраться!.. Красива? Бесспорно! Влюблена? Ещё как! Не глупа? Та ещё полтавская галушка! И весела, и за словом в лифчик не полезет... А если жениться? Пожалуй, можно рискнуть...

В апреле пришли интересные новости – Поляков, бывший генеральный ВАЗа, назначен исполняющим обязанности Министра автомобильной промышленности, а официальный пуск

ТопАЗа перенесен с 74-го (срок давно проворонили) на 24 февраля 76-го – "в подарок" XXV съезду партии. Учитывая множество нерешённых проблем стройки ясно, как славно придётся потрудиться для достижения намеченной цели.

Вслед официальным новостям прошелестела сплетня. Вроде руководство Минавтопрома и ряд директоров заводов так крупно проворовались, что следствие просит разрешить аресты до суда. Что-то в этом есть, потому что Тарасов не только лёг на обследование, но и сдал временно министерство Полякову... Временно ли? И одним ли Одесским авторемзаводом дело ограничится?..

Сегодня улетели в Москву (на "ЯК-40" с руководством) шеф Н. В. Антонов и Виктор Лях, друг Сербы и, как говорится, **соратник**. Вчера получили из Москвы Витин контейнер, в нём прибыл и новый холодильник **ЗИЛ** Семёна, купленный с помощью Инги Изотовны. Работает вроде неплохо.

Распределение квартир для "москвичей" пока не закончено. Сейчас ясно только, что твёрдо отказано Юре Фиксанову, поскольку как раз в дни распределения пришло частное определение запорожского суда об отказе ему в разводе и с просьбой к партийной организации (а он, на свою голову, из "когорты") о помощи в укреплении распавшейся семьи. Правда, о каком укреплении может идти речь, если он с Валею Балашихиной уже почти два года на ТопАЗе и до того в Запорожье "стаж" их отношений составлял не менее 5-ти лет?

Но, формально рассуждая, дать ему сейчас квартиру, значит поддержать его стремление уйти от жены и 2-х детей. Если говорить честно, Семён стал недолюбливать Валю за то, что она, будучи лучшей подругой Юриной жены, "другом дома" в классическом варианте, унилась до браконьерства. Хотя, если честно, встречая её три-четыре года назад на ЗАЗе, ему, как и

многим, было приятно и притягательно созерцать её полногрудую фигурку, порхающую по заводскому двору. Чего уж там!

Теперь же пришло время переоценки многих ценностей и, на своем личном опыте основываясь, Семён мог бы сказать, что когда-то Маня тоже применила запрещённый прием, но это тонкий интимный вопрос, к которому надо будет как-нибудь вернуться.

Вчера был 105-й день рождения Ленина, и по этому случаю ТопАЗ преподнёс стране трудовой подарок – сдали под монтаж оборудования главный корпус прессово-рамного завода.

Первым оповестил широкую публику на утренней планёрке Андреев Юрий Андреевич, зам. генерального директора по производству.

– Вот вы тут сидите, в зубах ковыряетесь, а вчера на митинг по сдаче главного корпуса прессово-рамного не пришли. Интеллигенты хреновы!.. Так вы и запуск главного конвейера прозеваете и просрётё, козлы! Ладно, разберёмся, как у нас в среднем звене с дисциплинкой, сделаем выводы...

А теперь к делу! “Металлоснаб”, доложите о ходе выгрузки вагонов с прокатом! Кто сегодня от “Металлоснаба”, встаньте, представьтесь и доложите!... И не надо зевать, ... твою мать! Недоспал, что ли?.. Или не опохмелился?..

Семён сидел рядом с Борисом Зильберштейном из “Техснаба”, начальником отдела тканых материалов и ширпотреба. Тот хихикал ему в плечо.

*– Вот выпустят на свежий воздух, я тебе, Сеньк, расскажу, как там отмитинговали, настоящий **уписон!**..*

Когда вырвались на свободу после планёрки, Борис гордо поведал Семёну, что вчера лично списал на обслуживание митинга в прессово-рамном заводе только одной “обкомовской” ковровой дорожки полтора километра, как “затоптанной сапогами

строителей и монтажников”, хотя реально было потрачено 15 метров – шесть вдоль импровизированной досчатой трибуны и девять перпендикулярно ей.

– *И куда вы её теперь девать будете?* – Поинтересовался у товарища Сеня.

– *Куда, куда... Разойдётся по китайцам, да и у меня родня не должна по холодному полу ходить. Тебе могу пару метров отрезать. Заезжай как-нибудь с коньячком!..*

“Обкомовская” или “кремлёвская” дорожка, шикарная, чистшерстяная, шириной метр сорок, благородного, красно-коричневого окраса, мечта каждого новосёла. Урвать бы два-три метра, так как бы преобразилась любая квартира!.. Если честно, то мечтал о такой и Семён. Постелить бы в зале. А к дорожке бы гэдээровскую стенку да диван хотя бы белорусский. Как заулыбалась душа, мысленно купаясь в тепле домашнего уюта... “*Дурэнь думкою богатие...*”, – говаривала в таких случаях бабушка Фрося.

1 мая 1975 года:

Приятно было получить открытку от мамы.

"Дорогие мои дети! Поздравляю Вас с днем Первого Мая, праздником весны и радости и счастья. Пусть этот день будет залогом для Вашего счастья.

Целую крепко, МБ 24/IV-75 г."

6 мая 1975 года

Спасибо, Люба не забывает писать теплые письма:

"2 мая.

Здравствуй, милый Сеня!

Вот наступили праздники, а я одна. Ты знаешь, как мне скучно без тебя. Хожу, как неприкаянная, и всё вспоминаю последнюю встречу с тобой. Как мне хочется тебя снова видеть, так грустно и одиноко без тебя. А сегодня ты мне приснился. Я пошла на почту, думала, что от тебя что-то есть, но ничего не оказалось. Я сразу тебе не написала. Прости, нечего было писать, но теперь вот собрала немного новостей. Ты знаешь, брала билет на 1-е мая во Дворец спорта, и мне ещё всучили билет в театр. Взяла на спектакль "Как стать главным инженером". Думаю, посмотрю, что мы с тобой не увидели. Оказалось, что он о стройке и о молодом инженере. Вообще, неплохой спектакль.

Вчера ходила на концерт. Очень понравился. Но одной везде скучно. Думала, вот бы ты был со мной. Как мне тебя не хватает, мой любимый. Приезжай поскорей. Я в квартире осталась одна. Вечером даже страшно становится.

Ну, вот пока и всё.

Целую бесконечно.

Твоя Люба".

В Семёнов день рождения, 20 мая 1975 года, Анна Николаевна получила письмо из Австралии, вот оно:

"Дорогая Аня, здравствуй!

Ну, кажется, вопрос с адресами мы уже, хотя и с трудом, уладили. А знаешь ли ты, сколько я имел неприятности с теми адресами. Несколько писем вернулось обратно, а сколько их

затерялось? Посылка, которую я высылал к Сениному дню рождения, после долгих мытарств и длительной переписки (на нашем Главпочтамте целое "дело" с нашей и Вашей служебной перепиской, из которой я убедился, что виной явился только адрес и адресат). Знаю, что у Семёна туго с деньгами в связи с обстановкой новой квартиры, но тоже через неточный адрес я не смог выслать ему пару сот наших долларов, а теперь, не зная причины его молчания, и потом не могу, ибо разные мысли лезут в голову. Если бы я знал, что у него всё в порядке и без всяких сомнительных вопросов, то может он не писать не только полгода, как он делает сейчас, но и не писать вообще, меня это не особенно трогает, я никому никогда не навязываюсь. Моя песня уже спета и ведь так или иначе на могилу мою он не придёт, а, следовательно, чернить своё имя перепиской со мной ему не следует.

Дорогая Аня! Спасибо тебе за беспокойство по вопросу моей болезни диабетом (сахарная болезнь). Я не принимаю уколов инсулина. Вот уже девять лет я принимаю по две таблетки в день "Phenformin" 25 mg.

То, что ты прислала название таблеток, никак воспользоваться не могу. Если бы было написано по латыни, другое дело, а по-русски нет пока ещё ни в каких медицинских справочниках. Что касается грыжи, то я пришел к выводу, что **отправляться в космос** всё равно с грыжей или без грыжи, а потому не беспокою медицинский персонал Австралии. Одним словом, у меня очень большая апатия к жизни, а поэтому я ничего не предпринимаю к сохранению, хотя бы временно, своего пошатнувшегося здоровья.

В Австралии Первое мая празднуется всегда в первое воскресенье мая, т. е. в этом году 4.5.75. Бывают и демонстрации и манифестации, хотя не такие шумные, как на

Родине, но всё же должно отмечается этот день. Также 4.5.75. попала православная Пасха. Так что было одновременно два праздника. На манифестацию я, конечно, не ходил, смотрел с телевизора, а вот священник Украинской Автокефальной пр. Церкви принес 2 пасхи и сам он делал украинские домашние крестьянские колбасы, так и мне принес одну, ну а бутылка "харьковской" водки была (цена 0,7 лит. 5,25 долл.), так что и выпили и закусили по-домашнему. Вспоминали прошлое, горевали за прошлым, а были такие, что и порядочно "всхлыпнули", а потом переключились на подкидного. Играли на русских картах "Юбилейные" (1817-1967) Ленинградской фабрики. Но какая ужасная цена? За 56-ти листовый пакет 3 руб. 50 коп. Выходит, что средний рабочий должен работать почти один день на одну колоду карт, а здесь одна колода стоит около один доллар, а рабочий должен работать на них около 20-25 минут. Ну, это между прочим, если дорого, пусть не играют, это не необходимость, а роскошь и буржуазная наследственность. Мы здесь пенсионеры "режемся" в подкидного и другие игры, ибо здесь пенсионеры работать не могут, пенсию отберут и так безработица ужасная.

Ну, Аня, я уже "разболтался". Сворачиваюсь.

Псылаю, согласно твоего совета, заказным, но обрати внимание, как это дорого, больше одного доллара, а у Вас только 28 коп.

Пиши.

Привет Семёну и Наточке.

Целую всех крепко, Стась."

Вчера в тесной комнатке заводской гостиницы ПО "Медвежаньрезинотехника" Серба отметил свое 40-летие. Вот она, заслуженная советская старость! Как писал ему отец о себе,

правда, тогда 60-летнем, **пора ехать с ярмарки...**А тут всего сорок, а усталость и беспросветность полная. *“К чему всё это, коль сердце не согрето?..”*

Но такая тоска-нудьга объяснима. Если бы сейчас в этот мерзкий медвежаньский вертеп вдруг по нечаянному волшебству зашла и нарисовалась в дверях Любаня, то мир бы тотчас вспыхнул залпами праздничного салюта! Но она далеко, а в Медвежани сидеть ему ещё по первое июня. И не факт, что в итоге удастся прорваться ней в Москву...

Итак, Семён Станиславович сидит уже вторую неделю в очередной беспросветной командировке в Медвежани. Вчера утром приехал начальник УСП Антонов, днём Семён таскался с ним по заводу, были на приёме у гендиректора Голева, который Лев Витольдович, тепло побеседовали с главным инженером Лавочкиным (Владимира Павловича Семён знает ещё по Курскому заводу РТИ с 1971 года), лазили по цехам с замдиректора завода милейшим Шмелёвым Иваном Николаевичем, слушали бодрые заверения (завирания...) цеховиков в том, что если надо, так они...

Вечером шеф спросил Сербу, чего это он купил колбасы и жарит омлет. Семён объяснил Никифору Витальевичу, что у него сегодня день рождения да не простой – сорок лет.

Поскольку у толкача Сербы нашлись также две бутылки "Столичной" и хорошая минералка, то изумлению шефа не было предела. Сидели до глубокой ночи, обсуждая пути ускорения запуска ТопАЗа. Много раз его, собаку, за вечер запустили.

На следующее утро шеф с трудом оторвал голову от подушки, а возлежал он в гордом одиночестве в соседней комнате, и скромно попросил крепкого чая. В 11 утра Семён упаковал его,

возвращённого к жизни **чефиром**, в арендуемый ТопАЗом московский самолет, и он растаял в майском небе, аки ангел.

Семёну грустно. Он волнуется, как дела у Наточки, он её оставил под присмотром милейшей Лидии Германовны. Решил, что после возвращения возьмёт пять дней в счёт отпуска и отвезёт Нату в Запорожье к бабушке Ане. Конечно, её потащут и к старой цирковой лошади – М. А., что ему совсем не нравится. Но куда денешься?..

Хочется поскорее повидаться и с Любаней. Вот уже почти два года их отношения идут на уровне горячей плотской любви, и они даже начали поговаривать о возможном браке. Но поскольку она Семёну двоюродная племянница и разница между ними двадцать лет, "общественность" Топких Колтунов и Лозовой, скорее всего, такого разврата не позволит. Но они пока плевать хотят на все преграды.

Дневник. 25 мая 1975 года.

Пришла открытка от мамы:

"Дорогой Сеня!

Поздравляю тебя с днем рождения, желаю тебе здоровья, счастья, благополучия, радости и спокойствия.

Целую крепко - Мама

20/V-75 г."

Дневник. 04 июня 1975 года

Вновь получил милое письмецо от Любы. Будет ли в моей жизни ещё такая полоса, когда любимая девушка или женщина

напишут мне такие, пусть бесхитростные, но сердечные письма? Останемся ли мы с Любой вместе, или нет, время покажет, но сейчас нам, кажется, обоим хорошо. А что ещё советскому человеку надо? Если есть возможность порезвиться внутри железного занавеса, то надо ею пользоваться... Цинично, но жизнь живых существ, увы, построена на цинизме, тут уж ничего не попишешь...

"31 мая, вечер.

Любовь моя, здравствуй!

Всего несколько дней, как мы расстались, а мне кажется вечность. Как будто это было давным-давно. Когда же нам выпадет хоть немного больше счастья. Да, вот ещё несчастье. Сегодня начала **смотреть цветной телевизор** (как ты говоришь). Если бы знать наперёд, что такое может случиться, то хотя бы одна наша единственная ночь прошла по-человечески. Теперь остается только жалеть. Ну, ничего. Всё равно наши победят.

Теперь с нетерпением буду ждать следующей нашей встречи, хотя она будет нескоро, но в начале июля обязательно приезжай в Москву. Ведь целый месяц не будем видеться, а может и больше. Я тогда умру от тоски. Так что не дай умереть молодой жизни.

Когда буду в отпуске, обязательно туда напиши о себе, а если сможешь, приезжай.

Целую тебя, моя единственная любовь, тысячу раз. Твоя Любаня.

P.S. Смотри у меня, поменьше простуживайся и ешь хорошо.
Привет Наташе."

Из дневника.

01 июля 1975 года

Ну что за напасть такая? 27 июня умер Тарасов Александр Михайлович, министр автомобильной промышленности. Человек тяжело болел, но ещё больше сломался под грузом позора и возможной немалой уголовной ответственности. И его первый зам Пётр Лисняк не задержался на грешной земле. Их убил страх.

Уже известно, что министром станет Виктор Николаевич Поляков, генеральный ВАЗа. Да он уже с апреля реально исполняет обязанности министра, мотаясь из Тольятти в Москву и обратно буквально через день.

Я только утром прилетел в Москву и, пообщавшись полчаса в Московской дирекции и пообедав с Рабиновичем, Ингой Изотовной и Клавдией Михайловной в “Балчуге”, где всегда вкусные и дешёвые – по 1 руб. 30 коп - комплексные обеды и чистые скатерти, пошёл в Минавтопром узнать, куда ветер дует.

В холле большой, в траурном крепе, портрет Тарасова в орденах и медалях, гора цветов и венков. Был – работал – ушёл...

Леонид Золотарь, помощник Лисняка, весь бледный и помятый, как использованное изделие № 2, даже пива попить со мной не осмелился. Говорит, могут в любую минуту забрать. А оттуда, мол, не выходят, сам знаешь...

Знаю, как же проходили. Но пройти по Горького я его всё-таки уломал.

Медленно проталкиваясь, – хотя и вторник, но народ всё равно штурмовал магазины, - побрели от **Манежной** к Белорусскому вокзалу.

– Давай, Лёнь, расскажи что случилось, легче на душе станет! – Предложил я университетскому другу.

– Не могу я тебе всего сказать. Да и сам всего не знаю. Так, догадываюсь. Похоже, что и Толстяк, и мой шеф Лисняк влипли в колоссальную международную аферу. Вероятно, сделали себе за бугром состояния. Но прокололись.

Толстяком Лёня звал министра Тарасова, а Лисняк – первый зам Тарасова...

Направив Золотаря в портал метро на **Белорусской**, я вздохнул с облегчением и пристроился к нескольким жаждающим попить из автоматов. Четыре автомата, исцарапанных до неприличия, стояли рядом у поворота с привокзальной площади на улицу Горького. На всех остался один стакан.

Получив заветную тару, сунул пятак в прорезь под надписью “Грушевый”, потому что из наблюдения за предшественниками установил отсутствие других объявленных сиропов – “Яблочного” и “Вишнёвого”. Автомат захрипел недорезанным бараном и выплюнул неполный стакан мутной тепловатой влаги, облагороженной капелькой грушевой эссенции. По краю стакана чётко просматривалась алая полоска помады... Повернув стакан так, чтобы помада ушла из поля зрения, я опорожнил стакан, сразу же хищно выхваченный у меня из рук следующим гражданином.

Начало июля да ещё в Москве – испытание для пешехода, даже если он не торопится, а просто прогуливается по столице. Единственный, кого не достаёт июльская жара, – Ильич в мавзолее...

День сложился так, что уже не успеть на **Каширскую**, чтобы попытаться встретить Любу с работы. Да и сначала надо бы смотаться на **Красных Командиров** и удостовериться, что Тамара Андреевна на месте и решит проблему достойного местопребывания на последующие пару ночей... Так что с амурными делами надо потерпеть до завтра.

Только с 21 июля Серба опять в Москве. К Любиному дню рождения пробить командировку не удалось. Сигнал – поц. Натуральный. А ещё строит из себя чуткого человека...

Газеты всего мира на первых полосах помещают исторические сообщения о выдающемся событии в истории освоения космоса – стыковке и совместной работе советского и американского космических кораблей. Этой же новостью забиты и новостные выпуски радио и телестанций планеты.

Вот, например, сообщение ТАСС.

“17 июля 1975 года в 19 часов 12 минут по московскому времени осуществлена стыковка советского космического корабля «Союз-19» и американского корабля «Аполлон». Впервые в истории космонавтики в совместном полете одновременно принимают участие исследователи космоса двух стран: советские космонавты — Алексей Леонов и Валерий Кубасов и американские — Томас Стаффорд, Вэнс Бранд и Дональд Слейтон.

Для выполнения стыковки в результате двух коррекций траектории корабль “Союз-19” был переведен на расчетную монтажную орбиту. За два витка до стыковки экипаж с помощью ручного управления выполнил орбитальную ориентацию, после чего сближение проводилось последовательным маневрированием американского корабля. С расстояния 10 метров ориентация и причаливание корабля “Аполлон” выполнено американскими учеными и специалистами.

В течение последующего двухсуточного совместного полета космических кораблей “Союз-19” и “Аполлон” их экипажи совершат взаимные переходы из одного корабля в другой и проведут совместные научные эксперименты.

В соответствии с договоренностью между советской и американской сторонами во время переходов космонавтами будет произведен обмен национальными флагами...”

Семён, всю сознательную жизнь мечтавший о расселении человечества хотя бы в пределах Солнечной системы, ходил эти

дни в праздничной приподнятости. Надо же, не только освоили застратосферные орбиты, но и, преодолев идеологическую вражду и несовместимость, решились на объединение усилий на исторически важнейшем направлении развития человечества!

Вообще, если честно, такой пример прямого сотрудничества с врагом № 1 заставил задуматься. Не означает ли это перерождения большевистского режима в более демократичную форму власти? Ведь прошлогодний “Хельсинкский акт” тоже можно отнести к признакам потепления. Двенадцать лет, как Леонид Ильич у власти, и ему хочется остаться в памяти человечества великим человеком... Правда, “гуманитарную корзину” не хочется применять в жизни, но как ещё повернётся история...

Семён подождал, пока Гольдберг переговорил по телефону и устался в окно, считая облака, и с газетой в руке пошёл на технического бога.

– Аркадий! Читал? Стыковка в космосе! Наши пойдут в гости к янки, а те к нам! Эх, не дожил Циолковский до славных дней! Или Цандер...

– Что-что ты сказал? Кто к нам в гости? Ну-ка, дай газету! – Гольдберг быстро пробежал сообщение ТАСС и аккуратно сложил “Известия”. Умно сверкнул очами за стёклами модных очков и солидно ответил на восторг Семёна. – *Знаю, знаю... Ещё вчера говорили в МАПе, я забежал к Башинджагану, а у него как раз мужики из Байконура. Просили десяток тягачей топазовских отправить без фондов, много чего им там приходится тяжёлого таскать по ракетодрому...*

Между прочим, сегодня у нас будет новый министр, а ты и не знаешь. Не всё бывает в газетах, надо знать, где самые важные новости!..

Семён рассмеялся.

– Опять у Клары секретов набрался? И кто же этот счастливец?

Аркадий Исаакович зашептал так, словно выдавал межгалактическую тайну:

– Поляков, Виктор Николаевич, генеральный ВАЗа!

Серба сделал вид, что поверил брехне Исааковича, и вернулся к космическим новостям, потому что собрался накидать

Аркадию ещё вопросиков в развитие темы.

Тем более, что был к идеологической схватке готов. Вчера совершенно случайно в **Книжном Мире на Кирова** встретил Клима Михайлова – однокурсника по юрфаку МГУ. Климушка типичный представитель идейно мотивированной советской молодежи, составлявшей тогда большинство тогдашнего активного поколения. Их потом назовут “шестидесятники”. Клим стал профессором, преподаёт в МГИМО. Состоялся. Остепенился. Женился. Забурел, одним словом.

– *А ты как, Сеня?* – Наконец, вдоволь наговорившись, спросил Клим, критически оглядывая видавший виды пиджачок Семёна.

– *Я что, простой толкач, работаю на ТопАЗе, в Тмутаракани, хрен знает где... В Москве бываю только в командировках, и то, как говорится, пролётом...*

– *Что так жидко?* – Посочувствовал Клим, пытаясь снизить до когда-то близкого друга. В **Коммунистической аудитории** на Моховой часто сидели рядом, вместе с Виктором Месяцевым, Олежкой Горбуновским, Сашкой Решоткиным до сумасшествия сражались на диспутах, семинарах и коллоквиумах по диамату и римскому праву.

– *Так сложилась жизнь...* – Только и смог ответить Семён. Он теперь сторонился успешных одногодков, потому что довольно хорошо изучил хитроумную породу пробившихся наверх комсомольцев.

Ребята шустрые, не промах. Разумеется, очень неглупы, не верят ни в какой коммунизм, к КПСС относятся скептически, скорее даже с презрением, Сталина-Хрущева-Брежнева ненавидят, потому что прекрасно понимают, что почём.

Однако при этом в них есть какая-то иррациональная вера в справедливость, как равенство для своего круга, вера в государство, как общий их дом и общий ядерный зонтик, вера в то, что у нас человек успешный должен хотя бы на словах больше думать о других успешных, чем о себе. Ну, а на деле...

Вера в подобную сверхидею делает и простых работяг дисциплинированными и уравновешенными – они честно стоят в очередях, верят в жизнь на зарплату, как уверены и в том, что каждый человек должен работать на благо общества в лице начальника цеха, директора завода, генерального секретаря.

Ненавидят «фарцовщиков и спекулянтов», хотя и вынуждены время от времени пользоваться их услугами.

С антипатией относятся к кавказцам, считая их торгашами, и откровенно недолюбливают за стремление к потребительству.

– Да... Тебя, помнится, после второго курса перегнали в финансовый... Так что ты у нас бухгалтер... – Продолжал Михайлов. – Прямо по Райкину... У отца было два сына. Один – умный, а другой – бухгалтер... Ха-ха...

Потом Клим вспомнил, что красавица писаная и общая любовь всего курса Людка вышла, дура, замуж за лысого тридцатилетнего **препода**, доцента кафедры теории государства и права Панкратова, а Марина, заклеимённая сплетнями, как секс-рабыня Лёшки Рарина, всё-таки дожала охламона и женила его на себе.

– И представь, живут замечательно... А ты женат или, как я, холостякуешь?..

Продолжая трёт, друзья вышли из “Книжного мира” на свежий воздух, но какой он свежий на чекистской площади, где тысячи машин целый день крутятся вокруг памятника дяде ФЭДу, отчаянно газуя и дудя в клаксоны?

Не задерживаясь в сизом облаке выхлопа на площади, Михайлов и Серба спустились вниз по **Охотному ряду** до улицы Горького, перешли её у **Националя** и оказались, не сговариваясь, на **Моховой** у родного университета. Нашли свободную скамейку. Продолжили разговор.

Много интересного рассказал Семёну словоохотливый Михайлов. Такого, о чём Серба даже не задумывался. Не то, чтобы ничего не знал. На коротких волнах вражеские голоса что-то такое говаривали. Но в цельную картину фрагменты не складывались. Или было просто некогда сложить эти намёки воедино. Или ума не хватило.

Оказывается, как только 1 августа 1975 года завершилось проходившее в Хельсинки совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором принимали участие главы всех европейских государств (за исключением твёрдолобой Албании), а также США и Канады, в Москве объявились некие правозащитники, а попросту, антисоветчики, в течение года сколотившие так называемую Московскую Хельсинкскую группу по контролю, не более и не менее, за выполнением обязательств СССР в рамках так называемой “гуманитарной корзины”.

В МХГ вошли: Людмила Алексеева, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Александр Корчак, Мальва Ланда, Анатолий Марченко, Виталий Рубин, Анатолий Щаранский. Кучкуются негодяи на квартире академика Сахарова.

Если про большинство упомянутых правдоискателей Семён не раз слышал по Радио “Свобода”, “Голосу Америки” и **Бибиси**, то о таких, как Юрий Орлов, Андрей Амальрик или Валентин Турчин, честно сказать, услышал впервые.

– Ты-то сам как насчёт политики? Не влез в эту грязь? – С озабоченностью комсорга спросил Михайлов.

– Ну что ты! – Успокоил его Серб. – Я дочь воспитываю, мне нельзя в азартные игры играть!.. Я же не Лёня Золотарь...

– Да-да, не повезло Лёньке, – тотчас переключился Клим на ещё одного бывшего сокурсника, – он очень неплохо был устроен в Минавтопроме. Но, как говорится, красть надо меньше, а пахать – больше. Хотя он там был на побегушках и ему, кроме как партбилетом и местом, ничем жертвовать не придётся...

– А что ты об этом знаешь? – Спросил Семён, не подавая виду, что **в курсах**.

Клим рассмеялся.

– Это я у тебя должен спросить о подробностях! Разве ты, бывая в Минавтопроме, с Леонидом не общаешься?..

– Ну, кто я такой сегодня для Леонида, простой толкач с безвестной станции Метельная... У нас в Московской дирекции что-то говорили в курилке о крупной афёре при закупках оборудования для ТопАЗа и КамАЗа... Но вряд ли такое может быть правдой. Клевета, чтобы опорочить руководство отрасли. Хотя, ты-то, наверное, больше знаешь?

Михайлов хитро улыбнулся, не торопясь с ответом. Обдумывал объём допустимой утечки информации. Лучше бы, конечно, вообще ничего не говорить, отделаться намёками, но воспоминания о давней дружбе разрешили козырнуть осведомленностью.

Да и сам узнал вполне случайно. Один студент–старшекурсник никак не мог сдать курсовую по международному праву. Ну, слово по слову. Оказалось, отец его в **Первом главном управлении** КГБ курирует Минавтопром, и как раз оно раскрутило многолетний змеиный клубок: министр – замы – генеральные гигантских автокомплексов – инофирмы... Разговорить пацана было делом

даже не техники, а лёгкой разминки ума.

– Они там на контрактах со всякими **Фордами и Фиатами** состояния сделали... Не по одному миллиону зелёных спрятали в Швейцарии...

– Кто “они”? Не темни! Я же – могила, ты знаешь! И потом, Фиат – это же ВАЗ, а ты упомянул ТопАЗ и КамАЗ...

Климушка хохотнул. Мимо прошла парочка премилых студенточек. Судя по свежести розовых щёчек, скорее всего, первокурсницы. Михайлов плотоядно посмотрел им вслед.

– Вот настоящие сокровища. Обрати внимание, какие аппетитные попки! А тебе министерские сплетни подавай. Фу, как грубо!..

Но если настаиваешь, изволь. Расскажу для науки. Может, как-нибудь и ты приобщись к источнику всемирного зла, и сам заработаешь во время загранкомандировок свою пачку баксов хотя бы на **Волгу**.

Слушай. Схема проще пареной репы. Началось давно, со строительства ВАЗа. Эти козлы, имею в виду Тарасова, его зама Лисняка, главных вазовских спецов, ну, ещё начальники всяких главных управлений Минавтопрома, генеральные директора новых автомобильных комплексов, когда шастали по Америкам и Европам, заключая договора на поставку оборудования, то могли выбирать. Мол, не хочу с Фиатом, а хочу с Даймлер-Бенцом...

Ну, а каждая фирма тянула одеяло на себя, не стесняясь в средствах. Наших пердунов хватало и волокли в кусты, предлагая баснословные суммы за контракт. И тарасовы не устояли. Скурвились, как шлюхи подзаборные. Но хотя и подстраховались, вроде как через всякие там “Автопромимпорт” да “Союзавтозагранпоставку”, но рога вылезли, внешняя разведка отработала на пяτέρу...

Теперь, чтобы не схлопотать вышку и не опозорить семьи, надо проявить встречную инициативу и уйти с арены жизни естественным путём...

Ну и как, я тебя впечатлил, ты этого не знал? – Спросил Михайлов.

– Не знал, но немного догадывался. Обратил внимание, что наш Генеральный Борисов больше по Европе и Штатам рыщет, чем занимается подготовкой производства дома, в Топтунах.

Наверное, неспроста.

Один приятель из Управления главного конструктора говорил, что когда весной главный технолог Баклажанский полетел в Италию выбирать фирму для поставки автоматической линии обработки штанги толкателя и агрегатных станков для изготовления коромысла клапана, то Борисов ему тотчас позвонил и велел ждать его прилёта, а до того запретил вести с кем-либо переговоры. Через день Марк Моисеевич появился в Турине, – Борисов по всем европейским машиностроительным фирмам зачем-то лично мотается.

И в Турин к Баклажанскому из Германии прилетел, а после решения вопроса в Америку отправился. Хотя принято, чтобы советские технические руководители функции, связанные с зарубежными поставками, поручали “Автопромимпорту”.

Но это не про Марка Моисеевича. Он всё сам лично контролирует. Вот и в этот раз указал оторопевшему Баклажанскому конкретную фирму “Маранда”, с которой и заставил подписать договор, при том, что были фирмы и посильнее, и поизвестнее.

И хотя на зарубежных партнёров приезд руководителя в ранге замминистра произвёл очень сильный эффект и контракт был подписан буквально за полчаса, но осадок у Баклажанского и его команды остался, о чём мне и рассказал один из участников того случая...

– Ну, вот видишь, круги по воде расходятся всё шире... Но твоего шустрика не посадят, потому что надо достроить и запустить ТопАЗ, а вот старперы из МАПа своё отыграли...

На прощанье Михайлов сообщил, что наиболее устроенными и успешными из их группы оказались Виктор Месяцев, окопавшийся в юрслужбе Совмина, и Ольгерд Кутафьин, давно уже доктор наук, профессор – и т. д. и т. п.

Договорились восстановить отношения, и Клим взял слово с Семёна, что тот, бывая в Москве, будет звонить и выкраивать время для встреч. Надо же, и визитку дал, что такая редкость даже у крупных партийных бонз. Большинство нормальных людей записывает телефон на клочке бумаги, в лучшем случае в записную книжку.

Это в Московской дирекции ТопАЗа развелось баловство с визитками, но только потому, что много технарей съездило в загранку, где и набрались показушной коросты в инофирмах...

Вечерело и Семён, расставшись с Климом, решил утолить голод в **Сраме** на втором этаже над театром Ермоловой, где можно не только скромно перекусить, но и предаться минорным воспоминаниям о былом.

Марс действительно не подвёл. Свиная отбивная и на сладкое свежайшая булочка с марципаном и чашечка кофе умиротворили Сербу. Кажется, вот только протяни руку, и она наткнется на мягкий, нежный локоток Нины, а затем раздастся её серебристый смех... Но чудес не бывает, и пора уходить.

Семён вышел на вечернее гульбище у **“Интуриста”** и **“Националя”**. Тусовка уже началась. Толпы важных, набриолиненных южан фланировали волнами вдоль и поперёк, решая задачу толково провести ночь.

Между солидными мужами юрко резвились **аски**, нахально выпрашивая свой пятак или гривенник. В те годы **аскать** было в моде у московских шалопаев, потому что народ у нас отзывчивый, и дать мальчику на метро пятак никого не напрягало. Так этот мальчик за час-два сшибал десятку, а то и двадцатку, чтобы затем просадить в **Арагви** или в **Москве**, а домой подвалить на таксо. А уж на пиво и сигареты по-любому набегало. И каких только одёжек на недорослях не увидишь! Шныряют среди порядочных людей, как тропические птицы. Толкаются, ржут, как лошади, общаются на непонятном слэнге, из их переносных магнитофонов рыдают Галич, Высоцкий и Окуджава, завывают забугорные соловьи. Подростки поминутно ныряют в подземный переход, где у них тусовка...

Но главным магнитом славного уголка у **Националя** был и есть шанс поймать шалаву...

Семён знал, как расцвела в Москве проституция, как прогнили нравственные устои общества, понимал, что главным мотором разврата была **золотая молодёжь**, сынки и дочери власть имущих. Ну и что, что понимал? А как сделать, чтобы общество очистилось от гнили? И всё чётче доходило, что только отстранение от власти преступного правящего класса может дать надежду на выздоровление...

И тогда то, чем занимаются люди, бросившие вызов системе созданием Московской Хельсинкской группы, выходит, правы?..

Но, впрочем, тотчас ловил себя сам на демагогии и пустозвонном критиканстве, потому что никаких реальных рецептов, как вернуть стране достоинство, у него не было. Да и личные цели дальше, чем вырастить Нату и жениться на Любе, не простирались.

Дойдя до проспекта Маркса, завернул вокруг Националя, но дальше по Моховой, простите, по проспекту Маркса, не пошёл, а стал, разинув рот, пялиться, как пацанёнок, сквозь зеркальные окна отеля на инопланетную жизнь. В бесстыже незашторенные окна первого этажа был отлично виден ресторан, и вечерняя оживлённость **столующихся** умиляла, а сам степенный, размеренный ритм ресторанного быта напоминал жизнь в хорошо обустроенном аквариуме.

Стало стыдно за свою ничтожность на Земле, и Семён обернулся к площади. Теперь площадь носит имя 50-летия Октября. Но кто это празднует? Манежная она и в Африке – Манежная!..

На здании Исторического музея холодным мертвецким неоновым светом нервно светилась, поминутно наполовину угасая, мантра “Миру – мир!”

Зато Кремль смотрелся великолепно.

Красные звёзды струили благодатный рубиновый свет на всё прогрессивное человечество, одновременно выжигая родимые пятна капитализма на каждом прохожем в радиусе до бордюра тротуара у Националя. На тех, кто прогуливался по тротуару, лечебные лучи уже не действовали, поэтому у Семёна ничего не выжгло.

Серба плюнул в знак протеста и подался на бульвар Красных Командиров решать вопрос ночлега и однокомнатного рая на ближайшие двое суток...

Дневник.

27 июля пришло маленькое письмецо с важным решением от Любани:

"23/VII – вечер.

Сенечка, милый, здравствуй!

Ты улетел, а я все эти дни думаю о тебе и о нашей судьбе. Наверное, нам суждено быть вместе. Я всё-таки решилась – выхожу за тебя замуж. Я тебя очень люблю и готова идти на всё ради нашей любви. Ты знаешь, как у меня на сердце плохо было, когда ты задавал свои дурацкие вопросы.

Да, но как быть с моими родными? Мне им страшно сообщать об этом сейчас. Может, как-нибудь намекнуть. Свадьбу, я думаю, сделаем осенью.

Ну, что ещё написать? Никак не соберусь с мыслями. Да, ты с Натой поговори, от неё многое зависит.

Ну, всё. Больше ничего не могу писать.

Целую, мой дорогой, миллион раз.

Твоя Люба".

Это письмо я получил после того, как утром вернулся из Балакова арендованным топазовским "Яшкой".

30 июля 1975 года

Новое письмецо от Любы:

"Сенечка, здравствуй!

Пишу тебе на скорую руку. Сейчас пришла на телеграф, получила телеграмму. Нату, конечно, встречу. Думаю, что всё обойдется нормально. Своим я ещё ничего не сказала. Мама сейчас отдыхает на Азовском море. Приедет числа 20-25. Так что скоро ей напишу. Решение я, конечно, приняла твёрдое. Думаю, что на своём настою. У меня всё по-прежнему. На

работе всё нормально. Конечно, все мысли заняты только тобой и нашим будущим.

До скорой встречи.

Целую крепко. Люба".

Папино письмо маме. Мама присылает мне все папины письма, а я для неё собираю все его письма ко мне, чтобы, когда она приедет в Топтуны, дать перечитать...

"29.7.75

Дорогая Аня! Добрый день!

Ваше письмо получил. Как всегда, благодарный. Я думаю, тебе необходимо изменить квалификацию (хотя нам с тобой уже поздно менять, а могила сравнивает все квалификации). Ты столько в одном письме выдвинула против меня обвинений, Что, по правде, я ещё в жизни в одно время не имел столько обвинений. Я думаю, что из тебя был бы неплохой (а может быть, и хороший) ПРОКУРОР. Замечательно, женщина прокурор. В зарубежных странах (по отношению к СССР) для женщины это очень редкая должность. Попробую (не знаю, удастся ли мне это) немного "отбиваться" от твоих обвинений. Первое. На Семёново темпераментное поздравление я сразу же ответил, даже помню, как начиналось это письмо, а именно: Дорогой Сеня!

Хотя ты и бухгалтер, а удивительно, с бухгалтерской точностью телеграмма пришла в день, час моего рождения. Даже больше. Когда мои друзья, приятели пришли поздравить, я, конечно, прочитал им телеграмму (немного скорректированную), они удивились и "пришили" мне дело. Дело в том, что телеграмма из Москвы и подписана "Семён". Они посчитали, что я получил от Будённого. Отказываться, за

стаканом, было некогда. Откуда я, мол, его знаю? Говорю, он воевал в наших местах в Гражданскую, и я там рос, встречались. Я, мол, когда красная конница проходила через Александровск, так тогда называлось, кто помнит, наше Запорожье, я, 15-летний мальчонка, ему воды из доброго колодезя принёс попить... Так Семён Михайлович, выходит, вспомнил и поздравил. Ну, это всё, конечно, между прочим...

Семёна я, к сожалению, поздравить не мог, ибо домашнего адреса не было, а из Москвы, до востребования, письма возвратились. Во-вторых, поскольку он прекратил переписку, у меня уже шли в голову дурные мысли, ибо он и я писали "неосторожные" письма, и я думал, что он получил взыскания за переписку с заграницей. Хорошо, что у него была какая-то другая причина, но я не имел от него письма ровно полгода. Это было первое в этом 1975 году.

В отношении ценообразования меня это особенно не интересует. В каждой стране есть особые специфические условия и каждая делает так, как ей лучше. Я сейчас не экономист, но замечу, что эта отрасль или, вернее, наука очень интересная. Возьмем, например, хлеб. Несмотря, что СССР покупает в большом количестве пшеницу от Австралии, Канады, Америки, хлеб у Вас самый дешевый в целом свете, а вот возьмем Австралию. Она в большом количестве производит пшеницу, продает её в СССР и многим другим странам (например, много продает Китаю, Англии, Чили и т.д.), а то и так отдаёт голодающим странам - Индии, Индокитаю - десятками, сотнями тысяч тонн, а хлеб стоит в Австралии очень дорого. 1 кило стоит примерно полдоллара. Спрашивается, почему? Специфические условия. Здесь очень высокая заработная плата (примерно 3 долл. в час), а выпечка хлеба очень трудоемкий процесс. Хлебозаводов нет, только

кустарные мелкие пекарни. Хлеб пекут только ночью и каждый день, включая воскресенье. Хлеб продают только свежий. Вчерашний хлеб не продается, а возвращается пекарням, которые за копейки продают на откорм свиней или просто выбрасывают. Самый дешевый продукт питания здесь это сахар. Килограмм сахара в розничной сети стоит 23 цента, т. е. 4 кг за один доллар. Обратно, почему? Ибо нарубили сахарный тростник (он растет сам, его не обрабатывают), напрессовали, прочистили и готов сахар, мало затрачено на рабочую силу. А вот возьмем **конфеты** (так и мама Аня писала всю жизнь, вместо **конфет**), которые делаются почти только из сахара, то их килограмм стоит (обыкновенных) примерно два доллара. Это я написал между прочим, и меня оно не трогает, ибо мне уже не до того. Состояние моего здоровья очень плохое. Сейчас больше недели шатаюсь по докторам, по госпиталям, по специалистам. Кроме моей основной болезни (которая меня не очень трогает), есть ещё какая-то серьезная болезнь, лечение которой - безнадежное. Откуда я заключаю, что серьезная, это то, что ни врачи, ни мои родные, которые имеют связь с этими врачами, не говорят, в чем дело и не дают мне диагноза. Всякие дурные мысли приходят в голову, даже все чаще и чаще приходит мысль о самоубийстве. Да, стоит вопрос, зачем же жить? Все уже потеряно, и какая разница, закончим ли сегодня или завтра. Вот такие дела, Анечка.

Однако, несмотря ни на что, пиши.

Целую крепко, Стась".

Такое же тёплое письмо пришло и мне:

"29.7.75

Дорогой Сеня!

Наконец, ты отозвался. Я уже думал, что у тебя непредвиденные неприятности, а потому и решил тебя не беспокоить. Живу по-прежнему, шляюсь по докторам и госпиталям.

Интересного в жизни нет абсолютно ничего. От такой бесцельной жизни, чтобы забыться, играю в "коньчки" (races – скачки). Впрочем, играю не только я - играет вся страна.

Играю во всевозможные лотереи. Коньчки бегают почти каждый день (бегают даже собаки), а лотереи примерно раз-два в неделю. Ну, коньчки ещё ничего, иногда и выигрываю, а вот с лотереи ещё никогда. Да, по правде, я и играю не для выигрыша, а чтобы убить время.

Да, I am very sorry, что по целому ряду зависимых и независимых причин не смог участвовать в В/новоселье. Постараюсь исправиться. (Лучше позже, чем никогда). А потому напиши, что для Вас всех лучше – выслать ли посылку или пару сот Ав. долларов. Если Вам желательно первое, то черкни, что бы хотели в первую очередь. Посылка идёт 3-4 месяца, не меньше. Доллары скорее, да и удобнее. Одним словом, пиши, не стесняйся.

Да, мой приятель, такой же пенсионер, как и я, который часто приходит ко мне за подкидным убить время, имеет в Москве сына-инженера. Раньше он имел с ним переписку, посылал ему посылки и т. д. Сейчас более двух лет переписка по неизвестным причинам прекратилась.

Его адрес:

*Москва. Люберцы. Октябрьский переулок, № 60 кв. № 40
Фрояниной У. А. (или Трояниной)
Для Лагутина Валерия Ивановича.*

Отец – Лагутин Иван Игнатьевич. Если будет полчаса свободного времени, черкни ему и скажи, что отец просит обратно наладить переписку. О результатах просьба сообщить мне.

Ну, кажется, пока всё.

Целую крепко тебя, маму и Наташечку.

Да, думаю, что когда была у Вас Ксения (Зайка), то сделали, конечно, групповое фото. Пришли снимок. Тато".

Чего-то он не понял. Мы писали ему о том, что Наташа поехала на каникулы в Запорожье и проведёт их, видясь с Ксеньей... Эх, знал бы отец, что я сам мечтаю, чтобы когда-нибудь увидеться с Ксенечкой...

Работы в Московской дирекции всё прибавляется. Недавно Аркадий Гольдберг и Костя Костенко-Красный слетали в командировку к чёрту на кулички в Киргизию, в город Ош. Там вроде намечено строить один из первых автосервисных центров ТопАЗа. Дескать, неподалёку в горных долинах большие контингенты “карандашных” частей, предполагается использовать наши тягачи, ну и, понятно, сразу ремонт и техобслуживание экстракласса...

И Аркаша, и Костя долго откручивались от командировки, – кому Турин или Марсель, а нам какой-то Ош... Обидно, в самом деле... Но пришлось лететь.

Зато когда вернулись, вся Московская дирекция смеялась неделю.

В Быково ребят встречал Ким Маратович Загогулин, сам человек-легенда. И он не станет врать, как встречал. А встречал у трапа, потому что арендованные самолёты ТопАЗа базировались на Быково, и там нас считали за своих, выпуская прямо на поле.

Ребята загодя дали телеграмму из Оша, прося встретить с бортовой машиной. Чем очень удивили начальство. Кроме различных служебных бумажек в виде протоколов и актов согласования, никакого багажа у командированных не предполагалось. И на тебе – встречайте с машиной, да ещё и грузовой... Верблюда, что ли купили по дешёвке?..

Антонов покачал головой, но разрешил сгонять в Быково на “ГАЗ-53”. И даже своего зама Загогулина не пожалел на такое дело.

Из “Як-40” первым, как и положено, вышел командир корабля и пилоты. Они, весело переговариваясь, нетерпеливо удалились в аэровокзал. Не задержались и несколько пассажиров явно киргизского разлива, потопавшие гуськом за экипажем.

Ленивое белёсое московское солнце нехотя заглянуло было в иллюминаторы самолёта, но, не найдя ничего интересного, закрылось лёгким облачком.

Из чрева **ЯК-40** показалась стюардесса и призывно махнула рукой Киму Маратовичу. Он понял так, что нужен внутри салона для какой-то помощи, и тотчас поднялся по трапу.

Через полминуты Загогулин спустился на землю с огромным, но явно лёгким тюком кубической формы, покрытым мешковиной. Следом спустились Гольдберг и Костенко-Красный, на-пару неся такой же тюк...

Когда командированные вернулись в родной коллектив, то тайна тюков раскрылась сразу, как только Галка Бочонкина не утерпела и проделала карандашом дырку в мешковине.

– Ура! Одеяла!!! Верблюжьи!!!

Коллеги тотчас сгрудились вокруг тюков, положенных в углу трапезной у стола Гольдберга. Начался дружеский допрос.

Оказалось, командированные ребята не растерялись в предгорьях Памиро-Алая. Когда добрались до пункта назначения и отметили командировки, им показалось, что в бедном городке, затерянном в мире гор, не только делать нечего, но и на память ничего не подобрать. Однако экскурсия на базар изменила их мнение об Оше.

Чудные, настоящие, ручной работы верблюжьи одеяла нежились стопками на солнцепёке, вызвав непровольное слюноотделение у непрошенных гостей из Москвы. Шикарные, двуспальные, два на два метра, с заумными инопланетными узорами, они величественно возлежали под ультрафиолетовым солнцем Киргизии.

Когда Костя и Аркадий узнали цену – 30 рубликов за штуку, они тотчас переглянулись и стали торговаться. Удалось сбить цену до 25 рублей. Каждый приобрёл по 10 штук!

– *Налетай!* – Пригласил Костя. – *По двести пятьдесят, как коллегам, отдам!*

Грета Зиновьевна, как правнучка дворянки-неудачницы Веры Засулич, разбиралась в хороших вещах, и к ней всегда обращались за советом, если что брали друг у друга с рук.

– *Не дорого – по двести пятьдесят?* – Спросил Грету Зиновьевну Диамат Тевиевич. Он тоже собирался взять одно, потому что у его давней пассии приближался день рождения. А такой интимный подарок будет очень кстати.

– *Что вы, Диамат Тевиевич,* – успокоила его и других взволнованных покупателей Грета, – *такие одеяла в комиссионке дешевле, чем по 320-350 не найдёте...*

И – налетели. Понятно, что после Диамата Тевиевича, как старшего по званию. Ким Маратович хапнул два. Одно для московской дочурки, другое – в законную семью в Топтуны...

Люди толкались, лезли без очереди, договаривались друг с другом, кто кому сколько одолжит до получки... И никто не предложил коммерсантам снизить цену хотя бы для своих друзей...

Не прошло и часа, как все одеяла разошлись в Московской дирекции, и счастливые командированные сели писать отчёты по замечательной командировке, а не менее радостные покупатели терпеливо заворачивали покупки в чертежи ТопАЗа...

Вот написалось, что Загогулин хватанул два одеяла, но любопытные читатели, уверен, расстроились – зачем Киму Маратовичу такой расход, да и о какой московской дочурке печётся образцовый семьянин Загогулин. Придётся рассказать историю падения Кима Маратовича хотя бы кратко.

Ещё в 72-м, когда Московская дирекция ТопАЗа только разворачивала свою бурную деятельность, многих топазовцев прикомандировали к ней на два-три года, пока не завершится подготовка производства автомобилей, а в Топтунах не построят город и комплекс заводов.

Так появился на Таганке и Ким Маратович Загогулин, заместитель начальника управления, молодежавый, спортивный, весёлый, перспективный. Конечно, он оставил в Топтунах, как местный кадр, жену и двух пацанов, о которых поминутно рассказывал москвичкам, работавшим под его началом. И очень даже имел среди них успех, как интересный рассказчик и редкостно порядочный человек.

И Татьяна Дрюкова, симпатичная женщина лет 35-ти, заслушивалась монологами Кима. Ну, вы же понимаете, – вначале было слово.

Однажды выпало, что с работы Ким и Татьяна пошли вместе. Вместе постояли на остановке в ожидании 16-го троллейбуса,

вместе нырнули в метро на **Таганской**.

Татьяна жила на Волгоградском. На этом же направлении располагалась и общага Кима. Естественно, джентльмен он и на Волгоградском проспекте джентльмен.

Провёл Татьяну до подъезда, а она, в свою очередь, не будь дурой, пригласила воспитанного мужика на чашечку кофе. Так, без всяких там пошлых намерений. Просто отблагодарить хорошего человека за его любезность в троллейбусе и метро.

Жила она в приличной **двушке** на шестом этаже ещё новой, брежневской девятиэтажки. Одиноко и скромно. Родители где-то в Калуге, а она вот, после филфака МГУ, осталась в Москве, вышла замуж, но не сложилось. Оказался гуляка, да и к тому же не хотел обременяться детьми. Но зато оставил квартиру и всё барахло. Встал и ушёл. Такие вот в наше время муженьки. И приходится одной пробиваться по жизни...

Время пролетело быстро, и Ким Маратович, чтобы не заявляться в общежитие неприлично поздно, засобиравшись отчаливать домой.

– Спасибо, Тань, за бесподобный кофе и приятный разговор. Ты интересная, умная женщина, и у тебя всё ещё наладится и образуются!.. Какие твои годы!..

Татьяна приготовилась уже было отпирать дверь, чтобы выпустить гостя, как вдруг её лицо озарилось какой-то сильной внезапной мыслью.

– Ким, а что если я попрошу тебя о небольшом одолжении? Сделаешь, не пожадишься?

– Таня, что за вопрос! Если это в моих силах, то для тебя – сделаю! Потому что тебя уважаю! Так в чём проблема, говори, а то мне уже пора бежать на метро.

– Знаешь что, Ким, сделай мне ребёнка!..

Ким оторопело уставился на хозяйку.

– Как это, Таня? Ты в своём уме? Подумай, что говоришь! Я ведь женат, у нас дети и живём отлично...

– Ну и что! Я же не призываю тебя изменить жене или разойтись с ней. Я вообще ни на что не претендую. Просто я хочу родить ребёнка. Мне ведь уже 35. Бабий век короток.

Хочу иметь ребёнка не от московского пьяницы или хулигана, а от умного, красивого, порядочного человека.

Рожу, и к тебе никаких вопросов, никогда и ни при каких обстоятельствах, понял? Только помоги, будь человеком!..

И Ким не устоял. Он остался. И помог бедной Татьяне...

Конечно, Татьяна не Брижит Бардо, но и уродиной её не назвать. Всё при ней в разумных пределах. Разве что язычок тот ещё, но язвительность объясняется дружбой с Ирккой Длинной Лошадью.

Ким неделю ходил, как в воду опущенный. Сгорал от стыда за свою минутную слабость. Случайный каприз Татьяны больше не повторился, провести её после работы как-то не складывалось, да, если честно, Ким старался и не попадаться ей на глаза лишний раз, чтобы не попасть снова на кофеёк.

Татьяна вела себя так, как будто между ними ничего не произошло. И Ким успокоился, посчитав, что, кажется, пронесло, и никакой беременности не последовало.

Но через пару месяцев по Управлению прошёл слух, что Дрюкова беременна и ждёт не дожждётся малыша. Ким испереживался, но Татьяна молча проходила мимо него при встречах, никак себя не выдавая ни словом, ни взглядом перед другими сотрудниками. И даже при редких встречах наедине лишь осторожно улыбалась, ничего не говоря.

Природа неумолима, и через восемь месяцев Татьяна ушла в декрет и в положенный срок родила весной 74-го года прелестную дочурку. Назвала Оленькой. Коллеги тепло поздравили счастливую маму, а Ким Маратович находился в странном волнении.

Вроде и не касалось его Танино материнство, но в то же время и какая-то гордость от тайной сопричастности к событию имелась. И не маленькая.

Прошло несколько дней. Однажды Длинная Лошадь затронула Кима Маратовича на выходе из трапезной.

– Ким Маратович, у меня для вас хорошая новость. Вы включены в список допуска для возможного оформления загранкомандировок в капстраны.

Если не трудно, захватите завтра с собой паспорт, вдруг мне понадобится уточнить анкетные данные...

– Ирина Ивановна, без проблем. Паспорт, партбилет и военный билет у меня всегда с собой.

– Вот и отлично! Хотя это я для перестраховки. Вряд ли понадобится что-то уточнять, ведь список уже не раз проверялся в Минавтопроме...

Следующее утро одарило отличной июньской погодой. Москва смотрелась городом из сказки. Ким Маратович, упруго шагая по Таганской улице на любимую работу, напевал *“Утро красит нежным цветом стены древние Кремля..”* и, как ребёнок, смотрелся в свежевымытые витрины магазинов, подмигивая собственному отражению.

И нисколько не обиделся, когда ему хлестанула по ногам тяжёлая струя из-под машины-поливалки. Он только шужливо

погрозил кулаком водителю, отряхнул штанину и, продолжая напевать, ускорил шаг.

Антонова ещё не было, и вся интеллигенция управления дружно осела в курилке под столетней липой, наслаждаясь кто первой, а кто и не первой сигаретой. Тары-бары-растабары... Костя Костенко-Красный что-то вычитывал во вчерашней **Вечерней Москве**. Инспектор Первого отдела Ирка Длинная Лошадь о чём-то крепко спорила с Гретой Зиновьевной. Народ ещё толком не проснулся и шевелил плечами, разминая их в потягушечках.

Галка Бочонкина подошла к Загогулину, улыбаясь от уха до уха.

– *Ким Маратович! Через две недели нашему Управлению исполняется два годика! Юбилей. С Вас статья в стенгазету! Лучше – к концу дня. Самое крайнее – завтра!..*

– *Сделаем. Вот прямо сейчас, до планёрки, сяду и накатаю!* – Пообещал Загогулин, направляясь ко входу в бывший храм господен. Он курил редко, раз в году, своих сигарет в карманах не держал, и поэтому интереса для курильщиков никакого не представлял.

Когда он поднялся в трапезную, там ещё почти никого не было, одна Инга Изотовна подбирала какие-то материалы для доклада Антонову.

Ким Маратович отпер кабинет в алькове, где он обретался с Антоновым и Рабиновичем, и уселся за свой письменный стол, намереваясь достать из тумбы бумагу и начать сочинять заметку.

Зазвенел телефон, и пришлось взять трубку.

– *Доброе утро! Ким, ты очень занят?* – Спросила трубка голосом Татьяны Дрюковой.

– *Нет... А что случилось?..*

– *Ничего не случилось. Сегодня я несу зарегистрировать Оленьку. Ты не мог бы мне помочь дотащить её до ЗАГСа, а то*

коляски ещё нет, а я боюсь, справлюсь ли. Это недалеко от меня, два квартала... Постоишь у ЗАГСа, пока я зарегистрирую...

– Что за вопрос! Я сейчас подъеду. Напомни номер твоей квартиры.

– 59-я. Шестой этаж. Но тебе не надо никакого номера, я буду ждать у подъезда. Хорошо?

*– Да, выходи через полчаса. Я уже иду. Доберусь **тролликом** и на метро...*

Когда Загогулин добрался до дома Дрюковой, она уже ждала его у подъезда с нарядным конвертом из розового байкового одеяла, опоясанным широкой красной лентой. Внутри что-то слегка попискивало и робко шевелилось.

– Хочешь посмотреть на своё произведение? – Спросила Татьяна.

– Покажи! – Покраснел Ким.

Татьяна приоткрыла уголок конверта, и Ким увидел миленькую розовую мордашку.

– “А ведь моё!..” – С некоторой гордостью подумалось Киму.

– Похожа? Или не узнал? – Засмеялась Татьяна. *– Держи! Осторожно!!! Ты что, никогда младенцев в руках не держал? Кто же так держит! Вот так надо! Левую руку под дитя, а правой придерживай! Пошли, а то опоздаем!..*

Идти получилось, действительно, недалеко. У ЗАГСа никакой очереди не оказалось. Ким приготовился отдать ребёнка маме. Она, было, потянулась к конверту, а затем, виновато улыбнувшись, тихо сказала:

*– Ну, вот, зайду я сейчас, как дура, одна с дитём... **Одноночка** лимитная да и только. Стыдобушка! Может хотя бы зайдёшь и поддержишь девочку, пока я бумаги оформлю?*

– Конечно, пошли! Что за вопрос?

Зайдя внутрь учреждения и разобравшись, в какой кабинет надо обращаться, Татьяна и Ким очутились, наконец, перед регистраторшей, толстой бабой свирепого вида.

– Давайте бумаги и паспорта! Мне на планёрку пора бежать...

Татьяна подала пачку бумаг, а регистраторша стала в них разбираться, заполняя какой-то журнал.

– Так. Кто у нас отец? – Строго спросила она парочку, не поднимая глаз.

– Я... – Робко ответил Ким Маратович.

– Понимаю, что вы, а не Аркадий Райкин. Паспорт давайте!

Ким Маратович крепче прижал дитя и, изловчившись, достал из внутреннего кармана пиджака паспорт.

– Так. Подождите на диване. Я заполню бланки...

– Только, пожалуйста, – попросила Татьяна, *– напишите Олечке мою фамилию. Мы с Кимом Маратовичем не расписаны...*

– Вижу, не слепая, – парировала регистраторша, *– вот же у него штамп о браке с другой дамой!.. Да и детей успел настрогать!..*

Ким и Татьяна дисциплинированно присели на обитый коричневым кожмитом диван. Татьяна прижалась к плечу Кима, уткнувшись лицом в рукав пиджака от “Большевички”. Из дивана разило дуством, а от недавно вымытого линолеумного пола пахло помойным ведром и хлоркой.

– Готово! Подойдите и распишитесь в получении Свидетельства о рождении Ольги Кимовны Дрюковой. Поздравляю!..

Когда Ким и Татьяна вышли на улицу, мир опять принял их в ряды всего прогрессивного человечества. И солнце опять засияло ласково и справедливо.

– Ну, вот, а ты боялся... – Улыбнулась Татьяна, забирая конверт с Оленькой у своего подъезда. – И никто никогда не узнает, как ты меня выручил... Беги на свою любимую работу, а то мне уже пора её кормить...

Следующие дни навалились на Кима Маратовича бесконечными заседаниями, командировками, небывалой жарой в июле и августе, что очень тяжело переносилось в Москве белокаменной.

Однажды из Топтунов до Кима Маратовича дозвонилась жена и срывающимся от гнева голосом велела ближайшим самолётом лететь домой.

– Зачем? Что за спешка? У меня же дел невпроворот! – Попробовал отложить Ким, но жена была непреклонна, и он договорился с Антоновым, что завтра с утра полетит арендованным самолётом выяснять, какая муха укусила жёнушку.

Но лишь только Загогулин вошёл в квартиру и увидел жену, идущую на него в атаку с какой-то бумажкой в руке, как сердце наемкнуло на самое худшее, на такое, чего никак не может быть...

– Так вот как ты строишь ТопАЗ! Скотина непутёвая! Разератник! Собирай свои кальсоны и трусы, и чтобы я тебя больше не видела! Лети в свою Москву и наслаждайся жизнью с профурами столичными!..

Полина зарыдала и упала на диван, содрогаясь от обиды.

Ким поднял с пола бумагу и быстро пробежал глазами текст. Это был исполнительный лист, обязывающий его ежемесячно выплачивать на содержание дочери Ольги Кимовны Дрюковой 25 процентов заработка до достижения ею 18-летия...

Но ведь Таня обещала, что ни одна живая душа... никогда... ни при каких обстоятельствах...

Какое предательство! И он, Ким Загогулин, действительно скотина неблагодарная. Хорошо, что сыновья в школе и не видят этой мерзкой сцены!..

Значит, так. Мужчина должен позор принимать молча, по-мужски, в лицо. Объяснения излишни, Полина не заслуживает извинительного скулежа и неискренних утешений. Любые слова будут ложь и словоблудие.

Ким молча принёс из кухни табурет и достал из антресоли старенький фибровый чемодан. Сходил ещё раз и вернулся с мокрой тряпкой. Протёр. Открыл. Проверил замок.

Из платяного шкафа достал, сколько рука взяла, трусов и маек, с плечиков снял выходную рубашку и летний, кофейного цвета, вельветовый костюм. Пару neodёванных капроновых носков с фабричным ценником, подарок Полины ещё на 23-е февраля, сунул в карман на крышке чемодана. Туда же пошли и несколько галстуков с навечно завязанными узлами.

Полина недвижно сидела на диване, изредка всхлипывая и шмыгая носом.

Ким закрыл чемодан и поднял его правой рукой. Всё. Это – конец счастливой, дружной жизни. Конец планам и ожиданиям. Конец всему. А впереди партком, профком, товарищеский суд, и карьера наперекосяк...

– Ну... – Выдавил из себя Ким. – *Прости меня, Полечка! Так вышло...*

Он повернул к двери, чтобы сделать последние шаги в своём доме и первые в неведомое одиночество.

– *Ким, погоди!* – Остановила его Полина. – *Ты же не рассказал, что случилось? Тебя охмурили? Как было дело? Говори, я постараюсь хотя бы понять...*

Она подошла к Киму, отобрала чемодан и усадила мужа на диван. Села рядом, как бывало всегда, когда он приходил, истерзанный хамскими планёрками или партийными разборками. Как ребёнка, прижала его к груди, ласково обняла.

И он начал свою исповедь, плача и глотая слюну обиды и подлости. Честно всё рассказав, уткнулся лицом в тёплое, родное тело жены и замолк.

– Знаешь, Ким, я, конечно, знала, что ты романтик, джентльмен, глубоко порядочный человек, иначе я бы за тебя не вышла.

Но что ты такой простодушный дурак, никогда бы не подумала...

Мой руки и иди на кухню. Я как раз пельменей наделала, пока умоешься, и обед готов будет. Да и мальчики скоро из школы нагрянут. Давно отца не видели...

Вот так и получилось, что Полина простила своего бестолкового Кима, и теперь у него две жизни. Одна в Топтунах – там он воспитывает двух сыновей, а другая в Москве, где растёт очаровательная Оленька.

Татьяна Дрюкова даже разрешает Киму раз в полгода видеть дочку. И такие дни для Загогулина – праздник.

Общественность и Московской дирекции, и Управления в Топтунах поначалу бурно обсуждала нестандартный сюжет, даже некоторые осуждали коварную Татьяну, но большинство оказалось на её стороне, дескать, а как бы вы на её месте поступили? Дитя ведь надо растить, а мужик должен был понимать, на что подписывается!..

И в курилке самостоятельные мужики тоже долго смеялись. Надо же, на какую дорогостоящую, прости господи, даму нарвался Ким Маратович. Всего одну ночь щупал, а 18 лет будет платить,

как миленький...

Сам Ким сделал выводы из романтической истории, посвятив себя жене и сыновьям. Он и до того практически не пил и не курил, а теперь так вообще начал вести спортивный образ жизни, экономя на всём. Даже стригся "под ноль", как зэка. Короче, заработал сдвиг по фазе.

Дневник.

04 августа 1975 года

"30/VII – вечер.

Здравствуй, мой милый!

Сегодня ходила на телеграф и получила от тебя письмо. Ужасно обрадовалась. Настроение сразу подскочило вверх. Я, сознаться тебе, не ожидала быстрого письма. Ты ведь привык редко писать, теперь, надеюсь, будешь присылать весточки о себе почаще. Я тебе послала одно письмо. Надеюсь, что ты его получил и узнал о моем согласии. Теперь я с нетерпением жду встречи с тобой, чтобы все обсудить. Главное сейчас, узнай о росписи в ЗАГСе. Можно ли устроить так, чтобы мы сразу расписались. Ведь везде заявления подаются за 3 месяца. В общем, хлопот не оберёшься, но мне так хочется быть поскорее с тобой рядом. Ведь я тебя очень люблю и о тебе думаю каждый день.

Твои слова, которые ты сказал мне в "Софии", остались горечью в моем сердце. Ты так обо мне никогда не думай. Просто у меня тогда было какое-то странное настроение. Мне почему-то даже реветь сейчас хочется, но не буду разводить воду. Я знаю, что ты меня любишь, и эта любовь у нас взаимна.

Сенечка, береги себя и заботься о своём здоровье. Не

переутруждай себя работой, не засиживайся долго на работе. Делай всегда так, как ты написал мне в письме.

*А мы дом должны сдавать в августе, но ещё даже не начиналась **малярка**. **Стяжку** мы уже кончаем на крыше. Крыша очень интересная. Чердак занимает целый 17-й этаж и ещё полдома 18-й, для сушки белья пристройка. Правда, не знаю, кто его там будет сушить.*

В прошлую пятницу ходила в больницу. У меня после твоего отъезда каждый день кололо в правом боку. Решила провериться. Гинеколог сказал, что всё хорошо. Я боюсь, как бы опять не забеременела. В начале месяца жду месячных, тогда тебе напишу.

Ну, родненький, кажется, всё.

Крепко, крепко тебя целую.

Твоя Любаня."

16 августа 1975 года

Телеграмма от Любы:

*"НАТАЛЬЮ ВСТРЕЧУ ТЕЛЕГРАФИРУЙ ОБЩЕЖИТИЕ
РАНЬШЕ=ЛЮБА"*

19 августа 1975 года

Письма от мамы:

"Дорогие мои дети!

Долетели мы до Москвы благополучно, еле остались живы, закачались и так тархтел мотор, что вышли глухие, летели 2 ч. 30 м., в Москве встретила нас Маня, потом автобусом

поехали до метро **Таганская**, зашли в него и доехали до Курского вокзала. Там расплатилась за билет с Маней – она взяла мне билет на 165 поезд (идет **Москва-Запорожье**), отправляется в 3 ч. 05 м. ночи – немного поговорили. Она интересовалась, как у тебя с работой?

- А что именно, - я говорю. Она ответила, что вообще, как он работает, он же начальник РТИ?

- Так мне написала Наташка, - ответила она. И сколько, мол, ты получаешь?

Я ответила, что работаешь нормально, а получаешь 160 р.

Также спросила, женился ты или нет? Ей Тоня ответила, что нет, ну а Верка здесь всех уверяет, что ты женился и т. д.

Я её спросила, почему она по телефону мне тогда сделала выговор? Она говорит, что это Вы не поняли. Мне, говорит, нужно Ксеню уговорить, чтобы она не ехала в Запорожье, а потом она, Маня, поедет в Запорожье и дети тоже и т. д.

- Ну ладно, - говорю, - пусть будет так.

- Ксения, - говорит Мария, - поправилась и подросла, вид хороший у неё...

Я говорю, что вообще всё было хорошо. В общем, сдали мы Ксенечку на 5 с плюсом.

Сегодня, 12/8, сдала в редакцию объявление на размен квартиры, уплатила 6 р. 50 к. и будет напечатано в "Запорож. Новости" 23/8, а пока что я клею объявления. После редакции я зашла в книжный магазин и выкупила 2 книги, уплатила 4 р., больше книг, говорят, за это время не поступало – потом зашла на почту, уплатила за свое жилье за июль и август 10 р., сходила к Анне Романовне, провела её, она дала нам 4 банки варенья: крыжовник, малину, смородину черн., смород. красн. и ещё что-то, так что будет мне что привезти – и обещала дать сушки яблок – пойду немного погодя. Сушку я пришлю

почтой. Завтра пойду на Большой Базар и там ещё куплю ещё куплю для отправки – отправлять буду после 24-го числа. Других новостей у меня пока что нет – есть, правда, такая новость: очень вдруг заболел затылок и сердце.

Попадают ещё новые виды кактусов, наверное, придется их взять и т. д. Смотрела в воскресенье свинку (хомячка) и не было. Очень я переживаю, как моя внученька Наташенька ездит одна обедать в столовую? И прошла ли уже практику?

Сеня, жалею ребенка – это вся её жизнь, не кричи на неё, она и так забитый и затурканный ребенок, что ей будет вспомнить о детстве?

Береги себя тоже – проверь глаза.

Жду от Вас писем, очень скучаю, а Вы?

Смотрела моя знакомая **по планете** и сказала, что тебе нужно придерживаться светлой масти, а чёрная масть для жизни не годится.

Так, на этом закругляю письмо.

Жду от Вас писем.

Целую крепко-крепко. М. и Б.

13/8-75 г.

Когда в Москве ожидала поезд, то чуть не проспала его, как хватилась, выскочила на перрон, а мой поезд уже готовится к отправке, а я сидела в вокзале и дремала – вот был бы номер?

Привет Свете Борисовне, как, приехали её родные? И как им в Топтунах?"

20 августа 1975 года

Телеграмма из Москвы:

"НАТАШУ ВСТРЕТИЛА ЦЕЛУЕМ=НАТАША ЛЮБА"

Прошло-пролетело три месяца. Вот уже и конец августа. Осень на пороге. Работы всё лето было – завались, поэтому вследствие большого напряжения на службе Семён очень уставал и, как результат, даже не имел реальной возможности и сил писать письма или хотя бы отвечать на самые важные. Хотя, честно говоря, писать ему сейчас о Топтунах не о чем и не о ком. Разве что о том, как незаметно подкрадывается осень, а лето мелькнуло цветастым платком и – адью!..

Правда, на днях приезжал в гости к Ляхам В. Г. Кузькин, Светин отец, а Витин тесть с тещей Валентиной Константиновной. Естественно, в эти дни все запорожцы часто встречались, вместе объехали заводы комплекса, много обсудили топазовских дел и проблем. И что характерно - вся прежняя запорожская грязь, связанная с Церберовым и другими, нападавшими на Василия Георгиевича - всё это даже ни разу и не вспомнилось, настолько оно было в 71-72 г. г. грубо, по-пещёрному. Жаль, что этого человека так жестоко наказала судьба, а вернее сказать, его наказала неосмотрительность в выборе подчинённых.

Немало досталось тогда и Сербе, тому уже четвертый год, но вспоминать тошно. Хотя был момент, когда и Семён стал, было, сомневаться в В. Г. Представить его трахающим кладовщицу Н. в смердючем складе резиновых деталей на грязных пыльных мешках было трудно, но ведь все так упорно углубляли детали, а парторганизация устроила целый процесс. Правда, кто только симпатяшку Н. не удовлетворял!..

Но с чего бы ей травиться уксусной эссенцией именно из-за Кузькина? Ну, дала, так дала. Получалось, что наиболее правдоподобна версия Фимы Шумахера - дала, не дала, великие дела! Поди, проверь! Но попытка отравления была хорошим шансом для шантажа В. Г., возможно, для ускорения получения квартиры. Но что-то девка не рассчитала и получила смертельный ожог пищевода. Помочь уже никто не смог.

Наташа вчера улетела на недельку в Москву, к Любе. Любаня, кажется, вполне серьёзно решила выйти за Семёна замуж. Такое дело... Разница, между прочим, не уменьшается. У Семёна, честно говоря, уйма всяческих сомнений, но, кажется, он склонен дать ей возможность сделать, как она хочет.

В конце концов, думал Серба, пусть проживу с ней пять или семь лет, но проживу их по-человечески. Но что скажут на это двоюродная сеструха Ольга и бедная мама? А бдительная топазовская общественность? Плевать! Пусть удавятся от зависти!..

Зато какая милая телеграммка пришла Семёну из Москвы! Девчонки прилетают послезавтра!

"ПРИЛЕТИМ 27 РЕЙС Ф-109 ВОЗЬМИ БИЛЕТ ОБРАТНО 31 АВГУСТА ЦЕЛУЕМ=НАТА ЛЮБА"

День 22 августа прошёл безалаберно. С утра Сербу вызвал Щепотюк (**Дублёр**). Подпиши, мол, письмо РИЗу с сообщением рецептур консервации закладной арматуры. Семён отказался корректировать и вообще братья за это письмо, сочинённое неизвестно кем, скорее всего самим Дублёром. Он, естественно, накинулся на непокорного:

- Ты не хочешь заниматься консервацией? Логинову вопрос перебрасываешь? Кому арматура больше нужна?

Серба ответил, что арматура равно нужна и ему, и Логинову, как начальнику техотдела, и ему, Щепотюку. Эдуард недоверчиво посмотрел на Семёна, не поверил и двинул копытом - не буду, мол, больше с тобой общаться! Семён буркнул, не лучше ли поговорить о недостатке арматуры, что очевидно после проведённого вчера снятия остатков на складе. Но Щепотюк далее разговаривать не пожелал.

Пришлось через десять минут пойти за решением вопроса к Сигналу. Тот дал пару дельных советов под волчьими взглядами **огинавшегося** в Сигналовском кабинете Дублёра. Сербе показалось, что все эти фальш-атаки Эдуарда неспроста. Он стал в глаза говорить - подавай заявление! Видимо, принял Барышникова месяц назад неслучайно. Скорее всего, попытается заменить Семёна, а если не удастся, то Мишу Красивчука. Одним словом, Барышников - это настоящий троянский конь. Сидит себе спокойно и выбирает, куда удачнее скакнуть.

А вчера вечером все вместе – Лях, Серба и Красивчук ходили в гости к Сигналу. Милейшему Борису Иосифовичу исполнилось 36.

Виктор сказал длинный тост, Семён сказал тост, Миша сказал тоже чего-то такое витиеватое и по случаю, что в итоге у него вышла почти Ломоносовская ода примерно следующего содержания:

- Друзья! Коллеги! Здесь собрались сегодня автомобилестроители. Каждый из нас приехал со старых автозаводов, пройдя выучку под руководством опытных и заслуженных руководителей.

И если отбросить несущественные побудительные мотивы, - как быстро получить хорошую квартиру, как смотаться в Штаты или в Париж в полугодовую загранкомандировку и

привезти машинёшку, как сделать молниеносную карьеру, как отвязаться от постылой жены и привольно расположиться с любовницей, то останется всего два главных вопроса топазовского бытия, - какие подберутся подчинённые и какие попадутся руководители.

Но если на выбор подчиненных можно как-то влиять, то руководителей, как и родителей, посылает судьба. В лице Бориса Иосифовича Сигнала судьба послала нам руководителя, который представляет собой образец современного делового человека в хорошем смысле этого нехорошего капиталистического слова, специалиста, глубоко разбирающегося в деле, сочетающего несочетающиеся вещи - компетентность с государственным взглядом на жизнь и с большой ненасытной человечностью к соратникам по трудовому подвигу на Топи!

Думается, что пройдут годы, и мы скажем счастливым старческим шёпотом, что мы были счастливы работать под знаменами Б. И. С.! Так выпьем и снова нальём за настоящего делового человека!..

Ну, Миша, ну, жулик! Наговорил комплиментов шефу...(Хотя, если по совести, без **булды**, то Сигналёнок – профессиональный лицемер-карьерист и обер-махер...)

Выпито было пять бутылок водки плюс вино, пиво и т. п. Съедено неимоверное количество всяких вкусных штук, которыми неутомимо потчевала гостей начальническая жена Бэлла Харитоновна.

Потом показалось мало, и все, кроме вконец окосевших хозяев, поехали к Сербе, и он малодушно вытащил припрятанную к Любиному приезду 0,8 литровую бутылку югославского коньяка "Матра", и, естественно, её уничтожили.

Денег у Семёна оставалось на утро 22 руб. при 720 руб. долгов. Поэтому, несмотря на боль в голове и членах, он поднялся в шесть утра, кое-как раскрутился и поехал на **толчок** толкнуть что-нибудь из книг. Продал на 18 руб. Всего уже продал книг примерно на 250 руб. Но финансовые дела оставляют желать лучшего.

Днём Серба ходил в универсам, купил мяса и прочего на шесть рублей. Вечером проводывал Ляхов. Родители ихние должны улететь завтра, если будет арендованный самолет на Запорожье от "Металлургомонтажа".

15.

27 августа 1975 года

Вот последнее папино письмо:

"Дорогой Семён!

Получил твое письмо, как раз приехал из госпиталя. Дела у меня плохие. Уже с месяц порядочно болею и не знаю чем. Кажется, в среду 3.9.75 будут делать пробную операцию, детали ожидаю официальным сообщением (письмом). Ну, конечно, уже пора. Спешу тебе ответить, хотя ты невнимательно читаешь мои письма или, ещё хуже, невнимательно отвечаешь на мои письма. Я просил в последнем письме ответить, в чей адрес выслать перевод или посылку, т. е. на твое имя или на маму. В твоём письме об этом ни слова.

*Сегодня высылаю чек на твое имя на наших 300 долл., а сколько будет по-вашему, не знаю. Получение чека срочно подтверди, ибо **иншурэнс** (страховка) не покрывает полностью*

сумму чека. Письма, к сожалению, выслать не могу, не имею ни времени, ни здоровья этим заниматься.

Жвачку тоже не вышлю, она стоит 70-80 коп., а пересылка будет \$ 5-6. Да, поверь, что и нет возможности. С первого сентября наша почта дорожает почти на 100%, так что заказное письмо к вам будет стоить чуть ли не 2 долл. Ну это не важно, в ноябре пенсия тоже повышается, но вопрос ещё, доживу ли до повышения.

Целуй за меня Наточку, а фотоснимки всё же пришли.

Целую крепко, Tato.

Чек № 3/3660 = 70-07-14 for £181-23.”

Первого сентября Станислав Серба провалялся на диване, и его меланхолию разделял один только верный принц Дагомей.

Послезавтра предстоит сложная полостная операция, и никаких гарантий на благоприятный исход никто, разумеется, не даёт.

Когда у человека за плечами 68 лет жизни, да ещё такой непростой, как у Станислава Степановича, то отдаваясь в руки мясников-хирургов, невольно задумаешься над тем, не **финита ли комедии?**

Ну, положим, **комедия** это так говорится, для самоуспокоения, для поддержки штанов. На деле пришлось прожить натуральную трагедию, да такую, что Шекспиру и не снилась.

Но всё равно, есть что вспомнить и по ком и о чём всплакнуть.

Отцов хутор “Сербы” стоял над яром, круто обрывавшемся в сторону красавицы Ворсклы. Распаханной земли за отцом Степаном Ивановичем было девять десятин да ещё луга под яром

на **леваде** десятин, может, и все десять – кто их мерил толком?.. И рядом же почти столько у Евгения Ивановича, брата родного.

Всё было. Жили не тужили. Детей да добро наживали.

А переселились сюда, в Правобережную Сокилку на свободные земли, в конце XVIII века из родового села Сербы под Лубнами, что на речке Оржице, – паны достали, совсем житья не стало.

За сто с лишком годков хутор разросся, понастроили много всего. Одних хат **справных** под соломой - четыре. Одна прадедова, в ней **хозяевал** вдовый Степан с единственным сыном Станиславом и младшими дочками – невестами на выданье, Марией и Ольгой. Стася-то и пришло время женить.

Старшая дочка Прасковья уже справная молодлица, давно выскочила за Назара Деменка и одарила внучкой Марийкой. Их хата, поновее, всегда свежепобеленная, вытянулась вдоль **шляха**, что вёл прямо в село.

Третья хата, в рядок, тоже ещё давней, первой постройки – гнездо Евгения Сербы, единственного Степанового родного брата. Там народу погуще завелось. Жена Меланья, дочка на выданье Оля, сынок Петро – ещё парубок.

А там, за пышными вековыми вербами, прятался глубокий **ставок**. Его, к удивлению селян, за два лета выкопал Прасковьяин Назар. Такой вот работающий и упёртый Параске попался. Все Деменки труженики великие.

Пруд из перегороженной **Жёлтой Балки** получился отменный. Назар закруглил и расширил стенки балки, а глину отвозил бричкой в устье, засыпая сделанную в начале лета из снопов верболоза гать. Постепенно. За первое лето плотина-гребля поднялась наполовину. И ещё Назар успел оставить дощатый **выпуск** для воды, чтобы после дождя или следующей весной, когда сойдут снега, талые воды сцедились в Ворсклу

беспрепятственно...

Так и вышло. Зато к концу следующего лета гребля выросла, как и было задумано Назаром. У одного берега Назар устроил в ней **водоспуск**, скотлив его из расколотых вдоль брёвен и скотлив над водоспуском мостик для перегона скотины и проезда подвод и прохода людей...

У каждой хаты с **причилка** немалый вишнёвый садик, хотя и яблони, и груши, и орех не жаловались на невнимание хозяев.

За хатами, отгороженными тынами от дворов и огородов, темнели тяжёлыми камышовыми крышами вместительные **клуни** – амбары для хранения зерна.

Отец Станислава Степан Иванович считался козаком небогатым, но и не бедным. Пара коней, пара волов, корова, полсотни овец, а может и больше – кто их считал. А уж гусей, уток и курей так точно гелготало, крякало и кудахтало немеряно.

Гуси и утки с утра косяками самостоятельно уходили через луга к Ворскле и возвращались только к заходу солнца.

Пока их не было, порядок в курином народе наводил рыжий пёс Барбос.

По обоим берегам бывшей Жёлтой Балки у ставка разметались роскошные луга, там и сено косили, и дети выгуливались, а то и парни с девушками могли когда вечером забрести...

Но главные сенокосы были внизу, на берегу Ворсклы, на **леваде**. Луговой **пойменный** берег там был размечен и записан за хуторянами, но большая часть принадлежала сокилянскому батюшке. Так что поповы луга и звали соответственно – **Попово угодьё**...

Жили просто и ладно. Всё – сами. Хозяйство местных хуторян не было богатым, правда, крепкие козаки держали, кроме коней,

ещё **по плугу** волов. У кого волов не было, пахали землю конными плугами.

Бабы жали вручную серпами и вязали снопы, укладывая их в копны. Потом через месяц, когда жатва заканчивалась, копны свозили во дворы, где и молотили. Но уже не **цепами**, как встарь, а конной молотилкой **Мельгозе**.

Сватов брат Иван Сидорович Деменко, мужик небедный, купил молотилку в Харькове ещё в августе 11-го года, как раз за месяц до убийства Столыпина. И харьковский завод сельхозмашин Э. И. Мельгозе, и торговый склад на Конной улице хорошо были известны хлебобобам Полтавщины.

Молотилка Ивана Деменка ходила **по людям**. То одни помолотят свой хлеб, то другие. Хозяину платили десятину с намолота. Так оно того стоило. Отмолачивались за два-три дня, а без молотилки пришлось бы всей семьёй до глубокой осени цепами махать. А вдруг дожди? Правда, привод молотилки требовал четыре лошадиных силы, так те, вроде Степана Сербы, у кого конячек мало, у родни одалживали коней помолотить...

Всё лето, кроме уборки хлебов, при подходящей погоде косили на лугах и сушили сено...

Всё было своё. И одежда, и обувка. Для того сеяли, сколько надо, конопля и льна. Коноплю косили, вязали в снопы и на зиму **притапливали** в ставке для мягкости. Летом просушенные снопы конопля и льна били, мяли, получалось **прядиво** – пучки прочных волокон. Из них бабы и девки пряли на прядках нитки. Полотно ткали на самодельных ткацких **верстатах**, мочили, расстилали сушить на траве, красили, отбеливали...

На разные праздники, а в году до девяносто праздников господь бог и царь батюшка разрешали, в церкви ездили, а когда и ходили. Конечно, не все девяносто приснопамятных дней

вспоминали, однако раз в неделю по субботам дед Степан и зять Назар запрягали брочки и ехали с бабами и детьми в Сокилку в церковь. А церквей тех в Сокилке целых пять было!..

А если когда и помирал кто от ветхости, то хоронили на своём **цвинтаре**, за Назаровым ставком, в тени столетних осокорей и берестов... Зелено было **на гробках** от разросшейся сирени и барвинка, спокойно лежалось там прадедам...

Прасковья, что за Назаром, умела неплохо шить-вышивать, бабы к ней в очередь стояли пошить то, перешить другое. За это ей и огород пололи, и в заготовке варений-солений помогали.

Как праздники - резали ягнят и запекали. Дочка Проськина Маруся говорит в старости: как сейчас помню, хата на хуторе на горе, а внизу, под яром, на леваде, луга, травы высокие, цветов много жёлтых.

У мамы Паши самой первой родилась Аня. Она была ещё младенцем, когда мама везла её зимой на подводе в Сокилку проведать двоюродную тётю Килю, и чтобы не замерзла Аня, она её кутала под грудью своим кожухом, а ребенок задохнулся и умер. Вот такое случилось горе.

Любила Маня очень цветы. Летом, гуляя, далеко заходила от дома. Однажды потерялась, к **вечере** не вернулась, так кинулись искать. Искать маленькую Маню поехали воламы, волы испугались вскинувшейся совы, **схарапудились**, шарахнулись с дороги, но встали, как вкопанные, когда вроде наткнулись на что-то. Назар спрыгнул с брочки, глядь, а в ячмене Маня спит – в красном платочке и в ручке букетик **сокирок**... Значит, Бог сохранил и защитил!..

Ещё у Паши был маленький сын Гриша. В Голодомор в 33-м году бабушка Паша взяла своего самого меньшего Гришу, ему было 4 годика, и старшую Наташу и оставила на пристани на

людях, не хотела им голодной смерти. Гришу, говорили, взял и повёл какой-то военный, а Наташа оказалась в детдоме. Но судьба маленького Гриши так и осталась неизвестной.

Через год, когда немного стало легче, дед Степан Серба нашёл Наташу и забрал из детдома. А от Гриши только и осталось в памяти семьи, что когда Гриша Деменко был маленький, то любил говорить: – **Нэма хлиба, нэма сала, п’ятыричка всэ забрала!**

Последние сто лет перед освобождением крестьян в Украине шёл непрерывный отток селян на юг от закабаления в крепостничество. Но как ни убегали вольные козаки на свободные земли, помещики наступали следом. О хозяйстве старейших панов Лучинских на левом берегу ничего не известно. А вот укоренившийся недалеко от Сокилки, за дальними хуторами, Фёдор Иванович Питкевич имел 5 плугов, стадо коров серой украинской породы и полсотни крестьян, привезённых им из Вятской губернии. Его крестьяне имели собственных 2 плуга, работали 4 дня пану и 2 себе, безлошадные получали 3-й сноп, женщины пряли и на пана, сколько попросит панна. Ещё у пана паслось несколько свиней и табун в 15 маток с одним жеребцом.

Сын его Тимофей Фёдорович построил винокурню.

Обилие лугов давало возможность держать по 2-3 десятка лошадей.

Но только в 1861 году помещичье иго рухнуло благодаря толковому царю-батюшке Александру II.

Вот с тех времён и начался расцвет хуторов вокруг Сокилки.

За хутором “Сербы” на десять вёрст вокруг Сокилки тянулись другие хутора – “Деменки”, “Бутенки”, “Онушки”, “Дыбы”, “Яковенки”, “Шульги”... Полторы сотни хуторов, говорят, было. В хуторах жило около 3-х тысяч селян, а в самой Сокилке почти 4 тысячи душ. Большое и красивое село. Оно, следом за хуторами,

постепенно перекинулось и на левый берег Ворсклы. Тогда к четырём церквям на правом берегу добавилась и церковь Успения Пресвятой Богородицы на Левобережье.

Даже ярмарок было целых три – на Пасху, на Яблочный Спас, на Покров...

Летом, после посевной, скот сдавали в общее стадо, его пасли на леваде и дальних неудобьях пастухи из малоземельных босяков. За общественную **череду**, помещая в неё скот, платили, по 3 копейки с коровьей головы и коробку **жита** за пару волов. Там ещё всё лето обретался и бык-производитель, так что к следующей весне все коровки радовали хозяев прелестными телятами.

Семенного быка Яшку держал вдовый Терентий с Причилка, так называлась южная окраина села. Что Яшка, что Терентий имели скверные характеры, и их побаивались не только девки и бабы, но и мужики из квелых и бзделоватых.

Почти у всех хуторских были пасеки, без мёду и пирогов чай пить не садились. Обыкновенно в зиму оставляли по 50-60 **пней**, но были сладкоежки, кто и сто пней в зиму оставлял... Вот так-то!.. А уж если надо кого в люди вывести, то отправляли в уезд, в **Кобеляки**. Там и прогимназия, и коммерческое училище, и можно было приказчиком в магазины или лавки наняться...

06 сентября 1975 года

Письмо от Любы:

"Здравствуйте, дорогие Сеня и Ната! Вот я и в Москве. Прилетела в час дня. Еле долетела. Измучилась. Так время

долго тянулось. Только приехала, смотрю, лежит телеграмма. Мама через проводницу передала **передачу**, сообщила номер поезда, а время прибытия не написала. Я побежала звонить, ни один автомат не работал. Ну, думаю, будь что будет. Поехала на вокзал. Всё-таки успела, даже на 30 минут раньше оказалась.

Мама передала помидор, груш и яблок. Теперь мне на месяц всего хватит. А погода здесь стоит неплохая, дождя нет, солнышко. В общем, жить можно. На работе всё нормально.

Ну, вот и всё. Зайду сегодня в "Детский мир", может, куплю Наточке костюм. Сегодня все в школу пошли, очень нарядные, у мальчиков такая форма красивая. Мне даже самой захотелось в школу.

До свидания. Целую крепко. Люба".

Дневник Сербы. 14 сентября 1975 года.

Как всегда, приятно получить письмо от Любани:

"12/IX-75, вечер.

Здравствуйте, дорогие Сеня и Наташа!

Не сердитесь на меня, что пишу редко. Просто к вам очень долго идет почта. А ответы на ваши письма я даю почти сразу, хотя и писать почти нечего. Жизнь течёт однообразно. На работу иду рано, с работы возвращаюсь поздно, дома ничего не хочется делать, поем, немного почитаю и в 10 часов ложусь спать. У меня такой режим выработался. Ну, а как ваш режим? Встаёте ли в 6.00, бегаёте по улице или нет?

Ната, как твои дела в школе? Ты мне обещала писать лично, так что не забудь своё обещание.

У нас сейчас тоже пошли дожди, похолодало, и настроения никакого нет. Из дома письма приходят тоже редко. Серёжка поступил в наш строительный техникум, остальным что-то нездоровится. Особенно плохи бабушки. У папы очень болят ноги, у мамы – сердце. В общем, ничего хорошего.

Сеня, напиши, когда приедешь в Москву.

Целую. Люба".

Когда, когда!.. Да хоть бы и завтра первым рейсом, но как раз завтра придётся вылетать в Омск на шинный подписывать дополнительное соглашение на IV-й квартал к договору на поставку шин, потому что начальство ожидает большой расход шин при опробовании линии сборки колёс на автосборочном...

18 сентября 1975 года

От Любы небольшая писулька:

"Сенечка, здравствуй!

Пишу тебе, как обещала, но ещё никаких результатов нет. На Ленинский пойду во вторник, а к себе в больницу до сих пор не попала.

Вот такие дела. Ну, а больше писать как будто и нечего. Погода стоит отличная. Лучше, чем в августе. Даже не верится, что лето прошло.

Ну, всё. Пиши.

Целую. Люба.

P.S. Извини за такое маленькое письмо".

02 октября 1975 года

Сегодня Нате пришло письмо:

"29/IX

Привет из Москвы!

Здравствуй, милая Натуля!

Очень обрадовалась, когда получила от тебя письмо. Мне здесь одной очень скучно, особенно скучаю по тебе. Жизнь моя протекает по-прежнему. Мы уже строим другой дом. Работать интересно. Сейчас у нас стоит замечательная погода. Очень тепло. Кажется, что лето ещё не кончилось. Просто золотая осень. А как у вас? Ещё не начался "сезон дождей"? Лапулечка, не ленись, пиши мне письма о своем городе, о школе, о товарищах. Мне будет очень интересно обо всём читать.

Если папа ещё не уехал, передай ему большой привет.

Целую. Люба. Пиши".

12 октября 1975 года

Папино письмо:

"Дорогой Сеня, дорогие родные!

Первое, сердечно поздравляю с праздником 53-й годовщины Великой Социалистической Октябрьской Революции.

Желаю всем без исключения хорошо провести и отметить эту замечательную для всего мира годовщину.

Письма все твои получил, а также фотоснимки. Девчата хорошие, а вот качество фотографий плохое, как будто

"пятиминутки". Да, днями был у меня один соотечественник из Харькова, УССР. Приехал проведать сестру. Он, кажется, 26-го года рождения. Односторонне напичканный пропагандой, так что беспристрастно поговорить с ним не удалось, да это и не нужно, ибо он вообще мелко плавает и смотрит только со своей колокольни. Однако бутылочку вина раздушили, и я подарил ему сувенирную медаль Австралии. Когда он расхваливал Родину, он сказал, что на Волге и за Уралом строятся два гигантских комплекса автозаводов, и что каждую 1 минуту будет сходить с их конвейеров по автомашине, но не сказал, что заводы строятся по проекту фирмы Мерседес-Бенц, а когда я попросил рассказать про ТопАЗ, то он просто признался, что ничего не знает. Пришлось показать ему журнал "Родина" № 5 за 1973 год, где на стр. 3 написано: "На реке Топи, сразу за Уралом, сравнительно недалеко от Свердловска, в мало кому известном доселе городке Топкие Колтуны - возводится комсомольцами комплекс заводов ТопАЗа и город на триста тысяч жителей". Он сказал, что журнал "Родина" не видал, а за журнал "Спутник" и не слыхал. В большие подробности ни он, ни я не входили, да и ни к чему. Хотел было показать ему иностранные источники, по чьему проекту и руководству строятся ТопАЗ и КамАЗ, да зачем? Думаю, что его сестра беспристрастно объяснит положение - это их, а не моё дело.

Сейчас готовимся к своему празднику, это **Мельбурн кап** (**Melbourne Cup** - Мельбурнские Скачки), нерабочий день вторник 4-го ноября. Все старое и малое уезжает на скачки. Кое-кто вернётся с деньгами, а большинство отвезёт туда деньги. Есть такие, что чуть не пешком возвращаются с этого с мировым именем **капа**.

Ну, разболтался, сворачиваюсь. Когда же приедет мама? Передавай ей привет.

Целую крепко, Тато.

Постарайся клеить "Союз-Аполло" почтовую марку".

20 октября 1975 года

Письмо Любы без комментариев:

"14/X-75 г.

Здравствуй, Сеня!

Получила от тебя письмо и пишу тебе снова и, наверное, не в последний раз. Да, я, конечно, пожалела тебя в день нашей последней встречи, но ты правильно пишешь насчёт приговорённого к смерти. Рано или поздно, я бы все равно тебе это сказала или написала. А в день нашей встречи у меня просто духу не хватило, чтобы всё сказать, да и настроение было паршивое.

Насчет ребенка я тоже приняла экстренные меры и, конечно, лишилась его, хотя мне это и не очень хотелось делать, но оставлять ребенка без отца тоже не очень хорошо. Так что не волнуйся, на этот счет пока всё в порядке. Больше такого я допускать не буду, пока не выйду замуж. С меня пока хватит.

*Спасибо за советы, но они не вполне выполнимы. С работы я могла бы рассчитаться по какой-нибудь важной причине, но мне бы пришлось уехать из Москвы, и если бы я захотела работать на АЗЛК, мне нужно было прописаться дома, снова выписаться и ехать в Москву, то есть начинать с нуля, так как здесь с лимита на **лимит** не берут.*

Но мне не хочется терять полтора года лимита, да ещё не зная, как бы мне понравилось на заводе. Я останусь на прежнем

месте, с 1 декабря начнутся занятия в техникуме, так что свободного времени у меня почти не будет, и я перестану плевать в потолок. Так что, родненький, за меня не беспокойся.

Береги себя, следи за своим здоровьем.

Целую. Люба".

26 октября 1975 года

Любино письмо:

"23-го, вечер.

Здравствуй, дорогой Сенечка!

Сегодня ты мне целую ночь снился, и я решила сходить посмотреть письмо от тебя. Оказывается, оно уже неделю лежит на телеграфе. Я не думала, что ты мне так быстро напишешь. Обычно письма от тебя приходили редко. Спасибо за беспокойство, но я тебе в предыдущем письме написала по поводу работы. Так что не волнуйся за меня.

У меня всё нормально. На праздники поеду домой. Уеду пятого, приеду десятого.

Ещё тут у нас в Москве ужасные дела творятся, орудует **Таганский маньяк**. Убивает девушек и женщин в красной одежде. Потом их мёртвых насилует. Было в газетах. Но за меня не бойся, я, во-первых, красное не ношу, а потом стараюсь не бывать в районе Таганки...

Да, скоро приближается очень важная для нас с тобой годовщина. Хотелось бы отметить её вместе, но, наверное, не получится. Танюша моя 30-го расписывается, пойду к ней на свадьбу. Сегодня не работала. Меняли комсомольские билеты.

Желаю тебе хорошо отметить праздник.

Целую. Люба".

03 ноября 1975 года

Пришла от отца весточка в части отправленного чека. Попытаюсь воссоздать письмо Внешторгбанка СССР, как он сам (банк) пишет:

"БАНК ДЛЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ СССР

г. Москва, Копьевский пер., 3/5

3 ноября 1975 г.

№ 45/инк 6492

Копия: получателю гр. Сербе С. С.

ТАССР г. Топкие Колтуны, 620930

Новый город-10 д.18/16 кв. 155

Сообщаем, что сумма чека (ов) ф. ст. 178-88 эквивалент рублей 277-26, полученного (ых) при заявлении клиента от 2 октября 1975 г., зачислена нами сегодня на счет В/О "Внешпосылторг" на имя получателя, за удержанием расходов Внешторгбанка СССР ф. ст. 2-35.

Вниманию получателя. Внешторгбанк СССР не занимается продажей товаров и выдачей (высылкой) сертификатов для приобретения товаров, а лишь перечисляет средства для этой цели в В/О "Внешпосылторг". В связи с этим для использования суммы, зачисленной на счет О "Внешпосылторг", Вам следует:

- ознакомиться с высылаемыми при этом "Условиями продажи товаров" через Всесоюзное Объединение "Внешпосылторг" и списком магазинов, осуществляющих продажу товаров на сертификаты В/О "Внешпосылторг";

- заполнить, заверить у нотариуса (в сельсовете) прилагаемый бланк-заявление и направить его в В/О "Внешпосылторг" по адресу: Москва, 121200, Смоленская-Сенная, 32/34.

В соответствии с просьбой, содержащейся в этом заявлении, В/О "Внешпосылторг" в установленном порядке выдаст (вышлет) причитающиеся Вам сертификаты, либо приступит к оформлению заказа на автомобиль, о чем Вы будете уведомлены В/О "Внешпосылторг". Поэтому Вам не требуется высылать дополнительные заявления и письма ни в адрес Внешторгбанка СССР, ни в адрес В/О "Внешпосылторг".

Приложение: упомянутое (так в оригинале) в адрес получателя на 2-х листах.

Ответственный исполнитель

Тип. ПК ТПП Зак. 1476"

Кроме того, поступила следующая квитанция:

"БАНК ДЛЯ ВНЕШНЕЙ
ТОРГОВЛИ СССР

Форма № У-496

К в и т а н ц и я

2 октября 1975 г. группа №

Принят от ИНК 6492 1 чек ф. ст. 181-23

Содержание операции Коммисия банка (так в оригинале)

Статья вал. Плана

Род операции

Дебет счета № 03000000

Кредит счета № 96022003

Код инвал.

Сумма инвалюты

Сумма рублей 1-00

Итого руб. ___1-00___

Сумма _____ один руб. 00 коп.

Указанную сумму рублей получил:

ПЕРВАЯ ПОДПИСЬ

ВТОРАЯ ПОДПИСЬ

Тип. Госбанка 74 г. Зак. 196"

=====

Дневник Сербы.

10 ноября 1975 года

Вернулся из командировки и получил жуткие новости от Любы:

"Здравствуй, Сеня!

Долго не решалась писать тебе письмо, но рано или поздно ты должен всё узнать. Мне трудно собраться с мыслями,

хочется всё написать, что я передумала. Может быть, я что-то и упущу. Так вот. Я раздумала выходить за тебя замуж.

Не подумай, что я тебя разлюбила или нашла другого. Нет, я тебя полюбила, наверное, с первого взгляда, когда впервые увидела в дверях нашей квартиры, и буду любить всю свою жизнь, потому что первая любовь не забывается. Я до тебя никого не любила, просто влюблялась в мальчишек. Все воспоминания нашей любви я сохраню навсегда, хотя в них было не только много радости, но и немало большой печали.

Вот сейчас у меня такое состояние, как было в дни приезда к тебе. Мне постоянно хотелось реветь. Я еле сдерживала слезы, глядя на тебя. Я не знаю, что у тебя было на душе, но у тебя был такой удручённый вид. Я могу только догадываться, что с тобой творилось. Я ведь сразу поняла твоё состояние после твоего первого письма, ответа на моё решение. Когда я его прочитала, у меня сразу на душе стало тяжело, хотя там ничего как будто плохого не было написано.

Но моё сердце всегда вперёд предвещает беду. И зачем тебе нужно было в тот памятный день клясться в любви, обещать то, что невозможно. Я вижу, что это к хорошему не привело. И зачем ты в письме писал, что ребёнок к лучшему. Я ведь сразу знала, что ты думаешь иначе. Не подумай, что я тебя во всём виню. Здесь есть и моя доля вины.

Так вот. Я ещё тогда загадала, если я рожу ребёнка, то выйду за тебя замуж, если нет, то мы расстанемся навсегда. Мне очень хотелось бы иметь от тебя ребёнка, я бы его оставила, но не хочу, чтобы он рос без отца. Сейчас я собираюсь делать аборт, и если вдруг что-то не получится, то я его оставлю.

Но за тебя я замуж не выйду. Я знаю, большое место в нашей жизни имеют деньги, и поэтому не хочу сидеть у тебя на шее

иждивенцем и не хочу портить последние нервы нашим родным, потому что эта свадьба их всех убьёт.

Я думаю, что высказала главное, что было у меня на душе, хотя, может быть, и путано. Но ты, Сеня, если приедешь, поменьше меня расспрашивай, потому что я высказала, наверное, всё.

Я хочу пожелать тебе только одного – счастья в личной жизни. Выбери себе одну из своих кандидатур и живи с ней счастливо.

Большого тебе счастья!

Целую тебя так, чтобы ты запомнил навсегда.

Люба".

Письмо расстроило Семёна. Вроде бы ничто не предвещало ухудшения отношений, а тем более разрыва. И вот такое письмо... Обидно, однако надо надеяться, что девочка написала его сгоряча, быть может, посоветовавшись с кем-нибудь из доброжелателей. Видно, нелегко ей будет перешагнуть через родительское "нет"...

16.

В субботу 4 декабря финансовое управление ТопАЗа отмечало 75-летие своего начальника Льва Моисеевича Фетрова. Гуляли в самом управлении, на втором этаже кирпичного двухэтажного блока, специально пристроенного к Топь-Колтунскому отделению Госбанка СССР для цивилизованного размещения ФУ.

Проблема, куда рассадить управленцев многочисленных служб комплекса, стояла в Топтунах всегда, с первого дня стройки. И с началом серийного производства машин не рассосалась.

Например, УСП последние два года теснилось на втором этаже административно-бытового корпуса завода двигателей...

Давно известно, что люди на работе или, тем более, на службе устают. И не только от выполнения не всегда приятных производственно-должностных обязанностей, но и от чёрствости отношений. Но мы ведь, если разобраться, то вовсе и не чёрствые и не грубые. Ну, просто так получается. А на самом деле мы нежные и внимательные, добрые и отзывчивые люди. Хочется и на службе, не побоимся этих слов, глубокой внутренней раскованности, личных контактов, теплоты и искренности общения, как дома, в семье или в кругу близких друзей.

А если подшутить над начальницей отдела? Или посплетничать с суровым, вечно озабоченным главным бухгалтером управления, пофлиртовать с вечно задирающей нос секретаршей самого Фетрова?..

Выход был и есть, железный, как последний ночной трамвай...

И на сотнях тысяч предприятий и в учреждениях Союза круглый год гремят "праздничные" вечера, как бы в честь очередной "красной даты", а то и в честь очередного юбилея начальника.

Поэтому когда **замша** Фетрова Зинаида Михайловна Ляведомская только намекнула на планёрке, что есть **добро** на торжественное проведение юбилея **Моисеича**, как в тот же день вышли из состояния анабиоза культ-активистки отделов и бросились обновлять списки желающих культурно отдохнуть, проставляя против каждой фамилии пожелавших оттянуться таинственные цифры **2** и **3**. Но шустрых общественниц вызвала на ковёр Зинаида Михайловна и приказала свернуть инициативу. Оказалось, что тратиться, подрывая семейные бюджеты, в этот

раз не придётся – гульнём за счёт юбиляра! И тёплые ещё трёшки вернулись к повеселевшим обладателям.

Так что обычная самодеятельная суета по готовке **закуси** и закупке питания в этот раз не понадобилась. Юбиляр изыскал внутренние резервы и всё решил сам, подключив свои **кровные** к подтеме “выпить”, а к подтеме “закусить” друга детства, ныне директора Комбината общественного питания ТопАЗа Уткина.

Уткин **проникся**, и само действие, в отличие от обычных посиделок в тесных отделах, намечено проводить в обеденном зале соседней столовой № 13 – КОП ТопАЗа на важном мероприятии шефствует, а директор КОПа персонально приглашён к столу.

Одновременно из отделов надолго исчезли лица, имеющие отношение к редколлегии и самодеятельности: одни рисовали где-то в закутке парадный выпуск стенгазеты “Топазовские финансы”, у них получилось настоящее **дацзыбао** в полстены, другие издавали душераздирающие колоратурные вопли или проламывали каблуками линолеум в красном уголке, репетируя **номера**.

Возбуждение нарастало. Успешно завершились деликатные переговоры с Ляведомской и по другому важному вопросу — когда заканчивать работу в предшествующий день. Оказалось, в пятницу 3-го ноября. Ура! Разрешено уйти с обеда, то есть в 12 часов!

Сотрудницы, не высказавшие при первом опросе желания участвовать в общем веселье, чувствуют себя как-то неприкаянно. В следующие дни то одна, то другая из них, преодолев каким-то образом домашние затруднения, примыкает к сомкнутым рядам празднично настроенных сослуживцев и спешит к организаторам,

покаянно улыбаясь.

И вот наконец-то он наступает, этот долгожданный день – 4-е ноября! С утра уже интересно. Тёти и девушки приходят в новых платьях, с удивительными причёсками. И то, и другое внимательно изучается и придирчиво комментируется. Мужчины тоже неузнаваемы, внеочередно подстриженные, в выходных костюмах, помолодевшие на добрый десяток лет. Все спешат, все при деле. Одни торопятся что-то докупить в галантерейном отделе соседнего промтоварного магазина “Хозтовары”, другие ещё раз повторяют свои выступления на концерте, но есть и такие, кому тяжелее всего – они просто маются в ожидании.

...Последний раз шелестят в зале аплодисменты торжественной части мероприятия. Юбилера тепло поздравили директор ТопАЗа по экономике Павлинов – от имени объединения, заворготделом горкома партии Лобкова – от имени городской парторганизации по поручению Первого секретаря ГК Черняева, управляющая городской конторой Госбанка Самоварова от имени и по поручению Областной конторы ГБ, а также с десятков сошек помельче. Гости хотя и проголодались уже изрядно, однако слушали терпеливо, шёпотом обсуждая, уйдёт ли Моисеич на пенсию до конца года или будет ещё топтаться, потому что бодр и мозги светлые...

Если кто и переживал, терзая потной рукой галстук, так это зам Моисеича Пал Палыч Федоскин, давно ожидающий шанса вскочить в кресло начальника финансов всего ТопАЗа...

Рядовые же сотрудницы, оживлённо переговариваясь, дружно потупляют взоры, устремляя их в тарелки и блюда, что истомились и застоялись перед ними на столах. Наконец, тоже весьма измаявшийся за день виновник торжества очень кратко

поблагодарил партию и правительство за доверие, за то, что они осчастливили и страну, и область, и весь коллектив строителей и заводчан, разместив на берегу Топи Всесоюзную комсомольскую стройку, дав состояться десяткам тысяч советских людей...

Опять-таки, если бы не отеческая забота Леонида Ильича, то не сидели бы сейчас вот так друженько за накрытыми столами в великолепном социалистическом городе, а прокисали бы в старых городах-тараканниках...

Состоялся и он, Лев Моисеевич, возглавив жутко важное управление ТопАЗа, приехав из неизвестного ни в Южной Америке, ни в Экваториальной Африке городишка Синельникова, что близ Днепропетровска, где сходил с ума во главе финотдела рессорного завода... Завидное завершение пятидесятилетнего трудового пути! И хоть и на пенсии уже давно, а вот пригодился на Всесоюзной комсомольской стройке!..

Однако, внимание! Юбиляр вытирает пот с чела белоснежным носовым платком – в низковатом зале столовки не хватает кислорода и бесчинствуют несколько мух, уцелевших от висящих повсюду клейких лент, – и садится за первый стол, где с ним разделяют компанию высокопоставленные поздравители. Народ попроще с восхищением рассматривает попугайский галстук Павлинова, строгое, под Крупскую, платье Лобковой и давно некрашеную седину Самоваровой. Первый тост – за юбиляра! – возглашает Павлинов...

Сербу на такое важное мероприятие пригласила сама Зинаида Михайловна. Они были последний год довольно близко знакомы, впервые встретясь как-то на дне рождения Бори Зильберштейна. Тогда Семён поразился тому, что на день рождения простого начальника отдела **Техснаба** заявили весьма высокопоставленные особы, например, сам начальник Техснаба

Белохвостов, зам генерального директора по коммерческим вопросам Кислощев, зампред горисполкома Седых, начальник ЖКУ города Белгородский, та же Ляведомская из Финуправления ТопАЗа и ещё несколько весьма ответственных товарищей. Вроде, как и не по рангу. А впрочем, как знать.

Совершенно очевидно, что Боря Зильберштейн ох как непрост...Одно то, что у Бориса на трёх человек шикарная **пятикомнатная**, давно бросилось Семёну в глаза. Борис фактически сосед Семёна по дому, правда, обретается не в пятом подъезде, как Серба, а в седьмом, угловом, где Г-образный дом поворачивает под прямым углом и где только и водятся пятикомнатные исключения из правил... То, что Борис упорно напрашивается Семёну в друзья, давно стало темой размышлений Сербы в свободные минуты.

Скоро год, как Семён получил квартиру, и постепенно быт налаживается. Даже стал узнавать соседей по подъезду, здороваться почти со всеми.

На четвёртом этаже, как раз над Сербами, оказалось, живёт его давний знакомец по командировкам Николай Алябьев, зам генерального конструктора ТопАЗа по двигателю.

А в трёхкомнатной напротив, на одной с ним площадке, начальница одного из товарных отделов Техснаба бывшая брянская партизанка Устинья Петровна Оршанская с дебильным сыном-дауном.

Семён, узнав от Бори Зильберштейна немного о бурной партизанской молодости бабы Усти, не мог вспомнить без улыбки своё детство, когда он, неполных тринадцати лет, убежал из дому, и первый дальний маршрут его странствий закончился в белорусском городке Орше, известной партизанскими делами...

Так вот разведданные об Устинье Петровне. Ну, пробивная баба, ну, начальница отдела, и, ко всему, член партии, орденоносная партизанка.

К тому ещё и мать-одиночка, шпрехает по-немецки, водит машину... На зарплату купить **Жигуль** сложно, практически невозможно. А она одна из немногих, известных Сербе топазовцев среднего руководящего звена, не только пробила вне очереди, как партизанка, талон на машину, но и, не глядя, вынула шесть тысяч, села, завела и триумфально выехала с базы Техснаба, где обретался торговый склад ВАЗа.

Гаишники её даже побаиваются. Похоже, она единственная на все Топтуны тётка за рулём. Обхохочешься!

Она им сказки поёт, как в тыл к немцам на трофейном генеральском “Хорхе” с Константином Заслоновым в 42-м году ездила, как они тогда хорошо порезвились в оккупированном Витебске...То ли фантазёрка большая, то ли, в самом деле, в молодости крупно резвилась, чёрт её разберёт. Но на всякий случай и городская власть, и топазовское начальство, и рядовые гаишники тётку с двумя рядами орденских колодок уважают.

А Семён всё больше узнавал бабу Устю в быту, как соседку по площадке. Когда же Оршанская к законно отхваченной ещё в 74-м **трёхкомнатной** присовокупила недавно и однокомнатную, что рядом с квартирой Сербы, то он её окончательно признал и уважал.

Партизанский рейд по захвату жилья проходил так. Незаселенная однокомнатная № 154 стояла опломбированной уже год, и за это время никто не получил ордер на вселение в квартиру, никто не пришёл хотя бы просто посмотреть, сравнить со своей мечтой...

Баба Устя, как опытная разведчица, убедилась, что квартира не просто свободна, но и, по всей видимости, напрочь забыта

жилищными службами города и ТопАЗа. Кавардак тогда в любых учётах отмечался фантастический. И она решилась на партизанский рейд в тыл противника. Аккуратно открыла дверь, запертую на простейший серийный внутренний замок, подобрать ключ к которому можно, попросив на пять минут ключи у нескольких соседей по подъезду. Обязательно найдётся подходящий. И нашёлся! Так Устинья Петровна заселила ещё одну квартиру на родной площадке.

Вообще-то ей и в законной трёхкомнатной было не тесно вдвоём с сыном, но романтическая душа ещё не старой женщины бурлила нерастраченной в белорусских пущах страстью и надеждами то ли на брак, то ли на иные формы личной жизни. В самом деле, не уединишься же с партнёром в квартире, пусть и трёхкомнатной, если по ней из угла в угол непредсказуемо ковыляет дебилный великовозрастный сын? Вторая квартирка дала возможность выбраться из жизненного тупика. Баба Устя переселила сына в однокомнатную, заодно наняв ему и круглосуточную няньку, чтобы кормить-умывать, а может быть, и по-бабьи ублажать... Денежки такие вопросы быстро решают.

В первый же воскресный вечер после партизанского самозахвата вражеской территории Устинья Петровна постучала к Сербе и напросилась на чай. Серб уже проверил уроки у Натальи Семёновны и сел, было, написать пару писем. Из-за непрерывных командировок он задолжал и отцу, и маме, и Любане, и Галке...

– *Входите, входите, Устинья Петровна!* – Диагностировав фигуру, постучавшую в дверь, как соседку напротив, и сняв цепочку, Семён распахнул дверь пошире.

Сели, как водится, на кухне. За окном в вечерней темноте угадывался проспект Первопроходцев. На нём зажглись редкие фонари. Изредка широченная проезжая часть проспекта вспыхивала световыми кинжалами фар.

К подъезду подъехал **Москвич-каблук**, привезя с работы соседа сверху – Колю Алябьева, заместителя генерального конструктора по двигателям. Хоть и засиживался Николай на работе допоздна, но, как порядочный человек, ночевать исправно приезжал домой...

Пока закипал чайник, Устинья Петровна успела изложить своё деловое предложение.

– А давай мы с тобой, Семён Станиславович, махнёмся квартирами? Площадь практически одинаковая, всё одно и то же. Мне же почему будет лучше? Я пробью из этой квартиры стенку в квартиру своего обормота, и будет у меня шикарный четырёхкомнатный люкс с двумя кухнями, ванными, туалетами и балконами... Лады?

– Нет, Петровна, я не могу!

– Ну, почему?..

– Да не уверен я пока что в квартире. ТопАЗ норовит лишнюю комнату у меня оттяпать.

– Так вот и хорошо. Я тебе этим обменом **очень** помогу. Ведь после обмена наши квартирники из ведомственных станут исполкомовскими. Усёк, паренёк?

– Усёк-то усёк, но что-то нет порыва души, не умею я с начальством воевать, у меня дочка растёт, куда мы с ней потом, если с работы выгонят?..

– Э-э, что за народ пошёл, того не знаю, этого боюсь... Хорошо, для повышения твоей решительности согласна применить материальный стимул. Дам пару тысяч на успокоение души. Идёт? Договорились?..

– Петровна, ну как я буду этим заниматься, если из командировок не вылезаю?.. Только что еле-еле отсудился по излишкам площади...

– Семён, дорогой, пойми же – после обмена и перехода наших

квартир на баланс города никого твои излишки интересовать уже не будут до 2017 года! Усёк? А оформление я возьму на себя. Эти обер-воры из городской шелупони типа Гилякина, Белгородского, Седых и прочей нечисти знаешь, где у меня находятся? Вот здесь! – И она показала Семёну крепко сжатый кулачёк. Беседа постепенно перешла в страстный монолог Оршанской, и Серб в итоге не устоял и согласился на обмен.

Как просветил Семёна друг Борис, в Топтунах на строительном буме давно сложился тёплый междусобойчик, ворочавший сотнями тысяч, если не миллионами рублей на спекуляциях квартирами. Несмотря на то, что в год сдавалось более миллиона квадратов, жилья не хватало, а народ всё пёр на стройку автогиганта.

Если в начале строительства квартиры раздавались щедро, и любая семья могла легко за год – два получить отдельную квартиру, то уже с 74-го года приходилось расселять людей по “малосемейкам”, то есть по тем же ненавистным каждому советскому горожанину коммуналкам. А где есть напряг, там водится и расцветает блат.

– *Понимаешь,* – объяснял Боря, – *в городе в среде руководящих барыг давно прекратилось беспорядочное броуновское движение первых лет, местная кабинетная свора спелась и научилась греть руки на квадратных метрах. И хотя город формально на балансе ТопАЗа, но ловят рыбку в мутной водице в основном отцы города, а они все местные босяки.*

Возьми, например, предисполкома Гилякина. Откель сей благородный муж? Местный, топтунский абориген. А Черняев, вождь топтунских краснокожих? Из Медвежани. А начальник горУВД Кнуров? Прямоком из деревни Пеньки. Правда, пообтёрся в Медвежани лет десять. И вернулся вовремя.

Причём, тот ещё змей... А начальник ЖКУ города Белгородский Ким Ильич? Да потомственный медвежанин со средних веков!

А наши, топазовские шустряки? Тот же замгендиректора по общим вопросам Кислощев Николай Никитич кто по анкете? Местный. Его замы и помы – местные.

Но наиболее рукасты и хватки – родной топазовский замгенерального по быту Песин и его правая рука начальник отдела учёта и распределения жилья ТопАЗа Косопкин. Вот уж гребут мужики, прямо на удивление!

Из красочных рассказов Бориса вырисовывалась жуткая картина. Оперируя миллионами квадратных метров жилья и десятками тысяч квартир, нетрудно сообразить, что даже привычная и общепринятая в советской жизни практика списания всего и вся на **усушку-утруску** в размере всего лишь 1,5 – 2 процента дала в руки проворных **махеров** более тысячи квартир. А если добавить сюда ещё и сплошные уплотнения в форме заселения молодых семей в **малосемейки**, то это выливается ещё в несколько тысяч квартир, пускаемых в **левый**, криминальный оборот.

Но отвлечёмся на время от захватывающей темы разгула жулья на строительстве и распределении жилья. Мы ведь оставили главного героя на праздновании 75-летнего юбилея начальника финуправления ТопАЗа Фетрова. Большая гульня в разгаре.

Наконец из угла, выполняющего роль примитивной сцены, уже загремели синкопы самодеятельного ансамбля “Авизовка”...

Понятно, что через полчаса напряжение разрядилось и торжество пошло по обычному сценарию. В углу надрывался магнитофон — безвестный в глубинке бард доверительно

сообщал достоверные подробности о любви некоего капитана и девушки из Нагасаки.

Теперь вряд ли разгулявшиеся финансисты услышали бы общий тост - все разбились над своими столами на микро-группки. Вон через два стола какой-то немолодой финансист усердно подливает водку в рюмку своей юной соседки, не забывая при этом жаловаться на тяжёлую семейную жизнь.

Неподалёку двое солидных мужчин заинтересованно толкуют о гнусных интригах какой-то Зинаиды Михайловны, то и дело разбавляя эту обиду стопками **сорокаградусной** и закусывая хрустким солёным огурчиком.

А у окна, тесно прижавшись друг к другу, скрытые шлейфами табачного дыма, танцуют двое. Очень милая парочка. Для них не существует никого и ничего...

Певица поёт при неуважительном шуме зала, декламация молодого экономиста с длинными волосами прерывается странными репликами. Ни к селу, ни к городу оказался и скрипичный этюд. Концерт поплыл по принципу – скорее бы кончить. Он не нужен зрителям, неловко и огорчительно и самодеятельным артистам.

Народ ждёт танцев, ждёт с нескрываемым нетерпением. Но зал для танцев нужно подготовить, для чего общая обжираловка заканчивается, столовские официантки сдвигают столы, а откушавшие господу финансисты рассасываются по углам.

Самые предприимчивые понятно, достают из карманов или из портфелей НЗ, разливают, закусывают на подоконниках, как правило, случайными остатками, прихваченными со столов – конфетами в лучшем случае. В воздухе, сквозь пыль от сдёрнутых официантками скатертей, провозглашаются скабрзные тосты, гудят нечленораздельные разговоры, и снова тосты. Энтузиасты и энтузиастки начинают неременный сбор пожертвований на

добавочную дозу водочки... Хорошо, что продмаг рядом.

От окна к окну шатаются косые мужики с расстёгнутыми воротничками, в сбившихся набок галстуках, женщины тоже потеряли обычную сдержанность. Забавно, что в конце вечера появилось множество смешанных пар, на диво быстро сплясавшихся...

Но что это? Двое молодых финансистиков разлили содержимое недопитой бутылки в два стакана и, закусив рукавом, удовлетворенно крякнули. А на дальнем конце зала? Что там за шум? Ничего особенного, успокойтесь, просто начался диалог в повышенных тонах... Володька из отдела финансовых прогнозов совершенно обалдел и крушит всё вокруг. Толик Задонский же напился на дармовщину до потери облика человеческого... Умеет напиваться, скотина!..

Вот где рушатся репутации, блекнет уважение.. И выясняется, что не вышло подшутить над начальницей отдела — ушла МарьВанна поздравлять Моисеича, да и приклеилась к начальственному столу. И теперь ведёт какие-то безразмерные разговоры с самим юбиляром, вроде им рабочего времени мало.

А молодые специалисты, недавнее пополнение из Медвежанского финансово-экономического института, так и не сплясали твист с главным бухгалтером — успокаивали перепившего коллегу. И не пофлиртовали с секретаршей Фетрова — она незаметно исчезла сразу после концерта...

О, танцы на учрежденческих вечерах! Вы заслуживаете особого внимания, маленькой поэмы в прозе. Седоволосые начальники, грузные главные специалисты, начисто забыв о немалом возрасте, прыгают козликами в заливчатском шейке, растрепав свои небогатые шевелюры. Солидные матери семейств, вдруг

почувствовав себя девчонками, улыбаются кокетливо и загадочно, и у них холодеет сердце, когда отвечают пожатьем на пожатье руки партнёра.

А настоящие девчонки? Они сбились в центре галдящим табуном и, размахивая распущенными **конскими хвостами**, выдают нечто уж совсем несусветное...

Но в углу бдительно и неуклонно стоит **кто-нибудь** из руководства и напряженно ждет эксцессов. Этот кто-нибудь всем известен, его роль сегодня исполняет боевой заместитель юбиляра Пал Палыч Федоскин...

Только сможет ли он уследить за лихим разворотом Володьки или спецназовским приёмчиком Толика, что чуть не сбивает с ног двух-трёх человек разом? В его ли силах заметить, как у одного из подоконников вдруг — непонятно почему — резко, как хлопок проколотой автомобильной камеры, вспыхивает ссора?

Выяснение отношений — как плачевно они иногда кончаются! И сколько их, без всяких причин — из-за косого взгляда, из-за неправильно понятого слова! И совсем уж грустное зрелище — двое сослуживцев ведут под руки еле передвигающую ноги, совершенно пьяную — в дребодан — девчонку с заплаканными глазами...

Последний аккорд ансамбля, из гардероба взято последнее пальто, в последний раз хлопнула дверь в холодный осенний вечер. Всё. Великолепное событие состоялось. Сверкали звёзды. Моисеичу пошёл 76-й... Настоящий финансовый гладиатор. Почти ровесник XX-му веку, всего на пару месяцев старше...

17.

Семён задумался. Вот скоро заберу маму, и будет полегче. Дочь уже почти взрослая, 14 годков. Умнющая и хитрющая немеряно. И как раз в переходный возраст девочке нужен домашний уют и забота близких. Разъезжать по командировкам и надеяться воспитать хорошего человека – напрасные ожидания.

Так что главная задача, завершить мамин многоступенчатый обмен и всем, наконец, собраться за одним столом.

Из дневника:

06 декабря 1975 года

Письмо папы:

"Дорогой Сеня!

*Все же у тебя есть сомнение насчёт меня. Постараюсь его немного рассеять. 26 лет назад я приехал в Австралию и, веришь или нет, только с потрёпанным портфелем в одной руке и с десятилетним мальчиком в другой. Был в отчаянии, но латыши помогли. Один латыш, который **перфектно** (в совершенстве) говорил по-русски, (а я ни одного слова по-английски), который работал **супервайзером** (инспектором) в **кампе** (лагере для беженцев), устроил меня на по-тогдашнему хорошую работу.*

Проработал я в Австралии около 12 лет, и за это время, несмотря на то, что ещё кое-кому помогал (в Европе), сделал кое-какие сбережения. Потом пять лет работал бесплатно на "Туриста" и, мало того, ещё три года платил за него долги в

Tax department.

Десять лет уже пенсионер (на пенсию, хотя она и неплохая, не разгуляешься). Я бы, конечно, без намеков выслал бы тебе ордер на получение автомобиля (так много дешевле, чем высылать деньги), но я связался с домом, за который должен 15.000 наших долларов – платим **mortage** (проценты) по 8 %%, что составляет в месяц \$ 112-50. Правда, я этот дом сдаю в **rent** (аренду) и плачу воду, налоги, страховку, что составляет около 400 долл. в год, но всё же то, что получаю (40-00 в неделю) еле хватает на уплату всех расходов и %%. Но зато дом при теперешней **inflation** гораздо поднялся в цене, так что если продать, то **profit** (выручка) хватило бы на **Волгу 24**. Но я решил, что без Волги можно прожить, а крышу над головой всё же надо иметь, ибо я не рассчитываю на какую бы то ни было помощь и ни от кого, включая детей. Я целую жизнь честно трудился (хотя и жил иногда неплохо), никого не убил, никого не ограбил.

Есть люди "из наших", довольно богатые, которые высылают не по 8000 фунтов, а по 28000 и больше. Для примера приведу одного из Симферополя (забыл, Коваленко или Москаленко). Там он был начальник областного СД. Убивал и вешал евреев, награбил много золота и ценностей и приехал в Мельбурн с полным чемоданом золота. Для вида работал на железной дороге, чистил вагоны. Два раза приезжал из Москвы его сын-коммунист и один раз дочка, но никто не захотел остаться. Сыну он купил два автомобиля и **two bedroom flat** (трехкомнатная квартира) в Москве, а сам в скорости вытянул ноги (пару лет назад).

Очень разбогатели те, кто приехал с большой семьей, и многие из них работали, а барахла навезли из Германии. Сейчас они имеют по 2-3 дома и автомашин, и лодок тоже. Но они

такие скупые, что хотя имеют родственников на Родине, но никогда ничем им не помогают. Но я им и никому другому не завидую. Уже поздно. Здоровье плохое, настаивают сделать операцию, но я воздерживаюсь. Вообще, большущая апатия ко всему. Да и не удивительно. Пора.

*Целую Всех крепко. Пишите побольше, а то читать нечего.
Tato.*

P.S. Мой приятель И. Лахутин очень беспокоится за своих родных в Москве. По получении через тебя письма и фотоснимков он послал им заказное письмо сразу же, но до сих пор не имеет от них ответа. Он думает, что они послали ему простой, а не воздушной почтой, а это идет три месяца. Он приготовил им хорошую посылку и хотел выслать им такой же, как я Вам, чек, но ждёт ответ. Живет он неплохо и просил тебя, не смог бы ты их как-нибудь от его имени поздравить с Новым 1976 годом".

28 декабря 1975 года

Последнее в этом году письмо от Любы:

"25-го, вечер.

Сенечка, здравствуй!

Ты почему мне не пишешь?

Или ждешь от меня письма? Я ведь тоже лентяйка, всё никак не соберусь написать. А тебе, знаю, что некогда за этой работой.

Нас сегодня перевели на другой объект, в район Полбино, рядом с Текстильщиками. Как-то здесь неуютно, а может,

просто не привыкла.

Целый день сегодня идёт снег. Наконец, наступила настоящая зима. Такая красота кругом. И только тебя рядом не хватает. Так скучаю за тобой. Когда ты ещё приедешь?

Пиши, золотце, не ленись.

Целую крепко. Люба".

31 декабря 1975 года

Письмо от папы:

"Дорогие Родные!

Итак, сегодня в этом 1975 году последнее письмо. А что наступающий 1976 год нам готовит, то это сейчас трудно сказать, однако для старших людей, в почтенном возрасте, как я, не трудно догадаться. Болезни, неприятности, а может быть даже конец. Однако будем надеяться на ...

*75 год прошел **50% на 50%** или, как здесь говорят, **пол на пол**. В нашей жизни всякое бывает. Предновогодние праздники провел неплохо. Было уйма приятелей, и хотя я алкоголя не принимаю, но бутылочку польской "Кракус" раздушил. Я же курил папиросы "Украина". Почему написал "я", ибо никто их курить не хочет, ибо, по правде, беспристрастно признаться, большая гадость. Табаку очень мало и табак мизерного качества, как махорка, и надо израсходовать полкоробки спичек и уйму времени, пока скуришь папиросу. Зато курил из "первосортного" русского портсигара, но затрудняюсь сказать, где он делался и т. д., ибо ничего не написано, только внутри чернильный штамп (по-русски) 1-й сорт. Достал это всё случайно. В Новой Зеландии получили посылку из Киева, а получатель не курит, а оттуда ехали тоже приятели, так он мне "сдыхался" коробку*

папирос "Украина" 100 шт. (цена 2 руб. 50 коп.) и портсигар и бутылку американской виски. Последнюю я тоже кому-то "сдыхался".

С родины ни от кого, включая Вас, не получил ни октябрьского, ни новогоднего поздравления, за что Нате делаю замечание, а Семёну ставлю на вид. Приятель таки получил письмо из Москвы от родных. Недавно послал им две посылки, а сам начал хлопотать разрешение на поездку на Родину туристом.

Anyway, пишите. Tato."

06 января 1976 года

Первое в этом году письмо и такое милое - от Любани:

"3/1-76 г.

Здравствуй, мой родненький!

Получила от тебя два письма, хотя, признаюсь тебе, ещё ни одного не написала. Я думала, что ты будешь проездом в Москве, но, как вижу, этого может и не случиться. Но всё-таки я надеюсь на счастливый случай. А за меня ты не волнуйся. У меня всё хорошо. А сон твой пустой. Забудь его. Я ведь в снах немного разбираюсь.

Сейчас у меня каникулы. Сажу дома, даже на улицу неохота выходить. Холодища ужасная. Думаю, хоть немного отогреюсь в квартире. На работе уже щеки себе отморозила. Теперь чуть-чуть холоднее, и они синеют. Увидишь меня, и сразу разонравлюсь. А вообще, я тебя очень люблю, и не думай обо мне плохо. Просто на меня временами находит. Зачёты все

сдала хорошо. Каникулы продлятся до 23 февраля. Даже математик поставил мне 4 (наверное, за мои красивые глазки).

Сейчас у нас грипп ходит страшный. Ты хоть немного береги себя, я знаю, тебя, наверное, ни один грипп не минует. Не знаю, где ты сейчас находишься, может уже в Топтунчиках, но всё-таки надеюсь, что мы в феврале встретимся. Жду тебя.

Золотце моё, пиши мне почаще. Я тебе тоже постараюсь ответить тем же.

Целую крепко. Люба".

11 января 1976 года

Приятно, чёрт возьми, получить хорошее письмо:

"8/1-76 г.

Здравствуй, мой любимый!

Ты уже дома и, надеюсь, что получил мое письмо, хотя одно уже вернулось назад, не дождавшись своего адресата. Последняя командировка, наверное, была самая длительная. Да, вы совершаете настоящий подвиг, строя ТопАЗ. Я рада, что там есть и твоя частичка труда. И как бы там ни было трудно, ты выдержишь, и тем приятней тебе будет радость победы. Да и что там писать, всё это ты знаешь. Поздравляю тебя с первым **топазёнком**. Это ты его так ласково назвал. Желаю дальнейших успехов в работе.

Да, быстро пролетела моя неделя каникул. Отоспалась на будущее, отдохнула немножко. В квартире сделали ремонт. Стало очень хорошо. Теперь и гостей не стыдно приглашать. Девчонки все хорошие. Это так, между прочим. А вообще, чего-то в жизни не хватает. И временами находит такая тоска, что

не знаешь, куда себя девать. Пиши мне письма почаще, чтобы она ко мне не приходила.

Буду ждать встречи с тобой.

Целую и обнимаю. Люба".

18.

Быстро же понёлся новый год. Вот уже и февраль. Много интересных событий прошло перед глазами Сербы, во многих он сам был участником.

Вчера с сослуживцами шатались по автосборочному - на конвейере стоят первые 72 рамы разной стадии готовности, а 15 машин уже с кабинами. Вдоль конвейера большое оживление - чувствуется приближение торжественного момента пуска всего автомобильного комплекса "ТопАЗ". Более того, как рассказал Виктор, пять машин сегодня согнали с конвейера, проверили с тем, чтобы снова их поставить на последних позициях сборки и красиво выехать в положенный день под аплодисменты и треск кинокамер - граф Потёмкин был бы доволен готовящимся спектаклем, потомки не подкачают.

Намечено торжество на 16-е. Однако поговаривают, что пуск конвейера возможен даже 11-го. В любом случае, остались считанные дни.

В Управлении смежных производств за полгода произошли немалые изменения - осенью уволился Щепотюк, сейчас, вроде, увольняется Семагин и собирается отчалить суперсексапильный сибиряк Загогулин. Сам Антонов, против ожидания, якобы собирается привезти семью и уже присмотрел квартиру, но от этого человека всякого можно ожидать, и никто в его **топтунский** порыв не верит, пока он действительно не въедет в квартиру, - в

глазах его не прочтёшь энтузиазма, хотя он и подчёркивает теперь, что охвачен горением и намерен вкалывать по 24 часа в сутки. При этом он ежеминутно поминает свои болячки - ногу, перенесшую 22 операции, давление, хандру и т. п. Понятно, что вся его похвальба нацелена на ожидающуюся раздачу орденов, а болячки объяснимы напряжённым сексом с Танькой П. Хандра же ещё более объяснима - резко постаревшая пассия Алла, которую он зачем-то притащил на ТопАЗ с Краза, устраивает ему из-за Т. П. такие сцены, что поневоле захандришь.

Дома у Семёна - госпиталь. У Натальи - 38 - 39 гр., сильная простуда, невероятный кашель и забитая мокротами дыхалка. Завтра надо будет вызвать врача. У мамы тоже Ч. П. Вчера пошла в магазин, поскользнулась, упала и сломала правую руку. Попала в "Скорую", там ей всё залили гипсом и отправили домой, даже укола обезболивающего не сделали. Лечат сейчас, ничего не скажешь, не так, как подает пропаганда о постановке здравоохранения в Стране Советов. Одним словом, бесплатное здравоохранение, ну совсем, как с соседкой переспать. Вроде чего-то и было, в общем-то, да никому не расскажешь...

В понедельник 09 февраля Семён получил сладкое дорогое письмо от Любани - и так стало светло на душе. Немного же человеку надо...

Утром последним вбежал на планёрку к Антонову, который принялся распекать Беспалова за то, что тот не вывез вовремя какой-то аварийный кронштейн. И хотя, в общем-то, завскладами был не прав и заслужил упрёк, но тон, которым шеф высказал свои замечания, был откровенно издевательским.

Не стесняясь, шеф сказал, обращаясь ко всем присутствующим:

- Не хотите работать, как надо, пишите заявления об уходе!

Логинов и Серба не удержались и высказали шефу пару слов о том, что не надо рычать и т. п. Он, конечно, окрысился и, скомкав планёрку, разогнал всех по местам.

В конце дня состоялся примечательный разговор - Сигнал вызвал Сербу и Логинова и стал расспрашивать о Медвежани, конкретно о ситуации на Медвежанском заводе РТИ, - что и как? Уяснив, что положение аховое, высказался в том смысле, что не знает, как быть дальше - днями собирается, мол, лечь на 2-3 недели в больницу, а на зама, вместо Щепотюка, не подобрал подходящей кандидатуры - нет никого. Беспартийные Серба и Логинов, естественно, не претенденты.

При этом испытующе смотрел на Сербу с Логиновым. Сей его простейший тест был рассчитан на то, что они ляпнут, что незачем искать кандидатов на стороне, если есть у нас свой - В. Я. Лях. Но подчинённые промолчали. Сигнал проговорился также, что со среды уже считается уволенным Семагин, так что объективно Виктору путь в замы открыт, но шеф, несомненно, попытается ему всучить худший участок - складское хозяйство. Как сделать так, чтобы Виктора вытащить на внешнюю кооперацию? Возможно, что в тот вечер деликатный вопрос занимал не одного Сербу - Сигнал пригласил к себе ночевать прилетевшего сегодня на пуск Рабиновича - безусловно, им тоже было о чём поговорить.

Если шеф Антонов после пуска конвейера ляжет в больницу, то с единственной целью - показать, как без него дела пошли круто вниз. По резине и пластмассе получить что-либо сверх 500 автокомплектов будет невероятно трудно, а по 2-3 позициям поставлено, увы, всего 60-70 комплектов и никакой перспективы. Всё-таки, Серба не мог отделаться от мысли, что Антонов не собирается оставаться ни одной лишней минуты в Топтунах.

11 февраля 1976 года. 22.30. Только что закончилось совещание на автосборочном заводе - вёл Андреев Юрий Андреевич, зам. генерального директора по производству, участвовал обер-матюжник Кислощев и ещё человек тридцать руководителей заводов и служб. От УСП были Загогулин, Рабинович, Лях и Серба.

По "резине" было несколько несущественных вопросов - серьёзный только один, по детали 5320-1109250. Этот кожух воздухозаборника будет ещё долго у всех на языке и в печёнках - обеспечено всего 80 автомобилекомплектов, прессформа вышла из строя, четыре последующие РИЗ изготовит не ранее конца марта...

Антонов, конечно, на эту планёрку не поехал - ему такие страсти совершенно ни к чему – здоровье дороже...

Вопрос по заместителю на место ушедшего ещё летом Щепотюка до сих пор не решён.

Идя через заснеженное поле домой после совещания, Семён сказал Виктору, что ему следует как-то подвести Антонова к пониманию неизбежности его, Виктора, выдвижения на роль зама. Но, естественно, на место Щепотюка, а не Загогулина. А то через недельку шеф скроется в Москву, уляжется на 3-4 месяца в больницу, и никакими путями вопрос будет не решить, даже если Сигнала и назначат на этот период исполняющим обязанности начальника Управления.

Семагина, между прочим, не отпустили, якобы при условии, только если найдет замену и сдаст оснастку по долгам заводов МАП, а это ожидается не скоро...

Вчера к 19.00 начальники отделов поехали на расширенное совещание под председательством Ю. А. Андреева и при участии

Н. Н. Кислощеева на тему: "Укрепление делового сотрудничества различных служб и заводов комплекса".

С большим вступительным нравоучением выступил Юрий Андреевич. Речь его была произнесена в хорошем большевистском темпе, темпераментно. В качестве примеров бездушно-бюрократического подхода к решению насущных производственных вопросов он назвал всего два случая. Первый, как он сказал, возник по вине начальника отдела РТИ УСП, фамилии которого он, разумеется, не знал, и который повинен в том, что на собираемые машины уже установлены подушки двигателя, не покрытые защитной лаковой плёнкой, как того требует чертёж. Теперь, дескать, надо бы эти подушки заменить. Когда он позвонил об этом Антонову, тот сказал, что ничего ужасного не усматривает, деталь в остром дефиците, сойдет и такая.

Второй пример, кажется, из практики одного из заводов, Серба пропустил мимо ушей, так как был, честно говоря, расстроен первым втыком. Видно, кто-то очень умело **настраивал Андрееву лиру** перед выступлением.

Дело в том, что за пару часов до совещания Сербе позвонил Андреев, который Семёна лично не знает и сроду ему в отдел не звонил, и задал несколько вопросов по дефициту, на которые Серба ему подробно ответил. Про плёнку им не было сказано ни единого слова. Не сказал Семёну о ней ничего и Антонов, которому якобы днем звонил Андреев. Между тем Серба, ещё в январе, будучи в командировке в Медвежани, обратил внимание представителя Управления главного конструктора т. Подставочкина Н. А. на то, что чертёж в части покрытия деталей лаком не исполняется медвежанцами. Подставочкин сказал, что 500 комплектов разрешил без плёнки, считая наличие покрытия

несущественным для эксплуатации автомобиля, а после напоминания даст соответствующее распоряжение.

Действительно, на следующий день начальник техбюро А. В. Богомолов принёс в цех N 2 распоряжение, какие детали ТопАЗу покрывать лаком, что и стали делать немедленно.

Говорят, что "открыл глаза" Юрию Андреевичу во время осмотра конвейера конструктор Цукерман, больше известный широким массам трудящихся, как Павлик Морозов...

Далее Андреев поздравил **толкачей** с пуском конвейера, который без всяких торжеств состоялся 11-го февраля. Официальный пуск будет объявлен после того, как ЦэКа сочтёт, что работа наладилась стабильно, и не ударим в грязь лицом перед всем прогрессивным человечеством... Призвал присутствующих сохранить в тайне называемые им цифры.

Темп на февраль и март невысок - по 3 машины в сутки. Затем каждый месяц предусмотрен рост выпуска на 3 машины в сутки, чтобы к декабрю достичь темпа 30 автомобилей в сутки. Плановое задание февраля по товарному выпуску - 48 а/м.

В выступлениях вскрылись вопиющие безобразия. Склады до сих пор официально заводам комплекса не переданы, ведомости не подписаны, на местах хранения деталей процветают хищения. Передовой советский человек не может удержаться от соблазна чего-нибудь **стибрить**, в смысле прихватить на память. На заводах и в службах укомплектование кадрами учётно-диспетчерских служб на уровне 50 %%, нет ни одной должностной инструкции, ни одной разработанной процедуры, вообще не разработан документооборот и порядок учёта и отпуска ценностей.

Антонов в своём выступлении дополнительных людей (т. н. **численности**) не просил, просто сделал ряд довольно общих замечаний. Кислощев, как представитель школы реалистов-

мешочников, образно указывал, что надо работать, а не "хрен на палец наматывать", не ждать каких-то там инструкций, чтобы ими бездельники прикрывались. Николай Никитич вконец разбушевался и выдал крупную коммерческую тайну. На подъездных путях ТопАЗа, оказывается, кою неделю стоят более 700 вагонов с комплектующими изделиями.

– И никто, ни одна, бля, собака, – сказал он в сердцах, – не озабочена разгрузкой!.. Корчагина на вас нет!..

В общем, вышла дежурная перепалка на тему: "Кто что думает о взаимодействии смертельно ненавидящих друг друга служб комплекса". Так же, примерно, в заключение высказался и Андреев.

После этой свалки делегаты от УСП пошли фотографироваться на фоне главного конвейера и первых, ещё "неофициальных" машин. Серба где-то затерялся в толпе (а, значит, и на будущих снимках) из Антонова, Рабиновича, Афониной, Логинова, Ляха, Шумахера, Аносова, Гришина, Беспалова, Халиуллина и Загогулина.

Затем, возвращаясь в дежурной машине домой, захотелось всем вдруг пройтись. Ну, просто так, по-молодецки размять косточки и проветрить штаны.

Постепенно некоторые отстали, а инициативная группа - Лях, Гришин, Шумахер, Логинов и Серба - попали, путём сложных переговоров, в новое кафе рыбного профиля "Таёжный океан", где оказалось неожиданно уютно.

Взяли две бутылки "Столичной", рыбное ассорти, по порции палтуса с картошкой и мило просидели до 23.00, добавив по два коктейля с бенедиктином.

Расходясь, клялись в пролетарской солидарности и верности мужским идеалам. Обошелся вояж в 43 рубля, собранные в складчину.

Дневник:

16 февраля 1976 года

Письмо от папы:

"Дорогая Аня!

Получил твою "приписку", но и той рад. Говоря откровенно, у нас с тобой что-то ничего не получается. Ты до сих пор страдаешь хронической гордостью, упрямством и заносчивостью. Эти три "цветка" мучают тебя всю жизнь. Тебе, конечно, кажется, что ты права, и эта мнимая самоуверенность ещё больше подливает водички на твои цветочки. Или я уже до такой степени разучился понимать близких, что не могу найти с тобой общий язык. Забрать бы тебя сюда независимо от того, захочешь ли ты вообще или нет, но боюсь. Поздно. Общего языка нет да ещё эти цветочки, так что пока урегулируем разногласия, то пора и у могилу, а срывать тебя с Родины с моей стороны было бы просто преступлением. Своих взглядов ты, конечно, не скажешь, ибо ты дрожишь за каждое лишнее против нормы слово.

Что же у Вас творится дома в семье? Почему не пишет Семён или у него неприятности с цензурой или крепко обиделся, что я не послал ему валюту на **Жигули**? Ну, это его личное дело. Он у себя на Родине и пусть делает, как ему удобно, ибо я "крутых" поворотов делать не могу, здоровье совсем слабое, да и апатия ко всему ужасная (такая, как сейчас у нас ужасная жара 30-36°C).

Так или иначе, но пиши и подробнее и почаще (без приписок).

Целуй за меня Семёна и Наточку, а я целую тебя крепко.

Стась".

21 февраля 1976 года

Письмо от Любы:

"18/II-76 г.

Здравствуй, моё золотце!

Сегодня поехала на телеграф и получила от тебя письмо, которое только вчера пришло. Я чувствовала, что оно должно было прийти. У меня какой-то нарыв на десне, наверное, от зуба. Щека очень опухла. Даже стыдно ходить. Отработала полдня и отпросилась. Завтра с утра пойду в больницу. Иду, как на расстрел. Очень не люблю зубных врачей и зубы лечить тоже. Но куда не денешься. Да, какие напасти сразу на вас напали. Хоть и стараешься беречься, но куда от судьбы не уйдешь. Принимайте все меры и хорошенько лечитесь. Теперь у тебя хлопот прибавится. У пожилых людей долго кости срастаются. Ну, ничего. Как говорят, не бывает худа без добра, завтра будет лучше, чем вчера.

У меня зима хорошо прошла, гриппом не болела, но зато идёт весна и эта туманная и слякотная погода на меня очень плохо действует. Сопrotивляемость моего организма понижается. Да, хотя на календаре ещё зима, но мне кажется, что уже пришла весна. Южным ветром повеяло, стало тепло, и вся природа как-то ожила. Запели птички, которые всю зиму молчали. А снега ужас сколько. Будем весной плавать.

Мама мне часто пишет. Тоже сильно болеет. Сердце, голова, давление. Да ещё и Серёжка не слушается её. Никак себе в голову не возьмёт, что мать у него одна. Ну, ничего,

повзрослеет - поумнеет. На каникулы ездил во Львов к папиным сёстрам. Теперь магнитофон требует. Наверное, купят.

Всё-таки вы молодцы. Первая машина вышла с конвейера завода. Это большая ваша победа. Поздравляю.

Спасибо за приветы от Лили и Светы. Передай им также. Да, Лилиной дочке не повезло, - ещё нет 18-ти лет, а сколько уже в жизни натерпелась. Ну, ничего. Годы её ещё молодые. Найдёт в жизни счастье.

Буду заканчивать свою писанину. Что-то много написала. Даже на меня не похоже.

Когда теперь мы встретимся? Хочется тебя увидеть. Целую много раз. Люба".

23 февраля 1976 года

На мужской праздник получил открытку только от милой Любани:

"Милый Сенечка!

Поздравляю тебя с праздником Советской Армии!

Желаю тебе всего самого хорошего, а главное, здоровья.

Целую тебя крепко. Люба".

25 февраля 1976 года

Милая открытка Наточке от австралийского деда:

"10.2.76

Дорогая Наточка!

Спасибо за поздравление с новым 1976 годом, хотя оно пришло очень поздно, т. е. 20.1.76. Но это ещё не твоя вина, что не точно рассчитала, за это я ставлю на вид папе и бабушке Анне Николаевне.

Зато я тебя поздравляю с праздником дня международного женского, т. е. с праздником 8-го марта.

Дедушка”

Ещё из дневника Семёна Сербы:

25 февраля 1976 года

Итак, работа сделана! 16-го февраля, в 12.01 запущен главный конвейер ТопАЗа, остановленный тут же в 12.06 для проведения торжественного митинга. Во время протяжки конвейера с линии схода съезжает первая машина из числа ранее обкатанных и вновь поставленных на старт. Красная кабина, синий тент. Затем этот грузовик № 0000001 медленно под звуки марша - от волнения никто не запомнил, какая игралась музыка - въезжает, разворачиваясь, на специальный помост, чтобы быть видным всему митингу. Выступают - первый секретарь Медвежанского обкома партии Тарабаров, генеральный Борисов, министр Поляков, 1-й секретарь горкома КПСС Черняев и другие. Другие – это бетонщица Кошолкина, монтажник Хорошев, слесарь-сборщик Корень. Затем на импровизированной, сколоченной плотниками эстраде концерт, на который никто из наших не остался. Возвращаясь, много фотографируемся у конвейера.

Поехали вновь на работу, быстро организовались начальники отделов и скинулись по 5 рублей. Выпили бутылку шампанского и три бутылки коньяка за ТопАЗ!

Затем я еле успел заскочить за Натой, и мы помчались с ней в ДК "Строитель" на "большой праздничный концерт", в основном, самодеятельности Топтунов и Медвежани - очень неплохой для нашей глуши концерт.

24-го открылся съезд, на который отправлено 9 ТопАЗов. 5 из них позавчера сфотографированы в "Правде" у Кремлевской стены... Правда, увы, рядом с ТопАЗами и новенькие КамАЗы... Выходит, ТопАЗ тоже успел отчитаться перед партией...

Основное за истекшие дни. 25-го отчалил в Москву шеф Антонов, лёг в больницу, как он сам, не скрывая, говорил, на 2-3 месяца. Все считают, что он уже не вернется. Уработался мужик. Уезжая, он, скрипя сердце, подписал Виктору Ляху распоряжение по Комплексу (так сокращенно именуется наш Топский комплекс заводов по производству большегрузных автомобилей) на исполнение обязанностей зам. начальника Управления, считая, что Виктор займёт место Кима Загогулина, который написал заявление на уход.

Однако Виктор не хочет заниматься складами, а предпочел бы внешнюю кооперацию, то есть отделы РТИ и пластмасс. В день отъезда шефа Виктор вырвал-таки у Антонова разрешение присматривать и за этими отделами. Сигнал же, видимо, поддерживает идею отдать Ляху внешнюю кооперацию...

Дневник:

29 февраля 1976 года

Сегодня почтовый день, пришло дорогое письмецо. Когда измотаешься на этих пуско-наладках, намёрзнешься и наголодаешься в командировках, то милые, нежные слова от ласточки-касаточки натурально согревают душу:

"26.02.76

Здравствуй, Сенечка!

Всё мне некогда сходить на телеграф, может, там есть от тебя письмецо. А сейчас, вообще, торчу дома и почти не выхожу на улицу. Всё этот зуб. Сидела на больничном, но рано выписали. Простыла и он снова заболел... Теперь взяла за свой счет 2 дня, буду лечиться. Должен пройти, сколько же ему болеть.

А как там у вас дела? Как Наталья, Анна Николаевна? Пиши.

Каникулы мои кончились. Нужно ходить учиться, а я сижу дома. Потом трудно догонять. Но ничего не сделаешь. Здоровье играет большую роль в нашей жизни. Когда болеешь, чувствуешь себя отрешенным от жизни. Ничто тебя не волнует, не радует.

Прости, что мало пишу. Просто нечего писать.

Целую крепко. Люба".

Дневник:

19 марта 1976 года:

День хороший, потому что опять пришло письмо от Любани:

" Здравствуй, мое золотце!

Получила от тебя письмо и поздравления. Спасибо. Теперь смотрю на фотки и не могу насмотреться. Так давно тебя не видела. Очень скучаю по тебе и надеюсь в скором времени увидеть. Теперь тебе, наверное, будет легче вырваться. Жду с нетерпением.

У меня жизнь течёт своим чередом, как заведённые часы. Встаёшь, идёшь на работу, потом в техникум, затем снова дом и постель. И так каждый день. В выходные дни отсыпаюсь, затем берусь заниматься, особенно черчение надоедает. Учить, конечно, некогда, а двоек не хочется получать. Пока не надоест - поучусь.

Даже за твоими письмами езжу раз в 2 недели, ведь пишешь ты не очень часто. Сейчас вот собралась спать, нет, думаю, напишу письмо, не буду тянуть до выходных, когда насобирается много писанины.

Милый Сенечка, целую тебя и очень жду. Приезжай, только не проездом!

Люба. 15.03.76".

Ещё одно Любино письмо:

"08 апреля 1976 года

Сенечка, милый, здравствуй!

Очень рада твоему письму и не хочу задерживаться с ответом. Когда же я тебя увижу? С твоей работой, наверное, с ума сойдешь. Да ещё этот Антонов. Поубивать этих начальников не жалко. У нас тоже в управлении таких полно.

Сейчас плохо стали закрывать наряды. Наверное, бригада скоро развалится. Многие будут рассчитываться. Жаль, что мне некуда уйти. Ну, ничего. Надеюсь, что судьба надо мной смилуется. Как говоришь ты, наши всё равно придут.

В воскресенье ездили с девчонками в Суздаль. От управления был автобус. Мне очень понравилось. Там много памятников русской старины, церквей. А летом там вообще здорово.

Вот бы с тобой туда поехать. Может, мои мечты ещё сбудутся. Отпуск у меня с 10 июля. У папы тоже в это время будет. Может, на море поедем. Это ещё одна моя мечта. Ну, а самая главная - поскорей тебя увидеть. Жду.

Целую. Люба. 3.04.76".

10 апреля в почтовом ящике Сербы оказалось официальное письмо с опасным намёком и какими-то абракадабрами:

"ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

о сдаче излишков жилой площади

Тов. Серба С.С. _____

В занимаемой Вами квартире образовались излишки жилой площади в кол-ве *1-ой изолированной комнаты* *обрмзоев* в настоящее время продолжаете занимать указанную кв. 155 д. 18-16 жилплощадь.

Отдел учета и распределения жилья ТопАЗа предупреждает Вас до 8 мая 1976 года

сдать *а* излишки *р* жилплощади *и* в *в* виде *и* изолированной *д* комнаты не менее *в* противном случае материал на Вас и членов Вашей семьи будет передан в народный суд г. Топ. Колтуны.

Юрист отдела учета и распределения Жилья ТопАЗа

/Ю.И. ВАГАПОВ/

8 апреля 1976 г."

Случай, безусловно, получился тогда противный. В связи со смертью бабушки Фроси у Семёна с Натой действительно образовались указанные излишки жилой площади. Хорошо ещё, что никто не донёс, что Ксюша не живет с отцом, а лишь числится в ордере. Правда, такими уловками при получении жилья пользовался каждый третий работник ТопАЗа, но в Топтунах жильё легко давали, легко и отбирали. Семён забеспокоился и решил ускорить женитьбу на Любе. Поскольку город построен по титулу ТопАЗа, то почти всё жильё в нём принадлежало комплексу. Суды, не раздумывая, удовлетворяли такие иски, отбирая или квартиры целиком (в случае увольнения хозяина с ТопАЗа по собственному желанию), или комнаты (как в Сенином случае, если выявлялись излишки), в которые ТопАЗ немедленно вселял целые семьи... Сербе пришлось задуматься, как сохранить трёхкомнатную квартиру...

Опытные прохиндеи пользовались очень простым способом – начинали работать спустя рукава, добиваясь того, что осатаневшие от падения эффективности подразделения начальники увольняли их **по сокращению штатов**. Жизнь показала, что это единственный способ избавиться от саботажника, ведь, слава богу, на дворе не 37-й!..

При этом по чьему-то недосмотру в законодательстве осталось положение, что лица, уволенные по сокращению штатов, сохраняют право на ведомственное жильё, а оно при этом переходит в городской фонд...

Но в планы Сербы пока не входило расставаться с ТопАЗом. Он понимал, что два жизненно важных везения подряд практически никогда не бывает. Поэтому, если он, допустим, уволится с ТопАЗа с сохранением квартиры, то поступить на другое предприятие подобного уровня вряд ли получится...

Значит, будет тупик. Поражение на всех фронтах. Аннигиляция личности.

И что тогда? А Ната? Надо же доучить девочку, вырастить, открыть какую-то дорогу в жизнь!

А Люба? Бросить девочку на перепутье? И свои надежды на счастливый финал их романа растоптать и забыть?

А мама? Она так мечтает, что сын, наконец, остепенится и женится, а она будет в семье сына доброй бабушкой и прабабушкой.

Или отец. Он потеряет чудесным образом обретенного сына...

Конечно, есть варианты. Можно вообще поставить на **Совке** жирный крест и просить отца сделать вызов и попытаться пробиться с его помощью в Австралию и начать там жизнь с нуля. Отец ведь попал туда именно в нынешнем Сенькином возрасте, в 42 года. Удивительно, но Семёну сейчас как раз 41 год!

19.

Дневник:

13 апреля 1976 года

Письмо от отца:

"Дорогой Сеня!

Здравствуй! Твоё и от других получил, но, к сожалению, не отвечал, ибо ... больной. Скоро должен иметь операцию. Операция как будто бы и незначительная, но в моём возрасте любая и даже незначительная опасна. Само собой, разумеется, переживаю и ко всему такая апатия, что и писать не могу.

Маме я напишу в Запорожье (ты ей черкни, чтоб наведывалась на почту до востребования), а Нате просто передай привет. Её снимком воспользоваться не смог, что-то с ним случилось, либо закрепитель не подействовал, либо цензура обесцветила, но ничего там не поймешь.

Письмо твоё довольно обстоятельное, просто философское, так что я на него не отвечаю. Замечу между прочим, мимоходом, что наши взаимоотношения с мамой Анной Николаевной для тебя были, есть и будут тёмный лес. Кто из нас прав, кто виноват, трудно тебе судить да тебе до этого нечего и мешаться, ведь я же не мешался до твоих романов с твоими прошмандовками, с Тamarой или последней, это твое личное дело и в нём, конечно, легко ошибиться.

Твоё сообщение в последнем письме от 2.2.76 "с одной стороны, я порицал тебя со слов матери" явилось для меня на маму обвинительным актом, но **don't worry** (не беспокойся), я не буду на неё ни подавать в суд, ни ставить ей на вид, уже **to late** (поздно).

Я чувствую себя плохо, а потому на всё махнул рукой, кончено, значит, кончено.

"Іще годину, іще хвилину

В холодній ямі-домовині

Холодним снігом занесе;

Надії втіха, радість сміху -

Пропало все, пропало все". (Кажется, это из Шевченки)

Попробуй ещё написать.

Целую крепко, Тато.

Не забудь на Первое мая выпить чарочку да побольше - ибо я и не пью, и не могу.

*P.S. Прилагаю отклики В/прессы про нашу монашку **Жанет Мид**. Да, я слушал неоднократно концерты, пластинки и по радио. Да, она действительно поёт!! Можно заслушаться, независимо от того, религиозный слушатель или нет".*

К письму приколата следующая вырезка из советского настенного отрывного календаря:

"НА ЭСТРАДЕ - МОНАХИНИ

*Осенью 1963 г. послушница одного из бельгийских монастырей сестра **Лук-Габриэль** впервые выступила в роли ... эстрадной певицы. Это было сенсацией сезона.*

*Мода на поющих монашек не прошла и сегодня. В Австралии даёт концерты сестра **Жанет Мид**. Ее "рок" - песня "Отче наш" пользуется особой популярностью у прихожан. Концерты проходят в кафедральном соборе святого Франциска. Они не только не предаются анафеме, но и всячески поощряются духовными наставниками "молодого дарования". Ведь подобные мероприятия помимо популярности приносят монастырю ещё и немалые доходы. Бизнес есть бизнес".*

13 апреля 1976 года

Письмо папы маме:

"Дорогая Аня!

Здравствуй!

Первое, поздравляю с праздником Первого мая, а уж потом будем ругаться. Желаю и думаю, что к празднику 1-го мая тебе уже снимут гипс и уже свободно будешь писать правой рукой, но

буду ли я читать - большой вопрос.

На твоё и все Ваши письма сразу, как увидишь дальше, отвечать не смог. Ну, а теперь (лучше поздно, чем никогда) выражаю глубокое соболезнование по поводу твоей болезни - полома руки. Ну как же это случилось? Это ещё и ещё раз подтверждает, что в наших летах надо быть особенно осторожным, спешить уже некуда. Ещё обидно, что это с тобой приключилось в день моего рождения. Если бы мы были вместе, то можно бы сказать выпили лишнее, а так я думаю, что ты сама, как бы ни отмечала этот день (если вообще отмечала), то много не выпила, так что версия о том, что это произошло в нетрезвом виде, совершенно отпадает.

Скоро (ожидаю письмо когда) в госпиталь на операцию. Операция как будто бы и незначительная, но в моём возрасте любая операция опасна. Когда меня врач уговаривал подписать согласие на операцию, он сказал: "Какая разница для человека, умрет он сегодня или через несколько лет".

Ну, бог с ним, пусть режет, на то он и мясник.

От Семёна таки получил письмо, но оно для меня с такой высокой материей и такое тяжелое, что на него я отвечать не буду, а посылаю сегодня так "обыкновенное", ибо серьёзный ответ не получается, несмотря что несколько раз пытался. Да и вообще у меня такая ко всему апатия, что и описать её трудно, да по существу, зачем и описывать, когда всё пропало. Этой дуре Лахутиной просто ничего не пиши. С Лахутиным у меня приятельство закончено.

За приглашение спасибо, но на этот вопрос отвечу в дальнейшем, если отвечу вообще, выяснится в недалеком будущем.

Попробуй ещё написать.

Целую крепко, Стась."

Дневник.

22 апреля 1976 года

Пришло огромное, "философское" письмо от Любы:

"Любимый мой, здравствуй!

После твоего последнего письма у меня на душе так горько стало. Да, судьба - она злодейка. Но если нам суждено быть вместе, то это случится. Ты знаешь, со мной часто такое бывает, как ты пишешь. Особенно в эти весенние дни. Не зря говорят, что весна - пора любви.

Ты знаешь, для меня самое главное в жизни - это то, что ты есть. Даже при одном воспоминании о тебе мне становится хорошо. Ты думаешь, что я тебя не люблю, нашла другого и ты мне теперь не нужен. Но всё выходит наоборот, честно говоря, я пыталась это сделать, но не смогла. Мне почему-то никто не нравится, все мне безразличны. Я пыталась влюбиться, но ничего не выходит. Как видно, любить можно лишь только раз.

Да, если бы не года, разделяющие нас, мы давно были бы вместе. Ты знаешь, я могла бы выйти за тебя замуж, но нам всё равно пришлось бы когда-нибудь расстаться (ты знаешь, почему). Нам бы было тогда ещё больнее и тяжелей. Вообще, у меня всего сейчас в жизни хватает, только нет тебя рядом. От этого как-то пусто на душе и не радостно. И думаешь, что же дальше будет, чего хорошего можно в жизни ожидать.

И в трудную минуту, и когда на душе почему-то очень плохо, меня всегда тянет написать тебе, поделиться с тобой. Хотя я этого почти не делаю, переношу всё в себе. Ты знаешь, мне хочется написать тебе одно стихотворение, которое немного

говорит за меня:

*Говорят, что разлука лечит,
Что любую любовь сотрёт,
А душа, чтоб ей стало легче,
Быстро нового изберёт.
Это глупо, это неверно,
Это просто внушённый бред.
Представляешь, как это скверно,
Что тебя в моей жизни нет.
И другому не буду я рада,
Понимаю я это давно.
Видно, сердце другое надо,
Чтоб другого любило оно.*

*Мне кажется, в этом стихотворении всё сказано про меня.
Золотце моё, очень скучаю за тобой и молю бога, чтобы он
помог тебе поскорей приехать ко мне. Надеюсь, что мы скоро
увидимся.*

Целую крепко. Люба. 18.04.76.

P.S. Как у тебя на работе, шеф не выступает?"

29 апреля 1976 года

Первомайская телеграмма от Любани:

*"ПОЗДРАВЛЯЮ ПРАЗДНИКОМ ЖЕЛАЮ СЧАСТЬЯ ЗДОРОВЬЯ
ЦЕЛУЮ=ЛЮБА"*

Утро 1-го мая выдалось пасмурным и прохладным. Термометр

на балконе у Сербы показывал +2, а как сложится погода днём, никто не мог предвидеть, потому что местные прогнозы погоды можно было лишь или в “**Медвежанской правде**” прочитать, или услышать по трансляции из квартирной радиоточки, говорящую коробочку которой Семён согласился присобачить на стене кухни, когда их в прошлом году ставили всем горожанам для оповещения на случай атомной войны.

Но прогноз обычно Медвежань передавала в 7.15, а в это время Семён уже танцевал на автобусной остановке или задыхался в тесноте битком набитого людом салона. А областную газету в целях экономии не выписывал.

Сегодня же выходной по случаю дня международной солидарности тру-щихся, как в шутку выражался Фима Шумахер, боевой заместитель Миши Красивчука по отделу пластмассовых изделий и материалов, и надо не в Управление к канцелярскому столу прорываться, а добираться в Старый город к месту сбора на первомайскую демонстрацию.

Пока Семён разбудил Наташу, пока умылись, а он ещё и побрился мерзким, недельной давности, лезвием “Нева”, попили чаю с колбаской и сыром, оделись, причесались, время приблизилось к половине восьмого.

На углу проспектов **50 лет СССР** и **Ермака** в условленном месте стоял **пазик** с флагами, портретами членов Политбюро ЦК КПСС, транспарантами. Около пазика нервно топтался партийный вождь УСП Виктор Лях, поглядывая на шикарные часы “Полёт”, подарок жены Светы на день рождения.

Семён тоже нервничал и поглядывал на свою старенькую “Победу” на правой руке. Сегодня в пять вечера прилетает на четыре дня Люба, и после демонстрации надо суметь её встретить в аэропорту Тетёркино и достойно доставить в Топтуны...

Ната озябла и куталась в старенькое пальтецо, из которого явно выросла. Покупка шубки или пальто стояла в плане на осень, когда приедет бабушка Аня...

Вскоре в пазик набилось народу по самое не могу. Как и договаривались накануне, Лях грузил в пазик только работников с детьми, да и то не всех – автобус-то не резиновый... Остальных заворачивал и велел бежать на автобусную остановку.

Десятки голубых **лазов** мотались из Нового города в Старый, отвозя строителей светлого будущего в начало единственного проспекта Старого города – проспекта Командарма Уборевича. Никто уже не знает, даже в идеологическом отделе горкома партии, кто такой Уборевич и какое отношение этот товарищ имел в 30-е годы к захолустному южноуральскому райцентру Топкие Колтуны, но из песни слова не выкинешь – красавец проспект Командарма Уборевича, возникший за последние два года из невзрачной улочки Командарма Уборевича, останется здесь на века. Правда, в 72-м, сгоряча, хотели новый проспект назвать именем Брежнева, но из обкома поправили, мол, рано ещё, при жизни не принято, не по-большевистски будет... Так и остался в Топких Колтунах Уборевич. Иероним. Командарм. Зам Тухачевского, славно отличившийся при подавлении “Антоновщины”...

А вообще весь Старый город, с его хибарами и бараками 30-х годов, узкими немощёными улочками и первозданным берегом Топи – готовый музей под открытым небом. С улицы Ленина, бывшей Дворянской, попадаете на улицу Дзержинского, бывшую Верхнепосадскую, а саму Дзержинского пересекают Карла Маркса и Фрунзе. Бабульки ещё помнят, что это были испокон веков Мещанская и Рыбацкая.

А кто такой или что такое Фрунзе вообще допроситься невозможно. Даже активные комсомольцы отводят глаза. Кто его

знает! Может, герой гражданской войны, как Чапаев, или вообще как француз Робеспьер, или немец Карл Либкнехт... А может, и не человек вообще, а наш филиал **МОПРа**...

В точку сбора приехали с небольшим опозданием в 8.05. Там, в двух кварталах от дирекции ТопАЗа, у двухэтажного “Детского мира” и поставили пазик. Народ вышел на свежий воздух, поднимая воротники, потому что солнце так и не пробило низкие облака и не прогрело округу.

Вскоре к машине стали подходить другие работники Управления и складские, кто работает в складском хозяйстве УСП. Постепенно набралось человек восемьдесят.

Виктор Лях организовал разгрузку причиндалов из пазика, вручил самые громоздкие мужикам, а лёгкие портреты членов Политбюро впарил женщинам. Оглядев пёструю озябшую команду, Виктор Яковлевич повёл народ на проспект Командарма Уборевича, где уже пытались построиться отряды посланцев других подразделений ТопАЗа.

Сначала повезло – быстро нашли своё законное место по столбику с картонкой “УСП”, вбитому у кромки проезжей части в газон. Вклинились в людское крошево, напоминающее пингинов в разгар брачного сезона – раздрай, бестолковщина, злобные морды парторгов.

– Так, народ, строимся в четыре ряда. Все, кому поручены флаги и портреты, отвечают за их сохранность, а после демонстрации сдать мне. Пазик будет стоять на улице Маяковского возле Районного узла связи.

Так всем и стоять, не расходиться. Сейчас 8 часов 20 минут. Через сорок минут дружно пойдем парадировать...

Лях суетится, выравнивая ряды, равномерно распределяя **наглядку**.

– Аистова, раз ты с сыном заявила, так с ним попеременно

и держите портрет Громыко. Вот так, и лицом вперёд его!

*А ты, Албутов, со своей **свободой Корвалану** переместись на два корпуса вправо!..*

Как только Лях удалился в задние ряды, Гришин всучил порученный ему Ляхом метровый лист фанеры на высоченном шесте с тремя аршинными буквами **УСП** своей плановичке Нине Петровне и вышел из рядов демонстрантов на придорожный газон. Вроде перекурить, хотя он и не курил. Вскоре к нему примкнуло с десятков мужиков, большинство начали жадно дымить. Семён тоже, оставив Нату на попечение верной Аистойвой, попёрся к **своим** на газон.

То там, то здесь у припаркованных вдоль проспекта автобусов и грузовиков кучковались озябшие мужики и бабы, разливающие в предусмотрительно прихваченные из дома стаканы водочку и портвейн, а в колоннах куражились гармошки и рыдали аккордеоны.

Наши тоже сорганизовались и, переместившись к пазику, начали согреваться. Водитель открыл переднюю дверь и прямо на ступеньках, постелив вчерашнюю **Медвежанскую правду**, разложили варёные яйца, сало, плавленые сырки “Дружба”, солёненькие огурчики, нарезали батон. Гришин без промедления начал срывать **гуськи** с **Московской**, а Калимуллин отработанным ударом ладони в донышко вышибал корковые пробки из винных бутылок.

– *Народ*, – воззвал к их совести Шумахер, – *надо же начальство позвать, а вдруг не побрезгуют...*

Но начальство уже само разобралось в международной обстановке и решительно приближалось к костяку коллектива. С Ляхом шли и подъехавшие к началу праздничного шествия начальник Управления Антонов, “первый” замначальника Сигнал,

просто верный зам Семагин и категорически непьющий уже третий год зам Загогулин.

– *С праздником, товарищи!* – Поприветствовал активистов гуська и стакана Антонов.

– *Здравия желаем!* – Ответил за всех Гришин. – *Просим как бы к столу! По граммулечке за победу пролетариата во всемирном масштабе и в школу не пойдём!..*

Сигнал, как публично непьющий, отступил в сторону, за его спину спрятался Загогулин, а Лях и Антонов подошли поближе и по-пролетарски, без кобеляжа взяли стаканы с водярой и по бутерброду, что их ловко собирала Таня Пашенина. Не отказался от дармовщинки и Семагин.

– *За успехи нашего славного Управления!* – Возгласил Антонов и разрешающе кивнул Ляху и замам. Освободившиеся стаканы достались Гришину, Сербе, Аносову, Калимуллину и Шумахеру.

Заводы комплекса привезли несколько духовых оркестров, так что атмосфера была насыщена бодрящими революционными мелодиями и ритмами. В некоторых местах праздничной толпы затевались стихийные танцы и песни.

Но вот по людскому столпотворению пронесся некий сигнал, какая-то незримая информация, началось неуловимое шевеление.

Начальники подразделений побежали в первые ряды своих коллективов, рыком и матерком останавливая бестолковое броуновское движение передовиков производства, вновь равняя ряды, понукая народ взять знамёна, портреты и транспаранты наизготовку. Многотысячная толпа успокоилась и затихла в ожидании сигнала...

Ровно в девять вдали, в полукилometре, у дирекции ТопАЗа, где сооружена “правительственная” трибуна для руководства ТопАЗа и города, духовой оркестр грянул “Союз нерушимый...”

Первый секретарь горкома Черняев, буквально глотая микрофон, поздравил коллектив ТопАЗа и строителей, поблагодарил за успехи в возведении комплекса заводов и города. Кратко обрисовав важность освоения производства ТопАЗов на фоне зверств банды Пиночета в Чили и бесчинств американского империализма в странах капитала, он подчеркнул всемирно-историческое значение решений XXV съезда КПСС и напомнил, что под руководством верного ленинца Леонида Ильича Брежнева наша страна уверенно идёт к коммунизму. Затем Роман Кириллович озвучил, прочитав по бумажке, несколько лозунгов и объявил праздничное шествие трудящихся города открытым.

Под “Прощание славянки” первым открыл демонстрацию автозборочный завод. По морю знамён и транспарантов, и целых сцен из истории ВКП(б), смонтированных на бортовых **зилах**, величественно плыл салатно-зелёный тягач 5461, гордость топтунских автомобилестроителей.

Рабочие колонны шли и шли мимо трибуны неостановимо. Специально наученные глашатаи в рядах счастливого народа провозглашали здравицы Леониду Ильичу лично и Политбюро ЦК чохом.

Вот она, мощь Союза, гаранта счастливого коммунистического будущего всего прогрессивного человечества!..

– *Ура, товарищи!* – Вырывался из мощных динамиков вокруг трибуны отеческий голос Черняева.

– *Ура-а-а!..* – тысячеголосым эхом послушно отзывалась колонна. – *Бреж-нев! Ура! Бреж-нев! Ура!.. Брежневура!..*

И в такую высокоторжественную минуту Старый город накрыла вдруг сизая пелена, погода взбесилась, и повалил густой белый-пребелый снег. Тёплый. Спокойный. Неостановимый. Самоуверенный. Вездесущий. Крупные, сказочно красивые

снежинки сыпались так густо, что ничего не было видно дальше соседнего ряда демонстрантов.

Народ, чертыхаясь, шёл наобум, ориентируясь на звуки духового оркестра у трибуны, дудевшего марши с оптимизмом оркестра тонущего **Титаника**.

За считанные минуты выпало более 200 миллиметров снега, и эту массу тотчас растоптали и превратили в тающую бяку тысячи труженников ТопАЗа... Флаги, транспаранты и портреты намокли и стремились улечься на асфальт. Женские причёски превратились в неряшливые пейсы, брови и ресницы потекли, превращая расписных красавиц в измазюканных чудищ, а мужики, растирая по мордам снежинки, истово, хотя и негромко матюгались, выпуская на волю свой, обычно скрывааемый на людях, богатый устный фольклор...

Демонстрация в Топтунах последние годы длилась минут по сорок, максимум по часу, но службы обеспечения всегда шли в хвосте, после главных героев праздничного мероприятия – аппарата генеральной дирекции и рабочих коллективов заводов.

Отцы ТопАЗа и города тоже страдали, все в снегу и дискомфорте на своём руководящем насесте, а всё потому, что пожадились на сооружение простейшего навеса над трибуной. Впрочем, навес в смете был и довольно дорогой, но реально на эти деньги соорудили очередной павильон на пристани катеров в профилактории **Чёрное озеро**...

Когда закончилось прохождение колонн заводов, остальных погнали ускоренным темпом.

Лях бежал слева по газону, подбадривая сослуживцев и оставляя в снегу глубокие борозды своим **сорок пятым растоптанным**...

– Быстрее, дохляки! Скоро уже трибуна. Сразу за трибуной

нам направо, на Маяковского, там, у РУСа, сбор. Не проскочите поворот! Гришин, выше свою фанеру!

Хорошо тем, кто подстраховался и вышел на демонстрацию в резиновых сапогах. Но таких умников оказалось немного.

Семён проклинал себя за уступку Нате. Это ради её любопытства он попёрся на презируемое им мероприятие. Обычно всегда откручивался, находя благовидные поводы. В прошлом году, например, вызвался остаться ответственным дежурным по УСП...

Наташа, к счастью, выбралась в стареньких зимних сапожках и почти не пострадала от сюрприза погоды, а сам Семён нёсся по снежной кашне напролом. Мокрые по колено брюки мерзко облепляли ноги, туфли промокли так, что простуда, скорее всего, обеспечена. Ну, да и ладно! Возьмём больничный...

Наконец, примчались к трибуне. Что там хрипел в микрофон **Генеральный** Борисов, как раз толкавший речуху, разобрать было невозможно, да никто к трибуне и головы не повернул. Все бдительно смотрели себе под ноги и стремились не упасть под каблучки следующих напирających рядов.

Вот поворот направо, на Маяковского. Слава богу, спасительный пазик в условленном месте, с гостеприимно открытыми дверьми. В заднюю дверь закидываем причиндалы, в переднюю грузятся те, кто ехал в нём утром с детьми. Спасены!..

Потом метеорологическая наука выяснила, что на широте Топтунов последний раз подобная снежная напасть в начале мая обрушивалась лишь в 1936-м, сорок лет тому...

Когда пазик разгрузился в Новом городе в исходной точке на углу проспектов Ермака и 50 лет СССР, Семён договорился с Ляхом, что тот даёт ему пазик смотаться в Тетёркино за Любой.

Прямо так, с неразгруженными мокрыми флагами и прочей

идеологической продукцией на борту Семён и поехал за Любаней. Шофёр попался знакомый, **уэспевский**, понимающий, - не матюгался и не возникал.

Сначала завезли Нату, и Семён ещё повозился полчаса, пока накормил дитя яичницей и остатками вчерашней гречневой каши. Наказал прибраться и укатил в аэропорт.

И всё получилось, как нельзя лучше – Семён успел в Тетёркино прямо к посадке рейса из Москвы. Он едва успел выскочить на поле из здания аэропорта, как увидел Любочку, выбежавшую к нему из небольшой толпы пассажиров, степенно ведомых, как утята мамой уткой, стюардессой от устало умолкшего неподалёку **ЯК-40**.

Отдав Сене две сумки с гостинцами, Люба бросилась ему на шею.

*– Ура! Я долетела!.. – Счастливо смеялась московская гостья, радуясь и встрече, и успешному перелёту. – Как хорошо, что ты меня встретил! Я так боялась, что придётся добираться **абы как**...*

Когда въехали в Старый город, выглянувшее ещё в середине дня солнце уже закончило свою жаркую весеннюю работу, и проспект Командарма Уборевича выглядел празднично и уютно. О том, что утром здесь пронеслась небывалая снежная атака и на пару часов возвращалась зима, напоминали разве что лужи в неровностях асфальта...

Хотя повсюду ещё оставался неприбранным мусор после утренней демонстрации, транспаранты на Генеральной дирекции и новых дома вдоль проспекта продолжали призывать к новым свершениям...

– Устала? Потерпи ещё полчасаика, и доберёмся до славного проспекта Первопроходцев, – успокаивал Любаню Семён, крепко

сжимая в объятиях.

Майские праздники проходят шикарно. Гостит Люба, в доме поэтому весело и сытно. Люба и Семён всё-таки решили попробовать пожить в браке.

Сегодня съездили в ЗАГС, подали заявление. Поскольку предъявили справку о беременности, которую **организовала** Лилия Ильинична, то им назначили на 4 июня. И вручили "документ":

*"Уважаемые жених и невеста **Серба** и **Витренко**. Ваше бракосочетание назначено на 4 июня 1976 г. в 11 час. 30 мин. г. Топкие Колтуны. ГорЗАГС".*

Дневник:

08 мая 1976 года

Письмецо от Любы:

"Милый Сенечка, здравствуй!

Сообщаю, что доехала я хорошо. Никаких дорожных происшествий не произошло. Дома была в 19.30. Там тоже всё нормально. Писем из дома не было. Сегодня на работе, даже ничего не спрашивали. Написала заявление за свой счёт на этот месяц. Так что мне повезло. Пошла покупать фиксаж.

Привет Наталье. Целую вас крепко. Люба. 5/V-76 г".

09 мая 1976 года

Письмо отца матери:

"Дорогая Аня!

Здравствуй. Огромно рад, что ты поправляешься, и что уже скоро будешь писать правой, но вопрос КОМУ? У меня лично дела неважные. Уже больше месяца как назначили на операцию, но сказали, что пришлют официальное письмо, где и когда будет последняя. Жду (не особенно, ибо я согласился с опаской), больше месяца нет никакого письма, а я, несмотря ни на что, уже еле хожу, их не беспокою, всё оттягиваю. Всё же, хотя и с апатией, поболтаться бы ещё на белом свете. По существу, разницы большой нет, будешь ли болтаться мало или много, конец один.

*Иначе, тоже имею **трабелу** (от англ. **trouble** - забота, хлопоты; такой же сленг русскоязычных переселенцев в англоязычные страны, как, например, мы говорим - **баксы**). Ты не найдешь обменщиков, а я не найду покупателя на дом. Сам живу (по многим причинам) в чужом доме, а свой (вернее, половина, ибо я его имею со своим внуком напополам) пустует, а поскольку он куплен в рассрочку, то за долг надо платить и плачу 112-50 в месяц только самих процентов, так что почти вся пенсия уходит на %%. В субботу 1.5.76 были назначены торги, но давали меньше, чем мы заплатили (вернее, пару тысяч больше, но около пяти тысяч надо платить комиссию за продажу и оформление), так оставили пока ещё пустовать. По правде, и жалко продавать, но внук хочет жениться в другом городе и там купить дом, так что ему нужны деньги.*

*Сегодня у нас всеавстралийский праздник **День Матери**. Этот праздник очень почитается, ибо у каждого есть либо была мать.*

Ну, пробуй уже написать правой, буду ждать.

Целую, Стас".

20.

Жизнь в Топтунах постепенно наполнялась очень даже пикантными обычаями и их подробностями. Вчера *Управление смежных производств* дежурило в ДНД. Пошёл, чертыхаясь, так как не любил подобные **хеппенинги**, и Серба. Но, как начальнику отдела, ему положено не только самому подежурить, но и удержать до конца дежурства подчинённых...

Как всегда, собрались в среду в 19.00 в закреплённом ОПОПе – *опорном пункте охраны порядка* – в начале проспекта Ермака.

Ну, первый час работы – привычная раскачка, учёт вышедших на дежурство дружинников и постановка задачи по охране общественного порядка на закреплённой территории.

Командир отряда Михаил Аносов расписался в журнале учёта дежурств и поручил Людмиле Аистойвой выдать дружинникам красные повязки дружинников.

Майор милиции из Центрального РОВД, рыжий как Олег Попов, постучал костяшками пальцев по столу и после того, как народ угомонился, быстро, невнятной скороговоркой провёл инструктаж-вводную.

– Ещё раз напоминаю тем, кто редко ходит на дежурства. Наш участок – чётная сторона проспекта Ермака, от дома номер 22 по номер 40, до пересечения с проспектом Первопроходцев.

Прошу обратить внимание на порядок у кафе “Таёжный океан” и у кинотеатра “Ермак” – за ними сплошные общаги и нередко местные выясняют отношения с грузинами и азербайджанцами...

Сегодня, как всегда, получилась привычная дружная явка. Три

дня к отпуску ни для кого лишними не кажутся.

Кучно вывалились из душного ОПОПа. Пошли парами и тройками, поспешно снимая с рукавов красные повязки и засовывая их в карманы. Влились в поток прохожих, бредущих по тротуару в обе стороны проспекта, стараясь не выделяться из толпы. Серба взял под руку Людмилу Германовну. У них давно определена тема бесед, если выпадает свободная минута – воспитание детей...

Для начала двинулись к истоку проспекта, туда, где он многоэтажно возникает из полуснесённой деревеньки **Пеньки**. Встречные парни спешили к своим подругам, отоварившись немалыми охапками черёмухи, что сегодня, как ей и положено, расцвела в деревенских палисадниках.

Не устояли и дружинники. Углубясь в деревенскую улочку, мимо печальных стен большой кирпичной церкви, превращённой, после того, как закрылась за ненадобностью МТС, в отхожее место, нашли ещё не разорённые новосёлами палисадники и приготовились, под тревожный брёх нескольких чудом выживших в трудное время псов, гнуть ветки и ломать духмяную красоту.

Однако из ветхой полусгнившей калитки вышла заплесневелая бабка и молча уставилась на непрошенных варваров.

– *А чё, низзя?* – Спросил Фима Шумахер, как человек воспитанный и осторожный.

– *Можно, можно...* – Бормотала бабуся, стыдливо закрывая беззубый рот краем платка. – *Жизня только людей ломает, а черёмухе на пользу будет...*

Наломав скромно по две-три ветки черёмухи, боевой отряд двинулся обратно. Не сегодня-завтра полыхнут в садах вслед за черёмухой яблони и вишни, и, если сохранится безветренная погода, несколько дней весь город будет благоухать благородными, возбуждающими любовь, ароматами...

Ночь удалась. Как обычно в середине мая, было тихо под бездонным звёздным небом. Кто разбирается, мог рассмотреть созвездия и полюбоваться Млечным путём.

Хорошо и то, что ещё не расплодились комары и мошка, и мелкая летающая гнусь не портила настроение.

У кинотеатра “Ермак” перед последним сеансом накапливалась критическая масса молодёжи. Скрипнув тормозами, к тротуару пришвартовался милицейский бобик. Вслед решительно открывшейся задней дверце из машины выскочил всклокоченный, потный сержант, крепко держа в правой руке резиновую дубинку. За ним привычно выпрыгнула красивая немецкая овчарка. Матерясь, выбрались на заплёванный асфальт у кинотеатра ещё двое стражей порядка.

Небрежный, хамоватый голос с неподражаемым казённым говором произнёс сквозь сухой треск милицейской рации:

– Прибыли к кинотеатру. Народ пока в норме, но могут разгуляться. Ребята подежурят полчаса туда-сюда. Я буду на связи. Приём!..

Гулко хлопнула о цельнометаллический корпус тяжёлая дверца, и мильтоны пошли к кассам, расталкивая гуляющих. Вот кто-то их заинтересовал, и его тотчас тормознули вопросом:

— Молодой человек, ваши документы! Пройдёмте к машине!

Какие там документы, когда мужику на ногах стоять тяжело.

– Не надо меня замечать, мне завтра в первую смену... – Прочувствованно икнув, предложил чудак.

– Пошли-пошли, не дёргайся! – Ответил сержант, охаживая задержанного резиновым успокоителем и уволакивая к бобику.

Группа дружинников во главе с парторгом управления Ляхом замедлила прогулочный шаг и с интересом стала наблюдать за наведением порядка.

Семён Серба по-прежнему шушукался с Людмилой Аистой, обсуждая работу школ города и успехи своих детей в учёбе.

Внезапно к Виктору Яковлевичу Ляху подбежал запыхавшийся вестовой из штаба ДНД Володя Евграфов и стал шептать Ляху что-то секретное прямо на ухо.

Виктор напрягся, как пружина. Молча утвердительно кивнул, выпрямился. По-брежневски нахмурил брови. Быстрым взглядом оглядел своё войско, в основном состоящее из бесполезного бабья. Но другого войска нет, и Лях велел Аносову пробежать вперёд и вернуть всех, кто успел уйти вперёд, к универсаму “Урал”.

– Михаил! Аносов! Собери нашу публику, разбрелись, как коровы по лугу...

Когда народ числом десятка полтора собрался, Виктор официально поставил задачу.

– Товарищи дружинники! Сейчас быстренько нацепляйте повязки и организовано за мной. Будем помогать милиции ловить проституток. Идёт проверка общаги иностранных специалистов, а блядво разбегаются через окна и балконы...

Дружинники уже собрались было возвращаться в **ОПОП**, чтобы отметить, сдать повязки и с чувством исполненного долга рвануть по домам, к телевизорам, детишкам и семейным разборкам, а тут, на тебе, – ловить женщин лёгкого поведения!..

Но начальству перечить – себе дороже выйдет. Надо идти!..

Обойдя кинотеатр, по местному проезду углубились в полуосвещённый двор следующей панельной девятиэтажки. Темно не было. Свет падал из окон, и у каждого из пяти подъездов горели светильники “под старину”. Но, учитывая статус общежития и особенно контингент жильцов, работал только один подъезд, центральный.

У входа стояли два **пазика** для улова и милицейский бобик. Из открытых настежь дверей выводили по-пляжному одетых девиц и заталкивали в пазики, чтобы везти в Центральный РОВД для составления протоколов.

От эпицентра события отделился плотный, решительный, ещё весьма спортивный мужик в милицейской форме и направился навстречу толпе дружинников.

Замначальника Центрального РОВД подполковник Манькин славился задиристостью, мстительностью и нахрапом, его сторонились даже издававшие виды милиционеры.

Манькин ещё на подходе вычислил, что подмогу возглавляет Лях, и шагнул ему навстречу.

– Помощнички пожаловали? Плетётесь, как на похоронах. Шустрее надо быть во время дежурства, боевитее!

Ты, что ли, главный? Фамилия?

Лях театрально козырнул, приложив пятерню к своему кумполу, увенчанному летним парусиновым картузом. Доложил:

– Дежурная группа ДНД Управления смежных производств в составе двадцати дружинников прибыла для выполнения спецзадания! Старший группы – Лях, заместитель – Аносов...

– Слушай мою команду, Лях! Разделитесь на две подгруппы и окружите дом с двух сторон поближе к стенам. Хватайте блядей, кто выпрыгивает из окон первого этажа и с балконов второго... Сразу же отводите в пазики. Поняли? Бегом марш!..

Виктор Лях разделил своё воинство на две подгруппы. Получилось в одной группке семь человек во главе с Семёном Сербой, во второй восемь “штыков” под командой Миши Аносова. Сам Лях сохранил за собой общее руководство и побежал вслед Манькину, чтобы быть в курсе дела и поближе к начальству.

Семён, чертыхаясь, повёл свою команду на тыльную сторону дома, где и освещённость была условной, только за счёт окон, и начальство не надоедало с ценными указаниями.

Зато на эту сторону как раз и надеялись беглянки из проверяемой общаги. Большинство окон было открыто и в них маячили, как правило, два силуэта – мужской и женский. Кто-то не мог расцепить сладостно-трагических прощальных объятий, кто-то высовывался из окна, оценивая высоту до отмостки, кто-то на балконе второго этажа прикручивал бельевую верёвку или простыню, готовя путь к побегу.

Не успели рассредоточиться и осмотреться, как из одного окна вылезла на выступ цоколя женская фигурка в легкомысленном платьице и, махнув прощально любимому силуэту рукой, спрыгнула на асфальт отмостки.

– *Стой, стрелять буду!* – Крикнул, наливаясь азартом, Володька Евграфов, рванув к беглянке.

Она испуганно подняла руки, сдаваясь, но Семён уже тормозил Володьку за рукав.

– *Ты чё? Пусть бежит домой, зачем её пугаешь? А если б это твоя сестра была?.. Тоже мне стрелок!.. Из дули стрелять собрался?..*

И уже обращаясь к дрожащей от страха пленнице, строго приказал:

– *Бегом за соседний дом и чтоб тебя здесь больше не видели!.. Поняла?..*

– *Поняла... Я щас!..* – И дрожащее от страха дитя мигом растворилось в темноте двора, спотыкаясь и тихонько завывая.

Володька старательно отвернулся, чтобы не видеть, как Сербка из непонятных соображений отпускает тёлку, продавшую комсомольскую честь за полсотни долларов или марок...

Но тут на помощь группе Сербки подоспели три мента, и

процесс отлова развратниц налачился.

– Сюда, сюда, красавица трипперная, проследуем в автобус!..

– Приговаривал мильтон, ловя очередную летучую мышь за кисть и передавая Евграфову для конвоирования к месту назначения.

Но или внутри здания прошли какие-то процессы, изменившие расклад сил, или осаждённые поняли, что общага оцеплена и сопротивление бесполезно, только за полчаса дежурства под окнами группе Сербы удалось отловить всего три беглянки.

Подошёл Виктор Лях и отменил стояние под стенами трипперграда...

У главного входа выяснилось, что основную массу задержанных вывели пристойно, через дверь.

Оба пазика оказались довольно плотно набиты уловом. Многие натягивали на себя пёстрые шмотки, кто-то уже и в зеркальца гляделся, поправляя макияж.

Замначальника РОВД подполковник Манькин и ещё один майор милиции в окружении возбуждённых милиционеров стояли у автобусов, покуривая и обмениваясь впечатлениями.

– Сколько же этой мрази развелось, товарищ подполковник, – сетовал майор, ожидая сочувствия от Манькина. – Государство им и образование дало, и запускать ТопАЗ доверило, а они, как бабочки, на мерцание ложных буржуазных приманок летят косяками!..

– Да... – Задумчиво согласился Манькин. – А ведь все они комсомолки и исправно платят членские взносы... Поехали на разбор полётов!..

– А вы, мужики, – обратился он к мужчинам УСП, ожидавшим дальнейших распоряжений, – тоже садитесь в пазики, поедете в РОВД, будете свидетелями при протоколировании...

В Центральном РОВД в этот вечер былолюдно и шумно. Когда девочек выгрузили и завели в предбанник, оказалось, что удалось задержать 28 раскрашенных и размалёванных.

Начали составлять протоколы об административной ответственности за нарушение общественного порядка.

Кто попалась первый раз, той предупреждение с сообщением по месту работы и передачей дела в товарищеский суд. Место работы у всех одно – ТопАЗ.

А какая уже попадалась в предыдущие рейды – может и на штраф нарваться, и работой поплатиться или очередь на жильё... Разные тёлки, разные и решения по их мерзкому поведению.

Серба и Аносов подписали, не читая, уже по несколько протоколов, а менты, похоже, развели канцелярию всерьёз – конца не видно.

Час ночи. За одним из письменных столов завязывается разговор “по жизни”. Майор–энтомолог, участвовавший в отлове ночных бабочек, заполняя бланк протокола, снисходит до душещипательного диалога с девятнадцатилетней начинающей проституткой.

– Слышь, ты, кикимора, если не секрет, чего ты хочешь добиться в жизни?..

Симпатяшка кикимора послушно поднимает на майора очаровательные, невинные голубые глазки. Делится сокровенным:

- Только не кикимора я, а Светлана... Чего хочу? А чего хочу?.. Чего хочу – никакой секрет. Хочу заработать много денег...

- А примерно сколько?..

- Ну, я, в общем-то, не знаю... Может быть, тысяч десять... А лучше – двадцать... Да хоть и сто – не помешает!..

– На хрена столько? У меня с тринадцатой выходит в

среднем по двести в месяц. И хватает. Причём ещё жена сто двадцать – сто пятьдесят с конвейера приносит... А ты вон сколько загнула... Десять **штук!** Небось, в месяц... Надо же... И этого тебе хватило бы? Чтобы ты с ними делала?

- Куплю отдельную квартиру, машину, обстановку, тряпки. Да, пожалуй, понадобится больше... Тысяч пятьдесят или лучше сто, наверное, придётся за год-два насобирать...

К столу подтягиваются заинтересованные слушатели – Аносов и Серба. Их всё ещё держат для удостоверения протоколов по мере их изготовления.

Майор между тем продолжает ковыряться в душе юной авантюристки.

– Так ведь у нас квартиры не продаются, а выделяются по очереди. Вертихвосткам, как говорится, за сто лет не получить ни метра!..

Светлана засмеялась смехом взрослого, беседующего с дитём малым.

– Товарищ майор... Ну вы, как маленький. Что из того, что не продаются? А как же люди их добывают? Обменом, товарищ майор, обменом.

У меня в родном городе у мамы есть комнатка пятнадцать метров в бараке. Так мы её поменяем на трёхкомнатную в Москве с доплатой. Когда есть чем доплатить, то всегда можно поменять шило на мыло...

А маму потом **выпишем** к дяде Боре, в совхоз “Память Ильича”... Мы уже с мамой всё обсудили и договорились...

- Ну, хорошо, заимеешь ты, если получится, квартиру, машину, модные шмотки и что, больше ничего тебе уже не надо? Ты тогда что, “завяжешь” с проституцией?..

- Да, конечно. Я сразу, пока молодая и свежая, выйду замуж. За иностранца. Умотаю за границу.

– За **Буратино**, конечно?

- Ну да. К нам же **шарамыги** не приезжают.

- А потом?

- Буду жить **там**. Иногда буду приезжать в Брянск. Брянская Я...

- А с работой как?

- Зачем работать? А супруг на что?..

Майор бесстыже зевнул, отложив ручку, и, сцепив руки, хрустнул суставами пальцев. Вынул из недр френча пачку “Беломора” и закурил, интеллигентно пуская клубы смрадного дыма куда-то себе меж колен.

– Значит, работать на всесоюзной комсомольской стройке – пусть ишаки работают, а ты хочешь в загнивающем капитализме остаток жизни прозагорать?..

Тебе что, ста пятидесяти целковых, которых тебе на прессово-рамном в месяц ни за что отваливают, не устраивают?.. Куда только комсомольская организация смотрит!.. А ведь тебя, стерву, советская власть выучила и хочет из тебя человека сделать!..

Теперь уже откровенно зевнула Света.

– Не надо ла-ла, товарищ майор, человека из меня может сделать только акушерка, и то только если я нагуляю и захочу рожать.

Что вы говорите, какие сто пятьдесят в месяц? Деревянных? Я имею самое малое пятьдесят – сто баксов за вечер, и так десять вечеров в месяц. А если захочу, то и больничный на недельку возьму или за свой счёт... Тогда и все две – три выработаю...

- Хорошо, - сказал майор, поворачивая протокол в сторону задержанной, - прочти и подпиши!..

Вот, обрати внимание, – “у задержанной при личном досмотре в трусах обнаружено сто долларов США одной купюрой”.

Светлана скорчилась от смеха, обняв животик.

– Так вам в моих трусах, товарищ майор, получается, ничего кроме баксов обнаружить не удалось?.. Хотя забугорные очень много чего находят и балдеют от находок... В другой раз очки не забудьте одеть!..

К майору подошёл подполковник Манькин, консультировавший какого-то капитана за соседним столом. Они, вероятно, закончили свои упражнения по чистописанию.

– Курицын, – улыбнулся подполковник, обращаясь к майору, – не наработался ещё? Пора и отдых членам дать... Разрешаю!..

*– А ты, коза, в каком **комплексе** живёшь? –* Обратился Манькин к Светлане.

– В 6-м... на проспекте Победы... Не подбросите случайно?..
– Нагло предложила подстилка.

Замначальника ОВД уточнил на всякий случай:

– А ты не бодливая, часом?..

На что Светлана, протягивая майору протокол, ответила Манькину буднично и привычно:

– Да куда ж я денусь?.. Щас только в туалет сбегая... Где тут у вас?..

Когда она вернулась, уставясь на Германа Александровича вопросительным взглядом, Манькин ухмыльнулся и потянул за руку Светлану к себе, поднимая со стула. Кивнул майору:

*– Будь здоров! Завезу порочное дитя в общагу. Может, развеселит по дороге, а то чтой-то набегался я сегодня...
Пока!*

Аносов и Серба пошли домой пешочком. Жили они в соседних

домах, и им было о чём поговорить, обсуждая такое неординарное дежурство. Тем более что идти не менее получаса, в самый конец проспекта Первопроходцев.

– *Жуть, какой разврат!* – Сокрушался Миша. – *Куда только Советская власть смотрит?!*

– *Куда, куда! Туда, куда и всегда смотрела. В трусы...* – Хохотнул Серба. – *Думаешь, этот самый подполковник чем сейчас занимается? Воспитательной работой? Разогнался! Он эту кралю в машине уже по второму разу разложил...*

Аносов засомневался. Крупный руководитель, замначальника ОВД, наверняка член партии. И чтобы так цинично, в машине, как это расписал Серба – не может быть!

– *Станиславич, не может такого быть! А если она пожалуется и до горкома дойдёт, этот подполковник ведь партбилетом поплатится!.. А то и погончиками!..*

Серба хлопнул заместителя по плечу. Молодой, мало большевистской каши съел... Объяснил.

– *Видишь ли, Миша... Мы с тобой не вылезаем из командировок. Запускаем ТопАЗ. Нам некогда даже задуматься, как развивается город, какие нравы, что, сколько да почём...*

А жизнь идёт, и главным образом, мимо нас. При этом все пороки мира уже здесь, на новом месте, расцвели пышным цветом...

Ты слышал, что такое Чёрное озеро?.. Нет? А меня Боря Зильберштейн просветил. Там настоящий бардак для отдыха начальства...

Мишу покоробили резкие оценки Сербы.

– *Станиславич, ты циник!..*

– *Не циник я, Миша, а реалист. Трезво смотрю на людей и на начальство особенно. А циник тот, кто в пикантных подробностях изнанки жизни ковыряется. Реалист же*

отмечает в мозгу всё, как фотоаппарат “Поляроид”... Щёлк и – возьмите на память!..

Но оказалось, что какие-то обрывки чудовищных слухов доходили и до Аносова.

– Были... Были и есть разговоры. Народ разное говорит. Я сам прошлым летом на Топи рыбачил как-то, всего один раз, правда. Шли с Гришиным поймой, леском. Новая отличная бетонка. Откуда взялась – никогда там никаких дорог не было!..

Идём по ней. Легко, кайфово. Вдруг упёрлись в новый километровый забор. Два метра высоты, сплошной без просветов забор из отборной вагонки. Ворота были приоткрыты, и мы, дураки, заглянули. Так сразу на нас выскочили два очень негостеприимных амбала с волкодавами на поводках. Сказали, если не сделаем ноги, спустят собак...

Дважды уговаривать нас им не пришлось...

Дворами, сторонясь плохо ограждённых и ещё хуже освещённых стройплощадок, вышли на **Первопроходцев**. Ночь уже переломилась, и на востоке светлело и розовело. Пора и поспать хотя бы до семи.

Впрочем, последнее, о чём говорили Миша и Семён, расставаясь на углу возле **хлебного**, как с утра обеспечить сборку двигателей **сальником коленвала задним** до прилёта вертолётки из Медвежани, – ещё раз предъявить брачок, задержанный ОТК по внешнему виду и украденный тогда же, в прошлую среду, у контролёров и **заначенный** в столе у Людмилы Германовны, или рискнуть и ждать вертолётки...

21.

20 мая 1976 года

Телеграмма от Любочки:

*"ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЁМ РОЖДЕНИЯ ЖЕЛАЮ СЧАСТЬЯ
ЦЕЛУЮ=ЛЮБА"*

20-го получился четверг, и идти на работу очень не хотелось. Но надо. На прикроватной тумбочке открытка серии "С Днём рождения!" от Наташечки. Стандартная открытка Минсвязи СССР. По синему небу неотвратно мчит в космос ракета "СССР – Марс", оставляя за собой мрачные клубы выхлопных газов. Поперёк открытки и поверх ракеты красная надпечатка: "С Днём рождения!" На обороте фиолетовыми школьными чернилами: – *Папочка! С днём Рождения! Я тебя люблю! Ната.*

Утром обычная суета. Побриться, погладить рубашку. Разбудить Нату, накормить, поесть самому. У ребёнка переходный возраст, осенью будет 14. Нужен глаз да глаз. А тут командировки за командировками. Скорее бы перетащить Любу в Топтуны. Как-то всё проще стало бы.

– *Наташа, вставай! Опаздываем! Опять голодная пойдёшь!*

Ребёнок вскакивает, протирая глаза. Хочется быть добрым и оставить сегодня дома, но школа рядом, ещё успеем...

– *Ты помнишь, что сегодня у тебя день рождения?..*

– *Помню...*

– *Я тебя поздравляю!.. Рости большой!..*

– *А ты учись без троек, и будет мне счастье...*

– *Когда уже Люба приедет?..*

– *Скоро... Давай шустрей! Яичница стынет...*

– Куда мне спешить? Сегодня только расписание экзаменов вывесят...

– Всё равно надо придти, как все, переписать расписание и бегом домой готовиться!..

7.30. Пора выбегать на автобусную остановку. Пожалуй, надо взять и сунуть в портфель **“Литературку”** за 12 мая. Пришла вчера и вполне ещё свежая, недочитанная. Не утерпел. Тормознулся, развернул, скользнул взглядом по бумаге. На первой полосе портрет **бровеносца в потёмках** с группой **тварищей** по случаю вручения ему маршальского знака отличия **“Маршальская звезда”**...

Подгорный, как всегда, изыскан: *– ...испытываю чувство высокого удовлетворения по случаю...*

Счастливец не остаётся в долгу:

– С чувством неодолимого волнения, горячей благодарности и сознания своего долга перед партией, перед Родиной, перед советским народом принимаю я сегодня этот знак...

Надо же, воевал – не воевал, а Маршал! Так недолго и Генералиссимусом заделаться...

Однако, 7.35. Газета в портфель, ключ в скважину, потрогать, заперлась ли дверь, и через три ступеньки в сторону остановки, где надо будет штурмовать переполненный салон ЛАЗа. Автобус за автобусом, обвешанные топазовцами, тяжело приседая, оставляя облака невыносимого смрада, рулят на промплощадку ТопАЗа, развозя горожан на десяток заводов комплекса.

24 мая Семён возвратился из короткой командировки в Медвежань. Вертолёт сел прямо у автосборочного завода. Подъехал грузовик с Мишей Аносовым, быстро выкидали мешки с дефицитом. Как всегда, повезли комплектующие прямо на

конвейер, жутко матерясь. Ещё их встречал Витя Лях. Он отвел Сербу в сторонку и, ничего не объясняя, стал почему-то утешать, мол, всё обойдётся и т. п.

Наконец, поведал с кислой мордой, что вчера ему позвонила Ната и спросила, как быть, поскольку пришло извещение на переговоры с Москвой (переговорный пункт был тогда во 2-м комплексе на Московском проспекте). Виктор заехал, забрал извещение и отправился на переговорный, якобы теряясь в догадках.

Оказалось, звонила Любаня. Она обрадовалась, что на переговоры пришёл Виктор, а не Семён, так как позвонила сообщить, что она передумала выходить замуж за Сербу и просит Витю успокоить друга и вообще всё объяснить по-житейски.

Витя и объяснил, прямо у трапа вертолета МИ-8...

Ну, спасибо! Ну, обрадовал и утешил! Ну и друг, хотя где лучших найдёшь?..

Сербе, понятно, жаль, определенных ожиданий и приготовлений, но действующие против Семёна силы, очевидно, сложились в подлом направлении в один мощный вектор, и удар судьбы сработал. Это и значительная по советским меркам разница в возрасте, и неприятие такого варианта мамой Олей, двоюродной сестрой Семёна, и нежелание Любы менять Москву на Топтуны и т. д.

Правда, убеждал себя Семён, жалеть нечего. Почти три года продолжался их с Любаней прелестный роман. Возможно, он уже исчерпал себя. Теория рекомендует до ЗАГСа хотя бы пару месяцев повстречаться, узнать друг друга... В данном случае узнавание продолжалось три года, но закончилось ничем. Впрочем, как это, ничем? Три года он прожил с Любой гражданским браком, хотя, к сожалению, и вахтовым методом, она

в Москве, он - в Топтунах. Конечно, как говорит Райкин, могли быть и дети, и долгая счастливая жизнь. Но, как ни крути, этот, пусть короткий жизненный опыт, будет, надо думать, приятно вспомнить.

Понимая, что Семёну нелегко, вечером пришел Виктор, принёс бутылку “Столичной”, колбаска и сыр нашлись в холодильнике.

Хорошо, что Наташа пошла в гости к Аистовым и осталась там ночевать. Не будет присутствовать при пьянке и нелёгком разговоре.

Отметили невесёлое событие по-мужски.

– *Ничего ты, Виктор, не понимаешь! Люба – редкой доброты и красоты девчонка, не шлюха какая-нибудь из-под **Националя**...*

– Расчувствовался Семён после третьей рюмки.

– *Ладно тебе, Семён, тоску накачивать! Что, собственно, произошло?* – Не соглашался Виктор. – *Ну, немного разобралась девка в Москве. Поняла, что забиваться сюда на край света в Топтуны никакого резона нет и быть не может...*

Жизнь выдаётся советскому человеку один раз. И прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы... Слыхал? А ты Любе какую жизнь мог предложить?.. Родить дитя, второе, третье, варить борщи и в окно смотреть? Или, в лучшем случае, на конвейере ишачить?..

Так что она, хоть и в последний момент, но выбрала настоящую жизнь... И надеется, что ты будешь джентльменом и не станешь её попрекать, а простишь, как старший товарищ...

Семён шмыгал носом и злился.

– *Она такая, что на миллион одна... А я, дурак, не спешил, думал, дам ей хорошо подумать... Нет, чтобы взять за руку*

ещё в 73-м и – в ЗАГС!..

Виктор засмеялся, напевая:

– Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло...

Я вот, представь, на молодых не западаю. Ты же знаешь, захаживаю к Вальке Чесноковой, так оно того стоит. Хоть бабу и за сорок, она твоих годов, но ведь какой товар!

Когда прихожу, мигом и курочка жареная, и коньячок, бля, на столе. А уж в постели что вытворяет, стерва, так и слов не подберу, Толстой нужен...

Поэтому бери с меня пример. На кой тебе эта лимитчица, да ещё и на двадцатник моложе? Женишься, народ смеяться ведь будет, поверь мне.

Лях прервал свою проповедь, чтобы налить ещё по стопарику. Не оставлять же на утро? Опрокинув, крикнув, картинно отставив пустую рюмку и зачем-то громко хлопнув в ладоши, друг продолжил нравственное лечение Семёна.

– Представь, через двадцать годков тебе будет шестьдесят, точнее, седьмой десяток. Молодой пенсионер будешь. Красивец. С простатитом и геморроем. А Любана твоей всего сороковник стукнет, баба будет в самом соку. Ей жеребца ещё подавай такого, как я, и чтоб без всяких там прелюдий... Как вот у нас с Чесноковой. Приду, отбомблюсь, коньячком побалуюсь и на автобус. И завтра на работу, как огурчик... У меня их знаешь сколько, шалав топазовских?.. Самое обидное, времени не хватает...

Возразить Виктору, в сущности, нечем. По-мужски, – железно прав. Действительность надо принимать такой, какую подсунули подлые обстоятельства.

Уходя, Виктор выдал последний дружеский совет.

– Подумай хорошенько, что тебе надо. Если подстилку на

раз-два, то таких в Топтунах, как грязи на Автовокзале.

Если мать для Натки, то оставь дурацкие мечты. Матери для дочки ты не найдёшь и не трать время.

Ну, а если надёжную бабу для жизни, то оглянись вокруг. У тебя в отделе штук пять холостячек, а в Управлении отделов, заметь, восемь... Пятью восемь умножить можешь? Таблицу умножения не забыл?.. Так что выбор есть, и неплохой...

Да и мой опыт со счетов не скидывай, могу подробнее поделиться...

Ну, всё, пока! Я улечу, завтра дел до хрена... Будь!..

Семён вспомнил, что последние год-полтора подобное решение Люба принимала не один раз. У него сохранились все её письма. Но всякий раз девочка так же необъяснимо передумывала, и обычно в следующем письме уже не оставалось и следа от трагического тона насчёт “развода”. Даже ответить на её “*всё кончено, забудь меня*” Семён не успевал. Через пару дней приходило нежное письмо, где и намёка на “всё кончено” нельзя было найти даже под микроскопом.

Тогда Семён объяснял себе девичьи капризы плохим настроением, тоской от неустроенности личной жизни,

Теперь же появилось время для анализа. Да и надежды, что Любаня даст задний ход и пришлёт примирительное письмо, не было. Ведь она не постеснялась передать своё решение через Виктора, то есть обнародовала его всему свету.

С другой стороны, то, что ещё 20-го, то есть всего четыре дня тому, пришла добрая поздравительная телеграмма, говорит о том, что внезапно появился какой-то мощный фактор, резко изменивший Любин взгляд на их отношения, да такой мощный, что даже поданное в ЗАГС заявление не смогло её остановить и устыдить.

В итоге тягостных раздумий Семён оставил в памяти три возможных причины Любиного крутого разворота.

Ну, допустим, что у неё завёлся более ценный кадр в Москве. Например, начальник их участка или инженер из “Гражданпроекта”. Заметил смазливую весёлую девчонку, мозги запудрил, назначил встречу в выходной, сводил в кино, влюбил, пообещал развестись с женой, показал свою шикарную квартиру и покатал на новом “Жигуле”.

Девочка растерялась, посоветовалась с подругами по общаге, а те в один голос убедили: – *Не будь душой! Хватай своё счастье двумя руками. Сразу и москвичкой станешь, и мама перестанет дуться...*

Второй вариант виделся в форме Витиного коварства. Зная его завистливую натуру и отсутствие каких-либо нравственных тормозов, Семён допускал, что Витя, будучи днями в Москве и забирая от Любы по поручению Семёна сумку с вещами в Топтуны, мог использовать встречу с Любой для того, чтобы попытаться оприходовать её в свою коллекцию мужских побед. А встретив непонимание и возмущение, наверняка пустил в ход всякие наветы на Семёна:

– *Зачем тебе эта головная боль? Мужу пошёл пятый десяток, взрослая дочь на шее... Разве ты сможешь стать ей матерью? Не более чем подругой, чтобы, пока он по командировкам шастает, вам вместе поблядовать... Жена! Смешно! Да у него, знаешь, сколько в каждом городе всяких жён и просто бабья? Таких дурочек, как ты? Десятки. Я точно знаю, мы же друзья...*

А со мной поведёшься, получишь надёжного друга, со связями. Я в Минавтопроме, как у себя дома. Могу тебя и в Московскую дирекцию ТопАЗа устроить, и квартирку в столице нашей родины пробить...

Третье направление анализа вело в Лозовую. Возможно, когда Люба написала маме о том, что решила выйти за Семёна и что уже подали заявление, то Ольга, всё бросив, прилетела в Москву и устроила взятие Зимнего...

И действительно, на следующий день Наташка, возвращаясь со школы, вместе с газетами извлекла из почтового ящика скромный конверт с письмом из Лозовой.

“ Сеня, не могла удержаться, чтобы не написать тебе это последнее письмо.

То, что ты задумал, подло и неблагодарно по отношению ко мне, как твоей сестре, по отношению к нашей семье.

Как ты мог на такое пойти? Она же девочка несмышлёная, воробышек беззащитный!

А я тебе верила, дура набитая! Думала, братик поможет Любаше осмотреться в Москве, поможет, если что не так... А он помог потерять честь и достоинство!

Какая женитьба? Она что, тебе пара? Ты хоть бы с матерью своей посоветовался или отцу в Австралию написал. Но ты испугался и хотел всех нас поставить перед фактом. Не вышло! Хорошо, что с брюхом не оставил...

Забудь о Любе и никогда на её дороге не возникай! Понял? А то я за себя не отвечаю!.. ”

Не выходил из головы их последний разговор с Виктором, его циничный совет осмотреться и определиться на месте. Действительно, а что если плюнуть на все любви и жениться на ком-нибудь из уэспевских холостячек? Зачем, в самом деле, далеко ходить?..

К этому же подталкивал и недавний разговор с Лилией Ильиничной. Баба, крепко битая жизнью, работала в Управлении бухгалтером-материалистом и по зову сердца заведовала кассой

взаимопомощи. Такая себе незаменимая и компанейская для всех уэспевцев, как мужиков, так и бабья, 45-летняя гром-баба.

Семёна она взяла под своё крыло с первых его командировок в Топтуны, прям глаз положила. И очень хвалила и ставила всем в пример, как уникального отца-одиночку.

А так, вообще, очень колоритная тётка. Лежала как-то в больнице и во время прогулок в холл на предмет покурить приворожила молодого лоботряса Женьку, на двадцать лет моложе. После выписки из больницы привела его домой, и живёт с ним, как с мужем. Да ещё и две дочки на шее – старшая Тося, уже на последнем курсе **Медвежанского педа** заочно, и младшая Зинуля, только-только десятый отходила... Похоже, по рассказам Ильиничны, обе не прочь Женьку у мамы отбить...

Ильинична крупно помогла Семёну в мае, когда он с Любой подавал заявление в ЗАГС. Люба прилетела на четыре дня, из них два – праздник, а четвёртого – день отлёта.

Сразу же вечером первого пошли в гости к Ильиничне. Она прониклась. Похвалила Семёнов выбор, стала тут же звонить кому-то по телефону. А решить надо было два вопроса.

Первый – чтобы третьего мая хотя бы просто приняли заявление. Могут ведь отбrehаться перегрузкой ЗАГСа и назначить на следующую неделю или как-нибудь ещё.

Второй – принять в принципе, потому что такая большая разница в возрасте негласно не поощрялась. Вроде могли и принять, но назначить регистрацию через три месяца...

Оба вопроса Ильинична сняла за три минуты разговора. Её знал весь город, и отказа ей не могло быть никогда. Она только продиктовала кому-то данные паспорта Любы.

Для гарантии договоренностей к обеду следующего дня была готова справка о четырёхмесячной беременности Любы, что даёт право на ускоренную регистрацию брака. Справку хороший

человек из поликлиники, обязанный чем-то Ильиничне, лично привёз ей на дом.

И действительно, когда 3-го мая съездили в ЗАГС, там уже ждали и назначили на 4-ю июня. Отлично! Ура!!!

Следующий вечер Семён посвятил обдумыванию вариантов решения семейной проблемы методом “не отходя от кассы”, анализируя женский коллектив родного Управления.

Начал со своего отдела. Людмила Германовна – семейная матрона, не помышляющая о разводе, счастливая жена и мать.

Тамара Петровна хотя и холостячка, но не в ладах с зелёным змием, несчастное, жалкое существо. К тому же Тамара – подруга Витиной пассии Чесноковой, на которую у Семёна стойкий рвотный рефлекс.

Рита Збруева только впорхнула в отдел после школы. Дочка какого-то ответственного товарища. Ей не то что замуж, даже разучить имена-отчества ещё не под силу. Когда-нибудь через годик-два.

Есть и женщина-вамп, как же без них. Алевтина Бычкова давно подаёт знаки внимания, пытаюсь то чаю налить шефу, то угостить бутербродом, то пригласить домой починить розетку. Хотя замужем, имеет сына лет десяти и мужа, регулярно расходящегося-сходящегося с ней несколько раз в году.

Ответных жестов Тине Семён себе не позволяет. Не его вариант. Неинтересный. Тёте где-то 30. Не разведена, а это чревато многолетней склокой. Но главное, не Семёнов тип женщины. Лукавая прохиндейка-авантюристка. От таких подальше!

Семён вспомнил прошлогоднее приключение Алевтины, ставшее легендой Управления.

А получилось так. Подоспел отпуск, да ещё летом. Понятно, что

мужу в отпуск нескоро, зимой. И Алевтина поехала в Евпаторию одна. Сына поручила мужу и подруге.

Как водится, в Евпатории нередки любовные истории. Сразу по приезду, в первый же вечер на танцах Тина познакомилась с потрясным москвичом Робертом, очень интеллигентным малым, врачом-невропатологом. Мужчиной исключительной души и обаяния. Холостым.

Двенадцать дней пролетели, как в сказочном сне. Море, солнце, вино, танцульки, нон-стоп любовь. Алевтина оказалась именно такой женщиной, о какой мечтал Роберт все сорок лет серой холостяцкой жизни под маминым присмотром и какую до поездки в Евпаторию так и не сумел встретить.

Расставались со слезами. Договорились, что Алевтина срочно разведётся и прилетит с сыном в Москву, чтобы уже навеки соединиться с любимым врачом-невропатологом. Он укатил в Симферополь автобусом, откуда полетел в Москву самолётом, а Тина скромненько добралась поездами с пересадкой в Москве.

Роберт обещал встретить и познакомить с мамой, но, видимо, перепутал перроны, и встреча не состоялась. Обидно, но бывает. Глупо обижаться на досадный случай. Тина кое-как перебралась с Курского вокзала на Казанский и к вечеру уехала домой.

Когда вернулась в Топтуны, то первым делом заказала разговор с Робертом. Терпеливо три дня ждала связи на служебный телефон и дождалась-таки разговора с любимым. Слышимость была скверной, но основное она поняла. Роберт любит её, ночей не спит, ждёт в Москве с сыном.

Развестись быстро в наше время невозможно, поэтому Алевтина ограничилась мощным скандалом с законным супругом, выгнала его из квартиры, сменила замок, заперла и стала собирать чемоданы в Москву.

Слава богу, что подруги отговорили её увольняться с ТопАЗа.

– Вдруг тебя в Москве ждёт облом, что делать будешь? Квартиру ТопАЗ отберёт, на работу обратно Сигнал вряд ли возьмёт, он предательства не прощает...

Ты возьми пару недель за свой счёт. Съезди. Если всё получится, можно будет уволиться через Московскую дирекцию и сдать квартиру. А ещё лучше устроиться в Московскую дирекцию и сохранить жильё в Топтунах. А там как-нибудь сменяться на Москву...

Тина так и сделала. Ребёнок на каникулах, так что говорить что-либо в школе не пришлось. А личное дело пришлют по запросу...

Набила чемодан лучшими своими тряпками, а рюкзак шмотками Славика. Ещё для уюта прихватила роскошный фикус, чтобы сразу преобразить жизнь затурканного работой и одиночеством невропатолога.

Прощалась с подругами и подалась следующим утром в аэропорт Тетёркино. Взлёт, два часа волнения, посадка в Быково и ещё час добираться электричкой в Москву. Едучи в электричке, даже в окно не смотрела. Повторяла давно заученное: *“Дом 43, квартира 11.”*

Выйдя на привокзальную площадь, словила такси до проспекта Мира.

О прилёте Роберту не звонила и не писала. Сюрприз есть сюрприз.

Сжимая в одной руке тяжеленный горшок фикуса, а в другой ручку чемодана, с рюкзаком на спине и дитём, уцепившемся в чемодан, зашла, под бдительными взглядами пенсионерок, в первый подъезд хрущёвки и поднялась, задыхаясь, на третий этаж.

Поставила у нужной двери фикус и, волнуясь, как первоклашка, нажала кнопку звонка.

Роберт оказался дома и открыл дверь.

Изумлению медработника не было предела.

– Тина, ты?.. Что всё это значит?..

– Ты же сказал тогда в Евпатории, “всё бросай и прилетай!”

И по телефону подтвердил... Я и решила сделать тебе сюрприз... Вот и женись, как обещал...

– Ты что, больная? Шуток не понимаешь? Кто же на курортных мадамах женится? Я ещё в своём уме. Да и женат, не жалуюсь. Быстро катись обратно, пока жена с работы не пришла, а то она тебе так дорогу покажет, что на инвалидность выйдешь. Вон отсюда, нахалка!..

– Но ты же сам дал мне адрес и сманил от мужа! И по телефону на той неделе клялся в любви...

Роберт уже не смеялся, а хохотал, хватаясь за стену.

– Конечно... И адрес дал... И по телефону вдохновлял... Так это же, чтобы получить кайф. Такое представление нарочно не придумаетшь!.. Ой, усцусь со смеху! Вот рассмешила, так рассмешила! А фикус зачем припёрла?..

А теперь бегом марш, а то действительно соседи милицию вызовут! Вон отсюда, шелупонь топтунская! Катись, пока цела, кыш!.. Да вылупка не забудь!..

Ошарашенная Алевтина медленно постигала значение слов дорогого человека. А когда постигла, схватила чемодан и Славика, рванув по ступеням вниз.

Старушечки молча уставились ей вслед, тоже не находя слов для объяснения странного события.

– Фикус, похоже, привозила кому-то дамочка. Видать, передали с оказией... Непрактичная. Нет, чтоб чемодан в камере хранения оставить, а она прёт его через всю Москву...

Одолжив денег в Московской дирекции у Клавдии Михайловны и Инги Изотовны, Тина скоренько вернулась в Топтуны. Вышла, как ни в чём не бывало, на работу.

Вернулся вечно небритый муж, спросил, куда таскала сына. Объяснила, что давно хотела показать ребёнку Москву, Кремль, Ильича в мавзолее...

– Мало тебе Ильича каждый день про телевизору, так тебя в мавзолее чёрт понёс! Ну, ты и дура, Тинка! Жрать давай!..

Вскоре начались занятия в школе, а на работе за прилежание по составлению заявок на следующий год Сигнал включил Бычкову в список на премию... Да и муж стал меньше пить и почти всю получку отдавал Алевтине. Похоже, заболел. Но семья окрепла.

И это – товар?.. Ну, хорошо, пусть товар. Но в таком случае совершенно неходовой... Понятно, что Серб не стал больше даже мысленно задумываться о примерке к себе подобных амазонок из тех, что на расстоянии вытянутой руки на работе...

В общем, он недолго горевал и через пару дней выехал в Медвежань на две недели, решив больше с Любой не созваниваться и не переписываться. Хорошо, что не успел сообщить о своих планах маме, не хватает только сейчас забивать старушке голову его личными делами, тем более что она наверняка тоже была бы категорически против...

Но в командировке внезапно навалилась такая тоска, что даже к начальнику цеха формовых резинотехнических изделий Козлодоеву на день рождения не пошёл. А ведь этот цех делает десятки важных деталей для ТопАЗа и с Виталием Ивановичем Сербом прямо-таки обязан поддерживать тёплые дружеские отношения.

Люба не выходила из головы днём и ночью. Думалось, вдруг вернусь из командировки, а в кухне на столе телеграмма из Москвы, всего одно слово – *ВСТРЕЧАЙ...*

И когда кончилась командировка, и Семён прилетел арендованным вертолётom на площадку к АБК автосборочного, разгрузил дефицит и примчался домой, то первое, что спросил у дочки, было *Телеграмма не приходила?..*

Не приходила...

Дневник:

04 июня 1976 года

Письмо от папы:

"Дорогой Сеня!

Получил твое письмо и отвечаю довольно таки серьезно. Если со мной всё будет в порядке, то выдвинутые тобой вопросы тоже все будут в порядке.

Более 2-х месяцев назад я согласился на операцию, но в госпитале не было места. Только вчера получил из госпиталя письмо, предлагающее явиться к ним в понедельник 7.6.76 к 10 час. По всей вероятности операция будет во вторник или среду. 8./9.6.76. От исхода операции зависит ответ на затронутые тобой вопросы. Я бы хотел, чтобы ты навестил меня в Австралии, но я по многим причинам вызывать тебя или хлопотать о твоём приезде не буду. Там в Москве имеется наш австралийский консулат, и ты можешь всё там сделать. Учти, австралийцы очень вежливые, сговорчивые и добрые люди, остановка за Вашими официальными. Денег не экономь и не

собирай, все абсолютно расходы по поездке я беру на себя.

Заметь себе, если будет решаться вопрос о твоём приезде, то ещё надо будет с тобой сделать много договоренностей, разного рода обусловленностей, но об этом потом, а сейчас уголовной вопрос операция.

Ну, пока что пробуй писать, авось, и получу, а пока целую крепко тебя, Наточку и Анну Николаевну. Таао.

P.S. Да, получил ли ты маленькую бандероль с австралийскими сувенирами?

P.P.S. Прилагаю маленькое фото десятилетней давности, это то, что на моём паспорте. Г.О."

Да, теперь, после Любиного демарша, можно всерьёз обдумать предложение папы.

А что если, действительно, махнуть в Австралию? И уж там вполне возможно будет начать жизнь заново...

15 июня 1976 года

Письмо от мамы:

"Дорогой Сеня, здравствуй!

Месяц как ждем разрешения на обмен из Медвежани, и неизвестно, когда оно придет, ведь нам уже пора будет забирать Наточку, и я думала, что это сделаем попутно с Медвежанью, а это выходит, что такая затяжка заставит нас делать двойной расход. Я тебе писала, чтоб ты связался с этим бюро обмена и выяснил, в чем там дело? У меня уже все нервы полопались - от ожидания. С 11 августа будет погашение

*займа, там ещё есть за 48 г., посмотри. Получил документы?
Получил письмо Наточки, я тебе послала?*

*Пиши срочно мне письмо. Как дела? Здоровье? Настроение?
Финансы? Может можно по телефону связаться с Медвежанью?
Там заседают они по пятницам.*

Жду разъяснения насчет Медвежани.

Целую крепко. Мама".

К письму была подклеена вырезка из какой-то газеты:

"В Министерстве финансов СССР и Государственном банке СССР

В соответствии с поручением ЦК КПСС и Совета Министров СССР Министерство финансов и Госбанк СССР установили, что оплата облигаций 2-проц. займа 1948 года, не вышедших в тиражи погашения, начнётся по предъявлении их в сберегательные кассы с 11 августа 1976 года".

Ну и прекрасно. Почти тридцать лет государство пользовалось трудовыми деньгами народа без всяких процентов и компенсаций. С поганой овцы хоть шерсти клок. У нас этих облигаций за 48-й год аж на 200 рублей. Я отлично помню, как у мамы выворачивали душу и заставляли подписываться на 2-3 оклада ежегодно!

В июне неповоротливое колесо бюрократической системы со скрипом повернулось и родило безграмотный иск в суд:

**"Топско-КОЛТУНСКИЙ ГОРОДСКОЙ
НАРОДНЫЙ СУД**

*Истец: Дирекция строящегося Топского
комплекса заводов по производству
большегрузных автомобилей "ТопАЗ"
№ 26юр-1178
14.06.76 г.*

*Ответчик: гр. СЕРБА Семён Станиславович,
проживающий: Новый город, д. 18/16 кв. 155*

*Об изменении договора
найма жилого помещения.*

Исковое заявление

*Всвязисраб'тойянаЁТоп\ЗеїгрСерба@СДС)на)семьюТизФсхч
еловекбыла@предоставленакартирапо@адресуЛСНовыйНьгоро
дд±"квПлощадьНеквартирымНа указанную квартиру 29 мая 1974
года выдан ордер № 7130/274. Дом, в котором расположена эта
квартира, находится на балансе ТопАЗа.*

*В настоящее время в этой квартире проживает три
человека:*

- 1. Серба С. С. - отец,*
- 2. Серба Н. С. - дочь,*
- 3. Серба К. С. - дочь.*

*Норма жилой площади на одного человека согласно ст. 316 ГК
РСФСР составляет 9 кв.м.*

*Излишки жилой площади в этой квартире составляют 16, 09
кв. м, вследствие чего можно изъять изолированную комнату в
10,1 кв.м.*

*Права на дополнительную жилую площадь гр. Серба С. С. и
члены его семьи не имеют. Изъятие изолированной комнаты в
10,1 кв.м не приводит к проживанию лиц разного пола, кроме
супругов, а супругов - в разных комнатах.*

*Исходя из изложенного, и на основании ст. 316 ГК РСФСР
Дирекция ТопАЗа -
просит:*

*Изъять)угеріС'ербыяСсС\излишкиZжилой@площади)в0видехиз
олированнойкомнатырамеромвКц)м5к@образовавшиесявзванизима
емойим±кв"ртире№1№дома№в№Новомгороде*

- Приложение*
- 1. Копия ордера № 7130/274,*
 - 2. Справка с места жительства ответчика,*
 - 3. Справка о балансе,*
 - 4. План квартиры.*

Заместитель генерального директора ТопАЗ

Ф. С. Песин"

В связи с иском об изъятии комнаты Сербе пришлось нарушить конспирацию и подать в Управление кадров следующее заявление:

*"Начальнику отдела ИТР
Управления кадров ТопАЗа
тов. Вампилову А. И.
от нач. отдела РТИ УСП
Сербы С. С.*

Заявление

В связи с тем, что мною разысканы документы, подтверждающие, что моим отцом является Серба С. С., сообщаю, что Серба Станислав Степанович рождения 7 февраля 1907 г. в настоящее время проживает в г. Карлтоне (Австралия) и имеет австралийское гражданство.

Вышеупомянутые сведения прошу использовать для уточнения личного листка по учету кадров.

21.06. 76 (личная подпись)."

Конечно, подав такое заявление, он сознательно поставил крест на своём возможном продвижении по службе до конца жизни в советской стране. Но суд назначен на 24.06., и ему пришлось действовать быстро и эффективно.

Борьба Сербы за квартиру приняла нешуточный характер. Ему приходится играть многоходовку. Вот ещё один документ:

*"Заместителю генерального директора
ТопАЗа по быту тов. Песину Ф. С.
от нач. отдела РТИ УСП Сербы С. С.
прож. д. 18/16 кв. 155 г. Топ. Колтуны*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Отделом распределения и учета жилья ТопАЗа был за Вашей подписью предъявлен через народный суд на моё имя иск на изъятие излишков жилой площади.

Действительно, в настоящее время у меня проживает 3 чел. на 43 м площади и формально излишняя площадь имеется.

Однако в настоящее время сдать эти излишки я не имею возможности. Дело в том, что я пригласил в гости своего отца, с которым не виделся более 36 лет. Он проживает в г. Карлтон (Австралия) и имеет австралийское гражданство. Естественно, что, как советский гражданин, я обязан встретить своего отца достойно. Тем более что не исключено, что разговор мой с ним может закончиться его возвращением на Родину, для чего мне в любом случае понадобится благоустроенная квартира.

Считая такие обстоятельства, связанные с престижем нашей страны, серьезным основанием для отсрочки иска, поскольку СССР принял по заключительному акту совещания в Хельсинки ряд обязательств в части содействия воссоединению семей, и не имея возможности встретиться с Вами лично, я просил т. Агдамова передать Вам мой с ним разговор на эту тему и соответствующие письма, подтверждающие иностранное гражданство моего отца и мою просьбу об отсрочке иска на 1 год. Однако т. Агдамов не счёл необходимым ознакомить Вас с моей просьбой и документами и принял единоличное решение всё же предъявить иск, что я расцениваю как непонимание им престижного характера данного случая, хотя он отлично сознаёт, что изъятие у меня комнаты в данный момент может послужить причиной моего отказа отцу в приглашении приехать и принудит меня сообщить эту причину в МИД СССР и отцу, что, в свою очередь, может стать причиной неправильного понимания среди лиц, стремящихся возвратиться на Родину, наших с Вами действий, что, разумеется, нежелательно.

Народный суд рассматривал иск 24.06.76, принял к сведению мои обстоятельства и просьбу отложить рассмотрение этого вопроса на 1 год, чтобы дать мне возможность принять у себя моего отца и самому съездить к нему в Австралию. Суд отложил до 1.07.76 рассмотрение иска с тем, чтобы дать мне возможность встретиться лично с Вами и объяснить свои обстоятельства для того, чтобы дать Вам возможность оценить ситуацию и принять соответствующее решение.

Я намеревался попасть к Вам на приём во вторник 29.06.76, но производство есть производство, и, к сожалению, мне предстоит с 26.06. недельная командировка.

Поэтому я обращаюсь к Вам письменно и прошу Вас отозвать упомянутый иск из народного суда и отложить его

предъявление на 1 год, чтобы дать мне возможность решить вопросы воссоединения семьи.

С уважением -

С. Серба

27.06.76

г. Топкие Колтуны"

Активные действия Сербы по сохранению жилья привели к успеху. Блеф удался, и система отстала на год. За это время ему предстояло обзавестись женой и решить проблему в принципе... Ах, как не вовремя Люба порвала их отношения! В жилищных делах и фиктивный брак неплохой помощник...

Но неожиданно вопрос добила неугомонная партизанка баба Устя Оршанская. Ещё в прошлом году Семён договорился с Устиньей Петровной обменяться квартирами.

И у него, и у неё примерно равные трёхкомнатные. Но она сумела захватить бесхозную или заначенную начальниками впрок однокомнатную, что стенка в стенку с квартирой Сербы. И разместила в ней своего дебильного сына. И размечталась поменяться с Семёном, чтобы затем соединить однокомнатную с трёшкой и сделать шикарный люкс.

Семёна она уговорить уговорила, но даже своим пробивным партизанским нахрапом не смогла обмен узаконить. Выплыло, что она влезла в однокомнатную самозахватом, и ей пришлось вначале потратить более полугода и кучу денег, чтобы отстали и оформили однокомнатную на сына-инвалида.

– Зря я его, что ли прямо в лесу рожала, когда Родину защищала? Он потому и дефективный, что под вражеским обстрелом родился. Как раз бой был, мы пробивались, как всегда, из окружения. Вы что, не понимаете? Сами, небось, в тылу жировали!..

Бывшие тыловики, а баба Устя вычисляла таких **на раз**, не стали выяснять отношений с бывшей партизанкой, увешанной

орденами и медалями, как новогодняя ёлка, а смирились и оформили ордер на сына Устиньи Петровны.

В конце-концов, она дождалась и обмен с Сербой. В ближайшее воскресенье Семён и Наташа перетащили свой небогатый скарб в 152-ю, а баба Устя свои **мебеля** в 155-ю... Хорошо, что Устинья Петровна организовала пару крепких мужиков со складского хозяйства Техснаба. Они перекантовали шкафы, кровати и холодильники буквально за полчаса.

Партизанка оказалась человеком слова и тотчас после переселения вручила Семёну оговоренные в прошлом году две тысячи **деревянных**. Для Сербы, если честно, целое богатство. Можно будет и настенные шкафы, и стол в кухню приобрести. И четыре табуретки, а то два старых стула не решают проблемы, если вдруг возникает более одного гостя. И на давно намеченный сервант в залу можно будет в **мебельном** записаться на очередь, и телевизор, бог даст, к Новому году купить...

А раз обмен квартирами между ней и Сербой, наконец, состоялся, узаконился целыми стопками документов, то теперь их квартиры переданы в жилой фонд города, иначе говоря, перестали быть **ведомственными**. И никому больше нет дела, есть ли у Сербы излишки жилплощади или нет. От винта, товарищи!

22.

Горком партии к 9-ти утра по четвергам обычно наполнен людьми и мероприятиями. У главного подъезда кирпичного трёхэтажного дома довоенной постройки на заасфальтированной площадке у бронзового бюста Владимиру Ильичу сгрудились

несколько Волг. Их шофёры, выгрузив начальников, курят у бюста, обмениваясь топтунскими сплетнями.

Здание стоит на видном месте реконструируемого проспекта Командарма Уборевича в Старом городе, рядом с похожим зданием горисполкома.

Главное событие в первой половине дня – еженедельное заседание бюро горкома. Орготдел готовит вопросы загодя, многократно в течение недели согласовывая повестку с **Первым**. Самое сложное выделить главную тему и организовать прибытие как тех, кто будет отвечать по должности, так и непосредственных виновников упущений, а то и преступной халатности, кому светит или **строгач** с занесением, или даже исключение из партии...

Раиса Павловна Лобкова – заворготделом горкома, заходит в кабинет Первого стремительно и шумно.

– Роман Кириллович, я собираю сегодня бюро в зале заседаний, потому что приглашённых много, да и осточертела конспирация, когда шепчемся у вас в кабинете. Вы как, не против?

– Ну, когда я был против твоих инициатив? В зале так в зале. Давай посмотрим ещё раз повестку дня. Кого за кем будем выволакивать на лобное место?

Черняев в который раз пробегает глазами листок с повесткой дня.

Вопрос один-единственный.

“О состоянии политико-воспитательной работы с населением и задачи укрепления коммунистической нравственности и социалистической законности в свете решений XXV съезда КПСС.

1. Недоработки в воспитательном процессе в СШ № 3. Директор, член КПСС тов. Дзюба П. Х., секретарь парторганизации СШ-3 тов. Кривоногова Б. Б.

2. Проявления аморальности и цинизма в общежитии № 7 СМУ-113.

Комендант общежития, член КПСС тов. Гнилозубов А. А., замуправляющего СМУ-113, член КПСС тов. Гаркавенко Н. П., секретарь партбюро СМУ-113 тов. Хряков Н. П.

3. Грубейшие нарушения норм советского образа жизни и Устава ВЛКСМ со стороны молодых работниц пресово-рамного, автосборочного и завода двигателей ТопАЗ в общении с иностранными специалистами.

Заместители директоров указанных заводов, члены КПСС тов. Дубовецкий Ф. Ф., Долгих В. К., Мингазов С. Х., замсекретаря парткома ТопАЗа тов. Дебелая Н. М.

Докладчик – Банных Борис Иванович – заведомо пропаганды и агитации горкома КПСС”.

– *Вот ещё, Роман Кириллович, посмотрите – “Проект решения”. Может что изменить?..*

Первый отодвинул листок с повесткой и взялся за проект решения. Повертел. Зачем-то посмотрел на просвет, подняв и развернув в сторону окна, заполненного утренним солнцем. Молча вернул. Он знал, кому что **светит**, потому что вчера только с Раисой накидывали черновик.

– *Так-так.. – Вздохнул Черняев, зевая. – А как у нас, Рая, с кворумом?*

– *Всё в порядке. Пять из семи. Кворум имеется.*

Она вынула из папки “На подпись Черняеву Р. К.” ещё листок и положила пред светлы очи Первого.

“Заседание Бюро Топско-Колтунского горкома КПСС “ _____
1976 г.

Участвуют:

Черняев Р. К. – Первый секретарь ГК,

Гилякин А. Р. – член бюро, председатель горисполкома,

*Кнуров К. Л. – член бюро, начальник горУВД,
Белгородский Г. Г. – член бюро, начальник ЖКУ города,
Назаров М. Р. – член бюро, зам. гендиректора ТопАза по
кадрам”.*

– Отлично, – сказал Черняев, возвращая бумажку, – все в зале? Тогда пошли на разборку!..

Войдя в скромный зал заседаний горкома, расположенный на втором этаже, Первый молча прошёл к своему месту, на миг тормознувшись у начала приставки, где сидели члены бюро, и пожав руки товарищам по партии.

Усевшись в кресло, поёрзал задом, ввинчиваясь поудобнее, мельком глянул на бюст Ильича справа, за трибуной, и громко поздоровался с остальными присутствующими на заседании бюро:

– Здравствуйте, товарищи! Заседание бюро горкома объявляю открытым!

Шестеро вызванных сидели поодаль слева за отдельным столом. Напротив них справа за другим столом сидели докладчик Банных Б. И., технический секретарь Кургужаева Нэля и заворготделом Лобкова Р. П.

Черняев раскрыл папку, уже принесённую Раисой, и достал материалы к заседанию. Приказал строгим голосом:

– Товарищ Банных, приступайте к докладу. Общую картину и первое персональное дело, прошу!

Докладчик Банных взял необходимые бумаги и быстрым шагом направился к трибуне, соблюдая давно установившиеся правила подобных заседаний. Надел очки, пригладил рыжую шевелюру и прокашлялся. Так театрально прокашливались все докладчики Союза, приступая к повествованию. Прямо, как Леонид Ильич. Но Банных в этот раз перестарался и поперхнулся. Он схватился двумя руками за края трибуны, буквально вырывая её из

фундамента, и натурально закашлялся, выпучив глаза.

Ему на помощь уже спешила техсекретарь Нэля с графином воды и стаканом.

Справившись с организмом, докладчик водрузил на крупный нос очки в провинциальной учительской оправе и приступил к делу.

– Товарищи! В своём отчётном докладе XXV-му съезду партии товарищ Брежнев подчеркнул, что “дело коммунистического воспитания, как и всю свою революционно-преобразующую деятельность, КПСС строит на прочном фундаменте марксистско-ленинской теории”.

Претворяя в жизнь мудрые указания Генерального секретаря и судьбоносные решения Съезда, городская партийная организация ведёт большую и продуманную работу по усилению воспитания молодёжи в духе верности партии и Родине, по привитию ей идеалов и норм коммунистической нравственности.

Однако в последнее время ряд низовых парторганизаций города ослабили воспитательную работу в коллективах, и в итоге в городе произошло несколько вопиющих случаев аморальности и, не побоюсь этого слова, разврата.

Докладчик перевернул страницу и отпил воды из стакана. Снял очки и протёр их кирпичного цвета – под цвет своей шевелюры – батистовым носовым платком. Посмотрел на Черняева, правильно ли воспринимается доклад, не надо ли прерваться на вопросы или что. Первый кивнул докладчику, разрешая продолжить.

– Товарищи! – Опять взялся за своё докладчик. – Неделю назад город вздрогнул, потрясённый статьёй в нашей городской газете “Советская Топь” о вопиющем случае в средней школе № 3. Как вы знаете, там родила семиклассница! Да к тому же забеременела она не от директора, не от физрука, как это

порой бывает там, где воспитательная работа не на высоте, а от своего одноклассника! Представляете? Оказывается, они таким манером дружили ещё с шестого класса, и вот подружились...

*Всё бы ничего, как говорится, но родила эта шустрая девочка **двойню!**..*

Не буду пересказывать интересную поучительную статью. Кто не читал, рекомендую полистать в городской библиотеке подшивку.

Скажу лишь, что когда в горОНО мальчишку спросили, признаёт ли он себя отцом двух очаровательных новорожденных девочек-близняшек, то комсомолец – а его только что, 22 апреля на День рождения В. И. Ленина, приняли в комсомол – сказал, что одна малютка, конечно, от него, а от кого другая, надо ещё разобраться...

Участники заседания грохнули здоровым смехом.

Но хохот не смутил тов. Банных, и он продолжил.

– О чём это говорит, товарищи? О том, что преподавание биологии в этой школе не на высоте.

Но давайте зададимся вопросом, как такое безобразие могло произойти в школе, где работает коллектив высококлассных педагогов?

Считаю, что это следствие как общего низкого уровня руководства школой со стороны директора школы, так и недостаточного партийного руководства учительским коллективом...

Первый секретарь махнул рукой, остановив докладчика. Обратил руководящий взор в сторону стола, где сидели “обвиняемые”.

– Товарищ Дзюба, что вы можете сказать о происшедшем под вашим руководством безобразии? Пётр Харитонович, мы

слушаем вас.

Директор школы, грузный, предпенсионного возраста мужчина с тёмными мешками под глазами по причине неладов с почками, с трудом встал и начал медленно говорить.

– Сознаю, товарищи члены бюро, упустил, недоглядел... Но ведь не в школе же они, это самое... развратом и интимной жизнью занимались... Во всём городе подростки после занятий предоставлены сами себе. Родители на ТопАЗе в три смены, а живут большинство в **малосемейках**...

Представьте, трёх- или четырёхкомнатная квартира, а в ней в каждой комнате – молодая семья. В одной комнате мужик пришёл со смены и спать лёг, жена на работе, а дочку он выгнал на кухню, чтобы не шумела.

В другой родители тоже мальчика вытурили погулять, а сами закрылись и ещё одного “квадратного метрика” строгоют, да так азартно, что не только в кухне слышно, но и на лестничной клетке...

В третью пришли гости, накрыт стол и гудят по случаю какого-то повода... Бывает, и деткам-малолеткам нальют. Но из-за тесноты тоже потом выпроваживают их на улице поиграть-побегать...

Что делают выгнанные из комнат дети? Или бегут на улицу болтаться допоздна, шастать по недостроенным домам, или идут к кому-нибудь, где нет родителей, ушедших на работу, и развлекаются, подражая взрослым... Так и получается, что девочки и мальчики, уединяясь, начинают играть **в папу и маму**...

И это, я полагаю, только начало. Потому что сегодня ещё большинство школ некомплектны, старшие классы полупусты, так как город и ТопАЗ строят, в основном, молодые, они только

начали обзаводиться детьми несколько лет назад, их дети ещё пока что лишь переполняют детсады...

А вот лет через пять-семь и подобные случаи будут нередки, и подростковая преступность может расцвести, и много другого негатива придётся преодолевать...

Члены бюро горкома и приглашённые лица выслушали старого педагога с похвальным вниманием.

– Спасибо, товарищ Дзюба, садитесь! – Разрешил Черняев. – А что скажете вы, товарищ Кривоногова Бэ Бэ, как секретарь парторганизации школы?..

Первый секретарь так и обратился к учительнице по инициалам – Бэ-бэ...

Бэ-бэ оказалась, против ожидания, вовсе не кривоногой, а весьма стройной и миловидной молодой женщиной лет тридцати пяти, но ещё с молодёжной спартанской стрижкой типа Зои Космодемьянской и приветливым лицом. Она поднялась и вышла из-за стола, остановившись посреди зала, как Галилео Галилей пред инквизиторами.

– Да не надо было выходить, можно с места, – помягчел Черняев, – ну уж ладно, стойте, где стоите, и доложите членам бюро горкома, как школа докатилась до жизни такой, почему парторганизация прозевала?..

– Секретарём я недавно, нет ещё и года, но ответственность с себя не снимаю. Да, недоглядели... Хотя если бы не двойня, то никто бы особенно и не заметил. Такие случаи, увы, в наше время нередки, но о них не принято трубить на каждом углу, дело деликатное...

Опять-таки, дети в этих малосемейках очень рано созревают, потому что развратные примеры видят повседневно.

Вот я лично очень беспокоюсь за свою дочь, она как раз в

шестом классе...

Представьте, живу в 17-м комплексе, на третьем этаже. Напротив нашего балкона и окон – женское общежитие. Так вы не поверите, по вечерам его часов с десяти до полуночи штурмуют подвыпившие парни, стремящиеся пробраться к своим Дульсинеям. Они карабкаются с балкона на балкон, как акробаты, и запросто добираются до 4-го, 6-го, а то и до 8 этажа... Один на неделе сорвался с третьего, весь поломался, не знаю, как его в больнице собирали по частям... А когда скалолаз добирается до своей крали, так они ещё и шторму не всегда догадываются задёрнуть...

А что в летнюю пору творится круглосуточно в лесочке между проспектом Первопроходцев и берегом Топпи?..

Там под каждым кустом, извините за натурализм, спариваются, как звери. Дошло до того, что там нельзя уже погулять с детьми нормальным людям, – использованных презервативов на ветках и под ногами, как грибов после дождя... Да и просто бесстыжих парочек, совокупляющихся открыто недалеко от дорожек, где мы обычно гуляем, всё больше...

Черняев остановил раскрасневшуюся Кривоногову Б. Б.

– Бронислава Борисовна, – воззвал он к педагогу, раскопав в материалах заседания полное имя-отчество, – достаточно, спасибо за объективную информацию. Давайте ближе к делу.

И вы, и уважаемый директор школы фактически признали серьёзные упущения в воспитательной работе педколлектива и парторганизации школы.

Полагаю, что директору, как работающему пенсионеру, мы вынесем строгий выговор с занесением в дело. А вам, как молодому секретарю, просто объявим выговор, чтобы не портить биографию. Товарищи, какие будут мнения?..

Товарищи, смущённые полученной смачной информацией, молчали, возможно, не в силах с ходу сформулировать оценки услышанному.

– Тогда так, – торопил события Черняев, уже подумывая об обеде, – будем считать ваше молчание согласием с моим предложением в принципе. Другие предложения будут? Нет? Отлично! Ставлю на голосование свои предложения – “Строгач с занесением товарищу Дзюбе и выговор товарищу Кривоноговой”. Голосуют члены бюро горкома. Кто “за”, прошу поднять руки! Единогласно! Спасибо!

Что хочется сказать в порядке совета. Мы ведь не звери таёжные, а советские люди, строители светлого будущего. Надо в городской газете дать цикл статей на темы коммунистической морали, со стороны горОНО взять эту блудливую школу на особый контроль, юных родителей перевести в другую школу, иначе их затюкают сверстники.

И последнее, новоиспечённой бабушке двойняшек надо каким-то образом оформить что-то вроде “отпуска по уходу за детьми” на пару лет. Запишем прокурору города решить этот ребус...

Переходим к разбору безобразий в образцовом мужском общежитии № 7 СМУ-113.

Товарищ Банных, продолжайте доклад!

Борис Иванович всё время, пока обсуждали паскудные дела в школе № 3, облокотившись на трибуну, тоскливо ждал команды продолжить ораторские упражнения. Ноги затекли, и он незаметно переминался, как дрессированный медведь. Вчера вечером капитально посидели с пивом и воблой, поэтому всё сильнее хотелось сбегать в **гальяун** и освободить мочевого пузырь. Но надо терпеть, а это ещё, как минимум, минут сорок... Ужас!.. Разве что действие происходит очень редкое и весьма познавательное. Что

тут написано насчёт общаги?..

– Товарищи! Недавняя проверка паспортного режима в общежитиях города выявила ряд мелких нарушений в виде нелегального **ночевания** непрописанных друзей в комнатах, иногда факты пьянства и мелкого хулиганства. По этим эпизодам силами милиции и воспитателей общежитий ведётся планомерная работа по искоренению и недопущению.

Но вот в мужском общежитии квартирного типа № 7 СМУ-113, к сожалению, не обошлось без гадкого случая.

Проверяющая комиссия проверяла это общежитие днём, когда большинство жильцов на работе, а на этажах шла уборка комнат. Но одна из трёхкомнатных квартир на четвёртом этаже оказалась заперта, потому что, как пояснила комендант, жильцы этой квартиры убираются сами, а запирают от воров, так как у них есть дорогие музыкальные инструменты – гитары, аккордеон и даже магнитофон. Проверяющие собрались, уже было, уходить, но за дверь послышалась похабная западная музыка.

Тогда председатель комиссии попросила коменданта выяснить, нет ли там посторонних лиц, то есть воров. Комендант открыла дверь служебным ключом, и каково же было удивление проверяющих, когда они увидели убегающую в глубину квартиры совершенно голую девушку в гимнастёрке, едва прикрывавшей плечи...

Естественно, было проведено глубокое служебное расследование данного циничного случая, и оказалось, что в этой холостяцкой квартире одиннадцать месяцев действовал как бы маленький публичный дом.

Несколько друзей-пограничников, демобилизовавшись с далёкой Чукотки, завербовались на строительство ТопАЗа и поселились в данном общежитии, заняв отдельную квартиру.

Однажды, прошлым летом, прогуливаясь вечером по улице, один из друзей наткнулся на плачущую девушку. Заговорил. Оказалось, рванула после 9-го класса на ТопАЗ, но её никуда не берут, потому что всего шестнадцать... Когда кончились деньги, и даже койка на дебаркадере оказалась недоступной, несколько летних ночей несчастная провела на газетах в трубе недостроенного канализационного коллектора.

Проникшись состраданием, парень хитростью провёл девчонку в общежитие и познакомил с друзьями, а те как раз готовились ужинать с водочкой под пюре с селедочкой...

Короче, девчонку оставили переночевать. Но свободных кроватей не было, и ей пришлось согласиться спать в одной койке с благодетелем, а утром, как идти на работу, выяснилось, что благодетель времени не терял и что ему приключение очень понравилось...

Так и вышло, что друзья уговорили приبلудную гостью пожить у них, пока исполнится восемнадцать и можно будет трудоустроиться.

На дружеском совете решили, что пусть поживёт, жалко, что ли? Опять-таки, стирает-поубирает, есть приготовит, собой хороша.

И как-то само собой получилось, это бывает с друзьями, что девчонка стала постельной игрушкой всех семи сослуживцев... К счастью, пока не забеременела, и вопрос отцовства, в отличие от случая в школе № 3, не встал.

Безобразие, однако, товарищи, чудовищное. И требует серьёзного анализа и крутых оргвыводов.

Как сказал товарищ Брежнев, "к сожалению, ещё встречаются люди, которые знают нашу политику и наши принципы, но не всегда следуют им на практике, не ведут борьбы за их осуществление, примиренчески относятся к

нарушениям норм социалистического общежития”.

В данном случае и комендант общежития, член КПСС тов. Гнилозубов А. А., и замуправляющего СМУ-113, член КПСС тов. Гаркавенко Н. П., и секретарь партбюро СМУ-113 тов. Хряков П. Н. допустили не только потрясающий случай попрания принципов коммунистической морали, но и утратили элементарный контроль за порядком в общежитии, за досугом рабочей молодёжи.

И хотя меры были ими тотчас приняты, распущенная девица удалена из общежития, жильцы расселены по разным этажам, но осадок остался. Хорошо, что прокурорская проверка не выявила признаков принуждения девицы к половой связи и уголовное дело не заводилось.

По второму эпизоду у меня всё...

Баннных вопросительно посмотрел на Черняева.

– Хорошо. Спасибо! У вас что, Борис Иванович, у самого вопрос к приглашённым?..

Докладчик уже не мог более терпеть и пошёл напролом, нарушая и этику, и эстетику.

– Простите, я сейчас, я на минутку...

*И ничего более не поясняя, бросив папку с докладом на пюпитр трибуны, бывший старшина Черноморского флота Баннных большими прыжками понёсся в боковую дверь в поисках гальяна, путаясь в изрядных **клёшах**, которые неизменно носил в гражданке, хотя выше пояса и галстук освоил, и пиджачок однобортный...*

– Эх, молодёжь, – подумалось Черняеву, когда он предоставил слово для оправданий замуправляющего по быту СМУ-113 Гаркавенке Н. П., – небось, эти парни на работе асы, по полторы – две нормы вырабатывают, ударники

коммунистического труда и всё такое...

Вспомнилась своя молодость. Медвежань тогда была глубинкой, затерянной где-то на Урале. Молодой парнишка, окончив школу без медали, в основном с четвёрками, ткнулся было в Медвежанский университет на филологический, но срезался на истории, перепутав движущие силы революции 1905-го года и слабо обрисовав в ней роль Владимира Ильича.

Пришлось пересдавать на юридический. Туда прошёл. Учился средне, но попёр по комсомольской линии. Комсорг курса, затем факультета, на четвёртом курсе уже зам. секретаря комитета комсомола МедГУ, член обкома комсомола... Ну, и, само собой, к окончанию университета – член КПСС...

Правда, на личном фронте успехи получились скромнее. С одной общался на первых двух курсах, но кроме череды позорных для неё и Романа абортосов ничего в памяти не сохранилось. Разбежались без оглядки. Хорошо, в ректорат не пошла жаловаться.

Ну, а потом пошли пленумы-конференции, после которых городской и областной комсомольский актив классно оттягивался на базах отдыха, в загородных пансионатах оборонных заводов, просто в палатках на берегу Топи... И Рома превратился в хитрого и практичного, очень перспективного комсомольского лидера. Слово по слову, пробился в обком партии. Хрущёва и его волюнтаризм своевременно осудил и заклеил. После окончания универа круто взмыл вверх, закрепившись инструктором обкома партии по работе с молодёжью отдела пропаганды и агитации. И хотя по возрасту относил себя к **шестидесятникам** и даже порой бравировал знакомством с Женей Евтушенко и Володей Высоцким, но всё более кристаллизовался в стопроцентного совка...

Наступили беспечные 70-е. Всё как-то застыло, а люди толком не выхмелялись. Но судьба дала Роману шанс, организовав строительство ТопАЗа в медвежанских пределах. И Черняев этот шанс не упустил.

Уже через месяц после того, как на дикие берега Топи у села Пеньки близ Топких Колтунов высадились первые энтузиасты намеченной Всесоюзной комсомольской стройки, и в вагонах строительно-монтажного поезда на станции Метельная спрессовалось начальство развёрнутого здесь подразделения “Главмосстроя”, Черняев получил благословение первого секретаря обкома Тарабарова и примчался в Топтуны возглавить комсомольскую организацию великой стройки.

Ну, а дальше, как говорится, дело техники! А уж бюрократической техникой карабкаться наверх, к вершине власти и удовольствий, Роман овладел в комсомольские годы превосходно. И применял её на практике изумительно точно и результативно.

Судите сами. Уже через год Черняев – второй секретарь Топтунского горкома партии. И надо же так счастливо повернуться фортуне – летом, после банкета на Чёрном озере по случаю открытия основного корпуса профилактория, первый секретарь горкома Свистунов отбросил копыта, опившись и обожравшись. Так кому надо было Тарабарову вручать партийные бразды правления в городе, не сходявшем со страниц центральной прессы и Всесоюзного телевидения? Конечно, молодому организаторскому дарованию – Черняеву...

Дальше вы уже знаете. Вызвали в Москву, сначала на инструктаж, потом, немного погодя, на торжественное заседание по случаю 105-ой годовщины со дня рождения Ленина. На приёме Добровольский представил Леониду Ильичу. Тот - большой любитель возвращать молодую партийную поросль - облобызал, похвалил, велел набирать партийную высоту по-ленински... И вот

фантастический финал – делегат XXV съезда КПСС, кандидат в члены ЦК...

Гаркавенко, вытирая мощной волосатой ладонью пот со лба, сбивчиво каялся за позорный случай в образцовом общежитии.

– *Кто мог подумать, что уважаемые распрекрасные монтажники, маяки соцсоревнования затеют такую мерзость в нерабочее время? Мы же им туда в каждую квартиру по телевизору поставили, сантехнику импортную, плиты электрические с духовками... Какого хрена надо было шкодить и выкобеливаться?..*

Не понимаю я нынешнюю молодёжь. Мы в свои молодые годы скромнее были. Если уж когда на танцах в клубе и потискаешь кралю, так чтоб никто не видел, или когда у калитки расставались...

– *Достаточно, товарищ Гаркавенко, ситуация понятна, как и понятна ваша там бесхребетность и беспринципность. Присядьте пока что!..*

Гаркавенко, с красным от стыда и страха лицом, медленно побрёл к своему месту.

– *А что скажете вы, товарищ Хряков, как секретарь партбюро СМУ-113? Что предприняло партбюро для исключения повторения подобного непотребства в будущем? Или в вашем СМУ все общежития уже превратились в вертепы разврата?..*

Роберт Никитич Хряков, не выходя из-за стола, встал **столбиком**, как суслик, и вытянул зачем-то руки по швам, словно на гарнизонном смотре перед 1-м Мая. Тихохонько произнёс:

– *Мы это, на партбюро рассмотрели... Наметили ряд мероприятий... Обещаю вам, что подобное больше не повторится...*

Члены бюро горкома и приглашённые лица заулыбались.

– Конечно, не повторится, потому что горком партии вам не позволит так пренебрегать воспитательной работой в трудовых коллективах! Считаете, что если Всесоюзная стройка, то вам позволено на печи сидеть и в носу ковыряться? Нет уж! Это ведь не простая стройка, а комсомольская, где работают не эски, как в том же Норильске, а наше завтра, молодые люди, кто после армии, кто после средней школы. И их надо воспитывать!.. Поняли?

Какие будут мнения?

Поскольку повисла тягостная тишина, на помощь Первому подоспела Раиса Павловна.

– Товарищи! Роман Кириллович правильно заострил внимание на воспитательной работе с молодыми строителями и заводчанами. Думаю, присутствующие сделают нужные выводы из сегодняшнего анализа и примут незамедлительные меры по усилению воспитательного процесса, как в общежитиях, так и на строительных площадках, и в цехах.

Предлагаю – коменданту общежития, члену КПСС тов. Гнилозубову А. А. вынести строгий выговор с занесением в карточку партучёта.

Секретарю партбюро СМУ-113 тов. Хрякову Н. П. объявить выговор и предупредить, что в случае повторения подобных вопиющих проявлений пережитков буржуазной морали встанет вопрос о его дальнейшем пребывании в рядах КПСС.

Заместителю управляющего СМУ-113, члену КПСС тов. Гаркавенко Н. П. объявить замечание и обязать лично контролировать состояние воспитательной работы в общежитиях и на стройобъектах, впредь не допуская повторения подобных безобразий.

Заседание бюро горкома двигалось по заведённому ещё в

славные довоенные годы порядку. Суть вопроса – обмен мнениями – предложения о взысканиях – принято единогласно.

Но видно было, что народ устал, потому что вопросы стояли не столько важные и сложные для понимания, сколько пикантные до того, что мозги закипали.

– Товарищи, понимаю, что все устали, что банально проголодались, но давайте сосредоточимся и добьём повестку дня. Доработаем без перерыва. Переходим к третьей возмутительной проблеме последних дней. Товарищ Банных, прошу доложить бюро горкома.

Завотделом агитации и пропаганды ГК, повеселевший после посещения гальяна, бодро начал излагать суть грубейших нарушений норм советского образа жизни и Устава ВЛКСМ со стороны молодых работниц пресово-рамного, автосборочного и завода двигателей ТопАЗ при общении с иностранными специалистами.

– Товарищи! Город взбудоражен слухами о разгуле проституции в общежитии иностранных специалистов. Конечно, понятно, что эта грязь пришла к нам с загнивающего Запада, раз уж нам пришлось впустить к себе носителей чуждых нам нравов в связи с начавшимся монтажом и пусконаладкой оборудования заводов ТопАЗа.

Как сказал в отчётном докладе XXV-му съезду КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев, – “Чем выше поднимается наше общество в своем развитии, тем более нетерпимыми становятся ещё встречающиеся отклонения от социалистических норм нравственности”.

И действительно так! Ведь до чего докатились наши комсомолки – вечерами штурмуют общежитие иностранных специалистов и лезут к ним в постели за инвалюту, то есть занимаются проституцией, явлением не только буржуазным, но

и напрочь изничтоженным ещё в первые годы Советской власти вместе с НЭПом и другим пережитками старого строя...

За последние два летних месяца проведено три рейда по проверке паспортного режима общежития иностранцев, и каждый раз вылавливалось несколько десятков молодых проституток, главным образом, работниц пресово-рамного, автосборочного и завода двигателей ТопАЗ.

Сегодня мы пригласили на бюро заместителей директоров указанных заводов по быту, членов КПСС тов. Дубовецкого Ф. Ф., Долгих В. К., Мингазова С. Х. и замсекретаря парткома ТопАЗа тов. Дебелю Н. М.

Ожидаем, что они прояснят ситуацию, как их работницы стали на путь похоти и разврата. А ведь от этого недалеко и до предательства Родины в форме передачи иностранцам наших производственных секретов.

– Прошу по возможности кратко, – включился Первый, – и так заседаем скоро полдня! Товарищ Дубовецкий Фёдор Фёдорович, можно с места...

Дубовецкий, лысый, низенький, пузатенький, с блестящими от пота ушами и хитрой красной мордочкой, отрапортовал:

– Мы на пресово-рамном разобрали этих сучек на цеховых комсомольских собраниях, прикрепили к каждой шмоньке члена партии в воспитательных целях. Держим на контроле...

– Хорошо, садитесь!.. Товарищ Долгих Виктор Кириллович, что вы скажете?

*– И мы на автосборочном проработали своих шлюх, как следует. Надеемся, выводы девки сделали. Если повторится, перейдём к **оргвыводам**...*

– Отлично! Кто у нас следующий? Товарищ Мингазов Сирень Хабибуллович... Я правильно назвал ваше отчество?.. Прошу!

– Да! Хабибуллович. Товарищи! Мне, это, стыдно за такие

девочки с движков. Когда мамы и бабушки плохо объясняют, дочки потом плохо делают в кроватях. Завод двигателей – передовой завод с очень сложными станками, линиями, конвейерами. Нам не надо девочек с родимыми пятнами капитализма. Так мы им сказали. Последний раз поверили...

– Достаточно, Сирень Хабибуллович, спасибо, садитесь.

Мингазов быстро сел, довольно улыбаясь, как школьник, неожиданно для самого себя доказавший теорему Пифагора.

– Ну, вот, товарищ Дебелая, вам осталось подытожить выводы своих коллег. Прошу, Надежда Михайловна!

Замсекретаря парткома ТопАЗа, весьма властная женщина, с седой стрижкой под Терешкову, в мужской голубой **шведке**, блеснув парой золотых коронок и дорогим перстнем на правой руке, развернула листок с цифирками и умело подбила итоги обсуждения деликатной темы:

– Товарищи члены бюро горкома партии! То, что вскрылось во время рейдов милиции по проверке паспортного режима, бросает тень не только на работу парткома ТопАЗа, но и вредит авторитету городского комитета, равно как и авторитету обкома партии. Это наше общее горе и недоработка.

Хорошо, что болезнь не зашла далеко и чирей вскрыт вовремя. В самом деле, что такое 30-40, пусть даже 50 прошмандовок на почти 100-тысячный коллектив топазовцев? Менее пяти сотых процента! С помощью горкома очистимся и отмоемся! Уверена!..

Но, как учит товарищ Брежнев, “В борьбе двух мировоззрений не может быть места нейтрализму и компромиссам. Здесь нужна высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям”.

Партком ТопАЗа сделает всё возможное для искоренения проявлений аморальности в среде молодёжи наших заводов и служб. И в этом мы рассчитываем на понимание и поддержку горкома партии.

Дама важно села без разрешения Черняева.

Роман Кириллович давно приметил в парткоме ТопАЗа эту шибко грамотную, неуправляемую москвичку, припёршуюся в Топтуны вслед за гражданским мужем, техническим директором ТопАЗа Плакиным Андреем Петровичем – ПАПой автогиганта.

Такая, учитывая их с ПАПой связи в Москве, может позволить себе и нахамить, и задом перед Первым нахально покрутить. Придётся сделать вид, что её оценка проблемы принята. Жизнь длинная штука, много ещё может быть ситуаций, когда эта глιστα столичная пожалеет о своей наглости в его адрес.

– Товарищи! Я думаю, что по третьему вопросу мы не будем торопить события. Во-первых, это десятки молодых женщин, стало быть, десятки молодых судеб. Кто в молодости не делал нелепых ошибок? Жизнь поправит, а комитет комсомола под руководством парткома направит.

Предлагаю дать этой проблеме вызреть. Наверняка уже дошло и до обкома. Он нас поправит, если что. Давайте запишем так:

“Заместителям директоров заводов ТопАЗа, секретарям комитетов ВЛКСМ заводов усилить воспитательную работу в коллективах в направлении укрепления коммунистической нравственности. Парткомам заводов оказать методическую помощь комсомолу. Парткому ТопАЗа взять данное решение под контроль”.

Есть какие-либо дополнения или изменения формулировки? Нет? Вносится в моей редакции. Прошу членов бюро проголосовать. Единогласно! Товарищ Лобкова, внесите в

протокол!

Народ заулыбался, почувствовав окончание заседания. Так и вышло.

Черняев скомандовал:

– На этом закончим, товарищи. Всем спасибо!..

23.

Конец июля в Топтунах – конец лета. И если не набезит какой-нибудь холодный циклон с проливными дождями, то, значит, повезло и можно радоваться летнему теплу ещё почти месяц.

Первому секретарю горкома Черняеву было не до любования из окна первозданными пейзажами поймы Топи, высоким лесистым берегом на противоположном берегу реки, караваном барж с гравием, толкаемых игрушечным буксиром в сторону Медвежани. Звонок из Москвы раздался в 9.30, так что даже закончить обычную утреннюю разминку с бюро горкома не удалось.

Звонили из Москвы, со Старой площади.

– Роман Кириллович! День добрый! Узнаёте? Да. Сухарёв.

На ТопАЗ едет Председатель правительства. Да, Косыгин. Лично. Прилетит к вам сегодня ближе к вечеру.

Почему без всякой подготовки? Потому и без подготовки, что хочет посмотреть не потёмкинскую деревню, а всё как есть. Так что готовьтесь по полной программе. Не подведите!..

Роман Черняев застыл с телефонной трубкой в руке.

Хотя Алексей Николаевич Косыгин и слыл крутым реформатором, но чтобы вот так, с лёту, прямиком на ТопАЗ... А как же обком партии? Ведь обычно там первыми получают

вводную, создают группу приёма высокого гостя и выезжают в намеченные населённые пункты и на объекты в них, чтобы всё подготовить и показать товар лицом!..

– *Товарищ Сухарёв! А как же обком? Они мне пока что сценарий визита товарища Косыгина не привозили. Как же я начну готовиться без них?..*

– *Вы не паникуйте, товарищ Черняев, а прямо сейчас дайте необходимые распоряжения по городу. ТопАЗ оповещён, и Борисов уже занят приборкой и подготовкой встречи с активом...*

Разговор не затянулся. Инструктор ЦК КПСС сообщил лишь, что Косыгин ночевал в Тольятти, обедать будет в Набережных Челнах, а к вечеру, мол, ждите в Топтунах...

– *Ну, вот, приехали, бля!* – Матюгнулся Черняев и вперил взор в закаменевших от предчувствия чего-то нехорошего членов бюро горкома. – *К нам едет ревизор!.. Да не просто ревизор, хоть бы и в ранге инструктора ЦэКа, а сам Косыгин, Алексей Николаевич. Поняли? И будет после обеда, пролётом из Набережных Челнов...*

Что, заскучали, орлы? Обком, похоже, ничего не знает. Прохлопали медвежанцы, просрали, точнее говоря... Но мы-то не можем ударить лицом в грязь! Поэтому вперёд!

Сделаем так. Все, кроме Гилякина и Кнурова, – свободны! – Он усмехнулся. – *Условно свободны! Каждый по своим направлениям пашет, как карла, чтобы во всех делах ажур, иначе – секир башка!.. Бегом марш!*

Народ загремел стульями, подходя к Первому по одному для ритуального рукопожатия.

Предгорисполкома Гилякин Альберт Робертович и начальник горУВД Кнуров Кирилл Леонтьевич придвинулись поближе к руководящей столешнице.

– Ну, что, мужики? Не будем терять ни минуты. Альберт Робертович, займись приборкой улиц и вывези куда подальше бомжей и нищенок.

*Вы, Кирилл Леонтьевич, обеспечиваете идеальный порядок на улицах. Но главное – **Чёрное озеро!** Поняли? Свободны!*

Руководящие мужики вышколенно встали и, торопливо пожав протянутую Первым руку, **слиняли** на волю.

Черняев нажал кнопку звонка, и тотчас в двери нарисовалась секретарь Первого секретаря Валентина Александровна и вопросительно уставилась на шефа выцветшими голубыми глазами.

*– Ты это, Валюша, – по-домашнему тепло обратился Первый, – бери щас **Волгу** и мотай на **Чёрное озеро**. Всё готовь, как для папы римского – сауну, массажисток, детский вокальный ансамбль, ужин, спальню... Ну ты знаешь, лучше меня. За себя оставь в приёмной кого-нибудь из орготдела от Лобковой. И она сама пусть никуда не отлучается. Вперёд!*

Валюша, дебелая, сильно намазюканная девушка в годах, но с двумя позорными косичками **под пионерку**, подозрительно посмотрела на своё грозно вибрирующее красноносое божество, с тоской осознавая, что сегодня не получится съездить к маме в **Новый город**, как называли с первых дней Всесоюзной комсомольской стройки ту часть города, что начали возводить рядом со **Старым городом** строители **Главмосстроя**, прикомандированные в Топтуны до полного решения жилищного вопроса.

Черняев включил вентилятор, вмонтированный в форточку, чтобы он высосал тяжёлый воздух кабинета, настоящий на штанах и их содержимом, впустив взамен тёплого смрада пусть горячий, но прокалённый солнцем стерильный и более насыщенный кислородом воздух соседнего сквера.

Поднял трубку прямого провода к Борисову.

– Марк Моисеевич! Привет! С высоким гостем тебя! Что не поделишься радостью с другом?..

Борисов тотчас ответил, как будто всё утро только и делал, что сидел у телефона и ждал его, Черняева, звонка.

– Привет! Ты, однако, телепат, мать твою! Только потянулся к трубе тебе звякнуть, а ты тут как тут... Думаю, ты знаешь, кто к нам летит экспромтом?..

– Ну да, конечно. Уже послал баньку готовить... И всё такое прочее... Однако, странный блиц-визит... Ни тебе Тарабаров не в курсе, ни обком в целом... Как готовиться, в каком разрезе?..

Марк Моисеевич Борисов, **генеральный** ТопАЗа, устало откинулся в кресле. Он только что закончил утреннюю планёрку, изматерив в хвост и в гриву свой средний управленческий персонал, как, на тебе, – принимай **такого** гостя.

*– Не порти воздух, политрук, – приободрил Черняева Борисов, отличавшийся на весь Минавтопром здоровым таксистским юмором, – сохраняй силы на вечер... Косыгину твои проблемы знаешь до какого места? Ему ТопАЗ запускать надо, стране тягачи под **карандаши** позарез нужны, а ты со своим городом... Может, и проедет по проспекту Ермака вечером по дороге на Чёрное озеро, а может, и напрямую, в объезд города по Первой дороге проскочит... Вот только кто бы позвонил, уточнил маршрут...*

В Топтунах один Борисов мог безнаказанно нахамить Черняеву, потому что входил в союзную номенклатуру, а Роман Кириллович

всего лишь в областную партийную, хотя и корчил из себя чуть ли не племянника Генсека, потому что Леонид Ильич лично обратил на него внимание, как на толкового кадра, и даже на последнем пленуме рекомендовал его в кандидаты в члены ЦэКа. И хотя теперь Черняев прёт и прёт бульдозером, но Борисов своего московского первородства дискредитировать не позволит!..

Черняев не согласился с таким упрощённым пониманием визита Председателя Правительства, но не стал препираться. И подумав, миролюбиво предложил коллеге:

– А давай мы с тобой его встретим в аэропорту. Он, правда, не любит холуйства, но мы будем держаться просто, никаких транспарантов и хлеба-соли. Просто подгоним машины к самолёту. Говорят, он летает без охраны...

Борисов тотчас согласился. Он уже давно посматривал на часы, выпростав, сколько мог, левую руку из рукава рубашки. По случаю жаркого лета работал без пиджака. Надо же, половина одиннадцатого!

– Тогда давай так. Я ещё до двенадцати здесь поверчусь, подготовлю митинг на автосборочном и заеду за тобой. А ты будь готов к 12-ти... Я возьму на всякий случай ещё одну Волгу, если вдруг гость не захочет с нами ехать. И ты возьми вторую машину, вдруг поломка или что... Лады?..

– Годится! Так и сделаем. На связи!..

Положив трубку, Черняев нажал кнопку звонка в приёмную. На трезвон в дверях появилась средней паршивости девица, оставленная Валентиной Александровной подежурить за неё в предбаннике, как в обиходе называли приёмную. Молодую карьеристку звали Викторией Васильевной, но для Черняева такие замухрышки отчества не имели. Вика и Вика...

Вообще же Роман Кириллович знал толк в девчачьих прелестях и не засорял аппарат горкома старыми и мерзопакостными

клячами, но в данном случае, равно как и в случае с Валентиной Александровной, пришлось допускать исключения из правил, так как Вика не просто кривоногая и криворотая **шмакодявка**, а племянница главы города Гилякина, соответственно Валентина Александровна – двоюродная сестра начальника горуправления КГБ Каданникова, между прочим, свояка одного из молодых дарящих – Владимира Каданникова с ВАЗа...

– Дежуришь, ну-ну... Срочно Лобкову ко мне! И чтоб на пуантах!..

Бледное создание удалилось, ломая голову над словом “пуанты”.

И действительно, Раиса Павловна примчалась, словно на пожар.

– Вызывали, Роман Кириллович? – Уточнила Лобкова, на всякий случай, обвораживая Первого самой соблазнительной улыбкой кадровой аппаратчицы. В левой руке она держала рабочий блокнот и авторучку.

– Привет орготделу! – Протянул ей руку Черняев, кивая на ближайший к нему стул. *– Падай! Дело срочное. Объясняю один раз, так что запоминай и дурацких вопросов не задавай. А лучше запиши в поминальник...*

К нам летит Предсовмина товарищ Косыгин. Конечно, его, понятно, интересуется ТопАЗ, но и город в целом он, вероятно, посмотрит...

Однако товарищу уже за 70, поэтому вечером нужен полноценный отдых.

Ну, ты понимаешь, какой отдых восстанавливает здоровье пожилым мужикам. Небось, с первого своего пионерлагеря понятие имеешь. Да и на Чёрном озере уже который год мы с тобой серьёзных товарищей принимаем. Импровизация у тебя всегда получалась классная!.. Подключи от моего имени кого

надо. Деньгами запасись, чтобы никто не затосковал, не захныкал.

Так что проникнись партийной ответственностью и быстренько рули на Чёрное озеро. Там уже Валентина Александровна занимается. Ты будешь старшей. Скажи, я послал. И чтоб всё было и натурально, и нечаянно, и на долгую память!..

Кнуров тебе поможет во всех нюансах. Как всегда. Скажи, я очень жду, что и в этот раз всё будет тип-топ!..

Уже собравшись, было, пройтись в туалет, а затем слегка пообедать перед поездкой в Тетёркино, Черняев вдруг постучал себя по лбу, как бы уличая в преступной забывчивости. Надо же! Мог допустить серьёзный ляп! Ведь в подобных случаях положено согласовать свою поездку с Каданниковым.

Фёдор Иванович, начальник горуправления КГБ, оказался на месте и весело, по-товарищески попенял Черняеву:

– Хотели без меня в такую ответственную поездку смотаться? Фигушки! Я раньше вас узнал, что будет высокое начальство, и принял необходимые меры. А в Тетёркино поедем вместе. Когда выезжаем?..

Аэропорт Тетёркино всего в тридцати километрах от Старого города, так что кавалькада Волг пролетела их за двадцать минут. Трасса, правда, суцая спотыкаловка, но что в этом удивительного, ведь дальше **Дорога Смерти** уходит в Медвежань, а значит, шоссе загружено круглые сутки тысячами машин. Аварии, особенно в туман или в зимнюю непогоду, случаются по несколько раз на дню. Успевай только растаскивать искорёженную технику и увозить окровавленные жертвы столкновений. И как итог – каждые 100-200 метров пирамидка с высохшими венками и

рулевой баранкой над могилой...

Дорогу кавалькаде пробивала Волга Кнурова – начальника горУВД Топтунов. Всего вместе с его машиной получилась колонна из шести новеньких чёрных Волг. Понятно, что Волга Каданникова замыкала колонну.

Красиво развернувшись у главного входа в неказистое здание когда-то районного аэропорта, машины одна за другой тормознули у крыльца, подняв облачка пыли, потому что площадка перед аэровокзалом не была пока что заасфальтирована, хотя и неплохо укатана. Всё руки не доходили!.. Да ведь и не прилетали пока что в Тетёркино высокие гости.

Зато в слякотное время лучше останавливаться у шлагбаума, ограничивающего территорию зоны аэропорта.

Стайка пыльных полусонных воробьёв нехотя вспорхнула с огромного старого клёна, росшего здесь с довоенных времён, когда, понятно, ещё и аэропорта не было, и полетела в сторону кирпичного туалета для пассажиров и сотрудников аэропорта, куда вела дорожка, сработанная из шлака там же расположенной котельной.

Здесь же под клёном стоял автобус ЛАЗ **“Топкие Колтуны – Аэропорт Тетёркино”** когда-то бодрого синего цвета с открытыми потолочными люками. Автобус ожидал пассажиров с Медвежанского рейса в 14.30. Из открытой передней двери свешивались ноги спящего водителя.

Оставив водителей в машинах, начальники Топтунов метнулись в здание, пропечённое яростным июльским солнцем.

Человек сорок пассажиров, настроившихся было с утра вылететь в Тюмень, тоскливо бродили по залу или сидели на

простых деревянных скамьях без спинок, а кто и прилёг, подложив под голову рюкзак или авоську с вещами.

На окошке администратора, укрепленном решёткой из некрашеной ржавой арматуры, белел листок из тетрадки в клеточку с объявлением для мающихся пассажиров утреннего рейса:

Вылет рейса 5743 Тетёркино – Тюмень откладывается по техническим причинам. О посадке будет объявлено.

Рейс 5618 из Медвежани задерживается невылетом. Просьба в окно не тарбанить!

Руководители привычно по-хозяйски прошли через турникет, молча отодвинув дежурную тётку в сторону, вовнутрь служебных помещений и направились в кабинет начальника аэропорта. Сзади их уже догонял дежурный милиционер, науськанный обидевшейся тёткой при исполнении.

В это время и в зале ожидания, и во внутренних помещениях аэровокзала, и в репродукторах, развешанных снаружи здания, раздался хриплый, скрипучий, неразборчивый голос диспетчера:

*- Совершил посадку Ан-24, прибывший **литерным рейсом** из Набережных Челнов. Встречающих просим соблюдать порядок у выхода с лётного поля. Выход на площадь через зал ожидания аэропорта.*

Начальник аэропорта, рано облысевший армянского разлива усатый брюнет лет сорока, выскочил из кабинета и оторопел, увидев грозно надвигавшихся на него отцов города.

– *Здрасьте!* – нелепо пролепетал брюнет, осклабясь слюнявым ртом, щедро набитым золотыми фиксами. Усы его, подстриженные по-сталински, смешно раздалились в стороны.

– *Здоров, Карапетян!* – Кивнул ему Черняев, хотя, возможно, перед ним был Оганесян или Хачатурян. – *Веди к самолёту!..*

“Карапетян” всё понял в момент и, не дожидаясь идиом и

экспрессивных выражений, побежал впереди группы, распахивая перед начальством двери. Вырвавшись на оперативный простор, мужики пошли размашистым шагом к самолёту, успевшему подрулить довольно близко к зданию аэровокзала.

Над мачтой метеостанции периодически похабно напрягался полосатый конусный мешок ветромера, показывая слабый западный ветерок, а справа над скучным одноэтажным зданием диспетчерской блестели штыри, провода и антенны радиостанции.

Самолёт окончательно затих, и в хвосте выпростался трап. Отцы Топких Колтунов, спотыкаясь, дружно тормознули у трапа, ожидая гостей.

Первыми выскочили из дюралевого нутра два гэбиста из охраны Предсовмина, затем стюардесса вывела за руку Алексея Николаевича. Он был в белой рубашке, без галстука, с пиджаком, по-летнему перекинутым через левую руку. Ветерок тотчас занялся его седым легкомысленным чубчиком.

За Косыгиным проворно спустился Министр автомобильной промышленности Виктор Николаевич Поляков, тоже без галстука, но в пиджаке, хотя и незастёгнутом. Костюмчик на Викторе Николаевиче сидел мешком и выглядел слабовато.

Первым к Косыгину качнулся Борисов, как старший по званию, **наместник** Москвы и Минавтопрома в данной глубинке.

– *Здравия желаем!* – Выдохнул Борисов, осторожно обнимая двумя ладонями сухую старческую ладонь Председателя Правительства. – *Милости просим на Топский комплекс заводов, Алексей Николаевич!..*

Но тут уж второму номеру надо было не зевать, а то гость мог бы его и не учесть в числе тех, кому надо разрешить пожать руку. Черняев уверенно материализовался из-за плеча Борисова и,

громко кашлянув, обратил на себя внимание, продолжая приветствие гендиректора ТопАЗа:

– С прибытием, товарищ Косыгин, на Всесоюзную комсомольскую стройку в Топких Колтунах! Как долетели?..

– Да что тут лететь, какой-то час... Не успел даже газеты просмотреть, – посетовал гость, – надеюсь, вы меня довезёте до *сами-знаете-куда?*..

Шутка вызвала искренние улыбки встречающих.

Министр Поляков поздоровался с местными кадрами сухо и молча.

В это время по трапу спустился Антон Иванович Добровольский, о чём-то живо беседуя с хорошенькой стюардессой. Антон Иванович основательно разбирался в номенклатурном этикете и несколько задержался, дав возможность Косыгину получить первые, самые тёплые приветствия хозяев. А он, всего лишь первый **зам** заведующего отделом машиностроения ЦК КПСС, как-нибудь обойдётся без бурных приветствий местных товарищей.

Однако Борисова, своего **двух ли, трёх ли - юродного** родственника, он обнял демонстративно тепло и по-свойски, так, чтобы местный партийный чиновник знал, кто такой Борисов, и впредь учитывал это обстоятельство, выстраивая свои отношения с руководством ТопАЗа...

Каданников и Кнуров тоже были по должности допущены к рукопожатию высокого начальства.

Пока гости и местные ответственные лица под оранжевым солнцем, нагло обжигающим лысины из безоблачного неба, обменивались дебильными репликами типа, как летели да как погода, из чрева самолёта выродилось ещё с десятков москвичей, в основном мужчин, представлявших собой команду премьера в данном облёте строящихся и работающих автомобильных

комплексов.

Однако их никто встречающим не представил, и они, подчиняясь неписаным правилам, скромно сгрудились в сторонке, брезгливо оглядываясь по сторонам.

– *Надеюсь, мы все поместимся в одном автобусе?* – То ли пошутил, то ли действительно забеспокоился Алексей Николаевич.

– *Да, конечно,* – немедленно и безоговорочно согласился Черняев, сообразив, что налицо глупейший прокол, поскольку они с Борисовым и не подумали о том, что кроме Косыгина, Добровольского и Полякова будет ещё и толпа сопровождающих. И он инстинктивно вызвал огонь на себя, полагая, что это как раз тот случай, когда надо показать начальству, что во вверенном ему городе жизнь, а тем более приём высшего руководства налажены надёжно.

Поэтому Роман Кириллович поманил к себе Кнурова и зашептал ему на ухо: – *Беги на площадь, там рейсовый автобус. Быстро организуй приборку салона или хотя бы разбуди водилу, заставь продрать глаза, сбегать в туалет и заряди бодростью. Чтобы он загрузил всю эту московскую шелупонь и повёз за нами на автосборочный. Там уже готовят встречу с Косыгиным. Понял? Вперёд!..*

Пока шли с лётного поля на привокзальную площадь, Черняев думал, как вечером избавиться от своры московских специалистов. Дело в том, что единственная двухэтажная гостиничка Топтунов **“Топь”** была не то что переполнена, а забита по самую завязку. Не везти же клерков на Чёрное озеро в секретный профилакторий! А чтобы они не возникали, то надо их после парадной встречи на автосборочном куда-то и надёжно сплавить до утра.

Впрочем, один вариант, похоже, вполне работоспособен. В бухте старой городской пристани у причала, как всегда летом, пришвартован двухэтажный дебаркадер, служащий для посадки и высадки пассажиров с “Ракет”, шныряющих вверх и вниз по Топпи. На нём и касса для продажи билетов, и камера хранения, и буфет. Но главное достоинство – сорок двухместных кают, используемых в качестве гостиничных номеров для всякого сброда.

Командует этой малиной старый хрен Никита Шипило, отставной майор, лишившийся правой руки в 68-м во время усмирения Праги, холостяк и хулиган. Однако власть он уважает. Так что без сомнения примет московских гостей и даст переночевать в своём клоповнике, если Кнуров пошлёт к нему для вправления мозгов заместителя...

Идя мимо куривших у стенки мужиков, мающихся с утра по причине закрытия аэропорта для приёма литерного рейса, гости и отцы города слышали, конечно, непочтительную матерщину, но не приняли её на свой счёт, полагая, что народ бурчит и лает по причине врождённой черноротости и склочности. Таких даже хорошо налаженная в трудовых коллективах воспитательная работа не берёт.

А традиция литерных рейсов в наших краях, между прочим, довольно древняя. Ещё царя-батюшку возили по России литерные поезда. В наши времена небывалого технического прогресса, особенно в стране победившего социализма, литерные рейсы Аэрофлота обеспечивают высшему руководству страны возможность быстро и безопасно пересекать страну вдоль и поперёк и руководить, руководить, руководить...

При этом, делается это сугубо в целях безопасности от всяких параноиков, способных, не раздумывая, и Мавзолей взорвать, и гранату кинуть в руководство. А их так много околачивается по

стране, что институт Сербского не справляется, приходится на время выполнения литерных рейсов закрывать небо над Родиной.

И тогда все гражданские рейсы и полёты военных самолётов откладываются до особого распоряжения, пока Москва не откроет небо. И маются-матюгаются в десятках аэропортов Союза десятки тысяч граждан, даже не догадываясь, по какой высоконравственной причине задержаны сотни рейсов...

Если, скажем, возвращается Леонид Ильич из Крыма в Москву, то закрывается небо над всем Советским Союзом.

Зато другие члены Политбюро причиняют стране меньше неудобств. Вот и в этот раз на время полёта самолёта с Косыгиным закрыли только Европейскую часть страны. Завтра, если он полетит, например, в Тюмень, то закроют дополнительно к Европейской части только Западную Сибирь...

Казалось бы, кого бояться?..

Однако жизнь требует повышения бдительности. Вот же, все помнят, свежий пример. Полоумный Саблин в прошлом году угнал из Таллина новейший крейсер, распропагандировал экипаж и попёр в Ленинград. Хорошо, нашёлся патриот, сумевший ускользнуть от предателей и доложить, кому следует.

Леонид Ильич тогда дал команду мочить гадов. И, к счастью, удалось разбомбить крейсер и захватить безумца живым...

А если бы он успел войти в Неву и направить свой **главный калибр** на Зимний и другие реликвии великого Октября? Да он бы мог и ультиматум Генеральному секретарю предъявить, и власть арестовать, и сменить строй!..

Машины кортежа добрались до места назначения из Тетёркино к 17 часам. На автосборочном уже всё было готово для проведения ответственной встречи главы Правительства с трудящимися ТопАЗа.

Огромный корпус был оцеплен милицией, а рабочие второй смены околачивались неподалёку в берёзовой рощице, потому что их до окончания мероприятия было велено не пускать в корпус, **во избежание...**

Вереница машин пробралась по временной дороге к главному portalу автосборочного, к воротам, откуда в рабочее время выходят готовые большегрузы и где уже более или менее сносно заасфальтировано.

Борисов, в Волге которого ехал Косыгин, вышел первым и любезно открыл дверь премьеру. Затем подал руку Добровольскому. Из других машин выбрались Поляков, Черняев, Гилякин и Каданников. Шестая, предназначавшаяся Косыгину, так и приехала пустой.

Навстречу гостям двинулась стайка руководителей заводов, входящих в TopАЗ – не только автосборочного, но и прессово-рамного, двигателей, агрегатного, литейного, кузнечного... Красивые девушки с букетами цветов подбежали к прибывшим и сердечно вручили букеты Косыгину, Добровольскому и Полякову. Ошибиться было невозможно, потому что Борисов, не стесняясь, подтолкнул их к москвичам.

Когда группа товарищей вошла в корпус, то раздались нестройные крики радости и разрозненные хлопки аплодисментов. Серба и Лях стояли в толпе своих коллег по Управлению неподалёку от импровизированной сцены, помостом которой служил грузовик 5360, замерший на финише главного конвейера. Просто опустили задний борт и застелили дно кузова ковровой дорожкой, как на похоронах.

Там уместился и однотумбовый канцелярский стол под кумачом, и несколько стульев. Над кабиной устало висел красный флаг, над ним немалый транспарант “Решения XXV съезда КПСС – в жизнь!”, а высоко, на уровне линии подвесного конвейера –

огромный портрет Леонида Ильича.

Начальство поднялось на сцену по приятно чистой, пахнущей липой, деревянной лестнице, сколоченной в хозцехе по случаю правительственного визита. Увы, поместились не все желающие. Но основные действующие лица – Косыгин, Поляков, Добровольский, Борисов и Черняев кое-как угнездились.

Давно не стриженный специалист из РУСа – районного узла связи – рыжий и смешливый чувак Славик в кофейного цвета водолазке и весьма заношенных **левыйсах** только-только наладил два микрофона на громоздких театральных штативах. Он последний раз прохрипел в тот, что побольше, классическое “Раз, два, три. Проверка звука...”, что тотчас громовым раскатом разнеслось по корпусу, а затем передал микрофон Борисову, единственному, кого знал в лицо, вплотную пододвинув к столу штатив.

Марк Моисеевич не стал тянуть резину, а сразу обратился к народу, роль которого в данной пьесе играл высший и средний начальствующий состав автогиганта.

– Товарищи автомобилестроители! Сегодня у нас дорогой гость – Алексей Николаевич Косыгин, Председатель Правительства. Поприветствуем его!..

Народ хотя и не очень дружно, однако достаточно громко заревел “ура”. Когда децибелы несколько спали, Борисов представил и Министра Полякова, и его куратора из ЦК КПСС тов. Добровольского.

Корпус вновь сотрясло “ура” и аплодисменты, правда, так и не перешедшие в овацию.

Не дожидаясь, когда изъявления любви к начальству стихнут, микрофон взял Косыгин.

Он начал совещание коронным вопросом настоящих ленинцев.

- Надеюсь, в зале все коммунисты? – Обвёл строгим взглядом

сомлевшую аудиторию гость. И этим коротким вопросом как бы на всякий случай напомнил собравшимся о своём высоком положении в иерархии советской власти, потому что выше звания члена Политбюро ЦК КПСС только Генсек...

Чтобы у тех, кто, возможно, постыдно расслабился и потерял вышколенность и почтительность, посматривает на часы, мечтая скорее домой, к макаронам по-флотски и под тёплый бочок жены, не было излишних иллюзий насчёт строгости спроса. Высший и средний начальствующий состав подтянулся, как кони после дисциплинирующего взмаха кнутом, слушатели стали менять позу, сменив стойку "вольно" на стойку "смирно". Ещё мгновение и толпа перестала трепаться и смиренно притихла. А потом и вовсе замерла в ожидании важных откровений.

– Тогда докладываю вам обстановку. – Продолжил Предсовмина. – Страна валит план по росту производительности труда. Что это такое, объяснять не буду. Сами понимаете. Международную обстановку, надеюсь, знаете тоже.

А раз так, то вы не можете не понимать, что стране ваши большегрузы и тягачи нужны, как никогда. Как можно скорее. Нефтяникам к следующей весне. А защитникам Родины так прямо сегодня... Да вы и сами знаете, что все ваши машины уходят военпреду. Говорить больше не буду. Желаю достойного выполнения исторических решений XXV съезда КПСС!

А когда слово взял Борисов и начал зачем-то перечислять проблемы, мешающие ускорить освоение производства машин до проектного уровня, Косыгин прервал его довольно резко. Отобрал микрофон и сообщил, адресуясь командирам производства и Борисову:

– Сейчас сделаем перерыв. Вы подготовите все письма с просьбами, какие дополнительные ресурсы вам нужны. Техника,

материалы, люди. Всё.

Здесь я, здесь ваш министр, здесь куратор машиностроения ЦэКа...

Я подпишу вам всё. Но попробуйте не вывести ТопАЗ на проектные мощности в установленные сроки!..

Косыгин отдал микрофон Борисову и устало присел на стул. Борисов понял, что надо сворачивать представление. Но по законам жанра нужно было дать слово народу для **одобрямса** и генерации положительных эмоций.

– Слово для выступления предоставляется лучшей сборщице линии сборки кабин Жанне Алфёровой!..

Жанна Алфёрова, грудастая краснощёкая девушка в фирменном топазовском комбинезоне, взяла микрофон из рук Борисова двумя руками и начала бодро вещать насчёт того, что её бригада номер три выполняет все операции с высоким качеством и не допускает простоя линии... И что, вдохновлённые историческими решениями XXV съезда партии, под руководством горкома партии и парткома комплекса, сборщики не подведут...

После ещё двух коротких речей митинг-встреча с товарищем Косыгиным закончилась, гости и своё начальство уехали на Чёрное озеро подводить итоги встречи, а рабочих, наконец, пустили на рабочие места, к отвёрткам и гайковёртам, и над их головами весело зацокали подвесные конвейера, поднося к местам сборки необходимые узлы и детали...

На **Чёрное озеро** поехали тем же составом, что и прели на митинге в кузове грузовика на автосборочном. Когда проезжали по проспекту Первопроходцев, Алексей Николаевич попросил остановить Волгу у нового универсама **“Урал”**, у входа в который толпился народ. Весь кортеж медленно вклинился в толпу, и охранникам было нелегко пробивать дорогу Косыгину,

Добровольскому и его экскурсоводам. Черняев и Гилякин буквально прилипли к Алексею Николаевичу, боясь отстать и не смочь дать своевременно необходимые пояснения.

Косыгин прошёл внутрь магазина. Команды и подзатыльники, выданные Гилякиным ещё утром, дали требуемые результаты. Прилавки и полки “Урала”, как, вероятно, и полки других магазинов города, ломились от продуктов, не всегда встречаемых в торговой сети Топтунов последние два года, когда город сняли с московского снабжения.

Понятно, что трудящиеся, вернувшись с первой смены и забежав в магазин за буханкой хлеба и кольцом ливерной колбасы, с изумлением узрели десяток сортов настоящих колбас, буженины, окороков, бочки с жирной норвежской сельдью, горы венгерских замороженных кур и целые штабеля баночек вожделенной сайры и зелёного горошка.

Хорошую весть не удержишь в узде. И народ попёр. “Урал”, как и вся торговая сеть города, в течение получаса был забит битком, и наглым ханыгам к кассам было не пробиться – очередь могла укоротить любого, хоть папу римского.

Алексей Николаевич и Аркадий Иванович с провожатыми и двумя взопревшими гэбистами с трудом пробились в гастрономию. И выкладка, и ассортимент произвели хорошее впечатление, так что Черняев и Гилякин получили заслуженную похвалу Предсовмина.

– Надо, чтобы так было ежедневно!.. Рабочий класс – гегемон нашего общества, и его здоровье и благосостояние постоянно должны быть в центре забот городской партийной организации и горисполкома, – посоветовал Косыгин, явно намекая на то, что его на показухе не проведёшь.

Работяги, толпящиеся в отделах, не проявили особого восторга от того, что их слегка потеснили и попутно помяли рукастые и

свинцовоглазые лейтенанты с площади Дзержинского. Кто такие, зачем толкаются, чего хотят? Набрать **шамовки** без очереди? А вдруг за пазухой обрез? Хрен обломится! Не допустим! На том и остановились.

Когда экскурсия выбралась на свежий вечерний воздух, внимание Добровольского привлёк ЗИЛ-155 под тентом, расположившийся у въезда в товарный двор универсама как раз за бочкой из-под распроданного ещё утром кваса. У заднего борта машины тоже волновалась немалая толпа и кипели страсти. С колёс шла бойкая торговля стиральным порошком. Люди хапали по целой упаковке, а в ней 20 пачек! Сумгаитский “Лотос” здесь на Урале ценился на вес золота...

– *Что там дают?* – Спросил Антон Иванович пробежавшего мимо **топтунца** с упаковкой порошка наперевес.

– *Тебе что, повылазило, гражданин начальник? Вот порошок Аняте несусь, в субботу стирку затеем... Очередь не занимайте, там уже мало осталось!.. Посторонись, бля!..*

Косыгин, посмеиваясь, взял Добровольского под локоток: – *Что, схлопотал от гегемона? На пути у пролетария стоять не рекомендуется!.. По машинам!..*

На Чёрное озеро приехали на закате, когда стаи молодых ласточек уже начали вечернюю охоту на мириады мошкеры и комарья. Красивые, как шкатулки для драгоценностей, постройки профилактория смотрелись на фоне тёмных деревьев сказочно. Солнце, едва видимое сквозь редкий сосняк, уже ускоренно клонилось к горизонту, обречённо готовясь утопить свою огромную огненную тыкву в болотах **Глухариной пади**.

Гости и хозяева вылезли из машин, разминая затёкшие члены.

Гостеприимно поднятый шлагбаум. Скромная многометровая арка из нержавеющей стали гордо несла надпись затейливыми

металлическими литерами – **“Чёрное озеро”**. И вторым рядом буквами помельче – *“диагностическо-реабилитационный центр объединения Топаз”*.

Вновь прибывшие посетители медленно пошли по главной аллее, направляясь к вызывающе красивому двухэтажному кирпичному дому — с лоджиями, балконами, галереей. **«Профилакторий»** — скромно гласила дощечка, прибитая возле входа.

Огромная кавказская овчарка рванулась, преградила им путь, залилась злобным, пронзительным лаем. Вышедший спортсмен в красной майке с логотипом ТопАЗ и мятых синих трениках затолкал бдительную зверюгу в большую красивую конуру и надёжно закрыл вход листом фанеры.

– *А вот там у нас настоящая многопрофильная баня, – похвастался Черняев, указывая куда-то в густые кусты, сбегавшие вниз, поближе к реке, – есть и сауна по-фински, и наша, русская, по-белому, на любой вкус...*

Объект **“Санпропускник”**, разрекламированный Черняевым, прятался в непроходимых зарослях краснотала, ивняка и ольховника, надёжно укрытый сверху от посторонних глаз. И подойдёшь к нему не сразу, надо спуститься по довольно крутой металлической лестнице из доброй сотни ступенек. Как раз в этих местах Топь когда-то образовала изрядную **старицу**, названную за всегда таинственно тёмную воду Чёрным озером.

Года четыре назад, в самом начале эпопеи строительства ТопАЗа, начальствующие любители попариться воздвигли не только объекты **паротеплоспиртолечения**, но и пригнали из Медвежани земснаряд под предлогом углубить дно у старой городской пристани. Углубили, а заодно промыли немалый канал из Топи в Чёрное озеро, после чего озеро превратилось в уютную

бухточку, наполненную вскоре белоснежными катерами и яхточками оздоравливающих командиров производства. А шикарная банька “Санпропускник” современной постройки и нехилого архитектурного изыска служит украшением и бухточки, и всего оздоровительного комплекса....

– Алексей Николаевич и Антон Иванович, предлагаю перед ужином осмотреть на свежие головы наш санпропускник, как мы в своём кругу называем банный комплекс, чтобы потом, после ужина оценить его уже в процессе эксплуатации... – Продолжил исполнять обязанности хлебосольного хозяина Черняев. Это был его звёздный час, и он старался, как мог.

Московские гости молча обменялись только им понятными взглядами. Поляков, отстав на полшага, неодобрительно покачал головой, но Черняев, токующим тетеревом исторгая хвастливые фразы, ничего не заметил, а тронув Косыгина за рукав, увлёк его, а значит, и Добровольского с Поляковым, смотреть чудо банного дела.

Гости осторожно спустились по лестнице, хитро и самобытно-художественно сваренной умельцами-сварщиками автогиганта из дефицитной нержавеющей стали, и улыбнулись, потому что над дверью бани действительно висела табличка “Санпропускник”. Но когда вошли внутрь, то ахнули.

Холл с камином, баром, с полатями для вольного возлежания после сугрева, застланными шикарными дагестанскими коврами ручной работы...

Массивные литые каспинские светильники изумительной красоты... Затежливо-бесстыжие эротические панно и росписи на стенах... Отделанная кафелем и мрамором парилка для бани по-русски. Ладно, что хоть полки и ступени к ним – буквые... А уж сауна – вообще сплошная липа...

Видно, что хозяева постарались на славу, позаботились о работагах ТопАЗа, создали им этот райский уголок для отдыха и здоровья.

– Да, устроились вы здесь со вкусом, ребята, – оценил Предсовмина увиденную красоту и роскошь, но его слова местные вожди народа не смогли понять однозначно.

– Понятно... Пойдёмте отсюда, чайку попить бы, да и спать пора. Завтра с утра летим в Самотлор, затем в Тюмень. Трубопровод Самотлор – Тюмень – Куйбышев практически готов. Надо благословить. Трест “Тюменьнефтегазмонтаж” – герои. Да и в “Сургутнефтепроводстрое” мужики не хуже. Такую трубу и в такой короткий срок! Берите пример!..

Косыгин, к разочарованию Черняева и Гилякина, решительно устремился вон из дворца неги и релаксации. За ним молча последовал Поляков. Лишь Добровольский, уже со ступенек лестницы, ведущей к главному корпусу **Профилактория**, оглянулся и жадно охватил взглядом **баньку**, она же **Санпропускник**, как будто фотографировал глазами на долгую память, что не ускользнуло от следовавших за высокими гостями Черняева и Гилякина. Они понимающе переглянулись.

И было на что оглянуться. Стены, отделанные крытой лаком **вагонкой** ценных пород, отливали медью в лучах заходящего солнца. Умопомрачительные “кружевные” наличники, сказочные фонари под старину из кованого железа, легкомысленное крылечко изумительной формы прелестно вписывались в окружающие заросли, и, если вы с нормальным воображением, то можете легко представить, как будет смотреться это чудо советского деревянного зодчества зимой, утонувшим в сугробах голубых снегов, у самой кромки песчаного берега бухты, покрытой ледяным панцирем в снеговых застругах...

Заглянув для соблюдения обычаев и облегчения организмов в просторный туалет, сверкающий импортной сантехникой, мужики справили нужду и старательно помыли руки.

– *Милости просим к столу!* – Пригласил Черняев, увлекая начальство в малый банкетный зал, поскольку народу получалось всего ничего.

Алексея Николаевича спутники пропустили вперёд, уступая старшему по званию и по возрасту право первому выбрать место за столом.

Стол был накрыт на восемь персон, поскольку Черняев не исключал, что в любой момент из Медвежани может нагрянуть Тарабаров - первый секретарь Медвежанского обкома партии. Руслан Лукич любитель делать такие непредсказуемые визиты. А то, что Косыгин в Топтунах, ему, несомненно, доложили ещё днём.

Два официантки, игриво улыбаясь, стояли у стола на подхвате, готовые помочь гостям усесться. Очень смелые мини и агрессивно-глубокие декольте были готовы услаждать взоры и длани гостей.

Алексей Николаевич подошёл поближе. Окинул взглядом стол, ломившийся от выпивки и закусок, миролюбиво улыбаясь, посмотрел на молоденьких аппетитных официанток. И тихо, но чётко сказал то ли по адресу их прелестей, то ли насчёт изобилия и умопомрачительности еды:

– *А вот этого всего мне уже нельзя, к сожалению. Мой личный повар кормит меня прописанным врачами питанием... Всем спасибо! И доброй ночи!..*

Затем повернулся к хозяевам спецобъекта и всего региона, застывшим от услышанного безмолвными сурками:

– *Что-то устал я сегодня. Проводите меня в номер...*

Оказалось, что пока хозяева водили начальников на экскурсию по территории базы отдыха, люди из сопровождения Председателя Правительства свою работу делали, никого не спрашивая. И Раиса Павловна, и Валентина Александровна были ими вычислены и задействованы на полную катушку.

На втором этаже **Профилактория** уже проверены с точки зрения безопасности апартаменты, предназначенные для отдыха товарища Косыгина и его спутников, и приготовлено всё для лечебного спецужина и сна...

Опочивальни Добровольского и Полякова тоже были готовы к приёму постояльцев, располагаясь в противоположном крыле второго этажа.

Каждый же местный начальник имел здесь для полноценного отдыха “свой”, давно облюбованный уголок на втором или третьем этажах, а то и в отдельно стоящих теремках, спрятанных от недоброго взгляда неподалёку в густых кустарниках.

Напряжённая государственная работа на протяжении стольких часов основательно измотала начальников и требовала полноценного отдыха. Да и аппетит нагулялся немалый. Поэтому за стол буквально грохнулись, шумно рассаживаясь.

С одного торца, как бы возглавляя народ, уселся Добровольский, а слева и справа его собеседниками оказались Поляков и Борисов.

С другого торца стол от имени слуг народа возглавил Черняев, а ассистировали ему Гилякин и Кнуров. Каданников оказался равноудалён от двух естественно образовавшихся группировок.

– *Предлагаю, товарищи, начать с водочки. Слышал, что здесь у вас в Медвежани неплохую **Сибирскую** производят. Я не ошибаюсь, девочки?* – Обратился Антон Иванович к официанткам.

Девочки кинулись наливать именно эту водку в хрустальные **стопари**, радуясь, что наконец-то началась настоящая работа, и

окончилось дурацкое невыносимое каменное стояние по стойке **смирно** на высоких каблуках.

И великолепный ужин продолжился, постепенно раскрепощая и сплывавая соратников по классу рюмки и бокала.

Через полчаса в зале пригасили верхний свет. Началась музыкальная пауза. Пока официантки прибирались на весьма распотрошённом столе, меняя посуду, убирая огрызки и мерзкие, в плевках и слюнях, салфетки, чтобы предложить следующие блюда, на маленькой сцене появилась для разогрева гостей местная звезда вокала Лиза Курц, из поволжских немцев, выселенных из-под Саратова в 1941-м.

Понятно, что студентка второго курса Топского автомеханического техникума Лиза понятия не имела о Республике немцев Поволжья и политике товарища Сталина по национальному вопросу в далёкие военные годы, а то **кое-что**, какое от бабушки слышала, вспоминала редко и поэтому жила счастливо и беспечно, распевая романсы и комсомольские песни на всяких мероприятиях. А в последние полгода её звезда взошла высоко и перспективно. Её заметили первые лица города, и она стала украшением тёплых товарищеских банно-оздоровительных вечеров на Чёрном озере.

Обычно Лизе аккомпанировал на аккордеоне Фёдор Пень, местный оболтус из пригородной деревеньки Пеньки, числившийся инструктором горкома комсомола, а фактически **бич**, вечно околачивающийся на Чёрном озере и большой любитель выпить-закусить и поиграть-пощупать...

– *Лизка, давай “Валенки”! Душа горит...* – скомандовал Черняев, ослабляя галстук, когда на маленький пятачок сцены в углу зала, сопровождаемая Фёдором, вышла **намазюканная**, как попугай, Лиза...

И Лизка давала, голосисто, под легендарную Русланову:

– *Валенки, валенки, эх, не подшиты стареньки!..*

Черняев выбрался из-за стола и стал вытанцовывать, воображая себя человеком из народа.

Он несколько раз махнул рукой коллегам, приглашая размяться, но ввиду отсутствия дам, мужики предпочли расслабляться на стульях у стола.

Однако официантки знали своё дело и потащили Черняева на место, усадив за стол для продолжения ужина.

Лиза, спев ещё пару песенок, сделала вид, что собирается уходить, но Черняев послал официантку позвать солистку к столу. Та, изобразив смущение, подошла к начальству.

– *Садись с нами, Эльза, не прогадаешь!..* – Потянул её за руку Роман Кириллович властным рывком.

Девушка почти упала на колени Черняеву. Одна из официанток уже несла стул, чтобы посадить счастливицу рядом с большим начальником, если у того затекут колени.

Буженина из медвежатины и жареные тетерева дали повод налить ещё по стопарику. Немного посидев и отведав фирменных местных мясных блюд, народ стал клевать носом.

Тем более что мужская забава была лишь у Черняева, а он, не стесняясь, щупал Лизу всё нахальнее.

Лиза, хотя и не сопротивлялась, но имела прямую директиву Раисы Павловны сегодня Черняеву отказать под неотразимым женским предлогом. Певичка обняла первого секретаря и, нежно целуя, шепнула ему на ушко свой неотразимый довод.

– *Нашла время, дурёха, чёрт бы тебя побрал!* – Слабо возмутился кавалер, спихивая Лизу с колен. – *Пшла вон, сцыкля!*

Поляков, не будучи любителем пошлятины, встал и пошёл спать. Он, руководящий мужик, знал, чем такие посиделки заканчиваются, и не хотел ни в какой форме в этой мерзости участвовать.

Если бы за столом сидели подчинённые, то он бы не просто ушёл, а вызвал бы наряд милиции. А в данном случае он гость, и, более того, ему необходимо запустить автогигант. Без опоры на местную власть задачу не решить. Поэтому Виктор Николаевич лишь сухо кивнул коллегам и, пожелав им спокойной ночи, ушёл в отведённый ему номер.

Провожавшая его до порога Раиса Павловна отметила про себя, что этот Поляков явно не наш человек. От такого можно любой пакости ожидать.

– *“Надо будет завтра рассказать о своих наблюдениях и выводах Черняеву...”* – Поручила себе заворотделом горкома партии...

Видя, что тёплый товарищеский ужин подходит к логическому концу, для оживления столоначальников Раиса Павловна ввела в бой свой главный резерв – вокальный пионерский ансамбль “Озорницы”.

На сцену вышли пять девчушек шести–семиклассниц школы № 1. Их Лобкова держала наготове в соседней комнате, развлекая просмотром телевизора и чаем с шоколадными конфетами. Девчонки едва не заснули в ожидании выхода.

Незаменимый Фёдор Пень приладил лямки аккордеона и изготовился врезать, чего закажут.

Никто ничего не заказал, поэтому по знаку Раисы Павловны юные дарования привычно грянули “Взвейтесь кострами, синие ночи!”

Задремавшее было застолье возродилось к жизни и пьяными бесстыжими глазами уставилось на пятачок сцены. Там было на

что посмотреть. Девочки были в коротеньких синих юбочках и в белых капроновых блузочках, украшенных алыми пионерскими галстуками. На восхитительных юных головках красовались сиреневые пилоточки с красными звёздочками. И, как последний аккорд чувственности – импортные чёрные лодочки на высоченных каблуках...

Изыюминка стиля была в том, что блузки Лобкова велела пошить из тончайшего прозрачного, как паутинка, капрона. А лифчики велела не одевать. Так что мужики получили зрелище, какое и в утренних снах раз в жизни встречается.

Ансамбль имел одну особенность – он состоял из девочек, с прошлого лета по указанию Раисы Павловны выдрессированных и приученных активом профилактория к безоговорочной, разнузданной похабщине. Они были штатные очаровательные юные давалки. Их привозили на Чёрное озеро по первому свистку. У Раисы Павловны не забалуешь...

Как решалась проблема с родителями и школой, одному богу известно. Но бог ни с кем своей информацией не делится... А уж его представительница в Топтунах Раиса Павловна так и вообще, как человек воспитанный, неразговорчива на скоромные темы.

– Ну, что, Антон Иванович? Какую козочку заарканить? – Предложил постепенно оживающий Черняев.

Конечно, Добровольский мог бы и укоротить язычок вконец обнаглевшему секретарю горкома, слишком в разных весовых категориях они оба были.

Но, во-первых, Черняева опекал лично Леонид Ильич, как перспективного молодого кадра, резерв на выдвижение в Москву. Генсек успел его уже и кандидатом в члены ЦК записать.

Во-вторых, большевистский обычай пьянку превращать в блудный грех никто не отменял, более того, о корифеях растления

– Михаиле Ивановиче и Лаврентии Павловиче – ходили смачные легенды.

Да и сам Антон Иванович добрым обычаям не противился. Любил он это дело, чего уж там стесняться...

– Ну, раз пошла такая пьянка... Тогда вон ту, беленькую, с косичками...

Раиса Павловна подвела к Антону Ивановичу скромнягу блондинистую Тому.

– Вот Томочка. А это дядя Антон. Знакомьтесь!

Тома, поправь дяде галстук, видишь, перекосялся. Поухаживай за товарищем, он сегодня очень много государственных дел решил, устал. Сбегай с ним в сауну, сними с человека усталость. Ну, ты знаешь, массаж, ласка, доброта...

Дядя Антон одним взмахом руки привлек к себе девочку и усадил на колени.

– Двоек много домой приносишь? – Пошутил гость.

– Неа... Я отличница.

– А в каком классе учишься?..

– В восьмом "А"...

– Ашка-промокашка!.. – Вспомнил школьные годы чудесные Антон Иванович. – А сауна не помешает, однако!..

Раиса Павловна стояла на расстоянии хорошей слышимости и тотчас пришла на помощь:

– Томочка, после сауны отведи дядю Антона в номер и уложи спать!.. Будь хорошей девочкой, не подведи меня!

– Не беспокойтесь, Раиса Павловна! Всё будет, как надо. Честное комсомольское!..

Отличница не раз выполняла подобные ответственные поручения и, соскочив с колена, взяла гостя за потную волосатую руку и повела, как маленького, в приготовленные заботами Раисы

Павловны и Валентины Александровны сауну в **Санпропускнике** и апартаменты для последующего отдыха.

На следующее утро, когда ещё коллеги отдыхали от вчерашних трудов праведных, Косыгин, тщательно выбритый, бодрый и целеустремлённый, после быстрого завтрака, уже нёсся в **Волге** в аэропорт Тетёркино, чтобы лететь в Самотлор, где его уже выгладывали. Самолёт ждал предсовмина всю ночь, и экипаж лишь **перекемарил** несколько часов в комнате отдыха.

Премьерская Волга подлетела прямо к трапу, и Косыгин, не мешкая и не оборачиваясь, поднялся на борт. Прощаться было не с кем, потому что никто не провожал. Все главные артисты пьесы ещё спали, полагая, что гость торопиться не будет. И проспали отлёт.

– Летим! – Дал команду Алексей Николаевич. Командир корабля козырнул и прошёл к штурвалу. Самолёт двинулся на ВПП.

Когда взлетели, Косыгин попросил у помощника папку с материалами по Тюмени.

Но немного полистав её, отложил на соседнее, всегда свободное сиденье. Прикрыл глаза, поддаваясь убаюкивающему гипнозу полёта. Он вспомнил почему-то Ленинград, 1942-й.

Тогда он много раз, выполняя поручения Сталина, летал в блокадный Ленинград. Полгода, с января по июль 1942-го, работал в качестве уполномоченного **ГКО** (Государственного комитета обороны) в блокадном Ленинграде, организуя снабжение мирного населения города и войск, одновременно руководя эвакуацией мирного населения из блокадного города и прокладкой трубопровода по дну Ладожского озера, как важного элемента создания “Дороги жизни”.

Много было в те дни и ночи и горького, и светлого. Но один случай остался в памяти навсегда.

Как-то в январе, поздним утром, знакомясь с ситуацией в городе, он вышел из машины и пошёл с местными ответственными товарищами по Литейному проспекту, чтобы увидеть всё своими глазами. Мороз был в тот день небольшой – 25-28 градусов. Ветер тоже несильный, но упорно мела позёмка.

Из большинства подворотен медленно возникали люди, закутанные во всевозможные платки и шали, и тащили за собой санки с трупами своих родных, умерших за ночь. Десятка полтора санок уже заскользили вдоль проспекта.

Он обратил внимание на двух парнишек, что тянули санки со своим братом или соседом. У покойника было чистое юное лицо.

Что-то заставило остановиться и спросить, кого они везут хоронить. Парнишки не успели ещё ответить, как вдруг Косыгин заметил, что у мальчика, лежащего на санках, дрогнуло веко. Не может быть! Ребёнок ещё жив! Вероятно, уверенный мужской голос пробудил в умирающем теле надежду на помощь и включил последние капли сил? Мол, вот я, помогите, я ещё живой!

Тогда всё закончилось счастливо. Он взял ребенка на руки, и обречённый умереть стал подавать признаки жизни.

Подбежали помощники. Так мальчонка вытащил счастливый лотерейный билет на вторую жизнь.

И где он теперь, что с ним случилось? Надо будет дать команду разыскать человека. Пригласить на дачу, поговорить, а то и помочь ещё раз...

Да, прошла целая жизнь, подходит последняя страница. Надо её перевернуть достойно. Он прожил свою жизнь со своей взбалмошной страной. Да и страна уже, похоже, доживает своё. Судя по вчерашней оргии в Топтунах, на старости лет страна теряет рассудок...

24.

Иногда в череде командировок появлялись приятные **окна** размером с неделю или десять дней, тогда порой удавалось даже добиться настоящего выходного в виде воскресенья, а то ещё и субботы. А два дня свободы, если их потратить с умом, могли зарядить бодростью на месяц... Жизнь продолжалась, и тоску собачью после разрыва с Любой надо было вышибать из мозгов чем-нибудь благородным и существенным...

Как-то Семён прочёл в местной газете “Советская Топь” заметку об открытии в Новом городе литературного объединения “Хорей” под руководством топтунского поэта Николая Митрошкова.

Семён ещё со студенческих лет баловался стихоплётством, много лет, хотя и с перерывами вёл дневники, а последние годы написал несколько рассказов и самоуверенно подумывал о романе... А тут на тебе – литературное объединение, собратья по перу, какая-никакая профессиональная поддержка. Быть может, даже книжку можно будет издать.

В начале шестидесятых Серба побывал и в запорожском областном литобъединении, и в днепропетровском, посмотрел, что и как, и твёрдо усвоил, что в советскую литературу в одиночку войти невозможно, а толпой иногда удаётся...

Недолго думая, в первый же такой день полной личной свободы Серба пошёл в комсомольско-молодёжный клуб “Алые паруса” на проспекте Ермака, держа в одном кармане пиджака вырезку из “Советской Топи”, а в другом электрофонарик, надёжный друг всякого топтунца в вечерние часы. Именно “Алым парусам” идеологический отдел горкома партии и велел пригреть “Хорей”. Спасибо, не заставили назваться “Красным хореем” или

чем-то ещё более идеологически выдержанным.

С утра дождало и, чтобы без хлопот добраться до “Алых парусов” через несколько полузастроенных кварталов с котлованами и лишь намеченными внутриквартальными дорогами, Семён достал из встроенного шкафа новые носки и переобулся в резиновые сапоги – непременно обувь топтунцев той градостроительной поры.

Газета писала, что поэты и прозаики заседают по первым и третьим субботам месяца в семь вечера. Как раз получилась третья суббота июня.

Про недавно открытый клуб Серба слышал и поэтому шёл уверенно. У входа в тамбур стояло длинное металлическое корыто с водой. В нём плавали два тряпичных **квача** на деревянных палках для мытья сапог. Рядом располагалась грязечистка в виде стальной полосы, похожей на линейку Гулливера, приваренную к двум обрезкам трубы, вбитым в свежий асфальт проспекта.

Семён шёл с проспекта Первопроходцев на проспект Ермака огромными дворами, заполненными строительной техникой, фундаментными блоками и стеновыми панелями, сгруженными прямо на землю, строительными кранами и бытовками. Пересёк будущий проспект Победы по недавно смонтированному путепроводу через поперечный проспект Автомобилестроителей и выбрался на Ермака, практически не замарав своих ещё новых стального цвета резиновых сапог.

Погода окончательно наладилась, и меж разбегающихся туч всё чаще выглядывало солнце. Настоящее июньское тепло согрело и приголубило.

Грязечистка сапогам не понадобилась, но слегка помыть квачом нелишне...

Самое удивительное, что Семён легко нашёл в “Алых парусах”

комнату, где бурлила литературная стихия. На припиленном к двери клочке бумаги взывало к посетителю выведенное плакатным пером единственное слово – **Хорей**. У дверей вдоль стены, покрашенной занудной тёмно-коричневой краской, ровненько выстроились мужские – чёрные и серые - и женские – красненькие и голубенькие – сапожищи и сапожки. Серба аккуратно разулся и, тихонько постучав для приличия и не дожидаясь приглашения, шагнул навстречу большой литературе.

Стоило ему лишь воспитанно нарисоваться в дверях, как его тотчас заметили и позвали к столу, за которым заседало человек семь–восемь патлатых и косастых. Верхний свет не горел, а в центре стола, застеленного кумачом, поэтично светилась настольная лампа с зелёным абажуром, почти такая, какую обычно изображали на картинах с Иосифом Виссарионовичем в далёкие, но такие памятные времена.

– *Прозаик или поэт?* – Вместо приветствия спросил сидевший во главе стола молодой есенинского облика парень, по раскладу Митрошков.

– *А какие вам нужнее?* – Парировал Семён, на всякий случай улыбаясь.

– *У нас прозаики в дефиците,* – пояснил организатор топтунских литераторов, – *однако и от хороших поэтов не отказываемся...*

– *Ну, тогда, значит, я прозаик. Но если потребуется усилить секцию поэтов, то буду стараться...*

Народ заулыбался. Митрошков призвал присаживаться и знакомиться. И первым протянул гостю руку, сказав:

– *Митрошков... Николай... поэт-лирик...*

Серба пожал ему крепкую крестьянскую ладонь, назвавшись погромче, чтобы не повторять семь раз. Потом **поручался** с каждым и каждой.

– *Вера Аристова... пробую себя в прозе... комсорг СМУ...*
– *Иван Кувалдин... стихи там разные, поэму задумал... бетонщик...*

– *Антон Топтунский... поэзия... электрик на кузнечном...*

– *Нина Орехова... лирика... про любовь... маляр-штукатур...*

Семён почувствовал себя немного ущербно в классовом смысле, как и должен чувствовать себя в здоровой среде рабочего класса всякий служащий, по определению гнилой интеллигент... Улыбаясь, чтобы сгладить возможную неловкость, доложил товарищам литераторам, что работает в Управлении смежных производств, руководит отделом со сложной номенклатурой комплектующих изделий, поставляемых на ТопАЗ десятками заводов-смежников со всего Союза...

Митрошков спросил, уточняя:

– *“Семён Серба” это настоящая фамилия или псевдоним?*

– *Ну, да, настоящая,* – удовлетворил его любопытство Серба.

Тогда дотошный поэт-лирик попросил обнародовать и отчество. Семён назвался полностью.

Но любопытство и мелкий бес в мозгах взяли верх, и Митрошков не отказал себе в удовольствии задать убийственный, по его мнению, вопрос.

– *А публикуетесь Вы, Семён Станиславович, под родной фамилией или под псевдонимом?*

– *Да нигде я пока что не публикуюсь. Так, балуюсь немного...*

Митрошков с облегчением вздохнул, поняв, что Серба ему не конкурент, потому что человек, если нигде не публикуется и даже псевдонима приличного не имеет, гарантированно не член Союза писателей и, соответственно, ему, известному на Южном Урале поэту-лирику, не конкурент...

Понял ли кто, где трудится Серба и чем занимается, осталось неясным, но все дружно усталились на новичка, пытаюсь

разгадать, что за гусь и не опасен ли он для приятственного мирка местной литературной богемы, уже не первый год счастливо скрашивающего их свободное время мечтами о большой литературе и, как знать, может быть, и о Ленинских премиях за выдающиеся произведения о ТопАЗе и о трудовом подвиге на Топи.

Но дальнейший разговор успокоил участников “Хорея”, особенно когда они узнали, что ничего сопоставимого с “Поднятой целиной” и “Молодой гвардией” Сербой ещё не написано и, что важно, вообще ничего никуда не отослано даже... Значит, свой в доску.

В итоге знакомства с Семёна взяли слово, что он на следующем заседании, 3-го июля, если не окажется в командировке, прочтёт один из своих рассказов, о наличии коих Серба для самоутверждения заикнулся. Кроме того, секретарствовавшая Вера записала Семёнов адрес и служебный телефон – вдруг возникнет нужда его разыскивать.

Покончив с новичком, Митрошков вернул хореевцев к обсуждению стихотворений чудаковатого парня Анатолия Цаплина для дошколят, чем они и занимались до появления Сербы...

Когда заседание завершилось, и литераторы вывалились из душной комнаты клуба в приятную прохладу проспекта Ермака и попрощались, вышло что Семёну по пути с Ниной Ореховой, и они пошли вместе на **Первопроходцев**. Оказалось, что они практически соседи – общага начинающей поэтессы находилась в 12-этажной башне 18/20 на Первопроходцев...

Тёплый ласковый вечер выманил на улицу сотни горожан. Их главным развлечением было фланировать вдоль проспекта по принципу туда и обратно. Гуляли парочками и группками по несколько человек. Почти не было компаний смешанных – или одни парни, или одни девчата. У кинотеатра “Ермак” многие

тормозились. Кто не попал на последний сеанс, просто стояли, разговаривая, смеясь, покупали сливочное мороженое в вафельных стаканчиках, коим с тележки торговала упитанная тётка в белом переднике.

Пока Семён и Нина шли по проспекту Ермака, цивилизация ещё более или менее имела в наличии. И фонари вдоль проезжей части, и витрины магазинов, почты, сберкассы излучали достаточно света. А свернув за угол на Автозаводский, попали в полную темноту. Семён достал фонарик. Редкие легковые мчали по Автозаводскому, то выныривая из-под путепровода и слепя фарами, то ныряя в кромешную темень под ним.

Пока добирались домой, Семён узнал о Нине практически всё. Удивительно, что она вначале напомнила ему Любу. Тот же возраст, такая же непослушная мамина дочка, своевольно умотавшая на строительство ТопАЗа, та же самая простая женская рабочая профессия для начала трудового пути – штукатур-маляр...

Но уже через десять минут взаимного трёпа иллюзия, что Нина как бы двойник Любы, исчезла. Помните, в Солярисе – вроде вот они, родные кровиночки, а опустишься в неба на землю, подойдёшь ближе и с горечью убеждаешься, что это холодные, бездушные копии тех, кто был вам дороже всего на свете...

Обсуждать тонкости стихосложения, всякие ямбы энд хореи, было больше чем неохота – противно. Да и не разбирался Серб в этих делах особенно. Писал стихи, как пишут все способные люди – садишься, берёшь бумагу, ручку и, непрерывно перечёркивая и переделывая, выражаешь нахлынувшее настроение подходящим образом... А потом сам удивляешься, что получились стихи и вроде неплохие...

А тут ещё Нина достала, через слово называя его по имени-отчеству, как бы подчёркивая возрастную дистанцию. Люба

предпочитала звать Сенечкой и произносила его имя так нежно, так ласково, что в ответ хотелось задушить её в объятиях...

Вот и проспект Победы. Подошли к путепроводу через Автозаводский. На нём ещё не было никаких ограждений и даже асфальт не залит. Днями только уложили последние бетонные плиты перекрытий, и народ, спрямляя путь, тотчас стал перебираться через Автозаводский по путепроводу.

Крепко взявшись за руки, стараясь не приближаться к пропастям над Автозаводским, что смутно угадывались слева и справа, Семён и Нина перелезали через какие-то трубы, рулоны рубероида, баллоны с кислородом и прочие строительные прикамбасы. Луч фонарика выхватывал из непроглядной темноты то охапку стальной арматуры, то горку швеллеров.

Это днём перейти не составило бы труда. И не страшно. Но днём наверняка ругали бы монтажники, чтобы прохожие не путались под ногами, не мешали работать. Хотя какие прохожие днём? Разве что завтра, в воскресенье. По будним дням город оставался во власти строителей, а жители заселённых домов с утра автобусами и пешком спешили на ТопАЗ запускать автоматические линии и конвейеры, собирать Родине ТопАЗы...

Направо за проспектом Победы начинался новый жилой район, и его недостроенные дома приближались мрачными чёрными прямоугольниками без единого огонька.

Цивилизация осталась позади в промежутке между проспектом Победы и Ермака, там, если оглянуться, победно светились миллионом окон девятиэтажки и четырнадцатизэтажки, кипела вечерняя жизнь, и делались великие дела...

Застройка Топтунов производилась быстро и, не мудрствуя лукаво. Сердцевину Нового города составили шесть проспектов. Три из них пролегли с запада на восток. В километре от Топи первым пролёг проспект Первопроходцев. За ним Победы и

Ермака.

Перпендикулярно к ним с севера на юг прошли Московский, Автозаводский и 50 лет СССР. По генплану число проспектов было значительно больше, ну это уже когда-нибудь потом, к 2000-му году... Примечательно, что Старый город остался за пустошью и перелеском километрах в двух от Нового, и по генплану им предстояло в будущем соединиться таким образом, чтобы проспект Победы дотянулся до проспекта Командарма Уборевича в Старом городе и слился с ним...

Поскольку проспекты строились на расстоянии примерно в километр друг от друга, то, пересекаясь, они образовывали соответствующие квадраты жилых районов. Каждый такой жилой район делился улочками на четыре квадрата поменьше, со сторонами в полкилометра. Для удобства поиска этим малым квадратам, названным **комплексами**, служба Главного архитектора присвоила номера, быстро усвоенные жителями, потому что такая система облегчает поиск нужного дома... В свою очередь, комплексы рассекались на несколько частей внутренними улочками...

Когда Нина и Семён после преодоления путепровода свернули с проспекта Победы направо, то попали в неразбериху полувозведённых домов 17-го комплекса.

Их путь пролегал в полной темени и по бездорожью. Фонарик сдался и едва помогал не наткнуться на глыбу или лужу.

Но известно, что дорогу одолевает идущий. И через несколько минут спотыканий и попаданий в лужи, оставшиеся после сильного утреннего дождя, любители изящной словесности добрались до своего 18-го комплекса. В нём из десятка многоэтажек заселены пока что лишь дома, выходящие на проспект Первопроходцев, следующий за проспектом Победы.

Первым на пути попался дом Нининой общаги –

одноподъездная башня 18/20. Вход в общежитие был щедро освещён. Под стенами башни и в тени киосков “Союзпечати” и “Овощи-фрукты” зажимались многочисленные парочки.

На балконах неосвещённой стороны башни то там, то тут шевелились смутные очертания отчаянных любовников, стремящихся проникнуть к любимым женщинам, минуя непреодолимую вахту на главном входе. Они, мерзко сквернословя и подтягиваясь раз за разом всё выше, неотвратимо двигались к великой цели. Некоторые таким способом добирались до 7-го, а то и 8-го этажа...

– Ну, ладно, будем знакомы! – Не делая попыток продлить разговор и оставить какие-либо виды на будущее, сказал Семён, по-мужски пожав Нине руку. – Беги! Я уже лишнего нагулял, дочка плакать будет...

25.

Дневник Сербы:

21 июля 1976 года

Письмо отца всем Сербам:

"4.7.76.

Дорогой Сеня, Ната и Анна Николаевна!

*Ну, кажется, уже пора сообщить результат "кровопролития". Операция была произведена 7.6.76 в период 5-8 PM (5-8 часов пополудни). Операцию делал профессор из **Монаш Университета** (еврейчик с польской Украины). По их заверению (этот **херург** и с десятков всяких докторов и студентов)*

прошла **successful**, однако ассистент этого херурга, (как я его ненавижу), заявил, что это была **worst** (наихудшая) операция в его практике, а поэтому и длилась целые три часа. Ещё десять лет назад этот херург был обыкновенным хирургом, а сейчас как выдвинулся - профессор хирургического факультета Монаш Университета в Мельбурне и заведующий или, как там, главный хрыч хирургической клиники (департамент) одного из лучших в Мельбурне **Альфред Госпиталь**.

Короче, пробыл там я около трёх недель, вдруг является этот херург (обратно, как я его ненавижу) с ассистентом (последнего я очень уважаю и ценю, ибо это молодой, лет 23-25, очень и очень вежливый и, как здесь говорят, **джентли**, то есть, воспитанный) и заявляют, что, мол, Стэнли (это моё имя по-английски) поправляетесь вы, мол, неплохо, даже хорошо, но надо бы побыть ещё в госпитале 2-3 недели, но, сорри, у нас "**no room**" (в смысле – нет свободных палат), так что завтра улетучивайтесь домой. Я делаю протест через **социал воркерс** (обслуживающий персонал), что, мол, я живу сам, кто же будет за мной ухаживать, кормить и т. д. Ничего не помогло, нет так нет, а выход они кое-какой нашли. На перевязку приезжает сестра 2 раза в неделю, а горячие обеды пять раз в неделю (кроме субботы и воскресенья) возит Красный Крест. Всё лечение и лекарства совершенно бесплатные, а за обеды плачу немного (2-75 за пять обедов).

Ну, теперь как будто бы пока вопрос с операцией разрешился (что и от чего это было, я не разберу, и дочь тоже не говорит, а крутит, что сам чёрт разберёт), так теперь можно заняться и вопросом Вашего приезда в Австралию. Кто из вас в первую очередь хочет приехать, это Вы решайте сами. Все Вы одинаково дороги для меня.

Требовать и оформлять приезд это Вы уже будете сами,

там в Москве есть наш **консулат** или как там, там и оформляйте, я абсолютно делать ничего не могу и по некоторым пока мне одному известным причинам не хочу. Все расходы по приезду я полностью до одной копейки беру на свой счёт. Жилплощадь, если сейчас, могу обеспечить большей, чем Вы имеете (имею отдельный кирпичный дом на четыре **bedрум**, то есть спальни), и хотя он сейчас **"for sale"** (продается), но это не беда, так или иначе я всем обеспечу, за это Вы не беспокойтесь, но оформление приезда берите, пожалуйста, на себя - я не могу.

Пишите свои соображения.

Целую крепко, Tato."

Да, это действительно глобальное предложение. А если действительно, плюнуть на свои безрезультатные попытки организовать сносную жизнь под шатром социализма и рвануть в мир чистогана и ложных ценностей?..

Отец зовёт и можно воспользоваться сказочным шансом...

Ведь, в сущности, ничего не получилось за истёкшие после отъезда из Запорожья четыре года. Ни семьи, ни достойного дома, ни уважаемой спокойной работы. Ничего, что могло бы держать и не пускать. Единственное – мама. Вряд ли она попадает в число приглашённых, а если останется одна в Совке, то как будет здесь барахтаться САМА?..

10 сентября 1976 года

Привожу полностью мамино письмо:

"Дорогие мои дети!

Получила телеграмму 2/9 от Вас, очень была рада за поздравление, а больше никто меня не поздравил. Послала Вам три посылки, но о них от Вас никаких известий, как будто это просто улетело в космос...

Дела у меня с обменом обстоят так: то соседям не нравится, то обменщику, и так без конца, а сейчас есть обменщик, думает и никак не решит, на чём ему остановиться. Если он откажется, то я думаю на нем поставить точку, и всё брошу и приеду к Вам на 5 месяцев - хорошо? Я написала письмо в Медвежань, но ответа никакого, вероятно, там обмена уже тоже нет, нужно было поехать весной, как я писала, и т. д. Значит, зимой будем искать в Топких Колтунах обменщика и т. д., другого выхода пока нет.

Я просила тебя помочь устроиться на ТопАЗ Славику (зятю Клименко), но от тебя хотя бы два слова можно дожидаться? Люди очень ждут ответа, а ты как будто первый раз слышишь, неужели тяжело написать тебе письмо. Это очень хороший парень, краснеть за него не будешь, я тебе в этом ручаюсь. Раз я так говорю, я никогда в людях не ошибаюсь.

Теперь сто раз прошу адрес на книги, ведь когда я уеду, и книги пропадут - тоже как будто пишу в космос.

Пусть Наточка напишет, как ездила в Москву? Что реальное купила? Как цветы? Как настроение? Что пишет Ксения и её мама? По слухам, они будут в Москве до 15/9, а потом поедут то ли в Ленинград, то ли в другой город, а потом в Запорожье на полгода и т. д.

Помоги устроиться Славику, очень тебя прошу, это имеет большое значение по нашим делам и т. д.

Я решила (наметила) выехать из Запорожья 20/X, буду ехать поездом, билет стоит из Запорожья до вашей станции Метельная 19 р. 40 к., так что все самолеты отпадают - такая

экономия! А я лезу на самолет!

Тот обменщик, что думает, если с ним сойдемся, даст мне взамен однокомнатную квартиру, 1-й этаж, 15 мт, на Бабурке в 9-ти эт. доме возле самой остановки автобуса и т. д.

Как Ваше здоровье обоих? Как питание? Сейчас я принялась готовить Вам четвертую посылку, там тоже будет сухофр. и варенье. Приготовила синие баклажаны - привезу с собой.

Цены здесь на рынке: картофель 0-70, 0-80 копеек за кг, яблоки хорошие – 0-70, 0-80, груши 0-70, 0-80, арбузы 0-30, помидоры 0-30, 0-40, 0-50 и 0-60 и т. д.

В магазинах с продовольствием есть всё, но пишите конкретно, что Вам отправить в посылке? Ящики посылочные не выбрасывайте, соберите их на балконе, они мне будут нужны.

Жду подробное письмо от Вас, целую крепко, крепко - М и Б.
5/9

В предыдущих письмах я писала за Володю, там он будет месяц в Топтунах, это зять Славика по сестре, но он нам не нужен. Понятно?

Квартира ваша с подселением - ещё никого Вам не заселили? Я так всем говорю. Очень интересовалась Павловна, я ей объяснила, что это за подселение, так следует и всем остальным разъяснять, чтоб было понятно. Она и успокоилась и т. д. Мама.

За то, что Вы неаккуратно отвечаете на мои письма, я начинаю нервировать.

Целую, М и Б".

Дневник:

15 октября 1976 года

Сегодня получил странное письмо от незнакомой женщины из Москвы:

"Уважаемый Семён Станиславович! Мы получили письмо с Австралии, в котором просят сообщить, что Ваш отец Станислав Степанович очень болен, сделали ему операцию, после которой ему не получало. Подробностей я не знаю, он лежит, где, я не знаю, видимо, дома, его навещает наш отец, он же и просит вам сообщить. Вот всё, что я могла написать.

С уважением, Людмила А. А. 5/X 1976 год.

Может я не так написала, с пропусками, надеюсь, Вы поймёте".

Писем от папы давно нет, и такое сообщение полностью выбило меня из колеи. Срочно пишу ему письмо. Если может, должен ответить хотя бы двумя словами. Я из-за железного занавеса просто так сесть в самолет и полететь не могу.

05 ноября 1976 года

Пришла краткая поздравительная писюля от папы:

"21.10.76.

Дорогие Анна, Сеня и!

Горячо поздравляю с Шестидесятой годовщиной Октября.

Как всегда шлю самые лучшие пожелания.

Целую: Станислав, Tato, Diedo."

Странно, годовщина всего лишь 59-я, а отец поздравил с 60-й... Хохма?.. Или завихрения?.. И кого он имел ввиду после "и"?..

16 декабря 1976 года, в канун Нового года, я и Ната ещё получили по письму от папы и деда.

"6.12.76.

Дорогая Наточка!

*Твои письма и фотоснимок получил. Спасибо. Ты хорошая девушка и фото "твоего производства" неплохое. У меня к тебе просьба. Прилагаю здесь один **Австралийский доллар** (не могу больше, ибо не знаю, можно ли посылать деньги). Купи за него фильм (ф/пленку) и сделай фотоснимок с бабушки Анны Николаевны и пришли мне. Вот пока всё. Поздравляю с Новым 1977 годом. Желаю хороших успехов в учебе и вообще всего хорошего.*

Целую крепко, Diedo.

P.S. Доллар № В44 064162".

Самое странное, что доллар благополучно дошёл до адресата. Дед Станислав большинство своих писем посылает незаклеенными, объясняя тем, что лизать клеенесущие кромки конвертов для увлажнения клея и последующего заклеивания конверта крайне вредно, мол, сколько там патогенных микробов.

На самом деле, он облегчает работу гэбистов, имонающих переписку, не давая им возможности кромсать конверты как заблагорассудится. Не заклеил и в этот раз. Однако доллар, вложенный в середину вчетверо сложенного листка письма, так и приехал благополучно Наточке на подарок к Новому году...

"6.12.76

Дорогой Сеня!

Письма твои получил (только два, одно сразу по операции, а одно пару недель назад). По всей вероятности ты и не писал больше, ибо твои письма не могли пропасть, ведь они заказные. Другое дело, мои могли пропадать, ибо я посылаю только простые (заказные здесь стоят очень дорого - 2-45). Я имею много неприятностей, но мама тебе расскажет. Поездку ко мне останови. Если здоровье (наверяд!) поправится, я сам приеду. Сейчас курю сигареты "Столичные", мой приятель ездил в Мелитополь на 1,5 месяца и привез мне гостинца с Родины. Сигареты хорошие, не то, что папиросы. Папиросы чепуха, там курить нечего, потянул два раза и готово. Почему ты должен приостановить поездку ко мне, я напишу следующий раз. А пока целую крепко, Tato. Пиши".

Вот и заканчивается бестолковый 76-й! Прошло 12 месяцев. Это были месяцы упорного труда, в результате которого на ТопАЗе собрано 5,0 тысяч автомобилей и двигателей в процессе пуско-наладки.

В Управлении у Сербы всё по-прежнему - нет ни помещёния, ни связи, ни транспорта - ровным счетом, никаких улучшений, которые бы способствовали нормальной работе УСП.

Н. В. Антонов претерпел некоторую эволюцию чисто внешне - стал меньше хамить, выработал какую-то более высокой пробы изворотливость, но как производительник работать не научился, остался на своём кременчугском уровне.

Приходится констатировать факт, что Виктор Лях остался и. о. до сих пор. А ведь годы идут. И он решил возвращаться в Запорожье, где, по крайней мере, теплее...

У Сербиных друзей произошли изменения в личной жизни.

Толя Гришин женился на милой Надежде Галочкиной - взял жену с дочкой Светланой. Девочке 14 лет, как и Нате, и она тоже учится в 8-м классе.

У Виктора жена Света родила мальчика - назвали Васей в честь деда.

Фиксанов и Балашова укатили в Запорожье - не выдержали борьбы за жизнь в Топтунах. Маня Балашова родила-таки своему сожителю Юре Фиксанову сына, которого тоже в честь соответствующего деда назвали Василём (совпадение!).

В личной жизни Семён пока что не преуспел. Было много всякой борьбы и с Антоновым, и с самим собой.

В первых числах мая Семён совсем было собрался жениться на Любани. Она приехала, отпросившись по его телеграмме с работы, и они даже подали заявление в ЗАГС, но потом у Любы, под нажимом мамы и некоторых других обстоятельств, характера не хватило, и она "сошла с дистанции".

С некоторых пор Гришин со своей новой женой упорно знакомят Семёна с "перспективной" женщиной, с Раисой Лобковой, о чём, возможно, напишем позже, когда будет больше свободного времени...

Декабрь шустро и весело покатыл по снегам, суля аборигенам Топтунов премиальные не только за трудовые подвиги, но и просто за регулярное появление на рабочем месте. А за дежурство в ДНД так ещё и три дня дополнительного отпуска!..

Всё идёт однообразно и точно, как часы. Утром на работу, вечером – домой в новенькую девятиэтажку. Лёгкий ужин. Программа "Время". Пять минут полистать газеты. Везде Леонид Ильич. Дорогой и любимый. Иногда, под воскресенье, если у начальства не возникло порыва вывести людей в выходной на

приборку складов или разгрузку вагонов с шинами, можно полчаса послушать вражеские голоса на коротких волнах.

И в субботу 25 декабря как раз выпала такая возможность послушать, что в мире делается, и сравнить с нашим бла-бла-бла...

Что запомнилось, а потом об этом заговорила вся страна, это как неделю назад, 18 декабря в Швейцарии удалось обменять политзаключённого Владимира Буковского на Луиса Корвалана, генсека разгромленной Пиночетом компартии Чили... И сразу отозвался народ – *обменяли хулигана на Луиса Корвалана...*

Сербу, как несостоявшегося астронома-любителя, заинтересовали и материалы “Голоса Америки” о **примарсианивании** двух Межпланетных исследовательских станций Викинг-1 и Викинг-2, успешно вышедших летом на орбиты вокруг Марса и успешно посадивших на его поверхность исследовательские аппараты. Это – настоящий прорыв!

В конце года произошло несколько событий хоть и топтунского масштаба, но они получили отражение во всесоюзных средствах массовой информации. Например, 28.12.76 массовым митингом на автосборочном заводе ТопАЗа отмечена сборка 5.000-го автомобиля. Конечно, все главные действующие лица УСП там были - Виктор, Миша Красивчук (Миха, правда, немного опоздал в связи с задержкой прилёта самолёта), все начальники отделов и много, человек 12, сотрудников УСП **второго эшелона**, как сказал бы Фима Шумахер.

Первым сошел с конвейера пятитысячник тягач 5460, затем два самосвала 5561 и одна бортовая 5360. Таким образом, была показана гостям и прессе вся гамма моделей наших автомобилей, выпускаемых в настоящее время. На следующий день, 29-го, состоялся партхозактив в ДК "Строитель", на котором от УСП

были только Антонов и Лях (как парторг). С Виктором потом разговорились об этом заседании, Семён спросил, не видел ли он Раису Лобкову, заведующую общим отделом горкома партии. Хотел узнать мнение Виктора об этой штучке. Но тот её не приметил или не обратил внимания, так как раньше, бывая в горкоме, не знал, что Семён с ней знаком. Хотя на активе, если бы присматривался, мог бы её рассмотреть, – она там была поминутно на виду, о чём похвасталась Сербе по телефону ...

Теперь о конце года. 30-го на автосборочном опять был многолюдный митинг, посвященный сдаче в эксплуатацию первой очереди ТопАЗа с мощностями на 75,0 тыс. автомобилей и 115,0 тыс. двигателей.

Дело, которому все топазовцы посвятили по несколько лет, начинает обретать зримые черты. Этот митинг был, правда, не таким приподнятым, как 16-го февраля 76-го, но тоже всё получилось красочно и хорошо.

V. 30.04.2012

Уважаемые читатели!

Вы прочли первую, "журнальную" версию романа. Полностью прочитать роман в бумажной форме можно будет, приобретя его в международной торговой сети "АМАЗОН" с 10 мая т. г.

www.amazon.com Срок доставки - 10 дней. Спасибо!